

В. Б. П О П О В

**Антропосоциетальный Универсум:
многомерная эволюция**

Монография

**Ростов-на-Дону
Фонд науки и образования
2019**

УДК 124/129: 316.3
ББК 87
П58

Подготовлено к печати и издано по решению Ученого Совета Луганского национального университета имени Тараса Шевченко
Протокол № 9 от 26 апреля 2019 г.

Р е ц е н з е н т ы:

- Муза Д.Е.** – начальник научного отдела ГОУ ВПО ДНР «Донецкий педагогический институт», доктор философских наук, профессор.
- Андриенко Е.В.** – профессор кафедры философии ГОУ ВПО ДНР «Донецкий национальный университет», доктор философских наук.
- Атоян А.И.** – профессор кафедры документоведения и технотронной информации ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», доктор философских наук.

П 58 Попов В.Б. Антропосоциетальный Универсум: многомерная эволюция. Монография / Василий Борисович Попов. – Ростов-на-Дону: Фонд образования и науки, 2018. – 416 с.

ISBN 978-5-907231-24-5

Книга посвящена проблемам социальной философии на основе концептуального сопряжения ряда постнеклассических направлений социальнофилософского познания, таких как универсальный эволюционизм, тоталлогический и многомерный подходы. Общественная эволюция исследуется в многомерном континууме, образовавшегося в результате взаимодействия линейных и нелинейных форм социодинамики, синхронной и диахронной процессуальности. Антропосоциетальный Универсум, тем самым, выступает как предельная саморазвертывающаяся n-мерная полнота человеческого миробития.

Книга адресована философам, историкам и социологам, всем интересующимся социальной эволюцией, общей теорией эволюции, теорией и методологией исторического процесса.

© Попов В.Б., 2019

© ЛНУ имени Тараса Шевченко

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
РАЗДЕЛ I. ТОТАЛЬНОСТЬ, МНОГОМЕРНОСТЬ И НЕЛИНЕЙНЫЙ ЭВОЛЮЦИОНИЗМ: ПОПЫТКА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОПРЯЖЕНИЯ	15
ГЛАВА 1. СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ТОТАЛЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ОСМЫСЛЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ	15
5	
1.1. Генезис тоталлогических воззрений в общественной мысли от античности до немецкой классической философии (протоклассический период).....	15
1.2. Классические тоталлогические концепции: немецкая классика - ортодоксальный марксизм	199
1.3. Неклассические тотализационные концепции	399
1.4. Постнеклассический период развития тоталлогических представлений.....	64
ГЛАВА 2. ГЕНЕЗИС МНОГОМЕРНОГО ПОДХОДА И ЕГО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ	71
ГЛАВА 3. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ	95
3.1. Предпосылки генезиса эволюционной теории: от античности до Нового времени	95
3.2. Классический эволюционизм: общее и особенное.....	102
3.3. Кризис классического эволюционизма: новые проблемы и пути их решения (неоэволюционизм и его альтернативы).....	121
3.4. Постнеклассика. Эволюционизм: итоги и перспективы.....	154
РАЗДЕЛ II. АНТРОПОСОЦИЕТАЛЬНЫЙ УНИВЕРСУМ/МУЛЬТИВЕРСУМ И СОЦИЕТАЛЬНАЯ МНОГОМЕРНОСТЬ:	

ПРЕДЕЛЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ПОСТКЛАССИЧЕСКОГО КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СИНТЕЗА.....	182
ГЛАВА 1. ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТИНУУМ АНТРОПОСОЦИЕТАЛЬНОСТИ.....	182
ГЛАВА 2 АНТРОПОСОЦИЕТАЛЬНЫЙ УНИВЕРСУМ: ХРОНОТОПЫ КОНТИНУАЛЬНОСТИ.....	203
ГЛАВА 3. СТРУКТУРЫ АНТРОПОСОЦИЕТАЛЬНОСТИ.....	225
5	
ГЛАВА 4. ОБЩЕСТВЕННАЯ СФЕРА И ПОДСИСТЕМА В СИСТЕМНОМ И ТОТАЛЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДАХ.....	236
РАЗДЕЛ III. МНОГОМЕРНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ	260
ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ: ДВИЖЕНИЕ/ИЗМЕНЕНИЕ/РАЗВИТИЕ.....	260
ГЛАВА 2. ТЕОРИЯ ОБЪЕМНОЙ ЭВОЛЮЦИИ.....	28080
2.1. Методологические проблемы всемирно-исторического процесса ...28080	
2.2 . Синхронность и диахронность общественной эволюции29695	
2.3. Тоталлогические социетальные формы как эволюционный концепт.....	319
ГЛАВА 3. ОБЩЕСТВЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И СОЦИЕТАЛЬНАЯ ПЕРЕХОДНОСТЬ В МАКРОЭВОЛЮЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ.....	326
ГЛАВА 4. НЕЛИНЕЙНЫЕ СОЦИЕТАЛЬНЫЕ ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ.....	346
46	
4.1. Феномен астадиальности в процессе общественной эволюции.....	346
46	

4.2. Превращенные формы в структуре нелинейных эволюционных процессов.....	362
61	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	370
70	
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	385
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	370 86
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	414

ВВЕДЕНИЕ

Крах линейно-детерминистических попыток осмысления мироздания затребовал более сложные модели познания действительности. Переход к постнеклассической парадигме оказался неоднозначным и разноуровневым в различных когнитивных континуумах и уровнях. В конце XX века казалось, что наиболее адекватным макроконцептуальным подходом будет последовательная борьба с логоцентризмом и метафизикой, деконструкция тотализирующих категорий и т.п. – словом, все то, что обычно именуется постмодернистской парадигмой. Однако к началу следующего века вполне определенно выявилась предельность подобного видения, превращающая мироздание в бессвязный конгломерат замкнутых сегментов, тем самым, закрывая дорогу к новому уровню познания. В этой связи принципы плюрализма оказываются столь же беспомощны, как и догматы абсолютизированного детерминистического монизма. Необходим качественно новый категориальный аппарат, в полной мере соответствующий многомерной и стохастичной Вселенной.

Вновь затребуемым оказывается положение о том, что нет мироздания и развития самих по себе, а есть развивающееся мироздание. Поэтому неизбежным, как нам представляется, будет очередное возвращение к идеям макроэволюционной теории, казалось бы, уже окончательно деконструированной

постмодернистской иронией. Это уже должен быть эволюционизм постнеклассического типа, базирующийся на известном ренессансе идей номогенеза и холизма, соединенных с принципами нелинейности и стохастичности. Научно-философская мысль в ее разных направлениях в той или иной мере приходит к осознанию того, что целостность/тотальность мироздания как таковая представляет движущую и направляющую силу любого развития. Вне подобного феномена движение/развитие невозможно.

Так, в биологической науке все более распространяется теория экосферной/экосистемной эволюции, (ЭТЭ), где последняя мыслится как преобразование целостностей в виде экосистем на всех уровнях и координация всего живого в составе единого целого. Сходные моменты прослеживаются и в глобальном эволюционизме (Н.Н.Моисеев и др.), все же в своих базисных концептах опирающегося в первую очередь на биологический эволюционизм.

В социальном познании один только феномен глобализации подталкивает к целостному видению общественной реальности. Уже достаточно отчетливо выдвинуты методологемы так называемого Нового Универсализма (М.А.Чешков), базирующиеся на сопряженном видении глобального и локального, которые встроены друг в друга, совместно с идеями движения, развития, изменения, . разворачивающиеся одновременно и взаимонеобходимо. С этим перекликается и концепция «глобального производства различий» Р.Робертсона.

В синергетике все настоятельней звучит мысль о необходимости имплементации в нее идей холизма, без чего исследование процессуальности быстро сведется к набору общих банальностей. Особые надежды здесь возлагаются на принцип аутопоэзиса/автогенеза. Наконец, в философской мысли представлен новый вариант холизма – тоталлогия (В.В.Кизима), обладающая солидным эвристическим потенциалом, в полной мере раскрыть который возможно, на наш взгляд, через его соединение с идеями глобального эволюционизма.

Исходя из всего этого, необходимым представляется параллельное изучение теории эволюции в ее основных направлениях (естественно-научное, историко-социологическое и философское). Задачей подобного исследования будет не построение единой всеобъясняющей метатеории, базирующейся на непреложных универсальных законах в духе всеобщего эволюционизма Г.Спенсера (это видится невозможным в принципе), а концептуальное осмысление круга общих проблем, с которыми в рамках того или иного дискурса сталкиваются данные направления. Это позволит соединить принципы направленности и закономерности эволюционного процесса на глобальном (онтологическом) уровне со стохастичностью его протекания в его различных измерениях.

С этой целью предлагается задействовать понятие «многомерность», находящееся в стадии концептуализации (решающие шаги в данном направлении проделаны В.Л.Алтуховым). Оно позволит отразить многообразие, неисчерпаемость мироздания через бесконечное множество измерений, как его «срезы» по определенному основанию, в соответствующей системе координат, что также может быть использовано применительно к социальной реальности. Тем самым предлагается концептуальный синтез понятий «социальная тотальность»/«социетальность» (полнота, целостность, всеобщность), развернутый до уровня социоантропосферы, что дает уже Антропосоциетальный Универсум с многомерностью его сущностных проявлений – измерений Антропосоциетальности. Разработка общей теории многомерности станет одной из задач нашего исследования. Перспективным подходом в данном направлении является использование ипостасной модели, доселе разработанной лишь в теологии (феномен тринитарности). Свое применение теория многомерности должна найти в изучении единства структурности (социетальная многомерность) и процессуальности (многомерная общественная эволюция).

Данный концептуальный синтез не является синтезом в его классическом понимании, то есть сведением разнородных элементов в некое единое целое (систему) с общими принципами, закономерностями и т.п. Имеется в виду

сопряженное развертывание сразу нескольких методологием, научных направлений, подходов с целью выявить общие поля соприкосновения, взаимопереходы – словом некие диффузные континуумы, где узкоспецифические закономерности приобретают более широкое значение и могут быть сопоставлены со смежными. Подобная концептуальная сопряженность может быть обозначена как концептуальная связка (термин «связка» используется нами с учетом усилий М.А.Чешкова, направленных на его эвристическое приращение). Сходная ситуация уже известна в науке (корпускулярно-волновая теория света). Здесь же сопрягаются не только противоположные, но и смежные парадигмы. Это выводит нас на методологические ориентиры для изучения новой социальной реальности с нелинейной, «текучей» природой, когда нетождественные, а порой взаимоисключающие друг друга параметры и характеристики «перетекают» друг в друга наподобие вышеназванной глокализации, комбинируются в сложные многоуровневые структуры или сосуществуют в разных измерениях (ипостасях).

Исходя из данного положения мы, например, можем допустить, что цивилизационный континуум российского социума может одновременно выступать и как западный, и как восточный, и как евразийский, что, может быть, снимет остроту дискуссии между данными концепциями, базирующимися на принципе взаимоисключения. Точно такая же ситуация складывается вокруг пресловутой дискуссии между цивилизационным и формационным подходами, которая в своем классическом виде должна уйти в прошлое вовсе не потому, что оба метанарратива деконструированы постмодернистским элементаризмом с его микроподходами, а потому что полемика между ними окажется столь же немислимой, как и противостояние между ньютоновской и эйнштейновскими парадигмами за право считаться единственно верным учением.

Общее состояние проблематики данного круга можно охарактеризовать как изолированность и разорванность целого ряда смежных исследовательских направлений, что особенно характерно для эволюционной парадигмы, где естественно-научное/биологическое, социологическое/историологическое и

философские направления развиваются без всякого концептуального взаимодействия, а попытки использовать материалы «смежников» носят скорее иллюстративный или теоретический ограниченный характер. Точно так же, постулируемое целым рядом авторов понятие «многомерность», чаще всего используется в метафорически-образном отношении. Даже там где данная категория несет определенную эвристическую нагрузку, оно применяется как вспомогательное средство, позволяющее раскрыть те или иные стороны авторской концепции. Попытки философско-методологического осмысления здесь находятся еще в стадии становления. Аналогично развивается ситуация в постнеклассической версии холизма (тоталлогический подход), иногда противопоставляемый эволюционизму и слабо распространенный применительно к обществу. Отсюда понятие целостности/полноты/всеобщности оказывается исключительно монополизировано системным подходом как единственно возможным способом осмысления общества. Претензии синергетики на универсальный концептуальный синтез, на наш взгляд, далеко не в полной мере подкреплены философско-методологической базой по целому ряду направлений, нося либо чисто описательный, либо декларативный характер. Ранее нечто подобное происходило с Общей теорией систем (ОТС), чьи первоначальные широковещательные заявления ныне рассматриваются довольно скептически.

Возможности продуктивных концептуальных связей нам видятся в следующих областях. Первая лежит в междисциплинарном исследовании макроэволюционных процессов в основных формах его проявления, что и дает выход на изучение эволюции как целостности, тотальной взаимосвязи линейной и нелинейной процессуальностей.

Исходный эпистемологический континуум - биологическая теория эволюции (БТЭ) как наиболее продвинутый вариант эволюционизма. Но и здесь неodarвинизм – Синтетическая теория эволюции (СТЭ) в лице Н.Н.Воронцова, А.В.Яблокова, А.Г.Юсуфова и пр., достигнувшая состояния, в чем-то близкого к

гомеостазису, просто не замечает возражений своих оппонентов, среди которых наиболее обоснованными нам представляются работы Ю.В.Чайковского, В.И.Назарова, А.Лима-де-Фариа, К.Р.Холпайка и др. В рамках ЭТЭ предложена попытка широкого междисциплинарного синтеза от биологии до лингвистики, термодинамики и философии (Ю.В.Чайковский), представляющаяся нам наиболее перспективным направлением развития Общей теории эволюции (ОТЭ). Свой концептуальный синтез представлен в теории Глобального эволюционизма (Э.Янч, Н.Н.Моисеев, А.Д.Урсул, А.П.Назаретян и др.). Структурообразующими им видятся синергетические подходы, применяемые к макроэволюционным биологическим процессам с выходом в ноосферную проблематику. Весьма интересный синтез теории информации, генетики и биологической теории эволюции осуществлен В.А.Кордюмом.

Далее, свои возможности для макроэволюционного синтеза предоставляет теория исторического процесса. Для нашего исследования наиболее значимым видится распространение концепции многообразия форм эволюционной динамики, известной в БТЭ еще со времен А.Н.Северцева, на теорию общественной эволюции, предпринятая еще в конце 80-х гг (И.Н.Ионов, Я.Г.Шемякин), а впоследствии в более развернутом виде – А.В.Коротаевым и Л.Е.Грининым. Идеи вариационизма, до сих пор наиболее обстоятельно изложенные в контексте БТЭ К.М.Завадским и Э.И.Колчинским, также могут быть применены для изучения эволюции механизмов общественной детерминации.

В русле традиционалистской философии разработка ОТЭ не получила существенного развития, обычно предпочтение оказывалось классическим проблемам соотношения движения, развития, изменения и т.п. Куда больший прогресс наблюдается в отдельных ее ответвлениях, развивающихся на стыке философии/диалектики, информатики, термодинамики, общей теории систем и т.д. (В.Н.Костюк, С.Д.Хайтун, Ю.А.Урманцев и др.). Кстати, именно последним была предпринята во многом плодотворная попытка построения эволюционики

как ОТЭ. Попутно отметим, что другой вариант наименования ОТЭ – «эволюциология» (В.И.Бодякин) нам представляется более удачным.

Важным рубежом в развитии философской (и не только) мысли стала тоталлогия В.В.Кизимы, представляющая собой, вопреки мнению автора, постнеклассический вариант холизма. Наиболее перспективным движением в данной отрасли нам видится (опять-таки вопреки мнению В.В.Кизимы) ее соединение с постнеклассической эволюционной теорией. Об этом заявляют и приверженцы синергетического подхода (Е.П.Князева и С.П.Курдюмов). Концептуальный синтез тоталлогии и социальной философии открывает новые горизонты в изучении общества как целостности, тотальности – отсюда концепция социальной тотальности/ социетальности – Антропосоциетального Универсума.

Следующая концептуальная связка усматривается нами через соединение эволюционной социальной тоталлогии с многомерным подходом (еще раз отметим работы В.Л.Алтухова, а также известные усилия в этом сегменте были предприняты Г.С.Пак, В.Ж.Келле, М.А.Дрюк, Ф.В.Лазаревым и некоторыми другими исследователями). Наиболее оправданным, на наш взгляд, будет изучение феномена многомерности в рамках ипостасного подхода, разрабатываемого в рамках теологии тринитарной проблемы, актуализированной в русской религиозной философии и перенесенной на феномен человека (П.А.Флоренский, С.Н.Булгаков, Л.П.Карсавин, Н.О.Лосский). Первые три, принадлежа к философии всеединства, дают возможность сопряженности ипостасности и всеединого. Работы С.Л.Франка осуществляют выход на проблему социальной целостности. Лейбницианские подходы к проблеме общего, особенного и единичного развивают отмеченные нами Н.О.Лосский и Ж.-Л.Нанси. В отечественной историографии проблематика данного круга заметно актуализирована Г.С.Померанцем, Б.В.Раушенбахом, а в последнее время и Я.Г.Шемякиным.

Многомерный подход имеет достаточно точек соприкосновения с исследованиями в области объемных социальных моделей – социально-исторического пространственно-временного континуума как развертывание общества в пространстве/времени (А.Н.Лой, П.Сорокин, П.Бурдьё, А.Ф.Филиппов и др.). Сходные моменты прослеживаются и в мир-системном подходе (Ф.Бродель, И.Валлерстайн), где последний все же делает определенный крен в сторону исторического пространства, что, на наш взгляд, несколько упрощает картину и ведет к более плоскостному видению социальной динамики. К аналогичным последствиям приходит и обратный приоритет времени над пространством (традиционная точка зрения отечественной историко-философской мысли, в частности, М.Я.Ковальзона, Р.И.Эпштейна и др., в западной в этом плане наиболее показательна точка зрения П.Сорокина). Тезис о том, что само понятие пространственно-временного континуума препятствует односторонней абсолютизации как времени, так и пространства (С.Н.Бардонов, А.Ф.Филиппов), не столь распространен в историографии.

Итогом данной работы будет концептуальное сопряжение следующих теоретико-методологических конструктов: всеобщности и целостности человеческого миробития (Антропосоциетальный Универсум), общей теории многомерности – многомерность в структурах социетальности и нелинейный эволюционизм (многомерная общественная эволюция). В случае успешного выполнения поставленной цели можно будет обозначить самые общие контуры Антропосоциетального Универсума как саморазвертывающейся многомерной социальной реальности.

Раздел I

ТОТАЛЬНОСТЬ, МНОГОМЕРНОСТЬ И НЕЛИНЕЙНЫЙ ЭВОЛЮЦИОНИЗМ: ПОПЫТКА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОПРЯЖЕНИЯ

ГЛАВА 1. СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ТОТАЛЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ОСМЫСЛЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

1.1. Генезис тоталлогических воззрений в общественной мысли от античности до немецкой классической философии

Становление понятия «тотальность» в качестве одной из макрокатегорий философского анализа действительности отличается заметным своеобразием. Оно происходит в русле самой потребности мышления в некой завершенности, в поиске всеобщей связи явлений. Целостность сознания даже чисто интуитивно подводит к мысли о распространении подобного феномена уже на онтологический уровень. Идея целого тем самым возникает на предрассудочном уровне и даже в чем-то сходна с ощущениями высших животных о превосходстве человека. Целостность эмпирических объектов, возвышаемая разумом, восходя в трансцендентность, упирается в идею единого начала мироздания.

Л.А.Гриффен, касаясь проблемы целостности Универсума, не без оснований говорит о том, что если понимать целое как продукт взаимодействия его элементов, то говорить о целостности Вселенной не приходится ввиду ее бесконечности, а указанное выше взаимодействие «по определению не может быть конкретно-всеобщим».¹ Действительно, все категории разума, имеющие «по определению» предельный характер, не могут отразить сущность бесконечного, о чем уже неоднократно говорилось еще со времен Платона, однако для этого и применяются понятия «Абсолют», «Универсум» и т.п., что может быть задействовано как раз для трансцендирования за рамки конечного, а подобное мышление вне понятия Единого/целого/тотальности просто невозможно.

Поэтому первая же натурфилософская мысль античности (Милетская школа) подняла проблему единства мира. Именно в недрах подобных интегральных категорий (Единое, целое, всеобщее, Абсолют и т.п.) следует, на наш взгляд, искать истоки понятия «тотальность», поначалу полностью растворенной в них (лат. *totalis*, франц., англ. *total*, нем. *totalitat*) – целый, полный, весь; ср. с фр. *le tout*, нем. *un tout*, различающиеся лишь смысловыми нюансами.

Вряд ли какая-либо философская работа обходится без этих категорий, но тем не менее, проблема целостности (категориальный статус тотальности в советское время негласно отрицался) как объект развернутого специального исследования тогда была весьма редким явлением, как с некоторым недоумением, отмечают И.В.Блауберг и Б.Г.Юдин в своей работе 1972 года². От себя отметим, что ситуация кардинальным образом не изменилась и впоследствии. В целом историографию по данной проблематике трудно назвать

¹ Гриффен Л.А. *Общественный организм (введение в теоретическое обществоведение)*. К., 2005. С. 77.

² Блауберг И.В. *Проблема целостности и системный подход*. М., 1997. С. 134–135.

обширной, помимо вышеназванной выделим еще ряд исследований¹. Об оживлении интереса к ней в последнее время свидетельствует сборник «Целостность в мире философии...»² и некоторые другие работы³. Неким итогом данного процесса стала концепция В.В.Кизимы, еще в 1993 г. выступившего со своим Постнеклассическим манифестом, идеи которого были развернуты в сборнике «Totallogy»⁴, а затем в последующих монографиях⁵. Им была представлена теория обновления трансформирующихся целостностей (тоталлогия)⁶, в основе которой лежит понятие новой постнеклассической тотальности. Сама же тоталлогия трактуется как учение о текущем взаимосоответствии онтологического и онтического моментов бытия, а тотальность определяется как характеристика полноты бытия, развертывающаяся в себе, но сохраняющая свое бытие полнота мира в каждой вещи и полнота каждой вещи в мире⁷. Не пересказывая всего того, что было сказано вышеназванными исследователями, постараемся обратить внимание на процессы категориального становления понятия «тотальность», ее вычленения из первичных категорий (Единое, целое).

Возникнув в ходе онтологизации космологических представлений античных философов, прежде всего в платоновской традиции (особенно последовательно в неоплатонизме), категория «Единого» свое дальнейшее развитие находит уже в христианской тринитарности как личностном начале. Разграничив сущность и ипостась (проявление, основание, сущность), у неоплатоников и перипатетиков

¹ Блауберг И.В. Проблема целостности в марксистской философии. М., 1964; Афанасьев В.Г. Проблема целостности в философии и биологии. М., 1964; Югай Г.А. Диалектика части и целого. Алма-Ата, 1965; Югай Г.А. Общая теория жизни. М., 1985, *Концепция целостности. Критика буржуазной методологии науки*. Харьков, 1987.

² *Целостность в мире философии и социально-гуманитарного знания. Материалы научн. конференции*. Липецк, 2011.

³ Шабанова Ю.А. Целостность как методологическая основа современной философии // *Філософія у сучасному соціумі*. Донецьк, 2013. Т. 1. С. 95–97.

⁴ Кизима В.В. Тоталлогические аллюзии // *Totallogy. Постнекласичні дослідження*. К., 1995. С. 20–105, 312–341.

⁵ Кизима В.В. Тоталлогия / В.В.Кизима. К., 2005; Кизима В.В. Социум и бытие. К., 2007.

⁶ Кизима В.В. Тоталлогические аллюзии... С. 20.

⁷ Кизима В.В. Тоталлогия... С. 3–4, 16.

слабо различимые, христианство связывает единство с божественной сущностью, равно присутствующей в каждой из ипостасей, которые оказываются тем самым единым и самостоятельным одновременно. Таким образом, принцип единства разворачивается по горизонтали, а не истекает сверху вниз, как в неоплатонической традиции, что дает новый подход к проблеме Единого.

Следующий этап генезиса проблематики целостности/Единого можно связать с Новым временем. В целом для мыслителей данного периода (Бэкон, Гоббс, Локк) преобладал суммативный подход к данной категории. Целое рассматривалось как сумма единичных объектов. Однако у того же Гоббса в воззрениях на природу государственности превалировал органицистский подход – достаточно вспомнить образ Левиофана.

И.В.Блауберг в этой связи особо выделяет воззрения Л.М.Дешана, структурирующего свою философскую систему вокруг понятия «целое» (*le tout*)¹. Целое мыслится им как Универсум, единое бытие, состоящее из разных сущностей. Универсум (универсальное целое), как единство всех своих возможных частей, не может быть частью чего-либо, всегда оставаясь тождественным самому себе. Напротив, частное целое не обладает существованием, отличным от своих частей в их совокупности. Здесь, как нам представляется, присутствует синтез двух подходов: суммативного и универсально-космического.

Весьма своеобразную позицию по проблеме единого и многого, части и целого занимает Г.В.Лейбниц. Г.Г.Майоров обращает здесь внимание на связь монадологии Лейбница с феноменом непрерывности, так называемым «лабиринтом континуума»². Всякое реальное целое может быть составлено только из реально существующих конститuent, то есть простых неделимых монад, которые как метафизические точки сливаются в феноменологическое пятно,

¹ Блауберг И.В. Проблема целостности... С. 33–36.

² Майоров Г.Г. Теоретическая философия Готфрида В. Лейбница. М., 1973. С. 158–160.

подобно тому, как непрерывная линия определенной длины может состоять из точек, по определению не имеющих величины. Идеальная целостность неопределенна в своих частях. Они также содержат неопределенные части, и так до бесконечности. Лейбницем был сделан вывод, что «линия прежде чем ее точки», а «целое прежде чем ее части»¹. Источником единства является Бог, определяемый им как высшая субстанция, первичное единство, не заключающее в себе никаких пределов².

В итоге весь вышерассмотренный период категориального становления проблемы тотальности от античности до немецкой классической философии нам представляется уместным обозначить как предтотализационный, где господствуют более общие категории (Единое, Целое, Абсолют и т.п.). В рамках же общего развития философского познания он является протоклассическим, как начальный период классического. Здесь сформировалось три основных подхода к понятию «единое/целое»: 1) Универсально-космический (античность), представленный платоновским и перипатетическим вариантами, различающиеся акцентами в сторону диалектического или формально-логического подхода. 2) Трансцендентно-личностный (тринитарно-ипостасный) – христианство. Едина здесь, прежде всего, божественная сущность. 3) Новоевропейский суммативный, механикоцентрический. В его рамках некоторым своеобразием отличается синтезная модель Дешана, и особенно многомерный лейбницианский концепт.

По проблеме целого и части к началу XIX в. сложились две методологические позиции, обычно называемые как механицизм/суммативизм и органицизм/холизм. Первое исходит из установки, что сложносоставное целое есть простая сумма элементов, множественность первична, а целое производно от нее. Органицизм/холизм же, напротив, исходит из установки, что целое первоначально, а элементы существуют только в его составе.

¹ Цит по: Майоров Г.Г. Теоретическая философия... С. 160.

² Лейбниц Г.В. Монадология // Антология мировой философии. М., 1970. Т. 2. С. 456–457.

1.2. Классические тоталлогические концепции: немецкая классика – ортодоксальный марксизм

Данный период – классический тотализационный – во многом связан с немецкой и марксистской классикой, хотя влияние иных подходов: органицистского эволюционизма Г.Спенсера, холизма Я.Смэтса, русской религиозной философии и некоторых других, представляется также весьма весомым.

Именно для последней проблема единого/целого стала лейтмотивом, помещенным в континуум христианской теологии и платонизма с известной примесью шеллингианства и гегельянства. В западной мысли данная проблема во многом связана с философией холизма (термин Я.Смэтса), близкий ему круг идей выдвигали С.Александр, А.Н.Уайтхед. К холизму также относят А.Мейер-Абиха, Дж.С.Холдейна, А.Лемана и др. Виталистический подход представлен прежде всего концепцией Г.Дриша, панпсихизмом Э.Гартмана, Э. Монтгомери и др. Интуитивизм А.Бергсона, христианский эволюционизм де Шардена и ноосферные идеи Э.Леруа также можно отнести к этой эпистеме. Естественно-научную версию ноосферы предложил В.И.Вернадский, кстати, весьма сочувственно отнесшийся к холизму Я.Смэтса и А.Уайтхеда¹. Целостность, раздвигаемая вглубь и вширь в своих структурных элементах, выступает как фундаментальная сущность всего сущего и в метафизике О.Шпанна.

Понятие целостности, единого вряд ли может считаться центральным пунктом философии Канта и Фихте, что отличает их от Шеллинга и Гегеля.

И. Кант касается проблемы органической целостности. По мнению И.В.Блауберга, подобный подход несет печать дуализма². С одной стороны, он исследует организм в парадигме механицизма, с другой – применяет

¹ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С.186–187.

² Блауберг И.В. Проблема целостности... С. 39.

телеологический принцип для осмысления организма как целого. Н.О.Лосский выражается еще более резко, утверждая, что система природы у Канта получается не путем органического творчества, а вследствие упорядочения со стороны рассудка. Такая система, по его мнению, носит мертвенный характер, нельзя представить мир, в котором не было бы органически целого, самодеятельного, изнутри развивающегося, а не только извне упорядоченного бытия¹.

Принцип тотальности, как полагают Дж.Реале и Д.Антисери, обособляется уже в «Системе трансцендентального идеализма» Шеллинга². Он присутствует, во первых, в тех местах, где проводится идея структурной и органической связи тождества с тотальностью вещей. Далее первоначальное тождество раскрывается в двойном феноменологическом ряде «потенций» с преобладанием либо субъективности, либо объективности, при этом оба эти начала присутствуют друг в друге. При этом тождество сохраняет свою тотальность при любой дифференциации. Принцип тотальности здесь усиливает понятие целостности, полноты, единства, где «бесконечное представляется объективным миром в целом и никогда не представляется его отдельным объектом»³.

В последующих работах Шеллинга идет категориальное приращение данного понятия. Универсум видится ему через понятие всеполноты, целостности как вечное единство бесконечного и конечного⁴. Это единство раскрывается Шеллингом через «абсолютную связь» как некую изначальную и абсолютную необходимость⁵. Вечность, необходимость и единство связи со связанным есть высшее выражение первого единства (абсолютного тождества). Универсум, то есть бесконечность форм, в которых утверждает саму себя вечная связь, определяется Шеллингом как действительная целостность, тотальность (*totalis*), как единство во множестве. Поэтому целостность требует единства и без него

¹ Лосский Н.О. Избранное. М., 1991. С. 354–355.

² Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. СПб., 2008. Т. 4. С. 52.

³ Шеллинг Ф.В. Сочинения. М., 1998. С. 628.

⁴ Там же. С. 870–871.

⁵ Там же. С. 872–873..

никак не может быть мыслима¹. В то же время «в действительной природе» все ее формы не обособлены, в своей всеобщности составляя единство, а в своей особенности развертываясь в «тотальность различий», одновременно вбираемых в единство и вечность своего самозерцания².

Анализируя все эти замысловатые извивы шеллинговской мысли, все же можно заключить, что хотя роль данной категории в системе тождества определенно возростала, но все же ее роль не вышла за рамки чисто вспомогательных конструкций. Тотальность уточняет принцип тождества через такие качества, как всеобщность, единство, всеполнота и тождество различий, показывая их предельность и завершенность.

Наконец, свое классическое проявление категория тотальности нашла в философии Гегеля. В этой связи хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что В.В.Кизима рассматривает ее генезис прямо с анализа гегелевских воззрений по этому поводу³. Тем самым создается впечатление, что категория тотальности внезапно и в целостном виде возникла у Гегеля вне всякой связи с предшествующим развитием философской мысли. По некоторым косвенным признакам можно заключить о наличии какой-то связи между гегелевской тотальностью и единым/целым у Платона⁴, но все же хотелось бы определенности. Вопрос о генезисе «классической» тотальности, ее связи и взаимоотношениях с «постнеклассической» нам представляется весьма немаловажным. Что здесь превалирует: разрыв или преемственность, а может быть, иные нелинейные соотношения? К сожалению, внятного ответа из работы В.В.Кизимы мы так и не получили.

Анализируя становление гегелевской системы, в целом можно утверждать, что мыслитель опирается на шеллингианские разработки, следуя в основном тем

¹ Там же. С.874.

² Шеллинг Ф.В. Сочинения... С. 885.

³ Кизима В.В. Тоталлогия... С. 20–21.

⁴ Там же. С. 32.

же путем. В частности, можно сразу отметить возрастание ее категориальной значимости на пути от «Феноменологии духа» (1807 г.) к «Науке логики» (1812) и далее – к «Энциклопедии философских наук» (1817).

В «Феноменологии...» тотальность как понятие отсутствует. Правда, неким первоконцептом здесь является положение о том, что на пути духа каждый момент этого движения есть «индивидуальная цельная форма», и рассматривать ее надо как «целое или конкретное, поскольку целое рассматривается в своеобразии этого определения»¹. Здесь явно указывается на взаимосвязь всеобщего, особенного и единичного в мировом эволюционном процессе. Отсюда полагаем, что конкретное по мере ее наполнения всеобщим приобретает все большую степень целостности, всеполноты, то есть тотальности в последующем значении данного термина.

Рассматривая гегелевскую систему, целый ряд исследователей отмечают то обстоятельство, что категории целого и части (как мы пытались показать выше, неразрывно связанные с категориальным генезисом понятия «тотальность») не трактуются подробно, характеризуются весьма поверхностно и не иллюстрируются конкретными примерами², никак, однако, не объясняя данную ситуацию. Все дело, видимо, в том, что целое как недифференцированное множество, в соответствии с гегелевской методологией, может быть раскрыто только опосредованно через связи и отношения. Здесь категория тотальности задает некую определенность содержанию Абсолюта, на что обращает внимание К.С.Бакрадзе³. В процессе генезиса своей системы Гегель дал более десятка его определений, и все они сводятся к следующим признакам. Тотальность – это истинное как конкретное, «развертывающееся в себе и сохраняющее себя единство», это есть целое «в ее особенной определенности»⁴. Оно есть всеобщее,

¹ Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб., 1992. С. 15.

² Гулиан К.И. Метод и система Гегеля. М., 1963. Т. 2. С. 596; Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVII – начала XIX века. М., 1989. С. 266.

³ Бакрадзе К.С. Избранные философские труды. Тбилиси, 1973. Т. II. С. 158.

⁴ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М., Т. 1. С. 100.

единое, «чьи различные члены суть также эта тотальность»¹. Это «нечто конкретное в себе завершенное самостоятельное»². Тотальность («целокупность») есть «полнота условий», «это содержание определенное и как нечто действительное и как возможное»³. Здесь полнота переходит в единство целокупности⁴. Когда Гегель говорит о тотальности, он в первую очередь имеет в виду тотальность понятия, наделяющуюся им субстанциональной мощью⁵. При этом всеобщее содержит в себе три момента: всеобщность, особенность и единичность, «объемля собой эти моменты»⁶. «Природа всеобщего состоит как раз в том, что оно такое простое, ... содержит внутри себя наивысшую степень различия и определенности»⁷. В итоге тотальность рассматривается Гегелем как целостность сторон противоречивого единства, где каждая сторона являет пример взаимопроникновения противоположных моментов, с их переходом друг в друга. Тотальность выступает у него и как фундаментальный принцип процесса познания, это видение предмета в целом во всем его многообразии («конкретная тотальность»)⁸.

Те признаки, через которые Гегель характеризует тотальность (целое, единое, единство противоположностей, полнота, завершенность, всеобщность, в единстве с особенным и единичным), так или иначе преломились в последующих попытках других авторов исследовать сущность данного феномена.

В итоге можно суммировать, что категориальное вычленение термина «тотальность» у Гегеля объясняется его стремлением показать абсолютное начало как единство всеобщего и конкретного, отразить все взаимосвязи между ними, все взаимодействия явлений, как внутренних, так и внешних, в их динамике. Абсолют

¹ Там же. С. 379.

² Там же.

³ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М., 1999. С. 612.

⁴ Там же. С. 673.

⁵ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М.: , 1974. Т. 1. С.341.

⁶ Гегель Г.В.Ф. Наука логики... С.673–674.

⁷ Там же. С.675.

⁸ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук... Т. 1. С. 321.

является объективной, конкретной тотальностью. Субъективное мышление образует тотальность понятия, тем самым отражая объективное. Абсолютное, единое, целое, абстрактное и конкретное, тотальность – весь этот категориальный ряд выступает как некий «перелив», переход понятий друг в друга со сменой тех или иных акцентов. Тем самым вспомогательное понятие, почти синонимичное по смыслу применяемым ранее (целый, полный, всеобъемлющий как единство всеобщего, особенного и единичного и т.п.), постепенно обособляется, концентрируя в себе всю эту массу смысловых оттенков.

Анализируя гегелевские воззрения на концептуальную природу тотальности, В.В.Кизима полагает, что она у него не стала центральной категорией. Гегеля интересовало не столько обновление, сколько развитие, не столько целое, сколько этапы, ступени и циклы, существенно отличающиеся друг от друга. Короче, эволюционизм с его линейностью и расчлененностью превалирует над тотальностью¹.

Здесь прежде всего хотелось бы отметить, что его противопоставление тотальности и эволюции выглядит весьма декларативно. Сам В.В.Кизима далее говорит об устранении линейного понимания эволюции представителями русской религиозной философии (прежде всего философией всеединства), о тотализационных подходах к эволюции и в зарубежной научно-философской литературе (А.Бергсон, С.Александр, А.Уайтхед и др.)². Этот список, на наш взгляд, нуждается в существенном расширении, о чем мы уже говорили³, но главное, конечно, не в этом.

Совершенно непонятно, зачем понадобилось вводить термин «обновление», которое не есть ни развитие, ни эволюция. В.В.Кизима применяет два последних

¹ Кизима В.В. Тоталлогия... С. 21–22.

² Там же. С. 23–27.

³ Попов В.Б. Социальная тотальность – социетальность в структуре классической и неклассической теории // Гілея. 2012. Вип. 58.

понятия, даже не обозначив соотношение между ними. Если это синонимы, как следует из текста, то все же об этом следовало бы заявить, поскольку подобная трактовка отнюдь не единственно возможная. При этом «обновление» приобретает у автора прямо-таки мистическое толкование (задействован метафорический образ Протея)¹, и совершенно неясно, какие реальные процессы имеются в виду. Получается, что за всем этим должно скрываться некое не эволюционирующее начало, вроде Абсолюта, Мирового Разума и т.п. Вот и появляется у В.В.Кизимы концепт о самодетерминации тотальности как о вселенской самоорганизующей силе, наподобии Ума Анаксагора². Что собой представляет эта сила остается непонятным, как и то, что же остается неизменным в процессе обновления тотальности. Сама же тотальность (постнеклассическая) противопоставляется платоновской целостности, и далее снова идут одни метафоры («тело», «туловище», «голова»)³.

Из всего этого представляется возможным сделать вывод о неправомерности противопоставления в философской мысли тотальности и эволюции, столь естественной в богословской, где Бог не эволюционирует. Для ее исследования в процессуальном измерении лучше всего задействовать те категории, чей эвристический потенциал не вызывает сомнений, а применение новых должно быть эпистемологически оправданным. Проблема соотношения «классической» тотальности с «неклассическими» нуждается в нелинейных подходах, скорее всего по принципу комплементарности. Здесь важнее всего определить гносеологические континуумы, где может быть задействован каждый из них, имея в виду, что оба они не в праве «отменить» друг друга.

Гегелевская трактовка тотальности стала тем исходным пунктом, отталкиваясь от которого, развертывался новый виток тотализационных представлений. Гегелевский универсализм, сам того не желая, востребовал

¹ Кизима В.В. Тоталлогия...С. 32.

² Кизима В.В. Тоталлогия... С.37.

³ Там же. С. 32.

«возвращение к истокам», в качестве которых зачастую выступала платоновская традиция, в разной степени христианизированная. Данная ситуация характерна прежде всего для русской философии всеединства. В западной религиозной философии, актуализирующей проблему целостности (здесь мы имеем в виду прежде всего метафизику О.Шпанна), помимо всего этого, была востребована и немецкая мистика в духе Мейстера Экхарта. В то же время гегелевский универсализм и панлогизм вызвали к жизни и ряд противоположных тенденций: иррационализм и позитивизм. Именно в рамках последнего тотализационные представления стали предметом настойчивой критики. Все эти направления, скорее, не «устраняли» классическую тотальность, а раздвигали новый эпистемологический континуум.

После трудов О.Конта и Г.Спенсера, как нам представляется, можно говорить об органицистской парадигме применительно к обществу как целостному образованию. Последний же работал в концептуальном континууме, отчасти сходным с дарвиновским. Отсюда Г.Спенсером были задействованы общие идеи (например, «борьба за существование»). Вот и пошло небезызвестное – «социал-дарвинизм».

В работах О.Конта понятие «социальный организм» окончательно покидает сферу образа и начинает наполняться категориальным смыслом¹. Данное понятие у него характеризуется некоторой двойственностью. С одной стороны, это продолжение биологического ряда, с другой – выражает сугубо человеческий способ общежития. Организм, как биологический, так и социальный, характеризуется «консенсусом». Под консенсусом О.Конт понимает общее взаимодействие, характеризующее любое живое тело². Причем это не заранее согласованное действие, а результат контактов, из которых складывается устойчивая взаимозависимость людей. Таковая понимается чисто объективно как

¹ *История теоретической социологии*. М., 2002. Т. 1. С. 83–85.

² Там же. С. 84.

всеобщая взаимосвязь целого и элементов в составе общественного целого (тотальности по Гегелю).

Взгляды Г.Спенсера на природу общества в целом развиваются в русле его представлений о целостности мироздания, составляющего предмет высшего объединенного знания (философия)¹. Общество как целостность рассматривается им по аналогии с целостностью органической, получив наименование «социальный организм» (см., например,²). Спенсеровская модель общества, по мнению А.Д.Ковалева, ближе всего к функционалистской теории³. По Спенсеру, сходство общества и организма можно свести к следующему. 1) Они, начинаясь с небольшого числа частей, оба увеличиваются в объемах. 2) Развиваются от простого к сложному. 3) Их части постепенно приобретают взаимную зависимость. 4) Жизнь и развитие общества независимы от жизни и развития какой-либо из составляющих его единиц⁴.

С другой стороны, различия между ними таковы. 1) Общества не имеют специфических внешних форм. 2) Индивидуальный организм, в отличие от общества, составляет сплошную массу. 3) Живые элементы индивидуального организма безотлучно остаются каждый на своем месте. 4) В теле животного только известный род тканей одарен чувствительностью, в обществе же все члены одарены ею⁵.

Сходство между обществом и организмом позволило Г.Спенсеру для его анализа применить категориальный аппарат биологической науки, порой доходя до натурализма (см., например,⁶). Общий вывод, к которому он пришел, заключается в том, что основные принципы и законы организации общества и организма в целом совпадают⁷. Однако, как указывается в литературе,

¹ Спенсер Г. Основные начала // Антология мировой философии. М., 1971. Т.3.С.610–611.

² Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Мн., 1998. С. 36,290.

³ История теоретической социологии... Т. 1. С. 263.

⁴ Спенсер Г. Опыты... С. 272.

⁵ Там же. С. 274–276.

⁶ Там же. С. 278–281.

⁷ Там же. С. 286.

попытки выделить абстрактные функциональные потребности для всех обществ дали весьма бедные результаты¹. Таково спенсеровское различие трех общественных систем органов: поддерживающей (питающей), распределительной и регулятивной. Его же анализ общественной эволюции (подробнее см. ниже) сводится к формуле адаптация + интеграция = адаптация к среде обитания. Хотя концепция социального организма у Спенсера не отличается определенностью, но его органицистский функционализм лег в основу многих функциональных теорий, прежде всего парсонсовской, где органицизм сменился системным подходом. Понятие органической и механической связи, рассматриваемой в диахронном измерении, стало концептуальной основой работ Ф.Тенниса и Э.Дюркгейма по проблеме социального целого. Органическое и механическое у них располагаются в прямо противоположной последовательности, но оба исследователя исходят из примата целого над частями. Ф.Теннис выражается здесь весьма определенно. Он идет от понятия органической целостности, где единство нельзя отделить от самого организма, а его индивидуальность лишь производна. При этом подобное единство может мыслиться только через отношение к своим частям². Социальное целое мыслится им как совокупность концентрических кругов, от наиболее всеобщего («совокупная человечность») до отдельного индивида³. Чем же задана данная цельность? По Ф.Теннису, в основе общности/общины (*Gemeinschaft*) лежит сущностная воля как совокупность сил, принадлежащих человеку, а общество (*Gesellschaft*) конституируется избирательной волей⁴. В конечном счете человеческий универсум есть совокупность межличностных взаимоотношений, совместная жизнь людей, изначально органическая, базирующаяся на естественном праве, а впоследствии – механическая, конечным пунктом которой является государственность.

¹ *История теоретической социологии...* Т. 1. С.264.

² Теннис Ф. *Общность и общество*. СПб., 2002. С. 191–198.

³ Там же. С. 263.

⁴ Там же. С. 273–274,279.

Антитеза общность – общество надолго стала генерализирующим концептом, вокруг которого формировались многие теории общественной целостности. Так, А.Ф.Филиппов отводит данной связке весьма важное место в теоретических построениях Т.Парсонса¹.

По мнению В.В.Кизимы, поворот к неклассическому пониманию тотальности во многом связан с понятием «всеединство», выдвинутым Вл. Соловьевым. Прежде всего, это вопрос о соотношении абсолюта и процесса в эволюционном движении, что ведет к представлению о целостности эволюции².

Философия всеединства базируется на идее всеобщей взаимосвязи, взаимопроникновения и в то же время взаиморазделенности всех элементов бытия. Космос в Боге становится Абсолютом. «Положительное всеединство» есть единство абсолютности и «иного», ею создаваемого. Хотя здесь нет традиционного для пантеизма отождествления Бога и мира, но Абсолютное немислимо без мира, что явно приближается к нему, что вызывает критику ортодоксальной религиозной философии, например, В.В.Зеньковского³. Принцип всеединства применяется Вл. Соловьевым и относительно человечества, которое есть универсальный и вместе с тем индивидуальный органический субъект исторического развития⁴.

Несколько иной вариант всеединства представлен в философии С.Л.Франка. Бытие есть всеединство, где все частное существует и мыслимо только через свою связь со всем иным⁵. Подлинный характер данного соотношения определяется им как «металогическое единство», как «конкретное, безусловно нераздельное единство рационального и иррационального», и лишь в нашей мысли нам удастся различить эти два момента⁶. То есть связь между Богом и миром носит

¹ Филиппов А.Ф. Между социологией и социализмом. Введение в концепцию Фердинанда Тенниса // Теннис Ф. Общность и общество. СПб., 2002. С. 444–445.

² Кизима В.В. Тоталлогия ... С. 23.

³ Зеньковский В.В. Христианская философия. М., 2010. С. 841–843.

⁴ Соловьев В.С. Сочинения. М., 1990. Т. 2. С. 140–145.

⁵ Франк С. Сочинения. Мн.; М., 2000. С. 322.

⁶ Там же.

рационально неопределимый характер. Для этого мыслитель вводит термин «трансдефинитность»¹. Характерной особенностью философии С.Л.Франка является то, что Бог не есть «целое» по отношению к миру, а мир не есть «часть» Бога. Мир есть самораскрытие, самовыражение Бога, его «иное». П.Алексеев не считает возможным определить подобную позицию ни как пантеизм, ни как панентеизм (хотя сам С.Л.Франк считал себя приверженцем панентеизма)².

Принципы всеединства распространяются С.Л.Франком и на сферу социального познания. Прежде всего указывается, что общее не есть абстракция, оно есть целое, причем истинно и конкретно есть именно целое, частное же можно постигать только на фоне целого, как его своеобразное выражение³. Предмет социальной философии – общественная реальность в ее подлинной, всеобъемлющей полноте и конкретности⁴.

Основное заблуждение в области философии истории видится ему в рассмотрении истории только во временном измерении, как внешнюю совокупность и смену разных периодов, как временную линию в ее линейном разрезе. В этом случае история приобретает характер «дурной» бесконечности, не имеющей никакой цельности. Ее конкретное многообразие во всей полноте есть выражение сверхвременного единства духовной жизни человечества⁵. Философия истории, утверждает С.Л.Франк, есть не историческое, а сверхисторическое знание, его предмет – история как символ и выражение сверхвременного, цельного существа человеческого духа⁶.

Общество трактуется им в таких терминах, как «единство однородного и разнородного», «целое в смысле первичной и подлинной реальности», не

¹ Там же. С. 323–324.

² Алексеев П. Философская концепция С.Л.Франка // Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 9.

³ Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 18.

⁴ Там же. С.18.

⁵ Франк С.Л. Духовные основы... С.30 .

⁶ Там же. С. 31.

сводимой к совокупности отдельных людей¹. Оно тем самым есть больше чем «единство и общность в смысле объединенности, совместности жизни, ее упорядоченности как единого конкретного целого». Это «последнее единство» образует само существо общества². Им отвергается как социологический сингуляризм Г.Зиммеля, органический натурализм Г.Спенсера и ему подобных, а также механоцентрические трактовки общества³. Общество как единое связывается им с бессознательным единством органической энтелехии, действенно формирующим началом, созидающим из зародыша сложное тело. Его единство выражается не в наличии особого субъекта сознания, а во взаимосвязанности индивидуальных сознаний, сообща образующих реальное действенное единство⁴.

Взгляды русского философа известным образом пересекаются с воззрениями О.Шпанна, постулирующего понятие «целостность» как фундаментальную характеристику бытия⁵. Истоком целостности является Бог как деятельное творческое начало, однако это творчество, приводящее в движение мир, непостижимо для нас⁶. Целостность не самодостаточна и существует лишь в своих структурных элементах. Сама целостность разворачивается на разных уровнях иерархии. Тем самым ее структурные элементы также являются целостностью, правда, более низкого порядка. Высшая историческая целостность – человечество, а в качестве ее структурных элементов выступают локальные культуры как исторические целостности своего уровня⁷.

Взаимоотношения целостности и ее структурных элементов О.Шпанн раскрывает при помощи понятий «структуризация» и «реструктуризация».

¹ Там же. С. 44–45.

² Там же. С. 44.

³ Там же. С. 38–57.

⁴ Там же. С. 47.

⁵ Шпанн О. *Философия истории*. СПб., 2005.

⁶ Там же. С.391–392, 451.

⁷ Шпанн О. *Философия истории ...* С. 331,359,365.

Первую можно понимать как способ существования целостности¹. Если структуризация – это то, что возникает в акте основания, то реструктуризация – то, что формируется в процессе развертывания. История и есть реструктуризация целостности². Все это видится как результат творческой деятельности духа³.

В сходном направлении движется и мысль Л.П.Карсавина. В.В.Зеньковский усматривает преемственность и сходную методологическую базу в воззрениях Вл.Соловьева и Л.П.Карсавина, ведущих обоих в тупики пантеизма⁴.

В этой связи нас прежде всего интересует концепция антропологического всеединства Л.П.Карсавина. Выступая против абсолютизации разъединенности, атомизации социальных общностей, он обосновывает применимость к ним понятия «всеединство»⁵. В качестве «всеединого исторического субъекта» он видит всеединое человечество как конкретное всевременное и всепространственное единство всех своих моментов или индивидуализации вплоть до индивидуума⁶.

Что же собой представляет это общее? Мысль Л.П.Карсавина здесь далека от определенности, но все же оно, как всеединство, замыкается на божественную личность Христа, в котором мыслитель усматривает «высокую степень всеединства – пронизанность всех качественностей отношением к Богу...единство богато дифференцировавшейся духовности»⁷. Сам же «всеединый исторический субъект – человечество» может восприниматься со стороны единства как «всеединство качественностей», а со стороны множественности – как «система многих моментов»⁸.

¹ Там же. С. 108–114, 127–131, 191.

² Там же. С. 114–121, 150–154, 191–192.

³ Там же. С. 193, 218, 253, 333.

⁴ *Зеньковский В.В.* Христианская философия... С. 841–842.

⁵ *Карсавин Л.П.* Философия истории. М., 2007 С. 129.

⁶ Там же. С. 133, 141.

⁷ *Карсавин Л.П.* Философия истории... С. 395.

⁸ Там же. С. 411.

Характеризуя подобную историософию (другого определения мы не находим), сразу же отметим переключку со шпанновскими построениями. Термин же «всеединство качественностей» лежит в одном смысловом континууме, что и понятие В.В.Зеньковского «многоипостасная единая сущность всечеловечества»¹. Данная концепция носит изрядно мистифицированный характер, взаимосвязь историко-теоретических положений и философов не отличается строгостью, а просто одно «неопределимое» выводится из другого «непостижимого».

Таким образом, в трудах этих философов, в рамках христианской парадигмы с известными нео-и платоновскими реминисценциями, произошло расширение тотализационных представлений на сферу социальной реальности. Все они, в разной степени, тяготеют к ипостасному, многомерному пониманию целостности, всеединства.

Завершая наш обзор религиозно-философских трактовок проблематики Единого – целостности – тотальности, не можем не обратить внимание на оригинальную систему Н.О.Лосского, который попытался соединить идею целого, идущую от Платона, с актуализацией лейбнизианской монадологии.

Прежде всего, Н.О.Лосский заявляет о своей приверженности идеям органического мировоззрения, где целое первоначально, а элементы способны существовать и возникать только в системе целого в противовес неорганическому (механикоцентрическому) суммативному подходу². Отвергая тезис Лейбница о невзаимодействии монад, он сводит их в единую систему, соподчиненную единому Высшему субстанциональному деятелю³, предполагая, что там где есть система, должно быть нечто сверхсистемное – Абсолютное. Тем самым развитие органического мировоззрения приводит к признанию сверхорганического начала⁴. Субстанции («субстанциональные деятели»), самых разных уровней

¹ Зеньковский В.В. Христианская философия ... С. 63–65.

² Лосский Н.О. Избранное. М., 1991. С. 340–342.

³ Лосский Н.О. Избранное... С. 377–381.

⁴ Там же. С. 384–385.

организации находятся между собой в отношениях координации, что также указывает на единство мира, а все взаимодействия осуществляются в едином всеохватывающем пространстве¹.

Представляют интерес также воззрения Н.О.Лосского на природу процессуальности и временности. Опираясь на концепцию длительности А.Бергсона как непрерывности и целостности, он развивает идеи о несводимости процессуальности к сумме моментальных положений. Исторический процесс рассматривается как взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего, где прошлое влияет на будущее и настоящее, причем не посредством своих действий, а самолично, так что процесс нарастает подобно лавине, представляя неустанное течение, сплошное изменение, в котором все сохраняет свое значение для будущего, хотя ничто не сохраняется реально². Подобные процессы, по мнению Н.О.Лосского, предполагают наличие сверхвременной субстанции³.

Все вышерассмотренные философские подходы к проблематике данного круга можно отнести к одному макронаправлению. Совершенно иное представлено марксистской и неомарксистской историографией, которая, впрочем, имеет с первой некоторые точки пересечения в виде гегельянского наследия, поставленного то ли с головы на ноги, то ли наоборот.

Положение об определяющей роли целого по отношению к его частям, критика элементаризма – вот та почва, на которой вырастает любая диалектика, в том числе, естественно, и марксистская, указывает Э.В.Ильенков⁴. Конкретный предмет здесь понимается не как атом, а скорее как сложное образование, для осмысления которого параллельно применялось два подхода: органистический и системный. Вот почему, пишет Э.В.Ильенков, Маркс так часто употребляет понятия «органическое целое», «организм» (или тотальность) в качестве

¹ Лосский Н.О. Избранное... С. 423.

² Там же. С. 374–375.

³ Там же. С. 366, 375.

⁴ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1984. С. 223.

синонимов конкретного¹. Процесс восхождения от абстрактного к конкретному является единственно возможным способом мышления в рамках марксистской парадигмы. Для того чтобы подчеркнуть взаимосвязь общего, особенного и единичного в составе сложнорасчлененного целого, Маркс, вслед за Гегелем, и применял термин «тотальность», полагает Э.В.Ильенков².

Однако если мы заглянем в «Предметный указатель...», то с недоумением увидим, что термина «тотальность» там нет, что, конечно же, объясняется «искусством перевода». Напомним, что во всех советских изданиях «Науки логики» тотальность переводилась как «целокупность» (см. напр.)³. Напротив, в «Энциклопедии философских наук» издательства «Мысль» 1974 года термин «тотальность» благополучно применяется. Видать, что позволено Гегелю, не позволено Марксу. Уж больно щекотливо выглядит созвучие тотальность – тоталитарность.

Все же некоторые рудименты тоталлогического категориального аппарата, никак не отраженного в «Предметном указателе...», у Маркса таки удается обнаружить. Так, в «Экономико-философских рукописях 1844 года» указывается, что особенный индивид, и именно его особенность в качестве индивидуального общественного существа, выступает в той же мере и как «тотальность, идеальная тотальность, субъективное для–себя–бытие мыслимого и ощущаемого общества», индивид «существует как созерцание общественного бытия..., а с другой стороны – как тотальность человеческого проявления жизни»⁴.

Как видим, в этой ранней работе К.Маркса «тотальность», перенесенная в сферу социальной антропологии, используется в чисто гегелевском смысловом континууме. Какие же оригинальные методологические подходы были

¹ Ильенков Э.В. Диалектическая логика... С. 230.

² Ильенков Э.В. Диалектическая логика... С. 273.

³ Гегель Г.В.Ф. Наука логика... С. 1057.

⁴ Маркс К. Экономико–философские рукописи 1844 года // Маркс К.,Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 119.

задействованы К.Марксом и Ф.Энгельсом для раскрытия проблематики единого – целого/стности – тотальности?

По нашему мнению, понятие «тотальность» имело периферийный статус в теоретических и философских построениях ортодоксального марксизма. Безусловный приоритет отдается термину «система», особенно в социальном познании. Он широко используется для того чтобы подчеркнуть целостность, единство объекта. Классики марксизма говорят об экономической, политической, правовой, идеологической, философской системе и т.д. Более общий характер имеет категория общественная/социальная система, но все же из их разрозненных соображений видно, что вся полнота общества не сводится ими к данной категории. Общественная система рассматривается как нечто синонимичное понятию «общественный строй», т.е. совокупность отношений между общностями людей, главными из которых являются межклассовые отношения. Наконец, К. Маркс прямо разграничивает социальную и политическую систему¹. Показательно то, что классики не применяют термин «система» для определения общества во всей его полноте, как это делают по отношению к природе. («Природа образует некую систему, некую совокупную связь тел»²). Об обществе как целокупности с такой определенностью ничего подобного ими не постулируется. Оно определяется К. Марксом как совокупность общественно-экономических отношений и рассматривается с точки зрения его экономической структуры³.

Такая установка связана, видимо с тем обстоятельством, что основоположники питали неистребимое недоверие к абстрактному теоретизированию, утверждая, что нет общества вообще, оно всегда конкретно. Общество вообще есть всего лишь «тощая» абстракция, совершенно бесполезная

¹ Маркс К. Первый набросок «Гражданской войны во Франции» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 520.

² Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С. 392.

³ Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 395.

с гносеологической точки зрения. Конечно, могут быть и «разумные абстракции», например, «производство вообще», позволяющие выделить общее, фиксировать его, избавляя нас от повторений¹, но в целом отношение к таковым у классиков довольно операционабельно.

Внимание К. Маркса и Ф. Энгельса уделено изучению связей и отношений между элементами общественной структуры, где доминирующая детерминанта идет от способа производства материальных благ. Понятие «социальная целостность» категориально излишне в марксистской социальной теории, оно не разрабатывается на данном уровне. Представление о целокупности возникает в тех моментах, где Маркс и Энгельс описывают процесс взаимодействия отдельных человеческих устремлений, которые складываются в единую составляющую, уже не зависящую от них².

В этом отношении заслуживает большего внимания тот момент, который в историографии трактуется как явное доказательство основополагающего вклада К. Маркса в системную теорию. Он сводится к следующему. Буржуазная система рассматривается как «органическая», где экономические отношения есть ее предпосылка. «Органическая система, как совокупное целое, развивается в направлении целостности, подчиняет все элементы общества, создает недостающие. Система в ходе исторического развития превращается в целостность. Становление такой целостности – момент ее развития»³. Тем самым целостность должна быть соотнесена с формой направленности развития, а не с «абсолютно целым». Она не складывается из своих частей, наподобие механического агрегата, а содержит их в себе, развивая до полной завершенности. Наряду с понятием «органическая система» встречается у Маркса и другая разновидность органицизма, в которой общество определяется как «общественно-

¹ *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.46. Ч.1. С.29.

² *Энгельс Ф.* Письмо к Йозефу Блоху 21–22 09 1890 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.37. С. 395–396.

³ *Маркс К.* Критика политической экономии (черновой набросок 1857–1858 гг.) // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч.1. С.229.

производственный организм»¹, развитие которого он связывал с естественноисторическим процессом². Судя по всему, Маркс окончательно так и не определился в общей системе дифиниций, и оба подхода (системный и органицистский) скорее блокировали, нежели дополняли друг друга.

Впоследствии мысль о саморазвертывающейся целостности была развита Э.В. Ильенковым в учении об объективной реальности всеобщего, которое анализируется им как принцип связи особенного в составе целого (тотальности) в силу единства процесса их генезиса, потому что они возникли в качестве многообразных модификаций одной и той же субстанции³.

1.3. Неклассические тотализационные концепции

Если воззрения Гегеля и Маркса в известной мере можно рассматривать соответственно как тезис и антитезис, то попытка их синтеза, в частности, по проблеме тотальности, на наш взгляд, связана с именем Д. Лукача и его книгой «История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике»⁴. Его труды проложили путь уже неомарксистской философии, полнее всего представленной франкфуртской школой, равно как и всем неклассическим тоталлогическим воззрениям.

Д.Лукач выдвигает категорию тотальности в качестве одной из базисных для материалистической диалектики. Ее значение в этом качестве видится ему в том, что она выражает связь целого и части, всеобщего, особенного и единичного. Тотальность не упраздняет свои моменты, не доводит их до лишнего различий единства, до тождества. При этом однозначно заявляется, что диалектический метод Маркса исходит из познания общества как

¹ Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С.118.

² Там же. С. 10.

³ Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991. С. 325–327.

⁴ Лукач Д. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике [Электронный ресурс] . – http://www.situation.ru/app/j_art_925.htm.

тотальности, то есть рассмотрение всех частных явлений как моментов целого, диалектического процесса. Категория тотальности определяет господство целого над частями. Это «конкретная тотальность», тем самым являющаяся «исторической тотальностью», как единство многообразного, противопоставляется «тощей» абстракции. Тотальность исторического процесса видится в том, что «идеологические» и «экономические» проблемы, утрачивая взаимную чуждость, перетекают друг в друга. История как тотальность (универсальная история) не есть механическая сумма отдельных событий, ни трансцендентный принцип рассмотрения, а реальная сила целого как такового.

Тотальность выступает у Д. Лукача и как гносеологический метод («точка зрения тотальности»). Он предполагает, что части целого могут быть познаны, если познано само целое. Тотальность предмета может быть мыслима лишь тогда, когда мыслящий субъект является тотальностью. Точку зрения тотальности как субъекта представляют только классы. Далее выводится тезис о пролетариате как «субъект/объекте», выполняющем роль гегелевского Абсолюта. Истинно тотальный характер приобретает его практическая деятельность по созданию нового социального мира – новой тотальности.

Нетрудно заметить, что здесь проявляется несколько видов тотальностей: тотальность общества, тотальность истории, классов и их отношений, наконец, тотальность праксиса. Проблема их иерархии пока не получила окончательного разрешения. К этому он вернется позже.

В последней обобщающей работе Д. Лукача («К онтологии общественного бытия»), так и оставшейся незавершенной, пролетарский мессианизм практически исчезает, зато на первый план выдвигается проблема взаимодействия идеального целеполагания в общей совокупности материальных казуальных связей. Как объективные социально-экономические условия раскрывают поле действия альтернатив, в основе выбора которых может лежать чисто субъективный фактор?

В этой связи он рассматривает процесс тотализации истории, обозначенный еще в «Истории и классовом сознании», понимая его как способ функционирования необратимо изменяющихся комплексов и их взаимосвязей, которые, взаимодействуя, синтезируются в большие объединения, в тотальности. Уровень синтезов постоянно повышается вплоть до синтезов все более высокого рода. Благодаря этому постепенно возникает тотально-человеческий род вместе с его окружающей средой, созданной им самим. Только тогда завершится создание категории тотальности в общественном бытии¹. Общественная тотальность (тотальность человеческого рода) вписана в природно-космическую – тотальность планеты Земля².

Любая тотальность относительна, так как она может быть встроена в тотальность высшего порядка. Историчность же, напротив, универсальный принцип. В основе историчности, по Д. Лукачу, лежит то обстоятельство, что «комплексы необратимых процессов» не обладают изолированным бытием. Их подлинные свойства могут постигаться только в связи с общими процессами, в которые они бытийно включаются, в общественной совокупности как процессуально изменяющийся тотальности³. Далее, без конкретной ссылки, утверждается, что «тотальность у Маркса – это всегда тотальность, состоящая из тотальностей»⁴.

По поводу этой фразы и другой, более ранней («диалектический метод Маркса исходит из познания общества как тотальности»), сразу же отметим, что это не столько сам Маркс, сколько лукачевское его видение. В этой связи Т.Ойзерман с полным основанием утверждает, что у Маркса нет понятия, охватывающего общество как целое. Категория «формация» не может быть рассмотрена в подобном качестве, поскольку она либо используется для

¹ Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М., 1991. С.238.

² Там же. С. 238–239.

³ Там же. С. 309–310.

⁴ Там же.. С. 310.

обозначения экономической структуры общества, либо редуцируется к совокупности ПО. Более широкое толкование («Наброски ответа...») так и осталось не сформулированным в окончательном виде¹.

В принципе, категория «целое/стность» присутствует как в холистическом, так и системном, структурно-функциональном подходе. Классики явно тяготеют к последнему, при том что определение общества у них дается с точки зрения его экономической структуры. Вместе с тем «тотальность – тотальностей» у Д. Лукача прямо восходит к Гегелю². Лукачевская «тотальность тотальностей» предполагает, например, что «экономическая тотальность» составляет неразрывное целое с общественной тотальностью как связь всеобщего, особенного и единичного, проявляющихся друг через друга.

Тотальность у венгерского мыслителя в смысловом и категориальном планах определенно обособилась от понятий «целое», «целостность», прежде всего за счет смещения акцентов в сторону всеобщей взаимосвязи целого и его частей. Лукачевский синтез видится нам в том, что он, трактуя «общество» как «субстанцию–субъект» в ее единстве с деятельностным принципом (материальное производство), подвел его под гегельянскую категорию «тотальность». В результате появилась «общественная тотальность» как целостность и взаимосвязь (системность) всей совокупности социально-экономических отношений. При этом Лукач неизменно подчеркивал, видимо, отводя упреки в спекулятивности, что это не формальная, а «конкретная тотальность». Он старается отмежеваться и от панлогистской трактовки тотальности как выражения абсолютной полноты социума. Тем не менее ортодоксальный марксизм в целом отверг данную категорию.

Даже «творческий» марксист М.А. Лифшиц (правда, именующий себя «обычным») отнесся к ней с подозрительностью, отметив, что тотальность плохо

¹ Ойзерман Т.И. Материалистическое понимание истории: плюсы и минусы // ВФ. 2001. № 2. С. 26–28.

² Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук... Т. 1. С.341, 379.

отражает суть дела, а лучше «полнота (плерома) и цельность» (сама по себе цельность имеет оттенок замкнутости), а действительное содержание есть и то, что выходит за пределы всякой цельности¹. Остается неясным, однако, почему оба эти признака (полнота и цельность) нельзя включить в категорию «тотальность».

В нашем анализе лукачевской концепции тотальности представляется немаловажным отметить следующий аспект. Д. Лукач указывает на то, что изменения структуры, вызываемое целеполагающими установками в труде, опосредованные в том числе и коммуникативными процессами, приводят к изменениям в самой тотальности². При этом «объективное охватывание форм и содержания... во взаимодействии между процессами воспроизводства отдельного и его всеобщностью приобретает характер общественной тотальности как объективного фундамента всякой родовой сущности в сфере бытия социальности»³. Отсюда изменения во всей совокупности общественных взаимодействий преобразуют характер самой тотальности.

Таким образом, этот пассаж можно истолковать и как наличие обратной связи между целым и частным. Не только целое определяет часть, но и трансформации в особенном, наложившись друг на друга, вызывая резонансный эффект, могут привести к тотальным превращениям. Особенно показательным здесь указание на роль коммуникации, что прямо сочетается с неомарксизмом франкфуртской школы и вплоть до теорий коммуникативного действия Ю. Хабермасса и К.-О. Аппеля. Главным же представляется то, что в марксистскую социальную мысль было введено понятие об обществе как социальной тотальности, что явно выходит за пределы традиционного марксизма, где оно рассматривается, как правило, через принадлежность к конкретным общественно-экономическим формациям.

¹ Лифшиц М. Лукач. // ВФ. 2002. № 12. С. 114, 119.

² Лукач Д. К онтологии...С. 87.

³ Лукач Д. К онтологии...С. 87.

Итак, можно сделать вывод, что лукачевская концепция общественной тотальности, с одной стороны, подвела черту под классическими разработками в данной сфере, а с другой – перебросила мостик к неклассическим теориям¹. В первую очередь речь идет о «негативной диалектике» Т. Адорно и концептуально близких к нему воззрениях Ж.-П. Сартра. Затрагивает данную проблематику и Л. Альтюссер. Первые рассматривают тотальность в русле «негативного» подхода, последний же тяготеет к структурализму.

Значимым видится то обстоятельство, что в западной историко-теоретической мысли в это же время идет напряженный поиск обобщающих понятий. Одной из таковых стала «социетальность», введенная в оборот американским социологом и этнографом А.Г.Келлером еще в 1903 г., как это утверждает В.Д.Плахов². По всей вероятности, имеется в виду монография «Вопросы в этнографии» («*Queris in Ethnography*») того же года. По крайней мере, в 1915 г. выходит его очередная книга «Социетальная эволюция...», где этот термин применяется уже как не требующий особого обоснования³.

В этой связи вызывает недоумение, как подобный труд оказался незамеченным Ф.Эраном (F.Heran), который связывает появление категории «социетальность» с работой Т.Абеля «Систематическая социология в Германии» (Нью-Йорк, 1929). У истоков данного понятия, по мнению Ф.Эрана, лежит лингвистическое недоразумение, когда Т.А.Абель перевел «*gessellschaftlich*» как «социетальное», а «*Vergellschaftung*» (формирование социальных связей) – как социетализацию («*societalization*»), в то время как суффикс «тал» работает на слова иного класса⁴.

Этот решительный демарш, впрочем, не имел никаких последствий, и уже в комментариях к его статье Ж.-Р.Треатон (Treanton), выражая вполне устоявшееся

¹ *Jai M. Positive und negative Totalitat // Sozialforschung als Kritik. Frankfurt a. M., 1982. S. 67–86.*

² *Плахов В.Д. Западная социология XIX – XX вв.: от классики до постклассической науки. Эпистемологическое обозрение. СПб., 2003. С.321.*

³ *Keller A.G. Societal Evolution: a Study of Evolutionary Basis of Science of Society. N.- Y., 1920.*

⁴ *Heran F. Pour en finir avec societal // Rev. fr. Sociologie. P., 1991. A.32. № 4. P. 617–618,620.*

мнение, отмечает, что есть слова, сконструированные против всех правил лингвистики, но получившие право на существование, поскольку позволяют осмыслить новые явления действительности¹. Правомочность этого термина Ж.-Р.Треатон связывает с тем обстоятельством, что он позволяет отразить феномен всеобщности, глобальности ряда социальных явлений, что недоступно термину «социальный».

Однако каким же образом данное понятие появилось куда ранее в трудах А.Г.Келлера? Отметим прежде всего то обстоятельство, что А.Г.Келлер свои первые монографии 1901-1902 гг. написал по германской колониальной политике, что невозможно без изучения самого широкого круга немецких источников. Рискнем предположить, что здесь имела место ситуация, сходная с той, в которой очутился впоследствии Т.Абель. Принимая во внимание достаточно широкое распространение термина «тотальность» в литературе гегельянского и окологегельянского круга, можно усмотреть в понятии «социетальность» наследие именно этого направления или нечто близкое ему.

К сожалению, работа А.Г.Келлера 1903 г. («*Queries in Ethnography*») осталась вне зоны нашего доступа, но проработанная нами монография «Социетальная эволюция...» издания 1920 г.² позволяет сделать определенные выводы.

Первое: труд А.Г.Келлера в целом носит историко-этнографический характер, отнюдь не претендуя на социально-философские глубины. Термин «социетальность» проходит через всю книгу с самого начала, причем используется как нечто, не требующее особых разъяснений, что подтверждает мнение В.Д.Плахова о его более раннем появлении. Лишь в середине работы появляется, наконец, краткая дефиниция социетальной эволюции. Таковая определяется как эволюция общества и его институтов, а не отдельных

¹ *Treanton J.-R.* Plaidoyer pour batard // *Rev. fr. Sociologie.* P., 1991. A.32. № 4. P. 622-623.

² *Keller A.G.* Societal Evolution... .

субъектов¹. Термин явно призван отразить всеобщность происходящих процессов, его соотнесенность с обществом как целым². Аналогичная мысль проводится А.Г.Келлером, когда он говорит о «социетальных изменениях», для объяснения которых можно абстрагироваться от действий отдельных лиц, за исключением великих исторических личностей³.

Все понятия, связанные с социетальностью («социетальный закон», «социетальный отбор», «социетальная жизнь», «социетальный контроль»), освещены у него крайне неравномерно⁴. В частности, указывается, что, осмысливая глубинные силы общественного контроля, мы получаем основы социетальных законов и социетальной эволюции⁵. Под социетальным отбором понимается выбор тех обычаев, которые соответствуют порядку во «всем теле общества»⁶. Становится очевидным, что все вышеназванные понятия акцентируют внимание на общественной целокупности (ср. с «общественной тотальностью» Д.Лукача). Наконец, идея социетальности у А.Г.Келлера сопряжена с идеей всеобщей связи, развиваемой через понятие «социетальная конвенция», понимаемой как взаимодействие социетальной и органической эволюции. Ссылаясь на работы У.Самнера, он практически отождествляет данную связь со всей совокупностью народных обычаев как бессознательно возникающих социетальных склонностей и конвенций⁷.

Вообще воззрения У.Самнера, по сути, являются методологической базой для А.Г.Келлера. Концепцию первого относительно общества чаще всего характеризуют следующим образом. Общество ему представляется не цельным организмом, не простой совокупностью индивидов, а скорее подвижной системой отобранных на групповом уровне всем ходом эволюции традиций, норм,

¹ Ibid. P.189.

² Ibid. P.184.

³ Ibid. P. 54.

⁴ Ibid. P.27,209.

⁵ Keller A.G. Societal Evolution... P.27.

⁶ Ibid. P. 55.

⁷ Ibid. P. 28-32.

отношений¹. Видимо, к подобной трактовке социетальности (социальной тотальности) и склонялся А.Г.Келлер. Не применяя термин «система» в качестве категории общественного макроанализа, он, скорее, отдавал предпочтение образу целого, целокупности, развертывающейся в различных связях и отношениях, которое отнюдь не отождествлялось им с «системой». Также затребованным оказалось и понятие «неделимый организм», соотносимое с «обществом в целом»².

Итак, хотя А.Г.Келлер не дал определения социетальности как таковой, можно заключить, что примыкая в целом к спенсеровско-самнеровской традиции холизма (органицизм у Келлера присутствует в несколько ослабленном виде сравнительно со спенсеровским), под социетальностью ученый понимал целостность/социальный организм как совокупность всего комплекса межличностных отношений, не сводимых к простой сумме индивидов. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что несмотря на противоположность базисных философских установок А.Г.Келлера и Д.Лукача (эволюционный холизм с социал-дарвинистскими и социал-бихевиористскими интенциями и материализм с неомарксистской неортодоксальной диалектикой), некие общие точки соприкосновения (гегельянство в его широком контексте?) привели обоих к сходным тотализационным категориям – социетальность (А.Г.Келлер) и общественная/историческая тотальность, тотальность социальности у Лукача. Характеризуя келлеровский концепт в целом, нельзя не отметить, что аналогичный термин в трактовке Т.Парсонса («социетальная общность») не дает кардинального эпистемологического приращения по сравнению с первым.

Тем временем категория «целое»/«целостность» вступила в новую фазу своего развития, что во многом связано с понятиями «поле», «пространственно-временной континуум», наконец, с открытиями Эйнштейна. В первую очередь

¹ *История теоретической социологии*. М., 2002. Т.1. С. 268.

² *Keller A.G. Societal Evolution...* P.123.

мы имеем в виду эволюционный холизм Я.Смэтса, процессуальную философию А.Уайтхеда, эмерджентную С.Александера, а также материалистическую, естественнонаучную версию этого направления (В.И.Вернадский). Постараемся остановиться на ряде их концептуальных моментов по проблеме целостности, опустив, по мере возможности, эволюционистские подходы, которые будут рассмотрены ниже.

Понятие «целостность» (холизм) выдвигается Я.Смэтсом как фундаментальное качество Вселенной в противовес традиционным категориям классики (материальное/материя, идеальное/дух). Идея целостности не ограничивается у него биологической областью, она охватывает как неорганические вещества, так и высшие проявления человеческого духа¹. Целое не сводимо к сумме своих частей. Часть и целое взаимосвязаны и воздействуют друг на друга. На уровне целостности дифференциация на части невозможна. Все в каждой части и часть в целом². Последнее видится ему в виде поля как пространственно-временного континуума³. Понятие «холистическая Вселенная» рассматривается как некая метакатегория, выходящая за рамки как идеализма (философия Абсолюта), так и материализма⁴. Целостность – более широкое понятие, чем жизнь или разум, а холизм – это ни философское, ни научное, а сверхнаучное объяснение действительности⁵. Представляет также интерес смэтсовская трактовка общества через категорию «социальное поле» как систему контроля, через влияния, управления⁶. Перед нами явно праобраз будущих объемных моделей социетальности в духе, скажем, П.Бурдьё.

Воззрения Я.Смэтса о «холистическом поле», «творческой эволюции» в советской историографии обычно критиковались за «мистицизм»,

¹ *Smuts J.C. Holism and evolution. N.-Y., 1927. P. 86.*

² *Ibid. P.86,125.*

³ *Ibid. P.37,111.*

⁴ *Ibid. P.103,109,329 –332.*

⁵ *Ibid. P.317,322.*

⁶ *Ibid. P.342.*

замаскированный идеализм и т.п. (см., например,¹), однако близкие к ним идеи В.И.Вернадского, правда, завернутые в естественнонаучную и материалистическую упаковку, не подвергались сомнению. Более того, скептицизм Я.Смэтса по поводу «великих» философских учений, стремление вывести предмет холизма на уровень сверхнауки, находят некоторые параллели в идеях русского ученого². Конечно, термин «сверхнаука» в трудах В.И.Вернадского отсутствует, зато широко представлены идеи о возрастающей роли науки, ее неоспоримых преимуществах перед философией (достоверное знание), о том, что наука проникнет и в традиционные сферы господства философского знания.

Понятие «целостность» развертывается В.И.Вернадским на разных иерархических уровнях. Первое, это целостность самой Вселенной, целостность «планетного пласта реальности»³ последовательно проходящего стадии литосферы, биосферы и ноосферы. Причем каждая из них тоже представляет собой целостность. Так, биосфера как пространство/время организмов есть неразрывное целое живого вещества (совокупности организмов) вместе со средой их обитания⁴. Точно так же обстоит дело и с ноосферой как «царством разума», связываемой с «энергией человеческой культуры», с деятельностью человеческого разума, где особо выделяется прогресс науки⁵. Целостностью является также единство между филогенетической группой животных и ареалом ее распространения, что отражено в понятии «биосистема». Такое же, по сути, единство обнаруживают локальные человеческие общности во взаимосвязи с вмещающим их ландшафтом. Классический пример подобной общности представлен, по мнению В.И.Вернадского, Китаем. Наиболее характерным элементом китайского ландшафта является не почва, не растительность, не

¹ Богомолов А.С. Идея развития в буржуазной философии. М., 1962. С.322–332.

² Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С.28–29,44–47,53,86–89,186–187.

³ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста... С.52

⁴ Там же. С.202.

⁵ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста... С.27–29,44–46, 86–89,127–129,132–135,149.

климат, а население. Китайский ландшафт есть «биофизическая совокупность», где человек и природа не отдельные явления, но единое органическое целое¹. Отсюда один шаг до понятия «этноландшафтная система» Л.Н.Гумилева.

Концептуальные построения А.Уайтхеда и С.Александера в целом относят к процессуальной философии, базирующейся на примате процесса над структурой, на принципе его субстанциональности. Мироздание рассматривается А.Уайтхедом как единство многообразия, причем это возобновляющее себя единство, точнее, многообразие единств, непрерывно обновляющих Вселенную². Категория «тотальность» применяется им для характеристики события, реализующего себя как «некоторое количество сгруппированных вместе аспектов своих собственных временных частей»³.

В космологической картине А.Уайтхеда фундаментальное понятие «общество» укореняется в самой организации Космоса. Оно определяется им как иллюстрация некоторого типа социального порядка, который характеризуется через некую определенность формы, способность «схватывать» некоторые другие члены соединения и, наконец, то, что эти схватывания налагают условия воспроизведения общей формы⁴. Суть общества видится ему как «самоподдержание», – короче, общество является причиной самой себя, представляя нечто большее, чем просто множество (реальных) сущностей, обозначаемых одним именем⁵.

Одна из последних концептуально значимых попыток актуализации проблемы единого и многого, на наш взгляд, связана с именем Ж.-Л.Нанси, вновь задействовавшего лейбницианскую парадигму. Им недвусмысленно заявляется, что множественность лежит в основании бытия, а понятие

¹ Там же. С.145.

² Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С.601.

³ Там же. С.165

⁴ Там же. С.604–605.

⁵ Уайтхед А.Н. Избранные работы... С.605.

«Единственно сущее» – терминологическое противоречие¹, то есть перед нами хорошо известный субстанциональный плюрализм. Однако далее указывается, что бытие единично и множественно одновременно, неразличимым и различимым образом. Это двойственность (двуединство ? В.П.) формирует конституцию самого бытия². Сущность бытия – бытие–со–многими, это совокупность сущностей, аналогия которой видится Нанси в феномене коллегиальной власти³. Любое сущее детерминировано в своем бытии как сущее одно–с–другим. Единичность каждого неотделима от его бытия с другими. Следовательно, единичность неотделима от множественности⁴. Тут уже скорее идет переключка с Н.О.Лосским, нежели с Лейбницем. Пример единичного множественного, по мнению Нанси, дает триединый Бог, который репрезентирует бытие совокупно как саму божественность, тем самым он является не «Богом», но «со–бытием» онто–теологической разновидности⁵. С точки зрения ортодоксального богословия богословия мысль явно еретическая, но вполне в духе Мейстера Экхарта с его «Божеством» («божественностью»).

Теории, постулировавшие понятия «целостность», «тотальность» как исходные, столкнулись с достаточно мощным интеллектуальным вызовом со стороны социологического индивидуализма – элементаризма, больше известного как социальный бихевиоризм, в наиболее целостном виде представленного в трудах Дж.К.Хоманса⁶. Его основным положением является тезис, что социальные явления практически без остатка объясняются поведением индивидов⁷. Само же поведение в целом можно выстроить по незатейливой схеме: стимул – реакция – результат. Тем самым в полярную позицию к холизму,

¹ Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Мн., 2004. С. 31.

² Там же... С.55.

³ Там же. С.58.

⁴ Там же. С.60.

⁵ Там же. С.99.

⁶ *Homans G.C. Social Behavior.* N.Y.,1974; Хоманс Дж. К. Возвращение к человеку // Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 46–61.

⁷ Хоманс Дж.К. Возвращение ... С. 59.

в широком смысле слова, встал социальный элементаризм, который может рассматриваться как одна из парадигм макросоциального познания.

20-30-е гг. XX в. ознаменовались формированием новой холистической парадигмы – системного подхода, завершение которого можно связать с появлением общей теории систем Л.фон Берталанфи (1956 г. – развернутое обоснование общесистемной теории в сб. «General Systems»; 1968 г. – «General System Theory. Foundation, Development, Application»), а также «Кибернетика» Н.Винера, 1948 г. Предтечей системного подхода является «Тектология» А.А.Богданова, издававшаяся отдельными выпусками на протяжении 20-х гг. Однако, как обычно указывается, всеобщая организационная наука осталась незамеченной и никакого влияния на развитие системной теории не оказала, хотя В.Н.Садовский и выражает недоумение по поводу того, как немецкое издание «Тектологии» 1926-1928 гг. оказалось неизвестным Л.фон Берталанфи¹.

Как нам представляется, А.А.Богданов выдвинул фундаментальную идею, которая в иной (системной терминологии) была воспроизведена практически всеми сторонниками универсалистского понимания системы. Имеется в виду его тезис о том, что всякую человеческую деятельность можно рассматривать с организационной точки зрения². Далее идет еще более категоричное утверждение: «у человечества нет иной деятельности, кроме организационной»³. Теперь же сопоставим это с берталанфиевским отождествлением целостностей и систем⁴. Получается, что в мире нет ничего, кроме систем (ср. с небезызвестным, что нет ничего, кроме развивающейся материи). Когда Е.Ф.Солопов говорит о том, что нет деления на системы и несистемы, а есть качественное многообразие систем, все материальные объекты – системы, но не всякое отражение их системно⁵,

¹ Садовский В.Н. Людвиг фон Берталанфи и развитие системных исследований в XX в. // Системный подход в современной науке. М., 2004. С. 27.

² Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М., 1989. Т.1. С.69.

³ Там же. С.71.

⁴ Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – обзор проблем и результатов // Системные исследования. Ежегодник. 1969. М., 1969. С. 31–32.

⁵ Солопов Е.Ф. Движение и развитие. Л., 1974. С. 102,120.

право, на ум приходит нечто оксюморонное, типа несистемная системность или системная несистемность. От Е.Ф.Солопова не отстают и В.Г.Афанасьев с концепцией «суммативных», то есть нецелостных систем, куда спокойно можно зачислить и пресловутую кучу песка¹.

Одна из немногих попыток разграничить целостность и системность связана с именами И.В.Блауберга и Б.Г. Юдина, которые связали целостность с полнотой охвата явлений, где система всегда описывает целое, а целостность не исчерпывается системным описанием в силу неформализуемости этого понятия². Из числа современных исследований отметим некоторых авторов сб. «Целостность в мире философии...»³. К этой проблеме мы еще вернемся, а пока заметим, что, на наш взгляд, системный подход не обеспечивает всей полноты осмысления действительности, имея несомненную эпистемологическую ограниченность.

Ранее мы говорили о границе между классическим пониманием тотальности и неклассическим, связывая ее с именем Д.Лукача. Теперь же можно говорить о том, что франкфуртская школа с ее общественной/исторической тотальностью (влияние Д.Лукача здесь несомненно) всецело принадлежит уже к неклассической мысли.

Строгая концептуализация не является любимым коньком любого «франкфуртца» любого поколения, но все же представляется целесообразным остановиться прежде всего на воззрениях Т.Адорно и Ю.Хабермаса в их широком контексте.

С именем Т.Адорно в первую очередь связывается его «негативная диалектика», так что и трактовка тотальности у него также приобретает негативистский акцент. Острие своей критики он направляет против гегелевского

¹ Афанасьев В.Г. Проблема целостности в философии и биологии. М., 1964. С. 8–9.

² Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. М., 1997. С.159–160.

³ Целостность в мире философии и социально–гуманитарного знания. Материалы научн. конференции. Липецк, 2011. С. 4–7,13–16.

логического закона тождества, расценивая его как акт подавления и угнетения всего нетождественного. Тождество субъекта и объекта объясняется «неистинным», «полаганием субъекта, поскольку привносится извне»¹. Особенность – такое же имманентное соотношение в себе и для себя, как и всеобщность. У Гегеля же оно рассматривается сугубо через общее, без которого оно ничто². Общество развивается не вопреки антагонизмам, а благодаря им³. Диалектическое единство бытия и становления предполагает постоянно меняющиеся взаимосвязи, которые складываются из противоречий, а не соответствий. Примирению противоречий в духе тождественного места не остается.

Идея примирения, полагает Т. Адорно, глубоко искажает природу тотальности, отождествляемой с истиной. Все это, превратившись у Гегеля в тождество субъекта и объекта, является неистинным⁴. И. Кант пытается ограничить тотальность как критик теории познания, но Гегель «преодолеывает» эти подходы, абсолютизируя всеобщее, тождественное, тотальность. Тотальность духа – это нонсенс, напоминающий идеологию и политику тоталитарных партий⁵. Тем самым Т. Адорно устанавливает чуть ли не прямую связь между тотальностью и тоталитаризмом. Общественная тотальность связывается им с «централистски-тотальным» характером первобытных обществ⁶. Далее говорится о том, что в демократических обществах общественная тотальность не имеет собственной жизненности и воспроизводит единичные моменты, сохраняющие свою самостоятельность, какой не знали примитивно-тотальные общества⁷. При демократии тотальность представляет категорию опосредованного, а не прямого

¹ Адорно Т.В. Негативная диалектика. М., 2011. С.189.

² Там же. С. 422–423.

³ Там же. С. 413-414.

⁴ Там же. С.189, 191, 260, 322, 407.

⁵ Там же. С. 257.

⁶ Адорно Т.В. К логике социальных наук // ВФ. 1992. № 10. С. 77.

⁷ Там же.

угнетения, тотальные формы склонны к упадку, и уже совсем категорично утверждается, что освобожденное человечество больше не тотально¹.

Вместе с тем в полемике с позитивизмом К. Поппера, пытающегося возглавить борьбу за изгнание «тотальных метафизических понятий», не регистрируемых данными позитивной науки, например, таких как общество, класс в его целокупности и т.д., Т. Адорно делает резкий поворот в сторону своеобразного, позитивного в своей негативности холизма. Действительно, здесь он соглашается с Поппером, тотальность не улавливается эмпирическими исследованиями, социолог не может, да и не осмеливается мыслить целое, но это свидетельствует лишь в пользу того, что в данном случае должен быть задействован иной методологический аппарат, в частности, возможности негативной диалектики. Общество – это целостный феномен, каждый его элемент малопонятен без видения целого, сохраняющего собственную сущность в движении элементов. Система и элемент взаимозависимы и познаваемы лишь в их взаимозависимости².

Взгляд на общество как тотальность предполагает, что все задействованные в ней, не сводимые друг с другом моменты должны войти в процесс познания³. Чем эта, видимо, «истинная» тотальность/целостность отличается от гегельянской и «централистской», остается нераскрытым. Можно предположить, что главное здесь именно во взаимозависимости целого и части в их развитии, но этот момент так и остался неконцептуализируемым, впрочем, как и вся негативная диалектика Т. Адорно, которая, как считают авторы четырехтомника «История теоретической социологии», вообще не может быть концептуализируема «по определению»⁴.

В этом же направлении движется и мысль Ж.-П. Сартра в его «Критике диалектического разума», вполне адекватно проанализированной еще

¹ Leske M. Das Totalitätskonzept von Th. W. Adorno // Dt. Ztschr. für Philosophie. 1980. Jg. 28. H. 9. S. 1100.

² Адорно Т.В. К логике ... С. 77.

³ Там же. С. 85.

⁴ История теоретической социологии... Т.2. С.525.

Г.Я.Стрельцовой¹. Более размытое изложение представлено в коллективной монографии «Идеалистическая диалектика...»². Французский мыслитель вслед за Лукачем проводит мысль о том, что движущей силой всякой диалектики является идея целостности, предполагающая взаимосвязь целого и части. Заслугу Маркса Сартр видит в том, что целостность истории постулируется из производственных отношений. При этом он различает целостность (*totalite*) и тотализацию (*totalisation*). Целостность есть инертное синтетическое единство. Действительное синтетическое единство Сартр связывает не с целостностью как пассивным результатом прошлой практики, а с самой практикой как тотализирующим процессом (так называемая историализирующая практика). Это единство длящееся, временное, осуществляемое в ходе живой человеческой деятельности. Данная практика – это тотализация, тотализация – это практика. Она не сводится к сумме поступков, но в каждом из них отражается вся целиком. В этом и заключается сущность диалектической целостности. Тем самым диалектика – это закон тотализации, только в структуре которого и имеют смысл всем известные три ее закона.

Л. Альтюссер разграничивает гегелевское и марксистское понимание тотальности. Согласно его точке зрения, Гегель представляет общество как целостность (*totality*), а Маркс – как сложно структурированное целое (*un tout*) с доминантой³. Понятие «целостность», считает он, опасно в методологическом отношении, поскольку создается соблазн рассматривать целостность как актуальную сущность и открыть в ней как в круге или сфере центр, являющийся ее сущностью⁴. Различия между марксистской и гегелевской позициями Л. Альтюссером обозначены вполне убедительно, но у Маркса, как было показано нами выше, термин «целое» действует в категориальной связке с понятием

¹ Стрельцова Г.Я. Критика экзистенциалистской концепции диалектики. М.: Высш. шк., 1974.

² Идеалистическая диалектика в XX столетии. М., 1987. С. 174–186.

³ Альтюссер Л. Просто ли быть марксистом в философии // ФН. 1990. № 7. С. 85.

⁴ Там же. С. 85.

«система», именно с ней связывается доминирующая совокупность детерминации «в конечном счете».

М.Дж.Роулэндс (Rowlands) полагает, что сам Альтюссер трактует социальную тотальность как диалектическое взаимодействие общественных отношений и практики, ПС и ПО¹. Подобный подход оставляет в стороне проблему общественной иерархии, кроме того, если определить социальную тотальность как «недифференцированное множество отношений», то это не позволит выяснить детерминацию временного процесса². Однако и отказ от концепции социальной тотальности ведет к тупику в общей теории социального познания. Реальная сила тотализирующего эффекта заключается не в том, что «целое больше своих частей», а в том, что отказ от него превращает социальный контекст в «хаотический поток событий»³.

Смещение тотальности и тоталитарности, обозначившиеся в негативной диалектике Т. Адорно, еще более упростилось в многочисленных политологических концепциях от Р. Арона, З.Бжежинского до Х. Арендт, где тоталитарный режим прямо выводится из господства тотальных идеологий, систем управления и т.п. При этом позиция Х. Арендт видится все же более гибкой⁴. Тоталитарность она представляет как квазицелостность, когда часть (церковь, государство, партия) пытается играть роль целого. Все же тотальность и тоталитарность стали рассматриваться почти как синонимичные понятия. В научной литературе требование отказа от «тотальных» метафизических понятий стала общепринятым императивом⁵.

Еще более показательную эволюцию претерпевают воззрения представителя среднего поколения «франкфуртцев» Ю. Хабермаса, выступившего

¹ *Theory and Explanation in Archaeology*. L., 1982. P. 164–165.

² *Theory...* P.163,164.

³ *Ibid.* P.163,166.

⁴ *Арендт Х. Истоки тоталитаризма*. М., 1996.

⁵ *Ольховиков К.М. О необходимости преодоления «тотальных» метафизических понятий // Социс. 2000. № 10. С. 128–133.*

против ряда фундаментальных положений данного направления. Это касается, в том числе, интересующей нас проблемы тотальности. До конца 60-х гг. Ю. Хабермас придерживался, в общем-то, традиционной для левоцентристских теорий точки зрения на общество как тотальность¹. Это были уже рассмотренные взгляды на общество как тождество субъекта и объекта, «субстанцию–субъект», где оно описывается по аналогии с неким макросубъектом, а его самоорганизация – нечто подобное самоопределению индивидуального субъекта. Однако в работе 1968 г. «Техника и наука в качестве «идеологии» он указывает на методологические трудности, с которыми сталкивается традиционная точка зрения «старых» франкфуртцев. Главная состоит в точности категориального определения, которое позволило бы распространить на «форму жизни, общественную тотальность» – «рациональную форму науки и техники» и «систему целерационального действия»².

Отсюда у него возникает идея различения целерационального и коммуникативного действия и, соответственно, двух типов рациональности – «технично-инструментальной» и «коммуникативно-межличностной». Окончательно эти соображения выльются в представления о том, что сложность социума выявила предельность органистических теорий. В «Теории коммуникативного действия» были выделены две фундаментальные компоненты: «система» (экономика и управление) и «жизненный мир» (совокупность intersубъективистских представлений о действительности, «структуры повседневности» – децентрализованное несистемное образование как совокупность частных интересов, устремлений, представлений). Структурирующей, интегрирующей силой в обществе выступает социальная коммуникация, которая и есть его главная производительная сила. Понятие

¹ Денежкин А. «Фактичность и значимость» Ю.Хабермаса: новые исследования по теории права и демократического правового государства // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 192–193.

² *История теоретической социологии...* Т.4. С. 123.

«целокупность» у него возникает тогда, когда он говорит о взаимодействии коммуникационных структур, каждая из которых является «дискретной целокупностью»¹.

По мнению Ю. Хабермаса, подобный концепт позволит избежать экономикоцентризма (видимо, и абсолютизации системно-рационального начала – В.П.) и сосредоточить внимание на взаимодействиях всех сфер общественной жизнедеятельности². Современные общества утверждают примат жизненного мира над подсистемами, которые вычленились из организационных структур (то есть системным началом – В.П.)³. Функции системы теряют свои конкретные формы, перемещаясь между этими началами⁴. Сущность современного общества (позднего капитализма) видится им как баланс соответствий между двумя противоположностями: приватизацией производства и его обобществлением⁵. Тем самым современные политические партии, чтобы прийти к власти, должны одновременно завоевать доверие масс и частных инвесторов.

Хотя соображения о сложной, гетерогенной структуре общества, в отличие от гомогенной природы, высказывались и ранее, например, у Т.Адорно, который указывал, что общество противоречиво и определено, иррационально и рационально, системно и хрупко, бессознательно и опосредовано сознанием⁶, но, пожалуй, именно Ю.Хабермас предпринял весьма широко задуманную попытку преодолеть односторонность не только экономикоцентризма ортодоксального марксизма, вкупе с «лукачиизмом», но и абсолютизированного системного подхода (например, в духе Парсонса), субъективизма гуссерлианства, равно как и тотализационные концепции социальности.

¹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. С.294.

² Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Thesis. 1993. Т.1. Вып. 2. С. 123.

³ Там же. С. 125.

⁴ Там же. С. 129.

⁵ Там же. С.126.

⁶ Адорно Т.В. К логике... С. 76–77.

Хабермасовская теория строится исходя из примата связей и отношений над институтами, где всякое общение есть социальная связь, а социальная связь есть коммуникация. Коммуникация сводит воедино все элементы социальности, она, по сути дела, и есть подлинная тотальность. Концепция Т. Парсонса критикуется им, прежде всего, за то, что тот отдал приоритет системе над коммуникацией. Теория коммуникации Ю. Хабермаса конвертируется с теорией рациональности (коммуникативный разум), далее он выходит на проблему дискурса с лингвистико-герменевтической составляющей, и уже во 90-х гг. им развивается теория консенсуса в сфере философии права и политологии (делиберативная демократия, право как структура опосредования коммуникативного действия и т.п.). Можно сказать, что проблема тотальности у него явно маргинализировалась. В итоге классическое гегелевско-марксистское понимание тотальности как тождества субъекта и объекта, как субстанции – субъекта (макросубъекта) было раскритиковано, но без всякой конструктивной альтернативы. Постмодернизм вообще не считает данную ситуацию проблемной, поскольку все эти тотальные метафизические понятия – суть уродливые порождения логоцентризма.

С 60-х гг. прошлого века термин «социетальность» довольно широко начинает применяться Т. Парсонсом. А.Ф.Филиппов первое применение термина «социетальность» (societal community) находит у него в работе 1966 г. «Общества: эволюционные и сравнительные перспективы»¹. Исследователь характеризует данный термин как оксюморон, «понятие-кентавр», «gesellschaft–ный Gemeinschaft», связывая, видимо, его появление с теннисовским влиянием. Однако, как нам кажется, в трактовке социетальности Т.Парсонс следует скорее А.Г.Келлеру. В рамках парсонсовской системной теории термин «социетальный» обозначает имеющий действие в масштабах всего общества в целом². Так,

¹ Филиппов А. Ф. Между социологией и социализмом. Введение в концепцию Фердинанда Тенниса // Теннис Ф. Общность и общество. СПб., 2002. С.445.

² Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Thesis. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 102,108–109,111.

социетальными будут подсистемы АСИЛ, которые соотносят общество с его средами и с ним самим как социетальным сообществом. Социетальными именуется порядок, потребление, функционирование и т.д.¹ Интегративная подсистема «I», именуемая как социетальная общность (societal community), конечно же, обнаруживает коннотацию с теннисовским «Gemeinschaft», но вряд ли это его единственный источник. Трудно представить, что келлеровская «Социетальная эволюция» (заметим, что термин «социетальность» в заглавии книги), издававшаяся 4 раза (1915, 1920, 1931, 1947 гг.), прошла незамеченной мимо него. К тому же, как уже говорилось, применяет этот термин и Т.Абель (1929 г.). Не исключена и роль тех «франкфуртцев», что переехали в США из нацистской Германии.

Несколько иной подход к проблеме целостности представлен в трудах другого классика системного подхода – Н.Лумана. Он проводит различие между функциональным анализом и Общей теорией систем (ОТС). По Н.Луману, дифференцированная система определяется не соотношением части и целого (в рамках «классического» системного подхода они вообще трудноразличимы), а различиями системы и окружающего мира. «Совокупная система» выступает у него как единство частичных систем и окружающего мира². Тем самым внимание переключается на «открытые системы». Система и окружающий мир выступают в некоем роде в виде «со-производства»³. В парадигме целое/часть имеют место необъяснимые свойства, в частности, свойства целого или вершины иерархии, представляющей целое, чего можно избежать теорией самореференции (аутопойезиса), где все, относящиеся к системе, включается в самовоспроизводство⁴. Исследователь предлагает в качестве парадигмы ОТС

¹ Там же. С. 105, 108, 111.

² Луман Н. Социальные системы. СПб., 2007. С. 30.

³ Там же. С.33.

⁴ Луман Н. Социальные системы... С.34–35.

заменить проблему целого и части теорией системной дифференциации, представляющей повторение образования систем в системах¹.

В рамках своей теории Н.Луман развертывает достаточно продвинутой категориальную систему (комплексность, контингентность, связка коммуникация–интеракция и т.д.), останавливаться на которой вряд ли имеет смысл в рамках данной работы, но все же, отметим один момент. Окружающий мир рассматривается как феномен, относящийся к системе, но лишь как ее негативный коррелят. Влиять на систему он не может. Однако посредством указания на окружающий мир система тотализирует саму себя². Тотализация общественной коммуникации привела к тому, что современная общественная система охватывает «мировое общество», у которого больше нет границ. Тем самым, в отличие от структурного функционализма Т.Парсонса, Н.Луман предлагает скорее процессуальную модель ко-эволюции самореферентной системы и окружающего мира³. Данная концепция явно выходит за рамки линейной детерминации, требуя многомерного анализа.

Весьма своеобразны, хотя и противоречивы, взгляды Э.Левинаса на проблему тотальности⁴. Здесь наблюдается некий синтез объективистских и субъективистских представлений, зачастую не согласующиеся друг с другом. Так, с одной стороны, тотальность определяется как целокупность общественного бытия, объективистского, зачастую экономикоцентрического порядка, куда вовлекается индивид, где подавляется множественность и своеобразие⁵. Это тотальность войн и империй, основывается на несправедливости, на подавлении

¹ Там же. С.44.

² Там же. С.246–247.

³ Луман Н. Социальные системы... С.54.

⁴ Левінас Е. Між нами: Дослідження Думки–про–іншого. К., 1999; Левінас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М.; СПб., 2000.

⁵ Левінас Э. Избранное... С.78,92,274–276.

свободы другого¹. Подобной тотальности Э.Левинас противопоставляет бесконечность, отдавая безусловный приоритет последней².

Однако при всем этом утверждается, что тезис и антитезис, взаимно отталкиваясь, предполагают друг друга, образуя тотальность; Я и опыт Другого остается источником смысла при постижении тотальности³. Свободное Я ценит тотальность⁴. Тотальность может содержать в себе и множественность, говорится и о тотальности «Я»⁵. Создается впечатление, что Э.Левинас говорит о двух разных тотальностях: социально-экономической («неистинной» в духе Т.Адорно) и «истинной» (интерсубъективистской), когда Другой, взаимодействуя с «Я», доводит его до полноты, целостности, то есть тотальности. Более последовательно подобная идея представлена в трудах М.М.Бахтина.

Что же происходило в это время в советской историко-теоретической и социально-философской историографии в русле проблематики данного круга? Следует прямо сказать, что ничего кардинально нового предложено не было, и это вполне объясняется идеологическим фактором. Все же попытки несколько модернизировать догматику истмата были предприняты, правда, на периферии марксистской теории.

Отметим только стремления Ю.И.Семенова смягчить линейную концепцию всемирно-исторического процесса, предложив несколько нетрадиционный подход к проблеме всеобщего, особенного и единичного. Он, правда, без всяких ссылок на Г.Спенсера вводит понятие «социальный организм», понимая под таковым отдельное, конкретное общество, что позволит уточнить вопрос о формах межформационных переходов⁶. Соответственно, такие параметры, как целостность, полнота, взаимосвязь, обычные в органицистских подходах к

¹ Левинас Э. Избранное... С.67–69; Левінас Е. Між нами... С.33–34,36.

² Левинас Э. Избранное... С.70.

³ Там же. С.92,94.

⁴ Левінас Е. Між нами... С. 22.

⁵ Там же. С.32,33.

⁶ Семенов Ю.И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки // ВИ. 1966. № 8. С. 106.

социальности, им не рассматривались. В середине 90-х гг. исследователь усиливает историко-эволюционный момент в своей концепции, и «социальный организм» у него трансформируется в «социоисторический» («социор»). Тем самым подчеркивается, что социор является единицей исторического развития¹.

Заметим, что интерес к данной категории в современной науке не исчезает. В частности, это работы Л.А.Гриффена и В.П.Беха². Можно, конечно, согласиться с В.В.Кизимой, что понятие «социальный организм» отягощено прежними типологическими представлениями³, но правда также и то, что понятия «эволюция», «исторический» и т.п. метафизической тоталлогии противопоказаны.

Все же, насколько нам известно, дать развернутое концептуально-методологическое обоснование категории «социетальность», выявить ее эвристический потенциал и т.д. никто не пытался. Она применяется как общепризнанная и не требующая дополнительных обоснований.

Данные явления отразили общую тенденцию тотализации социального познания. Помимо всего вышеназванного, отмечается еще и несомненное влияние «тотальной истории» «Анналов»⁴. Впрочем, энергия тотализирующего видения социальности окончательно выдохлась уже в 80-е гг. Тем не менее, тоталогические интенции оказались весьма затребованы в условиях, вроде бы не располагающих к новому прочтению классических категорий, казалось бы, уже окончательно деконструируемых.

1.4. Постнеклассический период развития тоталлогических представлений

¹ Семенов Ю.И. Материалистическое понимание истории: за и против // Восток. 1995. № 2. С. 23–24.

² Гриффен Л.А. Общественный организм...; Бех В.П. Социальный организм: философско-методологический анализ. Запорожье, 1998.

³ Кизима В.В. Социум и бытие. К., 2007. С. 27.

⁴ Шпотов Б.М. Проблемы методологии истории на страницах *Jornal of Social History* // Thesis. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 236, 239–240.

Безраздельное господство постмодернистских парадигм, построенных на абсолютизации элементаризма, субъективизма и тотальной деконструкции, оказалось весьма непродолжительным. Данное направление может существовать, пока есть что «деконструировать». Между тем всеобщность глобализационных процессов настоятельно потребовала своего осмысления на всех уровнях социального познания. Элементаризм, как и классический холизм с его приматом всеобщего и элиминацией конкретного, в равной степени оказались методологически несостоятельны.

Отнюдь не безграничны эвристические возможности и системного подхода. Так, А.И.Атоян, совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечает, что однозначное отождествление общества и системы вызывает целый ряд методологических трудностей в определении системного статуса явно несистемных объектов. Вслед за Ю.Хабермасом здесь можно говорить о «жизненном мире», а А.И.Атоян распространяет этот подход и на феномен маргинальности. Он считает обоснованным положение об обществе как о «социальном целом», а не «системе»¹. «Система» видится ему «внешним термином», искажающим представление об обществе, поскольку элиминирует, в частности, феномен социального интереса. Важнейшей чертой социальной целостности, по А.И.Атояну, является понятие «социальная связь»².

Негативно относится к системному подходу и Т.Адорно (на то она и негативная диалектика, где всякая целостность есть неистинное). Система у него – негативная объективность, абсурдно-рационально созданный концепт, преследующий чисто компенсаторскую цель³. Системный подход («философское понятие системы») он явно противопоставляет научной систематике, требующей упорядоченного и организованного изложения мысли⁴.

¹ Атоян А.И. Социомаргиналистика. Луганск, 1999. С. 30.

² Атоян А.И. Социомаргиналистика... С.115.

³ Адорно Т.В. Негативная диалектика... С. 33–34.

⁴ Там же. С.39.

Исследователи глобализации вольно или невольно отчасти актуализировали лейбницианское наследие, что выразилось в таких понятиях, как «глобальное производство различий» Р.Робертсона¹, отсюда и небезызвестная «глокализация» или «сораздельность» (совместно-раздельные отношения) у М.А.Чешкова, где противоположные компоненты, такие, например, как глобализация и локализация, разворачиваются одновременно и взаимонеобходимо, отражая антиномичную природу глобального целого². Антиномичность, по его мнению, должна лежать в основе методологии Нового Универсализма, а целостность понимается как сораздельность – связанность компонентов глобальной общности³. Близкое этому можно найти и ранее, например, «моноплюрализм» Н.А.Бердяева или «многоединство» Л.П.Карсавина.

Для осмысления целого/стности в последнее время широко задействован методологический аппарат коммуникативных теорий. Наиболее крайнюю элементаристскую позицию занимают Ж. Делез и Ф.Гвартари, стремящиеся элиминировать саму сущность единого, для чего ими выдвинуто понятие «ризомы» (корневая система без центрального стержневого корня). Ризома – это множество, не исходящее из единого⁴. В ее основе лежат связь и гетерогенность, она децентрализована и антииерархична.

Можно, конечно, согласиться с позицией тех авторов, которые утверждают, что в философской литературе не имеется альтернативного понятия, способного отразить сущность сетевых технологий и их связь с культурой постмодерна⁵. Однако уподобление общества гетерогенной, децентрализованной сети представляется явной абсолютизацией, видением общества сугубо в коммуникационном, информационном измерении, попыткой маргинализировать все

¹ *Robertson R. Mapping the Global Condition: Globalization as the Central Conception // Theory, Culture, Society. 1990. V. 7. № 2–3.*

² *Чешков М.А. Двойная спираль глобализации. М., 2007. С. 76, 87–88.*

³ Там же. С.76,98.

⁴ *Делез Ж., Гвартари Ф. Ризома / Ж.Делез, Ф.Гвартари // Философия эпохи постмодернизма. Минск, 1996. С.136–145.*

⁵ *Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // ВФ. 2008. № 7. С.65–66.*

то, что не укладывается в рамки данного мировоззрения, вполне сопоставимое с попытками вынести за скобки все не соответствующее Вашингтонскому консенсусу. Такой известный исследователь в области теории коммуникаций, как М.Кастельс весьма скептически отнесся к подобным рассуждениям¹. К тому же само понятие как целостность не дает возможности мыслить единичное вне всякой связи с ним. Поэтому-то и «ризомы», несмотря на свою яркость, остается все тем же образом, метафорой, принципиально не способной к категориальному приращению, что и показывает ее почти сорокалетняя история.

Отсюда целый ряд исследователей в области теории коммуникаций в ее широком контексте пытаются найти место и для целостности, единого в совокупности гетерогенных сетей. Это и «Универсум потоков» А.Турена или «пространство потоков» М.Кастельса, что явно предполагает единый континуум, их вмещающий и, следовательно, упорядочивающий. Глобальная общность представляется в виде универсальной системы коммуникаций, которая именно и задает саму целостность. Всеобщность, Единое переносится, тем самым, на уровень связей, конституирующих саму целостность. Субстрактность элиминируется в пользу субъект-объектных отношений.

Как тут не вспомнить гармонизацию отношений между монадами со стороны высшей субстанции, в роли которой теперь выступает вся мировая паутина. Трудно предложить принципиально новую фундаментально-мировоззренческую, философскую парадигму осмысления мироздания. Зато не столь затруднительно при помощи новой, «продвинутой» терминологии отразить все те же концепты, известные со времен Демокрита, Платона, Аристотеля, Аврелия Августина, Декарта, Спинозы, Лейбница, Канта, Гегеля, Маркса или, наконец, Кьеркегорга.

Все же среди постнеклассических подходов к проблеме тотальности наиболее концептуальными представляются разработки Джеймисона (Jameson,

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С.63.

см.¹), который в 60-е гг., находясь под определенным влиянием неомарксизма (Адорно, Альтюссер), развертывает «тотализирующий анализ субъекта и социума» как альтернативу позитивизму. Впоследствии, разрабатывая свою интерпретативную модель «История – текст», он рассматривает социальную тотальность как форму репрезентации (обретения смысла) индивидуального. В итоге тотальность выступает как позитивное решение проблемы идентичности, для чего исследователем представлена концепция «негативной герменевтики», трактующей соотношение текста и контекста через связку «вытеснение – компенсация». Негативная герменевтика эксплицирует историю как тотальность в формах ее отсутствия (отсутствующая тотальность при капитализме). Джеймисон выделяет три уровня репрезентации социальной тотальности: 1) текст как символический акт; 2) текст как дискурс; 3) текст как присутствие Истории в динамике способов производства. Это уровень «идеологии формы», последний интерпретативный горизонт. Постмодернизм как состояние западной культуры доходит здесь до своего логического предела.

Итак, достаточно очевидным представляется то обстоятельство, что постнеклассическая мысль осуществляет активный поиск новых парадигм, концептов и методологических конструктов, призванных отразить новую, «текущую» природу современной глобальной целостности. Насколько они успешны – это уже вопрос предпочтений. Важным рубежом в этом направлении стал опубликованный в 1993 г. тоталлогический постнеклассический манифест В.В. Кизимы, положивший начало «концепции обновления», претендующей на роль эпистемологического поворота, противопоставившей себя не только элементаризму, что вполне естественно, но и остальным версиям холизма (органицизму, системному подходу)². Все же претензии новой методологеммы все же нуждаются куда более в серьезном обосновании.

¹ *Всемирная энциклопедия: Философия.* М.; Мн., 2001. С.300–303.

² *Кизи́ма В.В. Тоталлогия...* С. 39–40.

Тем не менее тоталлогия распространяет у него свое влияние и на сферу социального познания. В духе подобного подхода В.В.Кизима развертывает категорию «социальная тотальность». Мировое сообщество определяется им как органическая целостность, нуждающаяся в интегральном осмыслении. Именно здесь и должна быть задействована данная категория. Мировое сообщество, рассматриваемое в своей субстанциональной полноте и качественном своеобразии, понимается как собственно социум¹. Сразу же отметим, что этот латинский «новояз» до сих пор не имеет строгой дефиниции и может толковаться самым различным образом. Так, у одних авторов он отождествляется с отдельно взятым обществом, аналогично семеновскому социору, у других – со всей совокупностью социальных отношений между людьми².

Отдельно взятые общества трактуются В.В.Кизимой как формы проявления всеединства социума, несущие в себе это единое начало³. Всеединство социума есть меняющееся множество, социальная тотальность. Отсюда учение о социуме именуется им социальной тоталлогией или метафизикой социальной тотальности⁴. Социальный организм тоже тотальность, развертывающаяся в себе, но сохраняющая свое единство⁵. Социальная тотальность целостна как в синхроническом, так и в диахроническом плане, имеет память как текущей жизни, так и историческую⁶.

Все вышеизложенные положения автор сводит в единое определение социума как целостного человеческого сообщества, существующего во всей полноте его возможностей и актуализированных проявлений его жизнедеятельности, их динамики и взаимопереходов в пространстве и времени.

¹ Кизима В.В. Социум и бытие... С.3.

² Латин Н.И. Антропосоциокультурный эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социс. 2018. № 3. С.6.

³ Кизима В.В. Социум и бытие... С.4.

⁴ Там же. С.5.

⁵ Там же. С.28.

⁶ Там же. С.29.

Как таковой он выступает в виде постоянно обновляющейся специфической формы и способа Бытия – социальной тотальности¹.

Не касаясь отдельных положений данной концепции, отчасти это будет сделано ниже, все же выскажем ряд общих соображений. Первое, термины «тоталлогия»/«тоталлогический подход» представляются весьма удачным, поскольку позволяют вывести осмысление тотальности/целостности на новый методологический уровень, преодолев, настолько это возможно, негативный баланс, связанный с прежней терминологией (органицизм – социальный организм, системный универсализм, холизм и т.п.).

Некоторые вопросы вызывает термин «социальная тотальность», ввиду недостаточной определенности самого понятия «социальное». Как будет показано ниже, социальное может трактоваться и как общественное в целом и как отдельная сфера общественной жизнедеятельности, связанная с отношениями между индивидами, классами, социальными группами, с разделением труда и т.п. Исходя из первой трактовки, и другие сферы и подсферы (политическая, экономическая, правовая, научная и т.д.) также будут социальными. На наш взгляд, термин общественная тотальность/социетальность будет несколько определеннее.

Далее, когда какой-либо исследователь пытается создать совершенно новую систему понятий, ранее не имеющей аналогов, то, как правило, подобные изыски не получают дальнейшего развития. Так бесследно исчезла вся богдановская терминология (эгрессия, депрессия, ингрессия, конъюгация и т.п.). Напротив, по сути те же самые идеи фон Берталанфи изложил в более привычной форме, через понятие «система», что имело несомненный успех и закрепилось в научной мысли. Увлекался конструированием новых понятий и Ю.И.Семенов, но все они практически сгнули в небытие, хотя, например, его термин «политарность» обладает, как нам кажется, серьезным эвристическим потенциалом, куда более

¹ Кизима В.В. Социум и бытие... С.33..

емким, чем «государственный способ производства» Л.С.Васильева. Перечисление можно продолжить, но главное видится в том, что В.В.Кизима идет по тому же пути (сизигия, парсика, генерология, амер и т.д.), видимо, и результат будет тот же самый. По словам самого В.В.Кизимы: «нельзя изменять уже сформировавшуюся генерологическую структуру»¹.

ГЛАВА 2. ГЕНЕЗИС МНОГОМЕРНОГО ПОДХОДА И ЕГО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ

Пожалуй, не так часто встречается понятие, столь же распространенное в научной литературе, сколь и нуждающееся в категориальном осмыслении, как «многомерность». В классической эпистеме с ее линейным детерминизмом оно было совершенно излишне и могло употребляться разве что на уровне образа и метафоры. Постклассическое познание ориентируется уже на другие подходы и парадигмы, отражая иную реальность, не кажущуюся столь определенной и однозначной, как ранее. Картина стохастической Вселенной нуждается в ином категориальном аппарате.

Однако в подавляющем большинстве случаев этого как раз и не происходит. Данный термин используется либо чисто метафорически, либо как нечто само собой разумеющееся, раз и навсегда определенное, поэтому не требующее особых разъяснений и тем более специального изучения. В этом плане «нелинейности» повезло гораздо больше: она исследуется в рамках синергетического подхода и применяется для описания самых различных процессов и явлений: от

¹ Кизима В.В. Социум и бытие... С.127.

естественных до социальных. Казалось бы, сама распространенность понятия «многомерность» позволяет задать вопрос – что это такое? Какой феномен за ним скрывается? Каковы эвристические возможности данного понятия? Хотя эти вопросы уже поставлены в научной литературе, в частности, в работах В.Л. Алтухова¹, В.Ж. Келле², М.А.Дрюк³ и некоторых других авторов, но проблема скорее намечена, нежели активно разрабатывается, а в последнее время по сравнению с 2000-2003 гг. ее категориального расширения вообще не происходит.

Причина этого, видимо, кроется в том, что многомерность требует соотношения с ее антиподом – немномерностью (одномерностью), а здесь возникают существенные проблемы. Что можно считать одномерным? Если оставить в стороне яркий образ-метафору Г. Маркузе («одномерный человек»), то оказывается, что однозначных примеров здесь не так уж много (натуральный ряд чисел, лента Мёбиуса – вот что, пожалуй, в первую очередь приходит в голову). Если определить одномерность как совокупность явлений, описываемых в единственной системе детерминаций (монопараметрические, однониточные теории, по Г.С. Померанцу⁴), то список можно продолжить и одномерность распространить на сферу осмысления действительности. Таким образом, в разряд «одномерных» включается универсальная теория формаций (в частности «пятичленка»), а вслед за Г.Н. Померанцем и психофизиологизм З. Фрейда, теория этноса Л.Н. Гумилева⁵ и т.д.

¹ Алтухов В. Философия многомерного мира // ОНС. 1992. № 1; Он же. Контуры неклассической общественной теории // ОНС. 1992. № 5; Он же. О смене порядков в мировом общественном развитии // МЭМО. 1995. № 4; Он же. Многомерный мир третьего тысячелетия // МЭМО. 2000. № 7; Он же. Логика человеко-и мироустройства. – М., 2003.

² Келле В.Ж. Проблема многомерности в методологии социально-исторического познания // Проблемы исторического познания. М., 2002.

³ Дрюк М.А. Современная концепция многомерности как новой парадигмы мышления // Вест. Моск. ун-та. Сер. 7. 2002. № 2.

⁴ Померанц Г.С. Выход из транса. М., 1995. С.348–349.

⁵ Там же. С. 348-358.

Однако дальнейшее развитие мысли в этом отношении упирается в полемику между монизмом и плюрализмом, совершенно теряя всякую определенность в разрастающемся клубке проблем. В итоге получаем, что мироздание многомерно как целостность и в различных своих сферах (многомерно все), а раз так, то и размывается сам объект многомерности. Видимо, имеет смысл выделить таксономические уровни феномена многомерности и сопоставить их с теориями, описывающими сложные, нелинейные процессы и явления. Теории первого (высшего) уровня вычленяют многомерность в объект самостоятельного изучения, стремясь определить его собственную природу и сущностные признаки. Многомерность рассматривается здесь в качестве когнитивной макрокатегории философского анализа.

У истоков многомерного подхода, на наш взгляд, находится тринитарная парадигма, разработанная в русле христианской теологии. Даже не пытаюсь охватить данную мегапроблему в сколь-нибудь целостном виде, только лишь обозначим ряд интересующих нас моментов. Осмыслить ее как проблему единого и многого возможно с трех методологических позиций. Первая признает реальность только общего (савелианство, модализм), три божественные образа тем самым превращаются в модусы единого Бога. Вторая (тритеизм) признает реальностью только ипостаси, а общее представляется лишь мысленным обобщением, что ведет к признанию трех отдельных богов. Наконец, третья (никейская, каппадокийская) признает единосущность, равночестность, неслиянность и нераздельность ипостасей. Достичь этого удалось через терминологическое разграничение сущности и ипостаси (прежде синонимичные друг другу). В итоге Божественная сущность в равной мере (равночестно) присутствует в трех ипостасях, которые выражают личностную специфику (неслиянны), будучи, тем не менее, единосущными.

Рациональность подобной концепции, ее соответствие законам формальной логики изначально вызывало сомнения, которые не развеялись и до сих пор. Некоторые богословы обвиняли каппадокийцев в том, что их позиция более

заслуживает упрека в тритеизме, чем учение Афанасия в савелианстве¹. Более содержательный анализ этой проблемы, как нам видится, скорее представлен в историко-теологических трудах, см. в частности²; религиозные же философы скорее озабочены своими толкованиями по данному поводу, см., например³.

Возможны два подхода к феномену тринитарности. Первый, иррационалистический усматривает в нем лишь беспомощность человеческого разума перед божественным. Он известен еще со времен Тертуллиана («верую, ибо абсурдно») и до П.Флоренского, призывающего здесь «выйти за пределы рассудка», поскольку рационалистическое истолкование этой формулы неминуемо ведет к ереси⁴, с чем вполне согласен и советский мыслитель Г.Померанц («системность Троицы выходит за рамки научной логики»⁵).

Напротив, второй пытается рационалистически объяснить его. Чаще всего это делается путем разведения понятия единого и многого в разные измерения. Мейстер Экхарт и Жильбер де ля Поррэ осмысливали Единое при помощи категорий «Божество» и «божественность» соответственно. В большем согласии с церковными догматами находятся попытки Е.Н.Трубецкого и М.Грибановского, которые практически в одних и тех же выражениях проводят мысль о том, что понятие «единство» относится к Существо, а «троичность» – к Лицам⁶.

Оригинальное рационалистическое истолкование догмата триединства дает Б.В.Раушенбах. Выделив логические свойства Троицы (триединство, единосущность, нераздельность, соприносущность, специфичность и взаимодействие), в этой связи он обращает внимание на то обстоятельство, что в

¹ *Поснов М.Э.* История христианской церкви (до разделения Церквей – 1054 г). К., 1991. С.362.

² *Поснов М.Э.* История христианской церкви... С.360–370; Ратцингер Й. Введение в христианство. М., 2006. С.130–142; Грибановский М. Лекции по введению в круг богословских наук. К., 2003. С.111–156; Мейендорф И. Введение в святоотеческое богословие. К., 2002. С.120–149.

³ *Карсавин Л.П.* О началах // Карсавин Л.П. Сочинения. СПб., 1994. Т. VI. С. 84–86,95–97,146–171; *Франк С.* Сочинения. Мн.; М., 2000. С. 654–661,726–731.

⁴ *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. М., 1990. Т. 1. С.56,58.

⁵ *Померанц Г.С.* Выход из транс... С. 333.

⁶ *Трубецкой Е.Н.* Свет Фаворский и преображение ума // ВФ. 1989. № 12. С. 119–120; Грибановский М. Лекции... С.152–153.

никео-цареградском Символе веры каждое из трех Лиц названо Богом¹. В противовес уже имеющимся трактовкам он предлагает векторную модель логической тринитарности, то есть вектора с его тремя ортогональными составляющими, что соответствует всем признакам триединства².

Сама тринитарность рассматривается им как фундаментальное свойство мироздания, здесь Б.В.Раушенбах указывает на понятие «вектор» в естественных науках, на его применение в механических расчетах³, что существенно расширяет примеры триединства у П.Флоренского (три измерения пространства, времени, три грамматических лица, троичность разума)⁴. Впрочем, сам П.Флоренский вовсе не настаивал на том, что число ипостасей должно быть строго троично, так как из понятия о Божестве нельзя вывести число «три»⁵, он ощущает некую связь между приведенными им примерами троичности, но какую именно, отказывается конкретизировать⁶. Более категоричен в своих выводах Н.А.Бердяев, заявлявший, что нельзя осмыслить мир и мировую историю помимо идеи Троичности, во всем мире разворачивается опрокинутая, отраженная троичность, когда история мира проходит эпохи Отца, Сына и Духа⁷. Образ триединства С.Н.Булгаков находит в структуре человеческого духа, в триединой природе ума. Мысль сталкивается с тремя моментами суждения: «Я», «Есмь», «А», то есть Субъектом, Связкой и Предикатом или Ипостась, Бытие, Логос⁸. При этом Отцу соответствует «Я», Сыну – предикат, Духу Святому – связка. Бытие мыслимо им лишь как связка, то есть в свете ипостасного логоса и в связи с ним⁹.

Итак, разграничив сущность и ипостась, тринитарный подход впервые стал рассматривать Абсолют, Единое в двух системах измерения: со стороны

¹ Раушенбах Б.В. Логика троичности // ВФ. 1993. № 3. С. 63–66.

² Там же. С.66–70.

³ Там же. С.70.

⁴ Флоренский П.А. Столп... С. 595–599.

⁵ Там же. С.593.

⁶ Там же. С.599.

⁷ Бердяев Н.А. Философия свободы. М., 2007. С. 134, 138.

⁸ Булгаков С.Н. Философский смысл троичности // ВФ. 1989 № 12.

⁹ Там же. С.95–96.

субстанциональной единственности и со стороны субстанциональных Лиц, что в корне противоречило классическим однолинейным схемам, развертывающимся по связке субстанция – акциденция, Единое – многое. Тем самым, видимо, патристами был интуитивно угадан некий общий бытийный принцип, выходящий за рамки собственно богословских споров о сущности и ипостасях. Последующее развитие познавательной деятельности человека сталкивало его с феноменами, трудно объяснимыми в рамках линейной логики.

Речь идет, в частности, о таких феноменах, как нелинейные геометрические системы Лобачевского и Римана, отнюдь не отменяющие евклидову, о соотношении между физикой Ньютона и Эйнштейна, наконец, о корпускулярно-волновой природе света. Именно последний феномен лег в основу принципа дополнительности Н.Бора, трактовавшего его в качестве общенаучной методологии¹, но который может быть рассмотрен и в более широком контексте.² Аналог ипостасным отношениям Й.Ратцингер усматривает в структуре света, где частица и волна не могут быть сведены к единому началу, то есть свет как целое недоступен нам в своем единстве. Отсюда Триединный Бог существует только во множественности отношений, чем достигается вся полнота бытия³.

В известной мере тринитарный подход был продемонстрирован П.Сорокиным, когда он в качестве «аспектов» структуры социокультурного взаимодействия выделил личность, общество и культуру, безраздельно взаимопроникающие, но не редуцируемые друг к другу, в единстве составляющие неразрывную триаду⁴. Из современных исследователей аналогичных взглядов в целом придерживается Н.И.Лапин⁵.

¹ Бор Н. Избранные научные труды. М., 1971. Т. 2. С.393.

² Алтухов В. Социальная картина мира и новое мышление // МЭМО. 1991. № 7. С.91.

³ Ратцингер Й. Введение в христианство... С.140–141.

⁴ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С.218–219.

⁵ Лапин Н.И. Антропосоциокультурный эволюционизм... С. 4–6.

Все выше обозначенные феномены, процессы и тенденции, по нашему мнению, нуждаются в их целостном осмыслении посредством некоей достаточно емкой категории и единых методологических установок. Решающий шаг в этом направлении, как нам представляется, был проделан В.Л. Алтуховым еще в начале 90-х гг., заявившем о необходимости разработки теории многомерности, где она из образа и метафоры трансформировалась в категорию постнеклассической философии. Многомерность он понимает как сущностное качество сложноорганизованных процессов и явлений, вмещающее множество измерений¹. Тем самым именно измерение объявляется центральным понятием соответствующей теории. По мнению исследователя, оно представляет собой определенный «срез» целого по определенному основанию, в котором обнаруживается его природа². При этом измерение не есть часть целого, его подсистема или даже аспект. Измерения суть несливающиеся природы целого, их ядра не смешиваются.

Данное понятие сразу же ставит проблему его соотношения с «ипостасью». В позиции В.Л.Алтухова по данному вопросу можно усмотреть ряд разночтений. Так, в работах начала 90-х гг. он практически отождествляет ипостась и измерение, категорически заявляя, что категория «ипостась» является центральной в его многомерной логике и методологии³. Впоследствии исследователь пытается их несколько терминологически обособить. В частности, говорится, что измерение – не просто более широкое понятие, а включает в себе особое смысловое содержание⁴. Однако в чем все это заключается, совершенно непонятно. Те определения, прилагаемые им к понятию «измерение» (начало, срез, существенная структура), в принципе, могут быть задействованы и при

¹ Алтухов В. Многомерный мир... С. 30–31; Он же. Логика... 30–34.

² Алтухов В.Л. Многомерный мир... С.31.

³ Алтухов В. Смена парадигм и формирование новой методологии (попытка обзора дискуссии) // ОНС. 1993. № 1. С. 94.

⁴ Алтухов В. Многомерный мир... С. 31.

характеристике ипостаси. Может быть, ипостась несет в себе узкотеологическую трактовку? Но и здесь нет ясности.

В любом случае, тринитарный подход объявляется предтечей многомерного, первой многомерной системой (Мн.1–система), первым принципом многомерной логики (Л. 1–принцип)¹. Все же данные размежевания не убедили, например, М.А.Дрюк, которая продолжает именовать подход В.Л.Алтухова «ипостасным»². Действительно, разграничение ипостаси и измерения здесь недостаточно убедительно. Остается в стороне и вопрос о том, предполагает ли категория «измерение» в трактовке В.Л.Алтухова наличие соответствующих единиц измерения. В любом случае несомненным представляется то обстоятельство, что в данное понятие исследователь вкладывает принципиально иное содержание, отличное от классического (см., напр.³), проделавшее эволюцию столь же существенную как «ипостась» в теологии (от *hypostasis* – лицо). Обе категории в итоге оказываются в равной мере парадоксальными. Если «ипостась» может рассматриваться как форма соразмерности несоизмерного, то в многомерном подходе «измерение» соответственно это координаты осмысления неизмеримого.

Далее В.Л.Алтухов считает необходимым разграничить немногомерное и многомерное на категориальном уровне, начав с разведения категорий «измерение» и «противоположность»⁴. Противоположности принадлежат к немногомерному миру, противоположности, не вступающие в противоречия друг с другом – это не противоположности, а измерения. В многомерном мире принцип единства и борьбы противоположностей сменяется принципом дополнительности.

¹ Там же. С. 35.

² Дрюк М.А. Современная концепция... С.31, 38.

³ Мельников О.А. О роли измерения в процессе познания. Новосибирск, 1968. С. 15,25,29,35.

⁴ Алтухов В. Многомерный мир... С. 31–32; Он же. Логика... С.60–61.

В этой связи хотелось бы только отметить, что поставленная В.Л.Алтуховым проблема разграничения категорий «измерение» и «противоположность», видимо, нуждается в несколько иных подходах, поскольку тезис «противоположности исключают друг друга»¹ в диалектическом подходе не является самостоятельным, а действует вкупе с другим, ему равнозначным – противоположности предполагают друг друга (нераздельны, находятся в единстве и не существуют помимо оного). К тому же принцип дополнительности может быть задействован и в рамках диалектики – противоположности дополняют друг друга в своем единстве.

Кроме того, в историографии отмечена и скептическая оценка эвристических возможностей принципа дополнительности. М.А. Дрюк указывает, что его применение в качестве универсальной категории мало что дает науке, поскольку неясна логика этого принципа, не раскрыты его действующие механизмы². По ее мнению, в аналогичной ситуации оказывается и сама трактовка многомерности В.Л. Алтухова, в частности, ее применение в квантовой механике ведет к явным абсурдам³.

Помимо «ипостасной» трактовки многомерности, М.А.Дрюк выделяет несколько иных ее вариантов: «перспективная» (Ортега-и-Гассет), синергетическая, «спектральная» или «голографическая» (С. Гроф, Д. Бом), а также «интервальная»⁴.

Синергетика, как известно, исследует нелинейную динамику, следовательно, многомерность рассматривается в подобном контексте. Что касается остальных, то многомерность у Ортеги-и-Гассета, по мнению М.А.Дрюк, выступает как совокупность «индивидуальных перспектив», сугубо личностного видения реальности⁵. Спектральная концепция предполагает, что весь комплекс

¹ Алтухов В. Многомерный мир... С. 31.

² Дрюк М.А. Современная концепция... С.34–35.

³ Там же. С.38.

⁴ Там же. С. 31–38.

⁵ Там же. С. 33.

человеческого опыта невозможно описать с помощью одной психологической системы, каждый из уровней сознания требует самостоятельной структуры объяснения¹.

Пожалуй, стоит подробней остановиться на последней (интервальной). Представляется несомненной ее связь с философией постмодерна, в том ее моменте, где говорится и о многомерном мышлении типа ризомы². Собственно в интервальной эпистемологии интервал понимается как граница однозначного применения понятия. Видимо, М.А.Дрюк остались неизвестными попытки более широкого прочтения интервальной методологии, связанные с работами Ф.В.Лазарева и Д.Е.Музы³. Многомерность здесь определяется как система соподчиненных и разноуровневых интервалов, взаимосогласованных самой интервальной структурой бытия⁴. Познавательная интенция интервального мышления связана с поиском границ, узловых точек меры, скрытых системных детерминаций. Это не тотализирующий, а дифференцирующий взгляд на предмет, ориентирующийся на скачкообразные переходы к новым смысловым контекстам, установление понятийных конфигураций в иерархии сторон, уровней, ипостасей целого⁵. Тем самым интервальный подход рассматривается ими как общая методология многомерного постижения реальности.

Сама М.А.Дрюк предлагает использовать в теории многомерности гносеологическую категорию «модель» и принцип химической теории резонанса предельных структур⁶, что уже в свою очередь может вызвать вопросы об универсальности применения последнего, например, при изучении социальных явлений.

¹ Там же. С.37.

² Там же. С.35–36.

³ Лазарев Ф.В., Литтл Б.А. Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию. Симферополь, 2001; *Цивилизация: от локального к глобальному Граду*. Донецк, 2008. С. 68–95.

⁴ Лазарев Ф.В., Литтл Б.А. Многомерный человек... С. 32.

⁵ Там же. С.31.

⁶ Дрюк М.А. Современная концепция... С.39–40.

Несколько более узкую трактовку многомерности дают В.Ж. Келле, Г.С.Пак¹ и некоторые другие исследователи. Так, В.Ж. Келле, в отличие от В.Л. Алтухова, склонен отождествлять измерения и аспекты, выделяя естественноисторическое (объективное), деятельностное и личностное (гуманистическое) измерения². Почему три? Задает себе вопрос исследователь и соотносит их с тремя направлениями в социологии – объективистское, субъективистское и феноменологическое, что свидетельствует о фундаментальности данных измерений в качестве аспектов анализа социального пространства³. Определение многомерности В.Ж. Келле не дает, видимо, как само собой разумеющееся, но по ходу текста видно, что под многомерностью понимается объемность общества как некоего социального пространства, вмещающего три вышеназванных измерения (аспекта)⁴.

Г.С.Пак в свою очередь говорит о многомерности исторического времени, так же не определяя сам феномен многомерности. Многомерность же истории трактуется ею как процесс сосуществования и взаимодействия системных временных потоков⁵, как многоярусность временных ритмов человеческого бытия⁶. Многомерность исторического времени, фактически отождествляемая с многокачественностью⁷, образуется в результате человеческой деятельности, создающей три временных мира: повседневности, культуры и событийности. Тем самым многомерность выступает как взаимная проекция этих трех миров. Почему именно их? В работах Г.С. Пак данный вопрос остался без ответа, хотя много внимания уделено обоснованию фундаментальности данных измерений.

¹ Келле В.Ж. Проблема многомерности...; Пак Г.С. Многомерное время истории как человеческой деятельности. Н. Новгород, 1998; Она же. Многомерное время истории как человеческой деятельности: Автореферат ... дисс. д. филос. наук. Екатеринбург, 2000.

² Келле В.Ж. Проблема многомерности... С.31.

³ Там же. С.34–35.

⁴ Келле В.Ж. Проблема многомерности... С.29-30, 39.

⁵ Пак Г.С. Многомерное время... Автореферат ... С. 12.

⁶ Там же. С.21.

⁷ Там же. С.19.

У В.Н. Шевченко свой набор аспектов анализа процесса развития любого объекта, в том числе и общества. Это цикличность, равномерность и неравномерность¹. Каждый из них выступает как определенный структурный уровень теории со своим кругом проблем. Первый рассматривает общество как целое, второй выявляет логику всемирной истории на основе теории общественно-экономических формаций и третий – «деятельностный» аспект, охватывает проблематику философского осмысления конкретной истории во всем ее многообразии. При этом термин «измерение» В.Н. Шевченко не использует, отдавая приоритет понятию «аспект».

Перечень измерений дает и В.Л. Алтухов. Видимо, стараясь уйти от триадичности как гегелевско-диалектического наследия, он выдвигает четыре измерения исторического процесса: стадильность (вертикальный «срез» истории), цивилизационное измерение (горизонтальный «срез»), человеческое и духовное².

Ю.А. Поляков под многомерностью понимает многослойность всех существовавших обществ, множественность влияющих на него факторов³. Многослойность социальной структуры общества он отражает через категорию «русло исторического процесса». В качестве таких «русел» называются история социальных слоев (классов, групп), а также развитие производительных сил⁴. Надо полагать, что этот список может быть продолжен.

Сравнивая методологические подходы всех вышеназванных авторов, следует отметить, что концептуальному уровню осмысления феномена многомерности в полной мере соответствуют лишь работы В.Л. Алтухова. Необходимость его разработки обозначена в статьях В.Ж. Келле и М.А. Дрюк. Г.С. Пак хотя и заявляет о раскрытии философского смысла многомерности⁵, однако,

¹ Шевченко В.Н. Социально-философский анализ общества. М., 1984. С. 9.

² Алтухов В.Л. Логика... С.85–86.

³ Поляков Ю.А. Как отразить многомерность истории // ННИ. 2003. № 4. С. 5.

⁴ Там же. С. 6–9.

⁵ Пак Г.С. Многомерное время... Автореферат ... С.18.

как можно понять из текста Автореферата, она все время сбивается на операционный уровень, где многомерность рассматривается исключительно как свойство исторического времени. Философский смысл проблемы многомерности состоит, согласно ей, в том, что начиная с любого временного ритма, возможен выход к другим формам исторического времени¹.

В принципе, все теории, описывающие сложный, нелинейный объект, формируемый несколькими системами детерминаций, вправе постулировать наличие того или иного измерения, в основе которого лежит соответствующая целостность (тотальность) причинно-следственных связей. Так, разрабатываемая нами категория Антропосоциетального универсума, понимаемая как предельность бытия социума в его тотальности, как абсолютная полнота человекомирности в единстве с ее движением/развитием², также позволяет выделить свой набор измерений. Поскольку полюсами Антропосоциетального универсума являются, на наш взгляд, Исторический и Социальный (Социально-интегративный) континуумы, то уместным будет, видимо, говорить о трансформационно-историческом и структурно-функциональном (воспроизводственном / интегративном) измерениях, связующим звеном между которыми будет деятельность индивидов и социальных групп. Данная связка не является единственно возможной. Тотальность человеческого бытия позволяет рассматривать ее в неограниченном количестве измерений, о чем речь пойдет дальше.

Даже первый, самый беглый анализ «наборов» предполагаемых измерений у разных авторов, свидетельствует все же не о произвольности их составления, как это может показаться, а о многообразии оснований, по которым можно провести тот или иной «срез». Именно это, на наш взгляд, имел в виду В.Л.

¹ Там же. С. 19.

² *Попов В.Б.* Социальная тотальность – социетальность: классические пределы и новые возможности // Гілея. 2012. Вип. 59; *Попов В.Б.* Антропосоциетальный Универсум: многомерный подход // ПФ. 2013. № 1.

Алтухов, когда писал о непересекаемости измерений, что препятствует их объединению в одну концептуальную модель¹.

Теории, стремящиеся четко зафиксировать количество измерений, времен и континуумов, сталкиваются с весьма серьезными методологическими трудностями. Так, А.А. Макейчик в своей интересной работе, явно отражающей нелинейные предпочтения автора, хотя и не используя категорию многомерности, пишет о дихронности (двоевременно) социокультурных комплексов, находящихся на разных уровнях общественного развития, что предполагает гетерогенную временную организацию социума². При этом дихронность действует в связке с монохронностью³, таким образом, один и тот же народ может переживать дихронные и монохронные периоды своей истории⁴.

Отсюда возникает целый ряд вопросов. Первое, может ли социальная гетерогенность иметь более сложную, например, триахронную природу и так далее? А.А.Макейчик связывает природу дихронности со взаимодействием внутреннего и внешнего начала. В частности, внедрение в традиционные общества стадияльно высших форм как раз и породило феномен дихронности)⁵. Отсюда следующее: может ли быть источник разновременья сугубо внутри общества? Так, автор пишет о дихронном консерватизме, выражающем неисчерпанность изживающей самобытности, ее способность к дальнейшему существованию⁶. Взаимодействие дихронного и монохронного консерватизма с монохронным прогрессизмом дает более сложную картину триахронности, а в перспективе возможен еще дихронный прогрессизм.

Например, латиноамериканские общества дают образец существования сразу нескольких разновременных укладов: первый связан с традиционными

¹ Алтухов В.Л. Логика... С.86.

² Макейчик А.А. Философия дихронности. СПб., 2001. С. 26,37.

³ Там же. С.18.

⁴ Там же. С.29.

⁵ Там же. С.18, 24.

⁶ Макейчик А.А.Философия дихронности... С. 33-34..

формами социальности, другой – это рабовладельческое плантационное хозяйство, третий имеет прообраз в феодальных отношениях (энкомьенда), причем два последних феномена здесь явно лишены стадильной определенности европейских линейно-поступательных аналогов. Наконец, впоследствии произошло проникновение стадильно-формационного капитализма Запада, что в итоге дало многомерный феномен постколониального развития. Везде где стадильные и астадильные формы накладываются друг на друга, количество континуумов и субконтинуумов множится вне строгой определенности.

Возникновение разновременных форм известно и в линейно-стадильном (формационном) типе эволюции. Так, предкапиталистические элементы (мануфактуры) возникают на севере Италии уже в конце XIII в., просуществовав достаточно длительное время вместе с феодальными (явная дихрония), они в данном случае так и не смогли возобладать, тем самым переход к качественно высшей формации был заблокирован вплоть до XIX в., когда вступил в действие уже внешний фактор.

Все вышеизложенное, по нашему мнению, свидетельствует и в пользу того обстоятельства, что предметом многомерного подхода является не выделение строго определенного количества измерений, континуумов, времен и тем более не сведение их к общему знаменателю, а изучение способов «состыковки» (взаимодополнения) моделей, описывающих то или иное измерение, на что прямо и указывает В.Л. Алтухов¹.

В западной литературе понятие «многомерности», насколько мы можем судить, не рассматривается на концептуальном уровне, хотя достаточно активно используется в рамках социологической теории. Единственная попытка продвинуться в этом направлении связывается с именем Дж. Александера и его фундаментальным трудом «Теоретическая Логика в социологии». Он все же пытается выстроить типологический ряд приверженцев многомерного подхода,

¹ Алтухов В.Л. Логика... С. 87.

составив его из таких исследователей, как М. Вебер, и особенно Т. Парсонс, хотя у них данная категория практически отсутствует, но сами их подходы в разной мере характеризуются им как многомерные.

Понятие «многомерность» чаще всего применяется в качестве операционной в этнологии, социологии и других отраслях социального познания, там где возникает необходимость подчеркнуть сложность объекта. Именно в подобном качестве оно используется, например, К.Леви-Строссом в его классическом труде «Структурная антропология» (1957 г.). Так, исследуя систему родства племен хопи, он говорит о трех ее измерениях¹. Далее им указывается на необходимость применения многомерных схем при изучении мифологии. Многомерность понимается как множественность систем отсчета в структурном анализе мифа, его рассмотрение с нескольких позиций, в нескольких вариантах². Как мы увидим дальше, подобная позиция переживет и самого Леви-Стросса и все попытки концептуализации многомерности в западной литературе (александеровскую прежде всего).

Дж.Александр выступил с весьма многообещающим заявлением, что многомерность является стандартом, по которому предлагается оценить всю теоретическую логику³. Методологическая значимость многомерного подхода рассматривается через его противопоставление «одномерным», выдвигающим какой-либо фактор в качестве абсолютной детерминанты⁴. Последовательное применение данной парадигмы, по мнению исследователя, позволит осуществить синтез различных противоположных направлений (утилитаристического и нормативистского; теории действия и порядка; механицизма и органицизма; ценностей и условий) и даже составит синтетическую альтернативу идеализму и материализму⁵. Все это позволит расширить точки соприкосновения различных теорий, создав своего рода синтетический эффект, причем эти

¹ *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 2011. С. 89.

² Там же.

³ *Alexander J.C.* Theoretical Logic in Sociology. Berkley; L.Angeles, 1982. V.1. P. 124.

⁴ *Ibid.* P.65–66.

⁵ *Alexander J.C.* Theoretical Logic... V.1. P.68,116,120–121; V.2. P.370; V.3. P.XVII–XIX.

противоположности будут скорее развиваться параллельно, в смежных измерениях с определенными контактными зонами, а не сливаться друг с другом¹.

Как это все будет осуществляться, какие онтологические и гносеологические методологемы будут задействованы в новой «многомерной» теории остается непонятным. Возможно, именно с этой целью Дж.Александр вводит понятие «многослойный эпистемологический континуум», простирающийся от наиболее общих метафизически ориентированных предпосылок до эмпирических наблюдений через промежуточные этапы в виде конкретных теоретических моделей. Все это в итоге принимает вид шкалы с метафизическим и эмпирическим полюсами². Логически следует, что любая из сфер, например, «метафизическая», будет структурироваться по тому же принципу. Словом, обозначилась хорошо известная еще со времен Платона картина «раздвоения Единого».

Однако допустимы и другие модели многомерности. Анализируя воззрения Т.Парсонса, Дж. Александр раскрывает данный феномен через понятие «взаимопроникновение» (взаимодействие), в его системе «AGIL»³, предполагающее, что различные компоненты социальной действительности, будучи «вплавлены» друг в друга, проявляются не порознь, а вместе. Показательно здесь также и то обстоятельство, что описывая парсонсовские «подсистемы», Дж.Александр использует понятие «измерение».

Общий замысел Дж.Александера строится по схеме, в которой можно проследить почти классическую триаду: тезис – антитезис – синтез. Сначала анализируются противоположные, но в равной мере «одномерные» концепции (Дюркгейм - Маркс, тт. 1,2). В качестве первого неполного, непоследовательного синтеза выдвигается Вебер (т.3), затем более полный – Парсонс (т.4), но и он не может считаться окончательным. По идее, полный синтез должен быть

¹ Alexander J.C. Theoretical Logic... V.1. P.120–122; V.2. P.370.

² Alexander J.C. Theoretical Logic... V 2. P. XVIII–XIX.

³ Alexander J. Theoretical Logic... V. 4. P. 79–82.

представлен авторской концепцией, но этого как раз и не происходит, изложение прерывается без всякого концептуального заключения, с некоторым недоумением констатируют его критики¹.

Дж.Александр пытается сконструировать свою теорию многомерности в историографическом контексте, через изучение трудов четырех вышеназванных ученых, но этот анализ мало что дает для его концепции. По сравнению с ее «предгипотетическим» изложением в 1-м томе никакого концептуального приращения впоследствии не наблюдается, а вся теория, по словам Р.Коллинза, остается на уровне «незрелого эскиза»².

Каковы же воззрения автора на природу многомерности? Прямо скажем, что ее целостное изложение в данном труде отсутствует, представляя разрозненный набор соображений.

Важность многомерной методологии связывается Дж.Александром со следующими обстоятельствами: 1) «удобность» этого термина, поскольку его значение соответствует его использованию в рамках здравого смысла; 2) термин имеет широкое техническое применение для обозначения его синтетических возможностей, которые автор будет всецело усиливать³.

Одномерность Дюркгейма и Маркса видится, прежде всего, в том, что оба они применили один и тот же принцип редукционизма, правда, выводя его из прямо противоположных начал: Дюркгейм – из ценностно-нормативного, а Маркс – из экономического, но и то и другое рассматриваются как абсолютные детерминанты. При этом Маркс оказывается вроде бы более «многомерен», чем Дюркгейм, по крайней мере Дж.Александр, указывая на ранние работы Маркса, заявляет об изначальной многомерности его мысли⁴. Многомерность видится в

¹ *Burger Th.* Multidimensional problem: a critique of Jeffrey Alexander «Theoretical logic in sociology»// *Sociol. quart.* 1986. V. 27. № 2. P. 279,282–284,289; *Collins R.* Jeffrey Alexander and the search for multi-dimensional theory // *Theory and soc.* 1985. V. 14. № 6. P. 886, 891–892.

² *Collins R.* Jeffrey Alexander... P. 892.

³ *Alexander J.C.* *Theoretical Logic...* V.1. P. 66.

⁴ *Ibid.* V.2. P.14–15.

том, что категории этого периода (практика, отчуждение и т.п.) определяются многомерным способом как синтез субъективного и объективного¹. Однако хотя принцип многомерности ослабляется в последующих работах в пользу экономического детерминизма, все же нет оснований отрицать непрерывность между ранними и поздними трудами Маркса (явно имеется в виду Л.Альтюссер с его марксистским антигуманизмом)².

Первая попытка многомерного подхода представлена социологией М.Вебера. В чем она заключается? У Дж.Александера отсутствует единый, четко сформулированный вывод. Указывается на многомерность веберовского понимания коллективного порядка, на многомерный анализ действия через соотношение ценностей и условий, а также феномена самой социальной жизни как причинной цепи взаимодействия между политическими структурами и религиозными движениями, далее говорится о многомерном подходе к изучению социального класса, городских структур и окружающей среды³.

Если свести воедино все разрозненные соображения Дж.Александера по этому поводу, то можно заключить следующее. Многомерный подход М.Вебера видится как совокупность детерминаций, идущих из разных сфер общественной жизнедеятельности. Тем самым создается «многомерный контекст» (континуум? – В.П.), в который погружается любой объект⁴. Объект в его многомерном понимании рассматривается как «иерархическая совокупность позиций». Такой представляется Дж.Александеру, в частности, веберовская трактовка социального класса⁵.

Впоследствии Вебер, по мнению исследователя, отходит от многомерного подхода, смещаясь к редукционизму и инструментализму⁶, так что подобная

¹ Ibid. P.27–29,35–37.

² Ibid. P.40.

³ *Alexander J.C. Theoretical Logic... V.3. P.23–24,27,33–40,42,45,50–52.*

⁴ Ibid. P.42,72.

⁵ Ibid. P.45.

⁶ Ibid. P.76–77,89,113.

непоследовательность открыла дорогу к более содержательным попыткам многомерного синтеза, что связывается уже с Т.Парсонсом. Однако из обстоятельного обзора его теории не вытекает концептуализация многомерного подхода. Парсонсовская системная модель AGIL однозначно противопоставляется редукционизму веберовской теории модернизации¹. Многомерность у Парсонса видится Дж.Александрю как совокупность все тех же детерминаций, что сформулировано еще на примере Вебера, так что данный том не отличается проблематичностью, отмечает Р.Коллинз².

Итак, Дж.Александр осуществил детальный, весьма ценный историографический анализ воззрений ведущих западных социологов (прежде всего Вебера и Парсонса), однако если основную цель автора усматривать в обосновании многомерного подхода как фундаментального методологического принципа осмысления социальной действительности, то приходится констатировать, что этот замысел так и остался нереализованным. Ему не удалось ни существенно продвинуться в создании многомерной социологической теории, ни методологически обосновать ее превосходство над однополярными подходами³.

Данный вывод косвенно признал и сам Дж.Александр в 1990 г. в коллективной монографии «Теория Дифференциации и Социальное изменение...»⁴, где он под многомерной моделью понимает учет сразу нескольких факторов, взаимодействующих по принципу взаимодополнительности⁵. С этой трактовкой солидаризируется и второй редактор, П.Коломи (Colomy), заявляя, что подобный подход позволяет Дж.Александрю объяснить модели дифференциации равномерного и

¹ *Alexander J.C. Theoretical Logic... V.4. P.147–148.*

² *Collins R. Jeffrey Alexander... P. 885–886.*

³ *Burger Th. Multidimensional problem: a critique of Jeffrey Alexander «Theoretical logic in sociology» // Sociol. quart. 1986. V. 27. № 2. P. 273–274, 279, 289-291; Collins R. Jeffrey Alexander... P. 885–886.*

⁴ *Differentiation Theory and Social Change: comparative and historical perspectives. N.-Y.; Oxford, 1990.*

⁵ *Ibid. P.272,286–287.*

неравномерного типов, которые структурируется двумя факторами: степенью дифференциации, проявляющейся в экономических, политических и культурных институтах, и степенью взаимодополнительности между изначальной группой и солидарными с ней группами¹.

Как видим, многомерность здесь трактуется чисто операционабельно, а от прежних широковещательных методологических заявлений не осталось и следа. Перед нами все тот же подход, высказанный К.Леви-Строссом еще в 1957 г. Вполне солидарен с ним и его прошлый критик Р.Коллинз, примерно подобным образом оценивающий многомерную теорию стратификации М.Вебера и этнологические исследования М.Дуглас². Интересную параллель в этой связи представляет трансформационная концепция Т.И.Заславской³, в которой социальная структура рассматривается в двух проекциях: вертикальной и горизонтальной, что, также, интерпретируется как многомерный подход⁴, или как «объемная модель трансформационной структуры»⁵. Как говорится, с чего начали, тем и закончили. Западная теория многомерности в 50-х - 90-х гг. проделала свой полный цикл.

Анализируя в целом концепцию Дж. Александера, приходится констатировать, что феномен многомерности изучается им не как самостоятельный объект, а как одно из свойств сложноорганизованных структур, проявляющееся в социальной действительности. Многомерность, как теоретический конструкт, здесь выполняет вспомогательную роль в общей теории социального действия. Работы Дж. Александера при этом, похоже, были последним теоретически значимым подходом к феномену многомерности в

¹ Differentiation Theory and Social Change.... P.475.

² Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М., 2000. С.101–102,237–238.

³ Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М., 2004.

⁴ Шабанова М. О вкладе Т.И.Заславской в познание посткоммунистических трансформаций: социальные механизмы и проблема актора // СТММ. 2014. № 1. С.36.

⁵ Куценко О. Эвристический потенциал концепции социальной структуры общества Т.И.Заславской // СТММ. 2014. № 1. С.52.

западной науке, впоследствии данное понятие рассматривается сугубо с эмпирических позиций в статистических исследованиях (многоуровневый и многомерный анализ социологических данных – см., например¹).

Сравнивая подходы к проблеме многомерности в зарубежной и отечественной литературе, нельзя не прийти к выводу, что попытки концептуального подхода к ней характеризуют именно последнюю, где, видимо, до конца не изжито классическое стремление ко всеобщности осмысления. Отсюда и попытки четко зафиксировать структуру предмета исследования через определенный набор измерений.

В заключение хотелось бы обозначить еще одну проблему. Как между собой соотносятся понятия и теории, претендующие на изучение сложноорганизованных объектов (многомерность – нелинейность, многомерный подход – синергетика)? Вот та самая «состыковка», о важности которой и говорит В.Л.Алтухов. Исходя из вышеизложенного, синергетика никак не может быть воплощением более общего принципа по сравнению с многомерностью, поскольку отражает в первую очередь динамический момент, связанный с переходом из одного состояния в другое. Если М.А.Дрюк трактует синергетику как один из вариантов многомерности, то с подобной трактовкой в целом можно согласиться с одним уточнением. Синергетика – это процессуальная нелинейность, в соответствующем измерении могущая быть рассмотренной и как многомерность.

Термины «многомерность» и «нелинейность» можно рассматривать как близкие по смыслу, отражающие различные аспекты одного и того же феномена существования мироздания. Нелинейность показывает несводимость объекта к какой-либо одной системе координат (к монопараметричности), многомерность указывает на множественность систем измерений, определенным образом

¹ Wong R.S.-K. Multidimensional association models: A multilinear approach // Sociological method and research. 2001. V. 30. № 2.

взаимосвязанных друг с другом. Серьезный эвристический потенциал многомерного подхода может быть реализован лишь в результате разработки его понятийно-категориального аппарата, что позволит преодолеть метафорически-образное понимание многомерности.

К настоящему времени данная категория используется на нескольких когнитивных условиях. Низший – это метафорически-образный, где категория применяется чисто иллюстративно (например, «одномерный человек» Г. Маркузе, допускающий наличие «многомерного»), или же у В.Е. Кемерова – как прилагательное для обозначения сложности, глубины бытия¹.

Следующий (операционный) уровень предполагает, что понятие «многомерность» отражает определенные стороны действительности. При этом его значимость и степень всеобщности разнится у многих авторов. В этот ряд, вместе с рассмотренным выше Дж. Александером, можем поставить концепцию «многоместного разума» В.С. Библера², многомерное текстовое пространство (поликонституальность) в «Грамматологии» Ж. Дерриды, идею многомерности глобализационных процессов и множественности модернов У. Бека³ наряду с «глобальным условием» Р. Робертсона, «глокализацией», а также первые четыре варианта из списка М.А.Дрюк вкупе с названными ею принципом комплементарности Н. Бора. Возможны и другие дополнения. Данные разработки в области многомерных процессов и явлений не носят системного концептуального характера, касающегося сущности самого феномена многомерности как такового.

Далее идет философско-методологический уровень осмысления, связанный с ответом на вышеназванный вопрос, который еще только формируется. У его основания лежат работы В.Л. Алтухова, известные усилия в этом сегменте

¹ Кемеров В.Е. Введение в социальную философию. М., 1996. С. 79, 92.

² Библиер В.С. От наукоучения к логике культуры. М., 1991. С. 4, 262.

³ Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. С. 23, 155.

предприняты В.Ж. Келле, М.А. Дрюк, Г.С.Пак и некоторыми другими исследователями.

Как представляется, эвристический потенциал теории многомерности может быть раскрыт на нескольких уровнях. Предельный уровень абстракции здесь составит многомерность как способ организации Вселенной (Мультиверсума?) – Абсолютная многомерность с ее эволюционной ипостасью – Абсолютным эволюционным континуумом и субконтинуумами (физическим, биологическим, социальным и пр.). Социальная многомерность не есть простой синтез различных качеств, элементов, аспектов и т.п., она не сводится к многослойности социальных структур и разновекторности общественных детерминаций. На уровне социальной тотальности (социетальности) многомерность выступает как сущностная черта сложного нелинейного объекта, как абсолютная полнота и принципиальная вместимость потенциального количества его субконтинуумов, заданных каким-либо структурирующим качеством, представляющим собой отражение целого, практически в соответствии с классическим принципом пантеизма «все во всем». Тем самым данная целостность способна одновременно существовать в нескольких системах измерения, связанных между собой по принципу комплементарности. В этом смысле социальная реальность может быть уподоблена бесконечности Вселенной. В христианской парадигме данный феномен раскрывается через божественные ипостаси. Человек также является абсолютной полнотой своих измерений (биологического, духовного, психического, социального и космического) не редуцируемых и не суммируемых друг с другом.

ГЛАВА 3. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НЕЛИНЕЙНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ЭВОЛЮЦИИ

3.1. Предпосылки генезиса эволюционной теории: от античности до Нового времени

Процессуальное осмысление бытия как самоочевидности (движение имманентно бытию) предполагает наличие самых разнообразных подходов от классической диалектики до синергетики, опирающихся на достаточно разветвленный категориальный аппарат, где традиционные понятия: движение, изменение, развитие, эволюция, революция, прогресс, регресс и т.п. перекрываются постклассическими типа автопоэзис/автогенез, аттрактор, диссипативное состояние, бифуркация, гистерезис и т.д. Все же имеет смысл говорить об эволюционной/процессуальной парадигме как некоей целостности, которая, впрочем, никогда не была сведена к единому универсальному знаменателю, а развертывалась параллельно в нескольких сферах познания (важнейшие – естественнонаучное, историко-теоретическое и философское), по сути дела в разных измерениях.

Подобная ситуация стимулировала разработку универсального эволюционного учения. Наиболее претенциозны здесь усилия ортодоксального марксизма, заявившего об «открытии» универсального учения о развитии – диалектики с ее тремя законами всеобщего действия (гегельянскими в своей основе, но перенесенных из сферы мышления на все мироздание). Степень всеобщности подобных законов сразу же вызвала сомнения, равно как и стремление перенести их в область социального познания – небезызвестный истмат. Несмотря на все широковещательные заявления, марксистская диалектика оказалась не проработанной на всех уровнях эволюционного процесса, оставаясь общефилософским учением, а ее развитие на социально-философском и историко-теоретическом уровнях привело к созданию универсальной формационной теории, чьи познавательные возможности в конечном счете оказались весьма ограниченными. Другая попытка в рамках все той же классической науки, правда, более скромная по своему размаху, обычно связывается с именем Г.Спенсера. Однако и его законы универсального эволюционизма, обозначенные как социал-дарвинизм (впоследствии этот термин претерпел смысловую трансформацию, особенно в духе учения Л.Гумпловича) подверглись критике, главным образом, за биологический редуционизм.

Все усилия универсализма/холизма создать общую теорию эволюции (нечто подобное произошло в физике с общей теорией поля), равно проработанную и равнодействующую на всех уровнях бытия, в целом оказались безрезультатны. Те общие принципы, которые время от времени выдвигались, были малосодержательны как раз в силу своей всеобщности, что имеет отнюдь не частно-методическую, а сущностно-концептуальную основу. Все это вызвало во многом оправданную критику со стороны элементаризма. Однако потребность в целостном осмыслении действительности оказалась столь же насущной потребностью человеческого познания, как и дифференциация сфер познания. Отсюда и новые всплески универсализма – наиболее часто упоминается

глобальный эволюционизм (Э.Янч, Н.Н.Моисеев, А.Лима-де-Фариа и др.), а также синергетика.

Известны намерения построить универсальную теорию в рамках отдельного познавательного макронаправления. К таковым относятся различные теории биологической эволюции. Классическая наука отмечена дарвинистской теорией, впоследствии слегка модернизированной в связи с открытиями в области генетики, – отсюда и неodarвинизм, в советской биологической литературе чаще всего именуемой Синтетической теорией эволюции (далее СТЭ). Сейчас она находится в состоянии системного кризиса и активно вытесняется иными подходами, в частности, концепцией автопоэзиса. На Западе это произошло еще в 80-е гг. прошлого века. В отечественной науке эти процессы значительно растянулись. Наиболее последовательно идею перехода от неodarвинизма на иные (экосферные, экосистемные) парадигмальные позиции проводят В.И.Назаров и Ю.В.Чайковский¹. В то же время приверженцы СТЭ излагают свою теорию так, как будто ничего не произошло (см., напр., ²).

Историко-теоретическая наука также дает примеры синтезных теорий с весьма высоким уровнем обобщения. Для обозначения подобного феномена нам представляется возможным задействовать термин «историология», предложенный Н.И.Кареевым, выведя его за рамки философии истории и, напротив, включив в структуру исторической науки (о дискуссионных моментах вокруг данной терминологии см. статьи В.П.Золотарева и О.Ф.Русаковой³). В западной историографии в подобном качестве выступает неозволюционизм (Дж.Стюард, Р.Л.Карнейро, М.Салинс, Е.Сервис, Х.Й.Классен и др.) вместе с примыкающим

¹ Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели. М., 2005; Чайковский Ю.В. Активный, связанный мир. М., 2008.

² Тимофеев-Ресовский Н.В., Воронцов Н.Н., Яблоков А.В. Краткий очерк теории эволюции. М., 1977; Яблоков А.В., Юсуфов А.Г. Эволюционное учение. М., 2006.

³ Золотарев В.П. Договоримся о словах! // Историческая наука и методология истории в России XX века. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб., 2003. Вып. 1. С. 19–28; Русакова О.Ф. Историсофия как отрасль философии истории: предмет и дискурс // Историческая наука и методология истории в России XX века. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб., 2003. Вып. 1. С.37–45.

сюда же Т.Парсонсом. В рамках данного направления осуществлена идея синтеза биологических и исторических эволюционных теорий. В конечном счете все отталкиваются от спенсеровских разработок, но пытаются преодолеть наиболее узкие черты социал-дарвинизма в его авторском понимании. Прежде всего это касается линейно-прогрессистских подходов, абсолютизации интеграционализма и адаптивных процессов в социальных системах. Вообще-то стремление рассматривать общественную эволюцию в более широком контексте – достаточно распространенный подход, что объединяет историка Р.Л.Карнейро, историолога и сторонника генетической эпистемологии К.Р.Холпайка, теоретического социолога Н.Лумана, методолога Т.Ингольда и многих других¹.

После яркого всплеска эволюционизма во второй половине XIX в., отождествляемого с линейным прогрессизмом, его неспособность объяснить катастрофические процессы последующего века подорвали непререкаемость эволюционистских постулатов. Эволюционизм подвергся резкой, во многом обоснованной критике в своих слабых местах. Прежде всего это касается дарвиновского градуализма, ведущей роли естественного отбора, теории однолинейно-поступательной эволюции общества и ряда других моментов.

Все эти в целом разрозненные критические соображения свел воедино К.Поппер в русле своей непримиримой борьбы с «великими» теориями, куда помимо дарвинизма вошли теория творческой эволюции А.Бергсона, холизм Я.Смэтса и А.Уайтхеда, о марксизме с его историцистской нищетой не стоит даже и говорить. Конечно, отношение к дарвинизму у К.Поппера не столь однозначное, как к марксизму, он признает определенные заслуги дарвинизма в систематике диахронических явлений, но в целом определяет его как «метафизическую исследовательскую программу», а роль естественного отбора вообще не

¹ *Carneiro R.L.* The Muse of History and Science of Culture. N.Y., 2000; *Carneiro R.L.* Evolutionism in Cultural Anthropology: A Critical History. Boulder, 2003; *Hallpike C.R.* The Principles of Social Evolution. Oxford, 1986; *Ingold T.* Evolution and Social life. Cambridge, 1986; *Луман Н.* Эволюция. М., 2005; *Он же.* Социальные системы. СПб., 2007.

поддается строгому обоснованию¹. Данные тенденции на рубеже 70-х-80-х гг. многократно усилились в духе постмодернистского деконструктивизма и борьбы с метанарративами. Выражая вполне определившееся мнение, Р.Будон выступил против построения единой теории изменения, призывая к разработке лишь конкретных теорий, изучающих конкретные явления социальных трансформаций². Еще более резко высказывается П.Штомпка, полагающий, что эволюционизм, как и марксизм, принадлежат уже истории социального мышления, на смену которым приходит социология социальных изменений³.

Однако все еще имеющиеся в наличии сторонники эволюционизма отнюдь не согласны с подобными оценками. Более того, классик неэволюционизма историк (социальный антрополог) Х.Й.М.Классен говорит о несомненном подъеме эволюционизма после застоя 80-х – 90-х гг. По его мнению, водоразделом здесь стала работа Р.Карнейро «Эволюционизм в культурной антропологии» (2003)⁴. Сам же Р.Карнейро, обозначив своих оппонентов новейшего времени как «неоантиэволюционистов», не стесняясь в выражениях, именует их «неомракобесами»⁵.

Как нам представляется, развитие эволюционной теории в начале нового тысячелетия вступило в свой очередной этап, который по известной аналогии уместно будет обозначить как постнеэволюционизм. Смыслом его будет, видимо, не построение единой всеобъясняющей теории, лично мы весьма скептически относимся к возможности построения таковой, но выход на новые концептуальные горизонты. Все это видится как попытка поиска соприкосновения трех основных направлений/измерений в изучении эволюции: естественнонаучного, историологического и философского. Сюда же в

¹ *Поппер К. Р.* Естественный отбор и возникновение разума // Эволюционная эпистема и логика социальных наук. М., 2006. С. 79–82.

² *Будон Р.* Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М., 1998. С.13, 252–256.

³ *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996. С. 241.

⁴ *Классен Х.Й.М.* Эволюционизм в развитии // Эволюция: Дискуссионные проблемы глобальных эволюционных процессов. М., 2011. С. 338.

⁵ *Carneiro R.L.* Evolutionism... P. 265.

самостоятельном качестве можно добавить и эпистемологическое (эволюционная эпистемология).

Невозможно в равной мере разворачивать эволюционную теорию сразу по всем вышеназванным направлениям, но представляется перспективным, выделив в качестве базисного в зависимости от научных интересов одно или два взаимосвязанных направления, рассматривать их в более широком методологическом континууме. В подобном дискурсе, в частности, построены работы К.Р.Холпайка и Т.Ингольда¹, а отечественная литература здесь представлена в основном работами Л.Е.Григина и А.В.Коротаева², по сути дела ту же методологию применяют и приверженцы теории глобального эволюционизма и коэволюции, а также синергетические концепции. Парадигмально значимым в этой связи нам представляется исследование проблемы взаимосвязи, перехода различных измерений эволюции друг в друга, равно и как состояний ее самой (направленность /детерминированность и стохастичность, всеобщность и специфичность, тотальность и локальность/дискретность, прерывность и непрерывность).

Выделяя наиболее методологически важные эволюционные концепты в ходе их разворачивания, попробуем исследовать, то насколько применим здесь многомерный подход, конечно, не в виде универсальной «отмычки» ко всем проблемам, но как попытка обнаружить новый нелинейный вид процессуальной целостности/тотальности. О необходимости преодолеть разрыв между вечным и временным, божественным и историческим временем писал еще Н.А.Бердяев, связывающий данный разрыв с ущербным пониманием Абсолюта как чего-то неподвижного (платоновская традиция)³.

¹ *Hallpike C.R. The Principles...; Ingold T. Evolution...*

² *Григин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция. Генезис и трансформация мир-системы. М., 2009.*

³ *Бердяев Н. Смысл истории. М., 1990. С.39–40,53,59.*

В этой связи мы отмечаем работы П.Штомпки¹, С.К.Сандерсон², Р.Л.Карнейро³, Т.Ингольда⁴, К.Р.Холпайка⁵, весьма развернутые обзоры по интересующим нас проблемам имеются в монографии И.М.Савельевой и А.В.Полетаева⁶, Ю. И.Семенова⁷ и ряда других авторов данного круга. В качестве базисной они выдвигают общественную эволюцию, но зарубежные авторы, в большей или меньшей степени, стремятся исследовать генезис социал-эволюционизма (если так можно выразиться) в контексте биологической теории эволюции. Обстоятельные исследования по истории биологического эволюционизма достаточно широко представлены в литературе⁸. Все эти авторы излагают историю эволюционного учения в биологии с точки зрения СТЭ. Историографический обзор с иной точки зрения дает Ю.В.Чайковский⁹.

Исходным пунктом нам видится возникновение трансформизма, который в XVIII в. открыто противопоставил себя креационизму. Идея естественного развития присутствует у Ж.Бодена, которое, лишь в конечном счете связывается им с божественной волей. Далее, это находит свое продолжение у Ж.Л.Бюффона, у Ж.Б.Ламарка (внутренняя и внешняя адаптация/причина), у Р.Чемберса (два типа импульсов и, соответственно, общая линия направленного, предустановленного развития и адаптационные изменения) вплоть до теории макро- и микроэволюции (Ю.А.Филипченко 1927) и концепции «прерывистого равновесия» Н.Элдриджа и С.Гулда (Eldredge, Gould 1972) и неокатастрофизма Р.Тома.

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений... .

² Sanderson S.K. Social Evolutionism: A Critical History. Oxford: Basil Blackwell, 1990; Sanderson S.K. Social Transformation: A General History of Historical Development. Lanham, 1999.

³ Carneiro R.L. The Muse of History...; Carneiro R.L. Evolutionism... .

⁴ Ingold T. Evolution... .

⁵ Hallpike C.R. The Principles... .

⁶ Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997.

⁷ Семенов Ю.И. Философия истории. М., 2003

⁸ Воронцов Н.Н. Развитие эволюционных идей в биологии. М., 2004.; Завадский К.М., Колчинский Э.И. Эволюция эволюции (историко-критические очерки проблемы). Л., 1977; Тимофеев-Ресовский Н.В., Воронцов Н.Н., Яблоков А.В. Краткий очерк...; Яблоков А.В., Юсуфов А.Г. Эволюционное учение.... .

⁹ Чайковский Ю.В. Активный, связанный мир. М., 2008.

Вторая линия развития эволюционизма протекала через актуализацию платоновской традиции Н.Кузанским, противопоставившего ее схоластизированному аристотелизму Фомы Аквинского. Речь идет о знаменитом свертывании и развертывании (*complicatio, explicatio* – досл. запутывание и распутывание)¹. Причем в духе платонизма развертывание или эволюция – в современной терминологии явно регрессивный процесс, а свертывание – как восхождение к Абсолюту, к божественному интеллекту, движение высшего порядка². В Боге все свернуто вневременным, синхронным образом, и лишь развертывание дает временную диахронию³. Линия Н.Кузанского через передаточные звенья (отметим только инволюцию у Ж.-Ж.Руссо) ведет к Тейяру де Шардену. Весьма убедительно преемственность между ними показана А.М.Еременко⁴.

3.2. Классический эволюционизм: общее и особенное

Новоевропейская эпистема, во многом базирующаяся на прогрессе в области естествознания и точных наук, окончательно сформировала доктрину трансформизма как развития, то есть поступательного видоизменения, в противовес креационистской картине однократного творения и неизменности мироздания. В 1677 г. появился еще один термин трансформистского дискурса – «эволюция». Впервые его употребил английский богослов, юрист и финансист М.Хэйл, говоря о скрытом в семени человека строении или образе, «в эволюции которого должно состоять соединение и формирование человеческого организма»⁵. Как видно по смыслу, оно почти соответствовало развертыванию (*explicatio*) Кузанца.

¹ Кузанский Н. Сочинения. М., 1979. Т.1. С.103–106,234–235; 1980. Т.2. С.26–28,105–107.

² Там же. Т.1. С.204,234–235.

³ Кузанский Н. Сочинения. – М., 1979. Т.1. С.104; Т.2. С.26–28.

⁴ Еременко А.М. Свертывание и развертывание у Николая Кузанского и Пьера Тейяра де Шардена // Sentential. 2006. Спецвип. № 1. С. 242–265.

⁵ Эволюционизм // http://dic.academic.ru/dic.nsf/ens_culture/775.

Новая методологема развивалась по трем основным направлениям (в трех измерениях): естественнонаучное, историческое и философское / социальнофилософское.

К первому, кроме вышеназванных Бюффона и Чемберса, можно отнести Ч.Лайеля, Ж.Сент-Илера и ряд других. Его концептуальной основой была идея естественной закономерности, не зависящей от божественного вмешательства, как механизм всеобщей изменчивости. Нередко, например, как у Ч.Лайеля, наблюдался синтез трансформизма в геологии и «естественной теологии» в биологии и антропогенезе.

Концепция развития как предмет философского познания мощно представлена в трудах Лейбница. Ему же принадлежит небезызвестное – «природа не терпит скачков», ставшее непререкаемой аксиомой для Ч.Дарвина. Впечатляющую картину развития Солнечной системы представил И.Кант, тем не менее считавший идею развития «рискованным приключением разума». Наконец, гегелевские диалектические принципы дали целостную теорию движения познающего мышления. Ему же принадлежит эстафетно-стадиальная схема шествия мирового духа через дух отдельных народов, завершающаяся Германским миром, после окончательного торжества которого наступает конец истории как политики, и все развитие смещается в сферу науки и культуры.

В социальном познании рост прогрессизма, отчетливо обозначившийся к XVII в., элиминировал циклические концепции, несколько оживившиеся в эпоху Возрождения (Н.Макиавелли). Так, воззрения Дж.Вико, хрестоматийно считающиеся циклическими (см., например¹), в западной историографии обычно относят к спиралевидному прогрессизму². В отечественной литературе подобную

¹ *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983. С.83; *Всемирная энциклопедия: Философия*. М.; Мн., 2001. С. 166; *Барулин В.С.* Социальная философия. М., 1999. С. 304.

² *Carneiro R.L.* The Muse of History... P. 167–168.

оценку разделяют И.М.Савельева и А.В.Полетаев, говоря о синтезе в его труде идей циклизма и линейного развития ¹.

Эпоха Просвещения дает несомненное доминирование прогрессизма и трансформизма, когда, например, Ж.А.Кондорсе рассматривал исторические эпохи как стадии восходящего развития человеческого разума. Альтернативная позиция представлена Ж.-Ж.Руссо, усомнившегося в наличии однозначной детерминации между прогрессом в области науки, образования, культуры и состоянием общественных нравов. Более того, рассуждая о необходимости «возвратиться к истокам», «натурализовать культуру» и т.п., он нередко использовал термин «инволюция» в значении, соответствующем «complicatio» – свертывание Кузанца, а не в его современном понимании (типа инволюция микробов, то есть вырождение). Идеи, как бы мы сейчас выразились, нелинейного развития не были поняты современниками философа, вернее, были поняты как призывы вернуться назад, в первобытную дикость (такова, например, оценка Вольтера).

Откровенно регрессистские концепции в это время весьма редки, хотя и представлены в историографии. К таковым обычно относят воззрения Ю.Мезера, рассматривавшего исторический процесс как последовательную смену состояний. Эволюцию же современного ему общества он трактовал как движение по нисходящей линии.

Промежуточные позиции между просвещенческим прогрессизмом и позитивистским, типа Г.Спенсера, занимает К.А.де Сен-Симон. Небезынтересна его трехстадийная схема эволюции европейского разума (феодализм и теология, легисты и метафизика, промышленный строй и опытная наука), которую О.Конт безоговорочно считает своей. Однако большего внимания заслуживают, на наш взгляд, его стадийные воззрения на всемирную историю. Ю.Н.Давыдов обращает внимание на то обстоятельство, что именно Сен-Симоном было введено

¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время... С. 305.

в научный оборот понятие «феодализм», рассматриваемое в том числе и через его противопоставление «промышленному обществу»¹.

Идея стадийного прогресса связывается Сен-Симоном с концепцией последовательного смягчения форм эксплуатации. 1-я стадия – фетишистская, пленных убивали; 2-я – политеистическая, их превращали в рабов; 3-я – монотеистическая/феодалная – крепостничество и, наконец, 4-я – промышленная – наемный труд свободных. Именно сен-симоновским влиянием В.П.Илюшечкин объясняет использование Марксом данных категорий, а также идею о том, что типы ПО в антагонистических обществах можно определить по господствующим формам частнособственнической эксплуатации². Подобным образом, например, можно истолковать то место, где Маркс говорит о рабстве и крепостнической зависимости как ступенях развития собственности, покоящейся на племенном строе³. У истоков современного глобального эволюционизма, по нашему мнению, стоял И.Гердер, впрочем, называются и прочие лица. С.Д.Хайтун отдает приоритет Р.Чемберсу и Г.Спенсеру⁴, хотя приоритет И.Гердера здесь видится неоспоримым. А.В.Гулыга прослеживает несомненную преемственность между воззрениями Б.Спинозы и И.Гердера, именуя позицию последнего как «динамический пантеизм»⁵. Основа всего сущего, по И.Гердеру, – живые, органические силы, определяющие бытие материи и духа, неразрывно связывающие царство неживой и живой природы с миром человека⁶.

История человечества как единого представляется ему как результат взаимодействия живых человеческих сил с учетом воздействия внешних факторов, а также их места и времени на лестнице восходящего культурно-

¹ *История теоретической социологии...* Т1. С. 51.

² *Илюшечкин В.П.* О происхождении понятия «феодализм» // *НАА.* 1987. № 6. С. 79–80.

³ *Маркс К.* Критика политической экономии (черновой набросок 1857–1858 гг.) // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч.1. С.482.

⁴ *Хайтун С.Д.* Эволюция Вселенной // *ВФ.* 2004. № 10. С. 74, прим.1.

⁵ *Гулыга А.Гердер* и его «Идеи к философии истории человечества» // *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 622–623.

⁶ *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С.73–76,116–117,123–133,182–185,189,230,278.

исторического развития. Общество видится единым органическим целым, а культура – продукт совместной деятельности людей и одновременно ее стимул. Однако теория органических сил, как движущего механизма всеобщего эволюционного процесса, вызвала язвительную критику со стороны И.Канта как попытка объяснить одно неизвестное при помощи другого, еще более неизвестного¹ (о полемике между Гердером и Кантом см. ²).

Вершиной универсальных линейно-поступательных концепций можно считать воззрения Гегеля и Маркса. Их детальный анализ выходит за рамки данного исследования. Ввиду необъятности темы ограничимся только интересующими нас соображениями.

В классическом марксизме эволюционная теория никогда не разрабатывалась как универсальная, главным образом сводясь к дарвинизму³, тем самым биологическая и социальная ветви эволюционизма в марксизме фактически развивались изолированно друг от друга в соответствии с тезисом о том, что низшая форма несводима к высшей. Основная сфера научных интересов Маркса – генезис капиталистического способа производства, все остальное к нему редуцируется. Не был решен и вопрос о степени всеобщности базисно-надстроечных отношений, присущих капиталистической формации. Т.И.Ойзерман вполне обоснованно приходит к выводу о том, что Маркс склонялся к мнению о специфичности законов капиталистического способа производства, отсюда у него отсутствует понятие об универсальных общественных законах, присущих всем эпохам⁴.

Не подлежит сомнению то обстоятельство, что всемирно-исторический процесс рассматривался классиками марксизма как смена общественно-экономических формаций (ОЭФ). Однако само понятие «формация» у Маркса

¹ Кант И. Рецензия на книгу И.Г.Гердера «Идеи философии истории человечества. Часть 1 // Кант И. Сочинения в шести томах. М., 1966. Т. 6. С.49.

² Гулыга А. Гердер... С. 638–647.

³ Философская энциклопедия. М., 1970. Т.5. С.531-532.

⁴ Ойзерман Т.И. Материалистическое понимание истории: плюсы и минусы // ВФ. 2001. № 2. С. 28–31.

весьма неопределенно. Классическое определение: ОЭФ – это «общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество со своеобразным отличительным характером»¹ сразу же вызывает целый ряд вопросов. Что это за ступени? Как их выделить? Что это за общество, которое проходит эти ступени? В зависимости от степени ортодоксии и опоры на те или иные фрагменты ответы даются самые разнообразные, рассматривать которые нет никакой возможности.

В целом надо признать, что понятие «формация» имеет несколько значений: как совокупность общественно-экономических отношений с точки зрения его экономической структуры² и как совокупность ПО, которые так же могут пониматься в узком или широком смысле. Отсюда исходят и вариации: общественная формация и общественно-экономическая, то сливающиеся, то разграничивающиеся. Так, первобытное общество ни разу не называется ОЭФ. (обзор данной проблемы см., например³). В.Я.Израитель. вместе с тем, находил у Маркса два подхода к теории формаций: «социально-философский» и «историко-социологический»⁴. Ю.И.Семенов, начиная с 70-х гг., проводит идею о том, что ОЭФ может пониматься как конкретно-исторический тип общества и стадия всемирной истории⁵.

Дискуссионным является не только вопрос о структуре ОЭФ, но и их масштабе на шкале всемирной истории. Здесь, видимо, стоит принять во внимание то, что большинство высказываний Маркса взято из его черновых работ, не сведенных к единому знаменателю. Это позволяет предположить, что некоторые его воззрения даже противоположного характера развертывались не только диахронно, заменяя друг друга, как обычно представляется, но и синхронно. Следовательно, говорить

¹ Маркс К. Наемный труд и капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 6. С. 442.

² Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С.395.

³ Теория общественно-экономической формации. М., 1982. С. 12–35.

⁴ Израитель В.Я. Проблемы формационного анализа общественного развития. Горький, 1975. С. 18–23.

⁵ Семенов Ю.И. Теория общественно-экономических формаций и всемирно-исторический процесс // НАА. 1970. № 5. С. 82–95; Он же. Философия истории... С. 128–146, 252–262, 424–429.

об «окончательной» точке зрения Маркса на ту или иную проблему надо с известной осторожностью, избегая категорических суждений в духе, скажем, В.Н.Никифорова типа того, что после открытий Л.Моргана он окончательно отказался от концепции «Азиатского способа производства» (АСП)¹.

Более обоснованным кажется предположение Ю.М.Бородай, В.Ж.Келле и Е.Г.Плимака о том, что Маркс употреблял термин «формация» в разных временных измерениях². Наряду с «мегаформациями» типа «первичной», «вторичной», а в перспективе и «третичной»³ существуют менее крупные образования (микроформации?), определяемые через понятие «способ производства» – АСП, античный, феодальный, буржуазный (1859)⁴. Иногда в подобном качестве выступает понятие «форма собственности» – племенная, античная, феодальная, капиталистическая (1846)⁵; первоначальная, азиатская, античная, германская («Формы, предшествующие капиталистическому производству» 1857-58)⁶ или «общественный строй» (1857-58) – патриархальный, античный, феодальный, современный⁷.

В вышерассмотренных текстах угадываются хорошо известные триады по гегелевской схеме: тезис-антитезис-синтез. Это первичная (доантогонистическая/первобытная) – вторичная (антагонистическая) – третичная (постантагонистическая / коммунистическая). Причем все докапиталистические формы объединяются в своем противостоянии капитализму, что размывает деления по макроформациям. Это хорошо видно на примере другой триады, построенной по принципу: отношения личной зависимости («вначале совершенно первобытные»), далее личная независимость/вещная зависимость – «вторая

¹ Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1977. С.152–154.

² Бородай Ю.М., Келле В.Ж., Плимак Е.Г. Наследие К.Маркса и проблемы теории общественно-экономических формаций. М, 1974. С. 66–67,73.

³ Маркс К. наброски ответа на письмо В.И.Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 403–404,412–414,419; Маркс К. Критика политической... С. 100–101.

⁴ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 7.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С. 20.

⁶ Маркс К. Критика политической... С. 461–472.

⁷ Там же. С.100–101.

крупная форма», «система универсальных отношений» и, наконец, «свободная индивидуальность» (третья ступень)¹. Несомненно, что первобытность здесь объединяется с прочими докапиталистическими формами. Обратим внимание на то, что третий этап эволюции именуется уже не «формой общества», а «ступенью»², что сразу же вызывает вопрос о соответствии друг другу данных понятий. Потом вообще вклинивается совершенно иной принцип классификации. Говорится о том, что вторая ступень (еще раз отметим, что чуть выше фигурировала «форма») создает условия для третьей³. Затем перечисляются патриархальный, античный и феодальный строй, вроде бы по смыслу соотносящиеся с вышеназванной второй ступенью. Еще одна проблема. Как патриархальный строй соотносится с термином АСП, также используемым в это время? Как он соотносится с понятием «первичная формация»? Она есть первобытность в нашем понимании или нечто иное? Например, первобытность + АСП. Главное же то, что у Маркса здесь указывается – «современный общественный строй» вырастает и развивается с ростом «торговли, роскоши, денег, меновой стоимости»⁴. В подобном качестве («современный») может фигурировать только капитализм, следовательно, он и есть третья ступень. В рамках этой триады места для коммунизма как третичной фазы уже не остается.

Ю.М.Бородай, В.Ж.Келле и Е.Г.Плимак, пытаясь свести все разрозненные высказывания Маркса в единую систему, построили достаточно логичную триадичную макроформационную схему, разделив вторичную формацию (эксплуататорская макроформация) на две «крупные формы универсальных отношений» (мезоформации?) – докапиталистические антагонистические общества – Азиатский, Античный и Феодальный способы производства

¹ Маркс К.. Критика политической... С. 100–101.

² Там же. С.101.

³ Там же..

⁴ Там же..

(микроформации?) и капиталистическую мезоформацию¹. Однако и она, как только что показано, не в состоянии согласовать концепты из чернового наброска «Критики...» и «Набросков ответа...». Точно так же можно найти несоответствие и в прочих реконструкциях «единственно верной» марксовской системы всемирно-исторического процесса, что, видимо, говорит об ограниченности подобной методологии, когда все высказывания мыслителя выстраиваются в единой хронологической последовательности с целью на выходе получить окончательное решение. Когда речь идет о многоплановых исследованиях, к тому же во многом незавершенных, то ясно, что диахронный подход должен быть дополнен синхронным.

Не удалось найти «окончательного» решения и по более частным вопросам всемирной истории, например, по проблеме АСП в марксовской системе. Опираясь приблизительно на один и тот же круг источников, разные авторы приходили к различным выводам. Здесь достаточно сравнить работы М.А.Виткина, Н.Б.Тер-Акопяна и В.Н.Никифорова². АСП не нашел своего «последнего прибежища» ни в составе первичной формации по признаку отсутствия частной собственности, ни вторичной (наличие эксплуатации и государственности), ни между ними. Видимо, точно так же и металась мысль Маркса. Аналогично все три дискуссии по АСП (1925-1934, 1964-1972 и 1987-1991 гг.) в итоге обнаружили предельность универсальной формационной схемы.

Постсоветская историография в поисках «надежной гавани» устремилась в сторону дискретно-цивилизационных концепций, где больше всех оказались затребованы тойнбианские подходы, не обделили вниманием и мир-системные теории И.Валлерстайна и даже А.Г.Франка. Еще более распространенным оказался воинствующий эмпиризм, девизом которого стало стойкое убеждение,

¹ Бородай Ю.М., Келле В.Ж., Плимак Е.Г. Наследие К.Маркса... С. 73.

² Виткин М.А. Восток в философско-исторической концепции К.Маркса и Ф.Энгельса. М., 1972; Тер-Акопян Н.В. Развитие взглядов К.Маркса и Ф.Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину // НАА. 1965. № 2-3; Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1977.

что «настоящий» ученый должен заниматься «конкретными» исследованиями, а теоретизирование – удел дилетантов.

Возвращаясь, однако, к марксистской схеме общественной эволюции, отметим, что линейно-поступательный процесс смены ОЭФ у Маркса куда более близок прогрессии Г.Спенсера, нежели дарвиновской градуалистической эволюции, структурообразующим концептом которой была адаптация на основе развития случайных эволюционных преимуществ. Все же идея медленного непрерывного развития нашла свое место в марксистской концепции там, где классики используют понятие «эволюция» в узком смысле». Таковая противопоставлялась социальной революции как межформационному переходу. При этом от социальной революции следовало отличать политическую. Например, Великая французская буржуазная революции 1789-1793 гг. была одновременно и социальной (межформационной), и политической, июльская 1830 – только политической, а переход от античности к феодализму – социальная революция без политической (теория «революции рабов и колонов» сталинского времени не выдерживает никакой критики).

Все это хорошо вписывалось в диалектические принципы «скачка», «перерыва постепенности» в целом в духе перехода количественных изменений в качественные. В итоге можно сказать, что на марксистскую теорию общественной эволюции куда больше повлияли гегелевская диалектика, нежели дарвиновский эволюционизм (подробнее см.¹, из последних²). В теории же социальных революций, несмотря на всю противоположность исходных парадигм, идет явная переключка с теорией катастрофизма Ж.Кювье. Неслучайно

¹ Селезнев М.А. Социальная революция. М., 1971; Черненко С.Н. Теория социальной революции. Методологический аспект. М., 1990; Шелике В.Ф. Социальная революция: общее и особенное. Фрунзе, 1990.

² Завалько Г.А. Понятие «революция» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции. М., 2005.

некоторые исследователи называют подобный тип развития в марксизме «катастрофическим», сосуществующим с «эволюционно-волновым»¹.

Итак, в русле последней универсальной системы классического периода – марксизма эволюция как целостность не стала объектом специального исследования, ее различные трактовки (философская, историческая и естественнонаучная) не были сведены воедино. Общая теория эволюции (ОТЭ) стала формироваться совсем в иной сфере – сначала возникло представление о биологической эволюции, развертывающейся на неких общих закономерностях, у истоков которого стояли Ж.Б.Ламарк и Ч.Дарвин. Их идеям процессуальной континуальности вроде бы противостоял катастрофизм Ж.Кювье, но, как оказалось, это было одним из измерений эволюции. Наконец, Г.Спенсер попытался свести воедино процессы развития неживой, живой и социальной природы, построенных на единых универсальных принципах, объединяемых общим концептом тотальной эволюции.

Эволюционные идеи Ламарка, наиболее полно изложенные в его фундаментальном труде «Философия зоологии» (1809), базируются на идее самопроизвольного зарождения и дальнейшего усложнения жизни. В основе этого лежит особая сила, автономно от среды целенаправленно управляющая данным процессом непрерывно и строго равномерно по времени. Она управляет движением животных к наивысшей степени совершенства. В то же время происходит их адаптация к среде обитания. Значит, можно говорить о внутренней и внешней причинах эволюции², которая развертывается у него как по «вертикали», так и по «горизонтали»³. Общим для них является принцип постепенного накопления мелких изменений без разрывов и скачков (лейбницианское наследие). При этом, в отличие от Дарвина, Ламарк проводил идею прогрессистского наследования благоприобретенных признаков путем

¹ Алтухов В. О смене порядков... С.19–20.

² Попов А.В. Эволюция как саморазвивающаяся система. СПб., 2006. С. 83.

³ Северцов А.С. Направленность эволюции. М., 1990. С. 183.

усложнения структуры вида, что, соответственно, усиливает их адаптивные возможности. Однако вряд ли стоит говорить о том, что окружающая среда рассматривалась им как движущая сила эволюции вообще, как это считают неоламаркисты Б.Липтон и С.Бхаэрман¹. Более правомерным будет предположить, что Ламарк различал общую и приспособительную эволюцию, как полагают К.М.Завадский и Э.И.Колчинский². Именно на последнюю роль среда оказывает решающее воздействие.

Относительно причин эволюции исследователи усматривают у Ламарка несколько методологических подходов. Когда он постулирует свой так называемый прогрессистский «закон градации», то придает ему строго униформистский характер как общего закона эволюции, единого для всей живой природы. В ходе же приспособительной эволюции общая причина (приток тонких флюидов) не только модифицируется, но и возникают новые частные причины эволюции, действующие в пределах одной или двух ступеней организации. Тем самым крупные новшества сами становятся новыми факторами эволюции. Причина и следствие становятся взаимнообратимыми. Подобное изменение самих причин эволюции именуется вариоформизмом³. Данная позиция оценивается как более плодотворная методологически по сравнению с дарвинистской⁴.

Альтернативные позиции ламаркизму занимает теория катастроф Ж.Кювье. Доктрина катастрофизма была вызвана к жизни необходимостью снять противоречие между явлением устойчивости современных видов и данными палеонтологии по изучению ископаемых животных. К.М.Завадский и Э.И.Колчинский сводят воззрения Ж.Кювье к следующим положениям: 1) резкое

¹ Липтон Б., Бхаэрман С. Спонтанная эволюция. М., 2010 // Реж. доступа natural world. / kniga – spontannaia evolucia. html. Гл.6,7.

² Завадский К.М., Колчинский Э.И. Эволюция эволюции (историко-критические очерки проблемы). М., 1977. С.81–83.

³ Там же. С. 81-82.

⁴ Там же. С.83.

отличие ныне действующих сил природы от сил, действовавших в прошлом; 2) отсутствие связи между сменяющимися друг друга причинами; 3) резкая неравномерность скорости геологических процессов; 4) прогрессивное усложнение ископаемых животных во временном процессе¹.

Авторы отвергают традиционные представления о креационизме у Кювье, хотя и отмечают то обстоятельство, что вышеназванный п. 4 у него остался без объяснения². Вместе с тем утверждается мысль об антиэволюционизме Кювье³, о его отрицании ламаркистского градуалистического эволюционизма⁴. Думается, что это не одно и то же. Взгляды Кювье надо сопоставлять не с катастрофистами-креационистами, например, Л.Агасиссом и ему подобными, а с современными концепциями прерывистого равновесия, теорией катастроф Р.Тома и т.п. В этом случае Кювье опередил свое время, раскрыв скачкообразный тип эволюции, хотя и не сопоставил его с иной динамикой.

Хотя в своем противостоянии катастрофизму Ж. Кювье; Ж.Б.Ламарк и Ч.Дарвин в целом исповедывали общий круг идей эволюционного градуализма, однако именно с последним связывают решающий шаг на пути становления эволюционной теории. Дарвин сумел нанести сокрушительный удар по доктрине креацианизма, сведя воедино все виды доказательств развития живой и неживой природы из области селекционизма. геологии, географии, биологии⁵. Теория эволюционного процесса как целостного, взаимосвязанного, направленного потока изменений в большей мере принадлежит Г.Спенсеру. Сам Дарвин применял термин «эволюция» крайне редко, предпочитая традиционное «трансмутация видов», но он создал ключевые предпосылки для подобных выводов, хотя многие из его воззрений, например, идея мелких, случайных, постепенно накапливающихся изменений, этому не соответствовали. Итак,

¹ Там же. С. 107.

² Там же. С.111.

³ Там же. С.105,111.

⁴ *Завадский К.М., Колчинский Э.И.* Эволюция эволюции... С.110.

⁵ *Дарвин Ч.* Происхождение видов путем естественного отбора. М., 1987. С.337–349.

трансформизм XVII - 1-й половины XIX в. сменился эволюционизмом, генетически с ним преемственным.

Вкратце основные положения дарвинизма можно свести к следующему. Размножение – это естественное свойство всего живого. Оно осуществляется в геометрической прогрессии, в результате чего возникает переполнение экологической ниши и, соответственно, конкуренция и борьба за существование (явное влияние мальтузианства)¹. Итогом всего этого является «переживание наиболее приспособленных», или естественный отбор как сохранение благоприятных индивидуальных различий и изменений и уничтожение вредных². Общеизвестное «выживание приспособленных» – это уже спенсеровская терминология. Естественный отбор идет медленно, без скачков, разрывов и т.п., путем накопления незначительных благоприятных видоизменений³. Основной путь развития – дивергенция, конвергенция – вспомогательный⁴. Дарвин делает акцент на случайный характер изменений⁵, что позволяет Л.С.Бергу назвать дарвиновскую концепцию «тихогенезом» (от греч. тихе – случай), то есть «эволюцию путем случайностей»⁶. Дарвиновская эволюция – это череда изменений, осуществляемых путем наследственности и отбора.

Градуалистский подход к эволюционному процессу, по идее, предполагает наличие большого количества переходных форм, однако это не подтверждается палеонтологическими материалами, вынуждая Дарвина искать объяснение подобному феномену. Оно видится ему в том, что промежуточные разновидности быстро истребляются более «продвинутыми» видами, но этот процесс на геологическом материале не прослеживается, поскольку геологическая летопись значительно менее полна, чем предполагает большинство геологов⁷. Несколько

¹ Там же. С.119,345–347.

² Там же. С.65,94.

³ Дарвин Ч. Происхождение видов... С.347–348.

⁴ Там же. С.81–83,92–93.

⁵ Там же. С.81,344.

⁶ Берг Л.С. Труды по теории эволюции. Л., 1977. С. 95,108–110.

⁷ Дарвин Ч. Происхождение видов... С. 120,339–341.

забегая вперед, отметим, что если во времена Дарвина данный аргумент был достаточным, то теперь с развитием палеонтологии и накоплением соответствующего материала он полностью утратил свою силу (см., напр.¹). Уже после Дарвина его теория была сведена к знаменитой триаде: наследственность, изменчивость, естественный отбор, где последнему отводилась решающая роль в эволюционных процессах.

Возражения против дарвиновской теории последовали незамедлительно. Наиболее обоснованными В.И.Назаров считает аргументы П.Флуранса и А.Картфажа де Брео, а в России – Н.Я.Данилевского². Они указывают, что Дарвин не привел ни единого примера превращения одного вида в другой, спутав внутривидовую изменчивость с видовой трансформацией. Весьма уязвимой для критики оказалась и концепция постепенного, непрерывного накопления случайных изменений, отрицающая любые скачки и разрывы. Отсутствие переходных форм как ступеней в поступательном эволюционном процессе видится как один из наиболее веских аргументов против дарвинизма. Не вдаваясь в детальный разбор дискуссии, все же отметим, что, по мнению В.И.Назарова, Данилевский предвосхитил главную идею номогенеза, согласно которому развитие как процесс внутренних изменений совершается закономерно, что вполне совместимо с сальтационным развитием, о чем говорят и теория прерывистого равновесия Дж.Гулда и Н.Элдриджа, и экосистемная теория эволюции (ЭТЭ)³.

Идеи эволюционизма стали господствующим умонастроением европейского общества с середины XIX в., показателем чего служит система универсального эволюционизма Г.Спенсера, которую он выработал независимо от Дарвина, хотя и опирался на общий круг идей (в частности мальтузианства)⁴. Закон эволюции

¹ Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели. М., 2005. С. 67.

² Там же. С.66–75.

³ Назаров В.И. Эволюция.. . С.74–75.

⁴ История теоретической социологии. М., 2002. Т. 1. С. 243.

понимался им как универсальный закон природы, базирующийся на принципе неуничтожимости материи и непрерывности движения, причем действие этих принципов непостижимо для человека. Из всего этого вытекает формулировка универсального эволюционного процесса: каждая действующая сила производит более одного изменения – каждая причина производит более одного действия. Отсюда каждая сила развивает все новые группы сил. Действие сложнее причины¹.

Данный закон эволюции осуществляет связь между неживой, живой и социальной природой, перераспределяя материю и движение. Эволюция представляет собой интеграцию материи и рассеяние (дезинтеграцию) движения, т.е. это переход от рассеянного состояния материи к концентрированному, сопровождающийся дифференциацией как движением от состояния неопределенной несвязной однородности материи к определенной структурной разнородности².

Особо следует остановиться на положении о том, что динамическое равновесие как результат взаимодействия сил образует переходную ступень на пути к полному равновесию³. Принцип равновесия (уравновешивания) рассматривается им как общий закон эволюции. Поскольку динамическое равновесие имеет силу самосохранения⁴, то понятие «адаптация» выводится на концептуальный уровень эволюционной теории. Это сближает его с Дарвиным, но понятие «прогрессия» как неуклонное усложнение прежде всего характеризует Спенсера, нежели Дарвина, на что в первую очередь обычно обращают внимание при сопоставлении обоих исследователей (см., напр.,⁵). У обоих критерий эволюционного развития видится в увеличении структурной дифференциации.

¹ Спенсер Г. *Опыты научные, политические и философские*. Мн., 1998. С. 48–49.

² Спенсер Г. *Опыты...* С.52–55; *Он же*. *Основные начала* // *Антология мировой философии*. М., 1971. Т. 3. С. 611–614.

³ Спенсер Г. *Основные начала...* С. 615.

⁴ Там же.

⁵ *Ingold T. Evolution...* P. 5–8.

Базисная модель эволюции у Спенсера – рост отдельного организма, так что именно его можно считать первым социобиологом. Как Дарвин, так и Спенсер используют символ дерева для иллюстрации эволюционного процесса¹, но у Спенсера рост дерева символизирует каналы универсального движения. В дарвиновской системе время – лишь фон для его триады, а у Спенсера, как и у Ламарка, время имманентно эволюционному процессу. Так что теория эволюции у Спенсера дается скорее «по Ламарку», нежели «по Дарвину», что еще более заметно в его концепции общественной эволюции.

Вряд ли может быть оправдана позиция тех исследователей, которые говорят о «плоскоэволюционистском» подходе Г.Спенсера, но в то же время отводят аналогичный упрек в сторону Ч.Дарвина². Подобное противопоставление «плоскостного» Спенсера и, видимо, «подлинного» эволюционизма Дарвина не имеет достаточных оснований. Напомним, что Дарвин не только не оперировал термином «эволюция», предпочитая ему «трансмутацию видов», но и не привел ни одного примера подобного превращения, тем самым спутав ее с внутривидовой изменчивостью. Оба они стояли на градуалистических позициях, но даже если допустить, что Дарвин, в отличие от Спенсера, признавал мутации (как показано выше, внутривидовые), то это вполне компенсируется тем обстоятельством, что именно Спенсер четко изложил линейно-прогрессистскую теорию общей эволюции. Популяционная трактовка эволюции характерна прежде всего для СТЭ, но не для Дарвина, который когда говорит о «восхождении на более высокую ступень организации», то перед этим пишет об «улучшении каждого существа»³. Понятие «эволюционное древо» используется им как иллюстрация принципа дивергенции⁴. Что же касается отрицания Спенсером естественного отбора как универсального эволюционного механизма⁵, то

¹ Дарвин Ч. Происхождение видов...С.95–96; Спенсер Г. Опыты... С.64, прим.

² Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М., 1996. С.436–437.

³ Дарвин Ч. Происхождение видов...С. 94.

⁴ Там же. С.95–97.

⁵ Спенсер Г. Опыты...С.61–64, прим. С.64.

подобная позиция теперь получает все большее распространение даже в отечественной биологической теории эволюции, не говоря уже о зарубежной.

Общественная эволюция мыслится Спенсером как продолжение общей, где универсальные принципы преломляются через специфические. Прежде всего следует отметить, что он разграничивает понятия «эволюция» и «прогресс», о чем и пишет в своей «Автобиографии». Эволюция видится ему как более широкое понятие, именно ему он отдает предпочтение, рассматривая универсальные законы развития/изменения, понятие же «прогресс» слишком отягощено антропоцентристской нагрузкой. Общие принципы общественной эволюции у него сводятся к нескольким положениям. Эволюция общества – это движение: 1) от простого к сложному; 2) от аморфности к четкости; 3) от гомогенности к гетерогенности; 4) от текучести к стабильности¹.

Спенсеровская теория эволюции общества базируется на ламарксистской идее наследования благоприобретенных признаков, что придает ей кумулятивный характер. В его концепции прослеживаются две основные идеи, в целом слабо стыкующиеся одна с другой. Первая – это идея конкуренции, борьбы за универсальные потребности: ресурсы, контроль над производством, управлением и т.п.; вторая – это идея адаптации как универсального принципа социального организма. В этом случае общая схема общественной эволюции видится как дифференциация + интеграция = адаптация.

В литературе все же отмечается то обстоятельство, что степень «адаптационизма» у Спенсера разнится, достигая наибольшей степени в «Основаниях этики»². Среда здесь может пониматься предельно широко, включая природные условия, мир природы, преобразованный человеком, и, наконец, социально-культурное окружение. При этом достаточно очевидным с позиций современной эволюциологии представляется, что абсолютизированный

¹ Там же. С.63–70.

² *История теоретической социологии...* Т. 1. С. 255.

адапционизм, ведя к гомеостазису, подрывает саму сущность эволюции как развития. Однако на чисто биолого-редукционистские подходы, о чем уже говорилось выше, накладываются структурно-функционалистские, где индивидуальное поведение соотносится с общественными интересами, что дает иную форму регуляции по сравнению с естественным отбором. Ламаркистская теория прямого влияния среды при условии ее расширительного понимания здесь оказалась более затребованной.

В целом подход Спенсера к механизмам общественной эволюции оценивается как «многофакторный»¹. Факторы эволюции у него делятся на «первичные» и «вторичные» (производные). В каждой из этих групп различаются «внешние» и «внутренние» составляющие. Первичные внешние – природная среда. Первичные внутренние – физические и психические качества людей. Вторичные цивилизационные факторы (внутренние и внешние) есть результат самой общественной эволюции.

Оценивая в целом спенсеровскую эволюционную теорию, следует констатировать, что его попытки вписать в универсальную эволюцию специфическую (биологическую, социальную) сталкивались с определенными трудностями. Эволюционно-субстанционалистские воззрения переплетались с адапционистскими (средовыми), а идея всеобщей детерминации – с многообразием факторов. Не нашлось места в его концепции и трансформациям взрывообразного типа. Достаточно подробно описывая процессы общественной эволюции по своей излюбленной схеме, он даже не упоминает о социальных революциях. Стремление максимально широко сформулировать законы универсальной эволюции подрывало их эвристическую значимость. Биологический редукционизм по отношению к социальности наталкивался на феномен активной преобразовательной деятельности человека. Подобные дилеммы в рамках его системы оказались неразрешимыми по определению.

¹ Там же.. С.271.

Эволюционистские, линейно-поступательные подходы, где порой понятия «эволюция» и «прогресс» практически отождествлялись, безраздельно господствовали в европейской мысли 2-й пол. XIX – нач. XX вв. Таковые были широко представлены во всех отраслях познания – от естественнонаучного до философского.

Теории однолинейной прогрессистской эволюции в рамках исторической науки нашли свое предельное воплощение в трудах Л.Моргана и Э.Тайлора в их трехстадийной схеме: дикость, варварство, цивилизация, где исторический процесс рисовался как неуклонное продвижение человечества к высотам мировой цивилизации, правда, неравномерное и разноскоростное. Для отражения подобного феномена Э.Тайлор применяет термин «пережиток» как «живое ископаемое». Под это определение подходили те явления или даже целые народы, находящиеся не на той стадии развития, какую занимало «передовое» человечество.

Однако еще Г.Т.Бокль усомнился в некоторых постулатах прогрессизма («История цивилизации в Англии» 1857-1861 гг). Еще дальше в этом направлении продвинулся Н.Я. Данилевский, который в своем труде «Россия и Европа» 1869 г. сформулировал идею циклично-дискретного цивилизационного процесса. После О.Шпенглера («Закат Европы» 1918-1922 гг.) линейно-поступательные концепции исторического процесса надолго оказались оттеснены на периферию научного познания.

3.3. Кризис классического эволюционизма: новые проблемы и пути их решения (неоэволюционизм и его альтернативы)

В конце XIX столетия в развитии эволюционизма стали наблюдаться все более разрастающиеся кризисные явления, хотя само учение еще продолжало распространяться во всех областях познания. Критике подверглись его отдельные, а порой и структурообразующие положения. В историко-

социологической науке, как только что говорилось, это были концепции цивилизационного своеобразия в противовес их порой произвольному ранжированию в линейно-поступательной шкале координат. Если идеи Н.Я.Данилевского были практически незамечены мировым научным сообществом, то концепции исторического партикуляризма и культурного релятивизма Ф.Боаса (1858-1942) повезло значительно больше. К тому же она к 1920 г. получила мощную поддержку со стороны теории локальных цивилизаций (Шпенглер).

Центральное звено биологического эволюционизма - дарвинизм практически сразу же подвергся критике в своем базисном тезисе (естественный отбор как ведущий механизм эволюции, развертывающейся путем накопления мелких изменений). В 1889 г. серьезный вызов дарвиновскому градуализму был брошен сальтационистской концепцией Г. де Фриза. С тех пор критика скачкообразного видообразования стала дежурным пунктом всех дарвинистов. В 1900 г. открытие Г.Менделя окончательно похоронило антинаучную теорию пангенезиса, исповедуемого Дарвиным. Все эти события к началу XX в. вылились в кризис классического дарвинизма, что, конечно, было только отдельным моментом кризиса всей классической науки.

В философии рухнула последняя универсальная субстанциональная система ортодоксального марксизма. Претензии же «ленинизма» на «единственно верное» толкование Маркса оказались более чем сомнительными, несмотря на все практические успехи большевизма. В философии в целом на смену рационализму, субстанционализму и всеобщей детерминации приходят антропологические подходы, представления о нелинейных взаимосвязях в структуре мироздания (так называемый антропологический поворот и неклассическая наука).

Не менее грандиозные трансформации претерпело естествознание, где пришел конец линейно-детерминистической, механицистской парадигме ньютоновско-лапласовской Вселенной, построенной на принципах предсказуемости и «дальнодействия», соответствующей классическому

дарвинизму. Ушло в прошлое представление о неизменности атома, раскрылись взаимосвязи вещества и энергии. Теория Эйнштейна и квантовая механика положили начало формированию новых концепций о стохастической Вселенной как матрицы из энергий, совокупно составляющих единое поле. Все это позволило Эйнштейну заявить, что поле есть единственная реальность как взаимосвязь материи и энергии.

Данной (весьма беглой), зарисовки вполне достаточно, чтобы показать системный характер кризиса классического познания, равно как и характера произошедшей трансформации. Далеко не случайным видится практически параллельный кризис всех классических форм эволюционизма, будь то естествознание (дарвинизм) или социальное познание (спенсеровский прогрессизм). Основные положения классического эволюционизма достаточно обстоятельно перечислены П.Штомпкой¹. Не повторяясь, обратим внимание лишь на некоторые моменты. Описывая основные положения эволюционизма, польский исследователь за основу берет все же социологический эволюционизм, отсюда у него на первом месте такие положения, как униформизм, органицизм, линейный прогрессизм и т.д. Именно они в первую очередь подверглись критике со стороны дискретных подходов в социальной мысли².

Думается, что в естественнонаучной версии эволюционизма, во многом развивающейся независимо от социальной, критический акцент был сделан на другие пункты. Прежде всего – это градуализм, положение о постепенном, непрерывном накапливании мелких изменений, плавно перераставших в видовые трансформации (непрерывность, постепенность как признак классического эволюционизма у Штомпки фигурирует только под пунктом 10). Направленность эволюционного процесса, отвергающаяся классическим дарвинизмом, также оказалась в эпицентре критики (концепции номогенеза, ортогенеза и т.п.).

¹ Штомпка П. Социология... С.144–147.

² Там же. С.147–149.

В целом на развитие классического эволюционизма оказали воздействие две онтологические парадигмы: органицизм и механицизм. То есть мироздание рассматривалось либо как организм, либо как механический агрегат. Соответственно, в одном рост живого рассматривался как универсальная модель развития; в другом – все процессы в конечном счете сводились к физическим. Следующая система координат связана с понятием направленного и ненаправленного/случайного движения. Направленность чаще всего выступала как телеология. Следующий параметр связан с приоритетом внутренних и внешних факторов. Отсюда эндогенные и экзогенные теории. При этом целеустремленность может вырастать как внутри самой эволюции, так и за ее пределами (божественная воля и т.п.). Таким образом, эволюционная теория представляется нам в виде поля, формируемого несколькими системами координат, где теории могут перетекать из одной системы в другую.

С появлением марксизма можно, видимо, говорить еще об одной эволюционной макропарадигме – социологизме, базирующейся на идее нередуцируемости общественной эволюции к низшим формам, ее направленности, решающей роли внутренних факторов развития и специфическом варианте телеологизма (движение к коммунизму), материалистическим по форме, идеалистическим по содержанию.

Исходя из этого, нам представляется неправомерным сводить эволюционную теорию к двум трактовкам: механицистской и телеологической, как это делает И.И.Блауберг¹. Телеологизм был присущ и механицизму, например, философии И.Ньютона. Непонятно тогда, куда относить дарвинизм, который не соответствует обоим подходам. Механицизму в первую очередь противостоял органицизм, где также имели место телеологические подходы (ортогенез, номогенез или «жизненная сила» / «энтелехия» витализма Х.Дриша). Дарвинизм,

¹ Блауберг И.И. *Анри Бергсон*. М., 2003. С.302.

выросший из органицизма, излагал теорию случайных изменений (тихогенез, по Л.С.Бергу).

Что же касается роли внешних и внутренних факторов, то здесь ламаркизм и спенсерианство с разной степенью отчетливости проводили идею общей и специфической эволюции в терминологии неоэволюционизма. В зависимости от этого роль эндогенеза и экзогенеза у них различается, позволяя трактовать, в частности, позицию Ламарка то как приоритет экзогенеза (окружающая среда как движущая сила эволюции)¹, то рассматривая его «закон градации» (стремление к совершенству), автономный от среды, как основной закон эволюции². Позиция Дарвина по этому вопросу обычно трактуется как приоритет приспособительной (к условиям среды) эволюции³. Идеи эволюционизма, казалось, были окончательно дискредитированными, но его многочисленные направления направили свои усилия на преодоления кризиса, сосредоточив свое внимание на тех «узких» местах, какие виделись по-разному в различных эволюционных течениях.

Новая эйнштейновская картина мироздания имела совсем неожиданные последствия, вызвав к жизни новую версию холизма, в основе которой были уже законы квантовой механики, примененные к теории эволюции⁴. У ее истоков стояла теория «творческой эволюции» А.Бергсона (1907), чьи воззрения в той или иной мере преломились во всех вариантах холизма от смэтсовского до ноосферного (Тейяр де Шарден, В.И.Вернадский).

В эволюционных воззрениях А.Бергсона нам представляется возможным выделить следующие положения. Прежде всего – это идея целостности, неразрывности движения, выражающаяся через категорию «длительность» (французское «la durée» переводится как «дление»), что предполагает не только

¹ *Литтон Б., Бхаэрман С.* Спонтанная эволюция... Гл.6.

² *Завадский К.М., Колчинский Э.И.* Эволюция эволюции...С.80–81; *Попов А.В.* Эволюция... С.83.

³ *Северцов А.С.* Направленность эволюции... С.184.

⁴ *Литтон Б., Бхаэрман С.* Спонтанная эволюция...Гл.6.

взаимосвязь трех временных модусов, но и непрерывность изменения, сохранение прошлого в настоящем как свойство «истинной длительности», присущей как сознанию, так и всему временному потоку¹. В феномене целостности движения он видел разгадку апорий Зенона Элейского, подставившего траекторию вместо пути. Движение нераздельно, а траектория бесконечно делима. Точно так же прямая не представляет сумму точек². Само понятие «целостности» применительно к процессуальности, конечно же, не является сугубо бергсоновской новацией. Даже если отбросить антично-гегельянские корни, то достаточно здесь отметить марксистский тезис о целостности развития, под которым понимается развитие всех человеческих сил как таковых безотносительно к любому заранее установленному масштабу³. Однако, на наш взгляд, именно А.Бергсон придал этому феномену онтологическую глубину с последующим выходом в трансцендентность.

Творческий характер эволюции определяется как способность к созданию нового, при этом стремление к переменам не носит случайного характера, хотя само изменение случайно (идея внешней целесообразности целиком отбрасывается)⁴. Источник движения/изменения – жизненный порыв как его имманентное свойство, природа которого нам в полной мере недоступна⁵. В качестве гипотетического импульса жизненного порыва называется солнечная энергия⁶. Уж не в этом ли тезисе Бергсона кроются истоки гумилевской теории пассионарности как генной мутации под воздействием солнечной радиации? О своем знакомстве с идеями Бергсона, кстати, говорит и сам Гумилев⁷. В советской философской литературе категории творческой эволюции, жизненного порыва, а также им подобные однозначно отвергались как идеализм, мистицизм и т.д.

¹ Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Мн., 1999. С.36–37,45.

² Там же. С. 605–610.

³ Маркс К. Критика политической экономии... С.476.

⁴ Бергсон А. Творческая эволюция... С.53–58,102,377–382.

⁵ Там же. С.65–66,104–106,377–382.

⁶ Там же. С.271.

⁷ Гумилев Л.Н. Струна истории. М., 2008. С. 214.

Однако в самой марксистской теории понятие «самодвижущаяся материя» вряд ли намного определеннее.

Представляет также интерес анализ Бергсоном эволюционной теории Спенсера. По его мнению, ошибка Спенсера заключается в том, что он сначала раздробляет действительность на кусочки, а затем интегрирует эти кусочки, рассматривает взаимодействия между ними и т.п. Истинный же эволюционизм предполагает углубление в процесс становления вообще¹.

Идеи А.Бергсона стали той методологической базой, на которой формировались идеи холизма в его широком контексте (Я.Смэтс, А.Н.Уайтхэд, эмерджентная эволюция С.Александера, К.Л.Моргана). Сюда же можно отнести и ноосферные концепции в различных интерпретациях – Тейяр де Шарден, В.И.Вернадский; социетальную эволюцию А.Г.Келлера и др.).

Как нам представляется, идеи холизма в наиболее целостном виде были изложены Я.Смэтсом в его труде «Холизм и эволюция», отличающемся скорее системностью изложения, нежели оригинальностью подходов. Выше мы уже касались его воззрений по поводу макрокатегории целое/стность с имманентно присущим ему движением. Тем самым целостность выступает как принцип самоорганизации Вселенной, представляющий собой восхождение по шкале целостностей, создающий все более совершенную целостность. Структура является вторичной по отношению к функции, являющейся доминирующей чертой целого, что трансформирует само понятие «причинность». Результирующий эффект не только восходит к причине, но и трансформируется в процессе². Холистическая эволюция носит творческий характер, поскольку постоянно идет процесс создания нового. Здесь идет явная перекличка с Бергсоном, но концепцию последнего об «истинной длительности» Я.Смэтс отрицает, поскольку таковая не может объяснить причины развития.

¹ Бергсон А. Творческая эволюция... С. 406–410, 412.

² Smuts J.C. Holism and evolution. N.-Y., 1927. P.105–106,119,137,143.

Исследователь выделяет два фундаментальных фактора эволюции: структура и принцип развития¹. Структура является творением не интеллекта, как у Бергсона, а опыта как результата взаимодействия субъективного и объективного². Структура реальности объективна, но в процессе ее познания она в нашем сознании претерпевает соответствующие изменения.

В процессе глобальной эволюции Смэтс традиционно выделяет три этапа («царства»): неорганическое, органическое и социальное, переход от одного к другому осуществляется в форме «скачка», однако «непроходимую пропасть» между материей и жизнью он не находит, а видит здесь лишь «величайшую мутацию»³. Общий принцип творческой эволюции остается для Смэтса тайной, но тайной, помещенной в правильном месте⁴. Как правило, подобное утверждение критиковалось в советской литературе как мистицизм и агностицизм (см., напр.,⁵), но вряд ли материалистический подход к этой проблеме, вращающийся вокруг принципа «*causa sui*», существенно раскрывает природу данного феномена.

В представлениях мыслителей данного круга нас прежде всего интересует принцип эмерджентности, чаще всего связываемый и именами С.Александера и К.Л.Моргана. В их трудах центральное место занимает идея скачкообразного изменения («эмерджент» в терминологии К.Л.Моргана), непредсказуемость которого отличает его от «результанта»⁶. Та же самая идея имеется и у С.Александера⁷. Возникает вопрос о самом «предсказателе». Если познает и предвидит только человек, то кто «предсказывает» до его возникновения, спрашивает А.С.Богомолов⁸. Действительно, при такой постановке вопроса понятие «предсказуемость» теряет всякий смысл. Однако если вместо этого

¹ *Smuts J.C. Holism and evolution... P.92–93.*

² *Ibid. P.94–95.*

³ *Ibid. P.36–37.*

⁴ *Ibid. P.270–271.*

⁵ *Богомолов А.С. Идея развития в буржуазной философии. М., 1962. С.329.*

⁶ *Morgan C.L. Emergent Evolution. – L., 1927. P. 64–65.*

⁷ *Alexander S. Space, Time and Deity [электронный ресурс] // www.coemmes.com / encyclopedia / Alexander.htm. P.327.*

⁸ *Богомолов А.С. Идея развития... С.233.*

термина вставить, скажем, «стохастичность», то смысл обретается вновь, и более того, обнаруживается связь с современными синергетическими концепциями.

Фундаментальное методологическое разногласие между классической эволюционной теорией и эмерджентной концепцией заключается в проблеме преемственности между уровнями развития. У классиков низший слой порождает высший, у приверженцев эмерджентности он только субстрат, а переход на высший уровень связан с действием общеэволюционных сил типа жизненного порыва А.Бергсона или «низуса» (порыв) у С.Александера, что вызывает традиционные обвинения в мистицизме, идеализме и т.п. Эмерджентная теория эволюции оказалась перед антиномией, констатирует А.С.Богомолов, – все ново и нет ничего нового; эволюция – лишь перегруппировка уже имеющегося, и в то же время – это постоянное творение абсолютно нового¹. Источник подобной антиномии называется им незамедлительно – агностицизм и абсолютизация трудностей научного предвидения².

Думается, что подобная антиномия имеет общеэволюционную природу, а не локально эмерджентную. Это проблема преемственности и разрыва/скачка того, что считать новым. Все что существует, имеет своего предшественника, и с этой точки зрения новое – лишь реализация уже имеющегося. С возникновением жизни на Земле преемственность никогда не разрывалась, следовательно, имеется непрерывная линия поступательного развития от низшего к высшему. Точно так же можно говорить, что развитие осуществляется только путем скачка с одной ступени на другую, то есть, развитие сплошь состоит из скачков разного масштаба. Так, переход от протокариотов к эукариотам или от царства динозавров к млекопитающим – это скачок или этап непрерывно- поступательного развития, выдвижение на первый план иной ветви развития?

¹ Богомолов А.С. Идея развития... С.236.

² Там же.

Видимо, речь должна идти о разных измерениях того или иного явления, масштабах эволюционного процесса и о соотношении элементов и отношений в структуре объекта. Так, с точки зрения глобального эволюционного процесса, преемственность развития никогда не была нарушена. Если же спуститься на какой-либо хронологический уровень, то здесь мы увидим сплошные скачки и разрывы. Или, например, у каждого этноса есть предки, также имеющие своих предшественников, и т.д. Так что, истоки любого этноса возводить к габилисам или эректусам? Новизна задается не субстратом, а изменившимися взаимосвязями между элементами, порождающими новое качество («мутовочный эффект», по С.Д.Хайтуну¹).

К данной проблеме мы еще вернемся, а пока хотелось бы остановиться на некоторых идеях А.Н.Уайтхеда, по праву считающегося наиболее влиятельным представителем процессуальной философии. Он исходит из спинозистского понимания субстанции как причины самой себя, но на место вещного субстанционализма ставит процессуальный, тем самым процесс и есть субстанция. «Реальность есть процесс»². Его эволюционная концепция строится на теории органического механизма, предполагающего, что эволюция законов природы совпадает с эволюцией устойчивой структуры. Общее состояние Универсума определяет каждое состояние отдельных сущностей. В новой окружающей среде происходят эволюция старых сущностей и их переход в новые формы³. При этом самому веществу решительно отказывается в эволюционных способностях, исходя из чего идея организма выдвигается в качестве фундаментальной при изучении природы⁴.

Феномен процессуальности раскрывается им через понятия «событие» и «объект». «Событие – это особое положение дел, вытекающее из

¹ Хайтун С.Д. Социум на фоне универсальной эволюции // ОНС. 2005. № 4. С. С. 125–127.

² Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 130.

³ Там же. С.167.

⁴ Там же. С.168.

индивидуализирующей субстратной активности»¹. Это конечная единица природного явления, имеющая отношение ко всему существующему, в том числе и к другим событиям². Отсюда природа – это процесс, состоящий из событий, которые индивидуальны и неповторимы³.

Любое действительное событие самодостаточно, однако оно «схватывается» самим собой и другими событиями, в результате чего происходит формирование структуры события, где время отделяет себя от пространства, длительность опространстливается, образуя поле реализации структуры⁴. Устойчивость требует последовательности длительностей, в каждой из которых обнаруживает себя структура⁵. Объект характеризуется им через такие признаки, как устойчивость, повторяемость, дискретность⁶. При этом он не может существовать вне «сообщества событий», а «сообщество» может существовать без объектов⁷. А.С.Богомолов полагает, что «объекты» Уайтхеда воплощают атомарные свойства природы⁸. Исходя из концепции вытеснения материи теорией электромагнитных полей, то есть дематериализации вещества энергией, Уайтхед отдает безусловный приоритет событию над объектом, включающемся в него отношением «ситуации». Конечная причина всего этого – изначально присущая мирозданию творческая энергия («креативность»), где Бог – соавтор событий, а не их творец.

А.С.Богомолов в этой связи обращает внимание на невразумительность уайтхедовской дефиниции события⁹. Ему вторит и приверженец «событийного» подхода А.М.Еременко, указывающий на редуцируемость объекта к событию.

¹ Там же. С.128.

² Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии... С. 163.

³ Там же. С.180–182,185–187.

⁴ Там же. С.164–165,180–181,186–187.

⁵ Там же. С.180–181,186–187.

⁶ Там же. С.163,165–168,181–182.

⁷ Там же. С.181.

⁸ Богомолов А.С. Идея развития... С.289.

⁹ Богомолов А.С. Идея развития С. 288–289.

Тем самым все есть событие, но непонятно, что именно оно есть¹. Однако, забегаая несколько вперед, отметим, что у последнего такой же, по сути дела, субстанциональностью обладает историческая событийность. Видимо, в понятии «событие» Уайтхед хотел отразить квант процессуальности, но ввиду своей многозначности оно стало предтечей хайдеггеровских экзистенциалов. А.М.Еременко же однозначно наделяет субстанциональностью лишь событие как сущность процессуальности². В результате у него получается нечто вроде лейбнизианской монадологии, но без Верховной монады.

Самым уязвимым в подобной позиции является проблема целостности. А.М.Еременко наделяет целостностью опять–таки лишь событие³. Однако тогда получается, что тогда ни одно из таковых в полной мере не обладает целостностью в виду их незавершенности, будь то завоевание Цезарем Галлии или падение Римской империи, поскольку последствия этих событий в той или иной мере проявляются и до сих пор. В самый раз бы здесь перейти к процессуальной целостности как это сделали Бергсон и Уайтхед, показав, что любое событие обретает свою целостность (доводит ее до полноты) лишь в составе тотальности процесса, подобно тому, как рука обретает свою целостность/завершенность лишь в составе единого организма. Сам же А.М.Еременко указывает, что события квантуют историческое время⁴, что предполагает целостность исторического / эволюционного процесса. Однако он вместо этого предлагает нечто оксюморонное – «незавершенная целостность» события⁵. В русле его субстанциональной событийности получается что–то вроде неполной беременности. При этом надо иметь в виду, что абсолютную полноту и целостность дает лишь завершенность процессуальности. Поэтому и незавершенность события надо выводить не из него самого, и не из его

¹ Еременко А.М. История как событийность. Луганск, 2005. Т.1. С.38.

² Еременко А.М. История как событийность ... С.42,62.

³ Там же. С.89.

⁴ Там же. С. 273.

⁵ Там же. С. 89.

взаимосвязи с другими событиями, а из принципиальной неполноты/незавершенности эволюции. Событие – это единица истории, но история не состоит из единиц, равно тому, как прямая не есть сумма точек. Полнота/целостность эволюции достраивается самим феноменом общественного сознания в виде рациональной рефлексии на свою социальную обусловленность, попутно наделяя процессуальность соответствующими смыслами.

Все вышерассмотренные представители эволюционного холизма оказали серьезное влияние на последующее развитие эволюционной теории, утвердив идею синтеза естественнонаучного, историко-социологического и философского познания для расширения эвристических возможностей Общей теории эволюции (ОТЭ).

Несомненно влияние А.Уайтхеда на формирование Общей теории систем (ОТС) Л.фон Берталанфи¹. Н.И.Миронова связывает синергетические идеи самоорганизации с новым прочтением теории эмерджентности С.Александера². В.И.Вернадский отметил идею А.Бергсона о взаимосвязи времени и эволюции жизненных форм³. Он также заинтересовался воззрениями С.Александера по поводу пространственно-временного континуума, соотношения движения и изменения. В.И.Вернадский выделяет такие его идеи как нахождение в пространстве-времени разума, о «точках–мгновениях», где пространство и время не отделимы друг от друга, и, наконец, о различиях между изменением и движением⁴. У С.Александера измерение времени основано не на движении, а на изменении свойств тела или явления. Конкретно движение не входит в измерение. Он рассматривает изменение как явление чисто эмпирическое, связанное с заменой одной серии движений другой. Всякое движение у него есть изменение,

¹ Киссель М. Философский синтез А.Н.Уайтхеда // Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С.52.

² Миронова Н.И. Парадигма как культурный код социального пространства-времени // Социум и власть. 2008. № 2. С. 104.

³ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988.С. 335.

⁴ Там же. С.335–336.

но не всякое изменение есть движение. Мы не считаем правомерным подобное разграничение, но в любом случае согласны с В.И.Вернадским, что эта мысль заслуживает самого пристального внимания¹. О возможном влиянии идей А.Бергсона на теорию пассионарности Л.С.Гумилева мы уже говорили.

Касаясь же вклада самого В.И.Вернадского в ОТЭ, среди множества плодотворных идей отметим лишь его концепцию эволюции жизни в виде сложных комплексов самого различного уровня иерархии вплоть до биоценоза. Биосистема рассматривается им как единство филогенетических групп животных и ландшафта их обитания. Тот же методологический подход применил и Л.С.Гумилев в теории этноса как этноландшафтной системы.

Бесспорно воздействие идей холизма на теорию социетальной эволюции А.Г.Келлера. Как уже говорилось выше, социетальная эволюция у него – это эволюция социальных институтов как элементов целого. Ее важнейший фактор, соответствующий наследственности в естественной эволюции – есть традиция². При передаче традиции особую роль играет обучение, связываемое с усвоением «социетальных кодов»³. Что собой представляют последние, им не конкретизируется.

К середине 30-х гг. XX в. окончательно сформировалась проблема эволюции самих механизмов эволюции (так называемая «эволюция эволюции»). Приоритет в постановке проблемы П.Штомпка отдает Л.Уорду (1883 г., «Динамическая социология»), где говорится, что сам механизм эволюции не постоянен, а изменяется с течением времени⁴. Американский ученый разграничивает «генезис» – период стихийной естественной эволюции и «телезис» – сознательная целенаправленная эволюция. Эволюция начинается у него как «космогенезис», охватывающий всю Вселенную, а в определенный момент в нее включается

¹ Там же. С.336.

² Keller A.G. Societal Evolution...P.212.

³ Ibid. P. 231.

⁴ Штомпка П. Социология... С. 143–144.

новый феномен – жизнь и, соответственно, новый механизм – «биогенез», дополняющий космогенез. Наконец, с появлением человека и общества к ним прибавляются «антропогенез» и «социогенез». Все четыре механизма действуют сообща, накладываясь друг на друга. Факторы целенаправленного развития особенно усиливаются на последней стадии, создавая новые возможности социальных изменений.

В биологической теории эволюции, хотя саму проблему относят еще ко временам Ламарка (два типа эволюции) и Дарвина (постоянство причин эволюции), все же появление самого термина «эволюция эволюции» связывают с работами А.Шелла (1936), который говорил о необходимости изучать исторические преобразования самого аппарата наследственности как фактора эволюции¹. В последующем развитие вопроса соотносится с именами А.Н.Северцова, А.А.Парамонова, И.И.Шмальгаузена и некоторых других авторов. В итоге выделяются две позиции: униформисты (неизменность факторов эволюции) и вариационисты (эволюция факторов эволюции)².

Здесь же следует отметить также идеи эволюционной космологии А.Уайтхеда, весьма сочувственно излагаемые В.И.Вернадским, о том что в разные космические эпохи все основные понятия, в том числе и о времени, могут быть резко отличными³. Тем самым могут трансформироваться не только сами механизмы эволюции, но и способы ее познания, что обнаруживает предельность ее понимания.

В социальной мысли идеи вариационизма, на наш взгляд, в первую очередь следует связать с воззрениями Д.Лукача, имеющими своим основанием фразу Ф.Энгельса о возрастании роли средств производства в общественной эволюции от «ранних периодов» до их «современного деспотического господства»⁴.

¹ Завадский К.М., Колчинский Э.И. Эволюция эволюции... С.3–4.

² Там же. С. 8–9, 80–83.

³ Вернадский В.И. Философские мысли... С.359.

⁴ Энгельс Ф. Письмо К.Каутскому в Цюрих от 26.06.1884 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 146.

Выдвигая на первый план концепт тотальности в ее конкретно-историческом развитии («историческая тотальность»), Лукач проводит ту же концепцию усиления социально-экономической детерминации по мере общественного развития¹. Общественное бытие трактуется как процесс взаимоотношений комплексов, которые сами изменяются². То есть тем самым меняются и сами составляющие эволюционного процесса. Таким образом, если «примитивные ступени развития» детерминируют «естественно заданные условия»³, то система экономических законов капитализма как решающая детерминанта несет исторически необходимый характер⁴. Впоследствии усиливается роль субъективного фактора в плане все более целенаправленного управления условиями общественного воспроизводства⁵. Все это с определенным допущением имеет смысл трактовать в том плане, что социально-экономическая детерминация характерна лишь для капиталистического строя и носит исторически конкретный характер.

В более осторожном и опосредованном виде в советской общественной мысли схожие идеи выдвигают М.В.Колганов и В.П.Шкредов, когда стадильно разграничивают капиталистическую частную собственность (М.В.Колганов вообще противопоставляет ее отношениям «владения» в докапиталистических формациях⁶) и частную собственность как атрибут антагонистических обществ в целом⁷, что с известной долей смелости можно охарактеризовать как смену детерминационных связей при капитализме, откуда уже недалеко и до вариационизма.

Несомненный вклад в ОТЭ, а не только в теорию биологической эволюции, внесла идея Ю.А.Филипченко (1927) о разграничении микро-(внутривидовой) и

¹ Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М., 1991. С. 249–250.

² Там же. С.200.

³ Там же. С.91.

⁴ Там же. С.205.

⁵ Лукач Д. К онтологии... С. 249–250,258.

⁶ Колганов М.В. Собственность. Докапиталистические формации. М., 1962.

⁷ Шкредов В.П. Метод исследования собственности в «Капитале» К.Маркса. М., 1973. С.203,244.

макроэволюции (надвидовой). В ответ со стороны дарвинизма тезис об отсутствии особых макроэволюционных механизмов, отличных от дарвиновской триады, приобрел характер непререкаемого постулата среди его приверженцев.

В неразрывной связи с теориями эволюционного холизма находится теологический эволюционизм П.Тейяра де Шардена. Общие идеи холизма он развивает в рамках диалектики развертывания и свертывания, обнаруживая преемственность с воззрениями Николая Кузанского, о чем уже говорилось. Если с астрономической точки зрения универсум расширяется, то с физико-химической он выступает в состоянии органического свертывания к самому себе (перехода от простых тел к чрезвычайно сложным – свертывание «сложности»)¹. Анализируя эволюционизм Тейяра де Шардена, А.М.Еременко совершенно справедливо, на наш взгляд, утверждает о приоритете у него свертывания над развертыванием².

Для объяснения эволюционных процессов Тейяр де Шарден использует образы мутовки, черешка, веера. Особенно удачен образ веера, поскольку переход на высший уровень развития представляет собой «схлопывание веера», когда лишь узкая «ветвь» прорывается в новое отделение жизни, а затем она «распускается» (развертывание, то есть «раскрытие веера»)³. Таким образом, если универсум развертывается по горизонтали, то свертывается он вдоль оси сложности, то есть по вертикали⁴.

Эволюция у Тейяра де Шардена как целостность носит целенаправленный характер, что связывается им с действием радиальной (духовной) энергии. Линия прогрессивного развития жизни связана с подъемом сознания⁵. Однако в отличие от градуалистских эволюционистов, он находит в ней место и «перерывам непрерывности», когда в соответствующем смысле та же самая вещь есть в то же

¹ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Божественная среда. М., 2011. С. 421.

² Еременко А.М. Свертывание и развертывание у Николая Кузанского и Пьера Тейяра де Шардена // Sentential. 2006. Спецвип. № 1. С. 253.

³ Тейяр де Шарден П. Феномен человека... С.226–233.

⁴ Там же. С.421–422.

⁵ Там же. С.272.

время совершенно иная¹. Тем не менее Тейяр де Шарден не отвергает и преемственности развития через начальные формы генезиса каждой филы, трудно отличимые на палеонтологическом материале от исходных форм (так называемый парадокс трансформизма)². Здесь он полемизирует с антитрансформистами (креационистами), но эти аргументы могут быть повернуты и против сальтационистов. Можно констатировать, что возникновение нового мыслится Тейяром де Шарденом как переход через критическую точку, что создает принципиально новую ситуацию, нежели разрыв единой цепи развития.

В вопросе соотношения дивергенции и конвергенции в эволюционном процессе, то применительно к биологической эволюции он отдает приоритет дивергенции³ (классический дарвиновский подход), а в ноосферной эволюции – конвергенции⁴. Тем самым, в ходе эволюции идет «игра дивергенций и конвергенций»⁵.

Пока приверженцы эволюционного холизма пытались структурировать эволюционную теорию единым детерминирующим ее началом духовно-энергетической природы типа жизненной силы или творческого порыва, в другой отрасли эволюционной теории – биологической произошло возрождение дарвинизма на базе его синтеза с популяционной генетикой. Таким образом в 30-х – 50-х гг. прошлого века сформировалась так называемая синтетическая теория эволюции (СТЭ), у истоков которой стояли Дж.Хаксли, Э.Майр, Г.Стеббинс, Н.В.Тимофеев-Ресовский, Дж.Г.Симпсон и др. В ранних вариантах СТЭ в модернизированном виде были воспроизведены основные постулаты классического дарвинизма (градуализм, случайный, ненаправленный характер мелких изменений – генных мутаций, отсутствие специфических

¹ Там же. С.299.

² Там же. С.234–236.

³ Там же. С.317.

⁴ Там же. С.364,430.

⁵ Там же. С.330.

макроэволюционных механизмов, решающая роль естественного отбора в дарвиновской триаде и др.). Впрочем, относительно последнего пункта наблюдалось определенное расхождение между советскими и западными исследователями, которые не столь решительно проводили идею примата естественного отбора.

Анализ СТЭ не входит в нашу задачу (ее критический анализ см.¹), но от себя все же отметим, что основное концептуальное ядро СТЭ существенно размывается. Уже давно признаются направленность эволюции², внезапность видообразования³ и другие некогда крамольные положения. Однако тезис о макроэволюционных изменениях и решающей роли естественного отбора в отечественной версии СТЭ проводится с прежней решимостью⁴. Точно так же акцентируется внимание на адаптивном характере биологической эволюции как ее отличительном свойстве⁵

С нашей точки зрения, более серьезный вклад в ОТЭ оказало развитие эволюционной морфологии, связанное с такими учеными, как А.Н.Северцов, И.И.Шмальгаузен, А.А.Парамонов, А.Л.Тахтаджан и др. (о развитии данного направления см.⁶). А.Н.Северцов разграничил биологический и морфофизиологический прогрессы⁷. Первый означает рост общей приспособленности по мере филогенеза группы. Морфофизиологический прогресс означает появление новых свойств, позволяющих решать качественно новые задачи. Критерии биологического прогресса сводятся им к увеличению численности группы, расширению ареала ее распространения и увеличению таксономического разнообразия. Были выделены следующие основные

¹ Попов А.В. Эволюция... С.126–138; Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину... С. 80–102.

² Северцов А.С. Направленность эволюции. М., 1990.

³ Воронцов Н.Н. Развитие эволюционных идей в биологии. М., 2004.

⁴ Яблоков А.В., Юсуфов А.Г. Эволюционное учение. – М., 2006. С.23–24.

⁵ Северцов А.С. Теория эволюции. М., 2005. С.14.

⁶ Северцов А.С. Направленность эволюции... С.184–224; Тимофеев-Ресовский Н.В., Воронцов Н.Н., Яблоков А.В. Краткий очерк теории эволюции. М., 1977. С.171–193.

⁷ Северцов А.Н. Морфофизиологические особенности эволюции. М.; Л., 1939.

направления эволюционного процесса: ароморфоз – повышение уровня организации; идиоадаптация - приспособление к среде обитания разного уровня; дегенерация – упрощение организма. Нетрудно заметить, что наложение обоих типов прогресса приводит к мысли о том, что биологический прогресс может достигаться и путем дегенерации.

Последующие разработки данной схемы привели к новой терминологии, где наиболее распространенными стали: ароморфоз/ арогенез, алломорфоз/аллогенез и специализация в виде телоформоза (узкая специализация), катаморфоз (общая дегенерация). Разработка подобной терминологии в основном связана с трудами И.И.Шмальгаузена¹ и некоторыми поправками А.Л.Тахтаджана. Анализируя подходы обоих исследователей, А.С.Северцов приходит к выводу, что в работах И.И.Шмальгаузена произошло изменение северцовского понятия «ароморфоз», теперь он не учитывает фактор усложнения организации, а оценка преобразований у него дается с точки зрения адаптивных возможностей². Другими словами, И.И.Шмальгаузен «дарвинизировал» подходы А.Н.Северцова, удалив из них ламаркистское наследие.

В рамках данного направления удалось продвинуться в изучении проблемы эволюции эволюции³. А.А.Парамонов приходит к выводу, что эволюция живых форм непрерывно эволюционировала (1967). Большое внимание данному вопросу уделил И.И.Шмальгаузен, который проводит идею ускорения темпов эволюции как результат ее прогрессивного высвобождения от средовой зависимости. Изменяются формы естественного отбора: тотальная элиминация у примитивных групп по мере арогенной эволюции приобретает все более избирательный характер, а биотические факторы считаются ведущими. Важнейшими же

¹ Шмальгаузен И.И. Факторы эволюции. М., 1968; Он же. Пути и закономерности эволюционного процесса. М., 1982.

² Северцов А.С. Направленность эволюции... С. 209–211.

³ Завадский К.М., Колчинский Э.И. Эволюция эволюции... С.201–215.

факторами борьбы за существование становятся «коллективное состязание» и «взаимопомощь»¹.

Несколько забегаая вперед, отметим, что идеи эволюционной морфологии были замечены отечественной историко-философской наукой лишь в конце 80-х гг., когда на одном из «Круглых столов» Я.Г.Шемякин и В.Л.Алтухов обозначили проблему многообразия форм социальной динамики по аналогии с биологической эволюцией, говорили о применении положений вариационизма относительно социальной детерминации и т.д.² Сходные идеи развивались и нами³. В последнее время в данном континууме работают Л.Е.Гринин и А.В.Коротаев⁴. Как нам представляется, данные подходы далеко не исчерпали своего эвристического потенциала.

Во многом предвосхитившими свое время и, видимо, поэтому оставшиеся незамеченными идеи А.А.Богданова в иных формулировках заняли почетное место в общей теории систем (ОТС) и синергетики. Выше мы уже рассматривали общие концепты тектологии, теперь же имеет смысл обратиться к его эволюционным воззрениям. Внимание целого ряда исследователей привлекло его понятие «подбор», совершенно отличающийся от дарвиновского «отбора»⁵. Перед нами понятие «организационный комплекс», как система, не связанный с феноменом конкуренции, как у Дарвина. Подбор как регулирующий принцип, отмечает Ю.В.Чайковский, задает целесообразность процессу развития, аналогичный ламарковскому прогрессу⁶. Тем самым осуществляется выход на идею самоорганизации. По его мнению, трактовка самоорганизации у Богданова

¹ Шмальгаузен И.И. Факторы эволюции... С.371–406.

² *Формации или цивилизации (материалы «круглого стола»)* // ВФ. 1989. № 10. С. 53–57.

³ Попов В.Б. Отношения распределения и перераспределения в историческом процессе: Автореферат дисс. ... канд.филос.наук. М., 1996; Он же. Отношения распределения и перераспределения в процессе общественной эволюции // Вестник РАН. 1997. № 7; Он же. Синхронное и диахронное измерения всемирной истории // ПФ. 2004. № 4.

⁴ Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция... .

⁵ Чайковский Ю.В. Активный, связанный мир. М., 2008. С.365–367; Пустильник С.Н. Принцип подбора как основа тектологии А.Богданова // ВФ. 1995. № 8. С.27–29.

⁶ Чайковский Ю.В. Активный, связанный мир... С.366.

более универсальна, чем у того же фон Берталанфи, и смыкается с глобальным эволюционизмом Э.Янча¹. Целесообразность становится имманентной целостности.

Понятия положительного и отрицательного подбора предвосхитили идею положительных и отрицательных связей системы, а идея бирегулятора – обратную связь². Лишь впоследствии, уже в структуре ОТС, нашли воплощение его взгляды на проблему неустойчивости и равновесия, системного кризиса (у Богданова – «тектологического»), где именно неустойчивость является источником внутреннего развития системы³. Также обнаруживается связь между его воззрениями и идеей коэволюции. Понятия «организационный комплекс», «комплекс-процесс» можно понимать не только как аналог «системы», но и как «экосферы/экосистемы»⁴.

А.А.Богданов вторым после Г.Спенсера применил общенаучные подходы к теории системного развития (синтез естественнонаучного и социального знания). Л.фон Берталанфи впоследствии пошел по этому же пути, в результате чего появилась универсалистская трактовка системного подхода (все есть система), в чем-то напоминающая аристотелевское понимание бытия. Третий синтез подобного масштаба дает уже синергетика.

Неслучайным представляется то обстоятельство, что ОТС получила широкое признание к середине 50-х гг., а рубеж 50-х и 60-х ознаменовался новым всплеском эволюционизма, получившим название «неоэволюционизм». У его истоков стоял Л.Уайт с идеями общих закономерностей процесса социокультурной эволюции (были выдвинуты еще в 30-40-х гг. XX в., но стали распространяться к концу 50-х).⁵ Здесь мы видим, как прорыв в одной сфере

¹ Там же. С.367.

² Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М., 1989. Т.1. С.199–207.

³ Богданов А.А. Тектология... Т.2. С.14,208–218,254.

⁴ Богданов А.А. Тектология... Т.1. С.107,220; Огурцов А.П. Тектология А.А.Богданова и идея коэволюции // ВФ. 1995. № 8. С. 31–35.

⁵ Уайт Л. Теория эволюции в культурной антропологии // Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. М., 2004. С. 473–606.

познания вызвал соответствующие новации в другой. Взаимосвязь между ними представляется несомненной. Влияние холистской эволюциологии также нельзя сбрасывать со счетов.

Неоэволюционизм первоначально возник в сфере историко-этнографического и социологического познания, но затем приобрел и более широкое парадигмальное значение. Данное направление представляется более сложным и многослойным феноменом, чем это обычно кажется. При этом в подобном качестве он не столь часто подвергается обстоятельному анализу. В этом плане наиболее интересной и концептуально заостренной нам видится работа Т.Ингольда, в которой неоэволюционизм сначала рассматривается в историографическом контексте¹, а затем в концептуальном, с учетом последующего развития². Р.Карнейро, защищая эволюционный подход, основанный на выявлении определяющих детерминант и, соответственно, тенденций развития, против, как мы бы выразились, дискретно-событийного подхода (чего только стоит его фраза о том, что нет никаких законов истории, пока история толкуется как бесконечно детальный рассказ о событиях в их полной особенности³), дает анализ структурообразующих положений неоэволюционизма в свете основных законов социокультурного развития⁴. Как можно понять из текста, неоэволюционизм рассматривается сугубо через призму проблем социокультурной антропологии, то есть не выходя за рамки историко-теоретической науки, где теоретические положения не должны отрываться от конкретно-исторического материала. Более целостное изложение основ данного направления дает его последующий труд⁵. Две главы здесь посвящены проблемам соотношений общей и специфической эволюции, стадий и процесса исторического развития, микро- и макроэволюционных процессов и т.д.

¹ *Ingold T.* Evolution...P. 74–126.

² *Ibid.* P.127–221, etc.

³ *Carneiro R.L.* The Muse of History... P. 224.

⁴ *Ibid.* P.233–252.

⁵ *Carneiro R.L.* Evolutionism... .

Основными его оппонентами здесь выступают сторонники сведения культурной эволюции к естественному отбору случайных изменений – в частности, Д.Кэмпбелл и Д.Риндос (фактически сторонники классического дарвинизма применительно к социокультурным процессам)¹.

Работы С.К.Сандерсон более развернуты в историографическом ключе². Ее оценки в целом совпадают с позицией Р.Карнейро. В сборнике «Эволюция и экология» наибольшее внимание уделено позиции Дж.Стюарда, которая, впрочем, раскрывается на фоне общих проблем эволюционизма³. Краткий, но вполне содержательный анализ неэволюционизма дает П.Штомпка⁴. Ряд интересных соображений и размышлений по данному поводу представлен в сборниках «Теория дифференциации и социальное изменение...», «Теория и объяснение в археологии»⁵. Наконец, нельзя не отметить некоторые работы Н.Лумана⁶.

Отечественная историография не рассматривает ОТЭ как целостность во всех ее областях. Прежде всего внимание было уделено историко-этнографической линии (наиболее содержательны на наш взгляд⁷). В этой связи показательной представляется монография В.И.Игнатьева, где он пытается при помощи нетрадиционных для отечественной историографии концептов (в частности, «целостность») отразить всем хорошо известную концепцию единства всемирно-

¹ *Carneiro R.L. Evolutionism...* . P.177.

² *Sanderson S.K. Social Evolutionism...*; *Sanderson S.K. Social Transformation...* .

³ *Evolution and Ecology. Essays on Social Transformation.* Urbana, 1977.

⁴ *Штомпка П. Социология...* С. 152–173.

⁵ *Differetiation Theory and Social Change: comparative and historical perspectives.* N.-Y.; Oxford, 1990; *Theory and Explanation in Archaeology.* L., 1982.

⁶ *Луман Н. Социальные системы.* СПб., 2007; Он же. *Эволюция.* М., 2005.

⁷ *Хазанов А.М. Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии.* М., 1979. С.125–177; *Куббель Л.Е. Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии.* М.,1979. С.241–277; Он же. *Очерки потестарной и политической этнографии.* М., 1988; *Васильев Л.С. Становление политической администрации // НАА.* 1980. № 1. С.172–186; Он же. *Протогосударство–чифдом как политическая структура // НАА.* 1981. № 5. С.157–175; *Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества. Генезис и пути развития.* К.,1989; *Годинер Э.С. Политическая антропология о происхождении государства // Этнологическая наука за рубежом.* М.,1991. С.51–78; *Семенов Ю.И. Теоретические проблемы «экономической антропологии» // Этнологические исследования за рубежом.* М., 1973. С. 30–76.

исторического процесса¹. Куда более широкий концептуальный охват демонстрируют исследования Л.Е.Григина и А.В.Коротаева, но все же в исторической эволюциологии основное внимание уделено полемике с М.Салинсом².

Социетальное направление развертывалось одновременно по нескольким уровням, взаимосвязанным и переходящим друг в друга – исторический/ историологический, историологический/ философский, между которыми порой затруднительно провести четкие границы. Так, например, теория раннего государства и вожества (чифдома) – П.Скальник, Х.Й.Классен, Р.Карнейро, М.Фрид, Е.Сервис, П.Коэн и др. – находится на стыке истории и теории истории. При этом многие из вышеназванных авторов, например, Х.Й.Классен, Р.Карнейро, Е.Сервис, вышли на уровень историологических обобщений, сюда же относим Л.Уайта, М.Салинса и Дж.Стюарда. К.Поланьи свою трехстадиальную схему эволюции форм циркуляции материальных и духовных ценностей (обмен, пере- и распределение, рынок) изначально развертывал на обоих уровнях. Т.Парсонс концептуально включил теорию эволюции в свою функциональную схему лишь в 60-х гг. Обычно его систему рассматривают как наиболее абстрактно-теоретическую³. При этом эволюционные воззрения вряд ли соответствуют общему уровню его системы. Наконец, определенный приоритет социально-философских/теоретико-социологических подходов обнаруживают воззрения Н.Лумана⁴. Теорию социальной эволюции также разрабатывают К.Р.Холпайк и Т.Инголд⁵. Причем если первый акцентирует внимание на сопоставлении биологической и социальной эволюций, а свою собственную

¹ *Игнатъев В.И.* Всемирная история как целостность (проблемы методологии). Новосибирск, 1993.

² *Коротаев А.В.* Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М., 2003; *Григин Л.Е., Коротаев А.В.* Социальная макроэволюция... .

³ *Тернер Дж.* Структура социологической теории. М., 1985. С.82–84,96–98; Он же. Аналитическое теоретизирование // Тезис. 1994. Т. 2. № 4. С. 128–130; *История теоретической социологии...* Т.3. С.243–245; *Alexander J.C.* Theoretical Logic... V.4. P 12–13,17, 72.

⁴ *Луман Н.* Эволюция...; Он же. Социальные системы... .

⁵ *Hallpike C.R.* The Principles...; *Ingold T.* Evolution... .

позицию не излагает в целостном виде, то другой более заострен концептуально, хотя также заметен историографический крен.

Все неэволюционисты исходят из общего положения о логической преемственности предшествующих и последующих форм в процессе поступательного восхождения от низших к высшим, однако развивают этот подход с разной степенью категоричности. Здесь можно выделить несколько эволюционных парадигм.

Первая рассматривает эволюционный процесс в целом как однолинейный, но не одномерный (теоретически продвинулись в данном направлении прежде всего Дж.Стюард и Р.Карнейро). Теория мультилинейной эволюции Дж.Стюарда (1955) была первой в череде неэволюционистских теорий¹. Им выделялась основная линия эволюционного процесса, связанная с прохождением определенных и необходимых этапов развития, которые должны пройти все культуры². При этом общие тенденции развития (усложнение форм от низших к высшим – прогресс) проявляются через специфическое развитие дискретных культур³. Тем самым социокультурная эволюция разворачивается в двух измерениях: однолинейном (диахронном), когда культуры располагаются в стадии универсальной последовательности, и в многолинейном (синхронном), когда отдельная культура рассматривается в своем континууме⁴.

В итоге эволюция представляется ему как совокупность параллельно развивающихся линий. Важное место в данной теории занимает и культурная экология как адаптация культуры к среде обитания, хотя географический детерминизм однозначно отвергается⁵.

¹ Steward J.H. Theory and culture. The methodology of multilineal evolution. Urbana, 1955.

² Ibid. P.4–5.

³ Ibid. P.12–14, 29.

⁴ Steward J.H. Theory and culture...P. 14–19,35; Evolution and Ecology. Essays on Social Transformation. Urbana, 1977. P.27–30.

⁵ Steward J.H. Theory and culture... P.35–36; Evolution and Ecology... P. 21–26,48–52,63,116.

Подобной позиции придерживается и Р.Карнейро, который также вполне последовательно проводит мысль о том, что однолинейная эволюция не означает прямолинейная. Однолинейность касается общих закономерностей эволюции, таким образом, эволюция одновременно однолинейная и полилинейная¹. Данная концепция в целом благожелательно оценивается С.К.Сандерсон².

Вторая парадигма по сути дела является продолжением первой, но радикализирует различия между общим и специфическим, обозначенные уже в первой. Ее виднейшие представители – М.Салинс и Е.Сервис. Они выделяют общую и специфическую эволюцию. Общая эволюция – линия универсального развития человечества. Она представляет движение от меньшей к большей трансформации энергии (принцип энерговооруженности в качестве эволюционного критерия выдвинул еще Л.Уайт), от более низких к более высоким уровням интеграции и от меньшей к большей адаптированности. Специфическая же эволюция касается конкретных путей эволюции отдельных культур. Здесь возможны иные формы социальной динамики, например, узкая адаптация к среде, ведущая к стагнации.

Следующая эволюционная система представлена в трудах Т.Парсонса с середины 60-х гг. Концептуально она ничем не отличается от вышеназванных, поскольку также восходит к дарвиновско-спенсеровским истокам, с той лишь разницей, что небезызвестная схема дифференциация + интеграция = адаптация была внедрена в его структурный функционализм системы «AGIL». Парсонс вплотную занялся теорией социальной эволюции как самостоятельным объектом исследования, когда его теория структурного функционализма уже была выработана. Как правило, его эволюционные концепты не выделяются в качестве отдельного предмета исследования (см., например³). П.Штомпка, напротив,

¹ *Carneiro R.L.* Evolutionism... P.229–328.

² *Sanderson S.K.* Review of R.L.Carneiro, Evolutionism in Cultural Anthropology: A Critical History // Social Evolution and History. 2004. V. 3. № 2. P. 181–182.

³ *Alexander J.C.* Theoretical Logic... V. 4; История теоретической социологии... Т. 4. С.247.

анализирует его эволюционные положения¹. Не подлежит сомнению, что последние выросли из теории трансформации, в свою очередь опиравшейся на идею внутрисистемного взаимодействия (обмен ценностями)².

Парсонс выделяет два типа фундаментальных процессов, характерных для любой социальной системы. Первый служит для поддержания равновесия в системе. Это интеграция и регулирование (размещение). Процессы второго типа связаны с изменением социальных структур³. Перемены бывают экзогенные и эндогенные. Причем вопреки традиционному смыслу, когда под экзогенными понимаются трансформации в физической среде, он трактует таковые как изменения в личностях членов социальной системы, поведенческих организмах или в культурных системах⁴. То есть данные превращения связываются с подсистемами А, G и L, причем трансформациям в двух последних отдается явный приоритет⁵.

Исследователь выделяет четыре основных механизма эволюции: дифференциация, возрастание адаптивности, включение и ценностная генерализация⁶. При этом два последних в конечном счете редуцируются к интеграции. Так что получается все тот же спенсеровский градуализм. Все же Парсонс энергично развивает идею активной адаптации, позволяющей решать качественно новые задачи⁷, вводит понятие «эволюционный прорыв» как крупномасштабную трансформацию инновационного плана⁸. Однако таковая опять-таки связывается с повышением уровня адаптивных возможностей. Создается впечатление, что парсонсовская система ориентирована на поддержание стабильности, а трансформации – скорее исключения, порожденные

¹ Штомпка П. Социология... С. 159–163.

² Alexander J.C. Theoretical Logic... P. 128; История теоретической социологии... Т. 3. С. 247.

³ Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2002. С. 548–549; Он же. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // *Thesis*. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 114–117.

⁴ Парсонс Т. О структуре... С. 706.

⁵ Там же.

⁶ Парсонс Т. Понятие общества... С. 114–117.

⁷ Там же. С. 114–115.

⁸ Там же, с. 117

«напряжениями» в системе (дисбаланс во взаимодействии subsystem), за что, собственно, его и критикует Р.Дарендорф, а мнение о «статичности» парсонсовской системы, ее «зацикленности» на западное, прежде всего американское общество, стало общим местом в историографии¹. К.Холпайк также отмечает, что масштабные изменения в парсонсовской теории неразрешимы².

Эволюция как дифференциация и одновременно усложнение социальных систем идет по линии обособления subsystem одна от другой по линии A – G – I – L, что, соответственно, дает промышленную, демократическую и образовательную революции³. В итоге формируется современное общество с отделением правовой системы от религиозной, административной бюрократией, рыночной экономикой и представительной демократией. Однако все же собственная природа социетальных трансформаций Парсонсом не раскрывается, а общая схема эволюции рассматривается как взаимопереходы структуризации и процессуальности. Институализация сначала выступает как процесс, а позднее – как структура и т.д.

Парсонс придерживается позиции универсальности стадийного подхода. В общественной эволюции выделяются три стадии всемирно-исторического процесса: примитивное, промежуточное и современное⁴. Водоразделом между примитивным (первобытность) и промежуточным (цивилизация) является возникновение письменности. Хотя здесь он ничего не пишет о социальной стратификации, но письменность предполагает наличие государственности. Следующее важное изменение является критерием развитого промежуточного общества – полная грамотность для мужчин высшего класса и организация культуры вокруг «священных текстов». Последний критерий можно сопоставить с «осевым временем» К.Ясперса. Наконец, при переходе от промежуточного к

¹ Тернер Дж. Структура... С.82–98; История теоретической... Т.3. С.238–240.

² Hallpike C.R. The Principles... P. 85.

³ Парсонс Т. Понятие общества... С.117–119.

⁴ Парсонс Т. Понятие общества... С.119–121.

современному обществу главный критерий он усматривает в возникновении единого, универсального нормативного порядка (правовая система). Как видно из вышеизложенного, основной критерий эволюционного развития видится ему в изменениях прежде всего социокультурной системы (L) и отчасти интегративной (I), продуктом которой являются нормы.

Становится очевидным, что система AGIL как структурно-дифференцированная общность – продукт современного (капиталистического) общества. Возникает вопрос, а что было до нее, в примитивных и промежуточных обществах? Если subsystemы находились там еще в нерасчлененном состоянии, то каковы взаимосвязи между ними? Чем законы функционирования подобного общества отличаются от общества AGIL? В этой связи впору еще раз вспомнить критику А.Бергсоном эволюционных концептов Г.Спенсера о том что последний сначала расчленит целое на фрагменты, а затем начинает изучать взаимосвязи этих фрагментов. Думается, что данное возражение в не меньшей степени относится к Т.Парсонсу.

Следующая трехстадийная схема вроде бы воспроизводит вышеизложенную. Имеется в виду схема К.Поланьи, разделившего процесс общественной эволюции на примитивное, архаическое и современное общества¹. Однако существенным отличием здесь является понятие социетальной (как бы мы выразились, а у Поланьи «великой») трансформации. Под нею подразумевается переход от одного типа циркуляции ценностей к другому (от реципрокции к редистрибуции и далее к рынку)². Подлинно «великой» будет, конечно, рыночная трансформация, связанная с процессами коммодификации объектов, которые ранее товарами не были³.

¹ *Trade and Market in early empires*. Glencoe, 1957; *Primitive, archaic and Modern Economics*. N.Y., 1968.

² *Trade and Market...* P. 245–257.

³ *Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб., 2002. С. 55–91.

Мы здесь не собираемся касаться полемики между субстантивистами и формалистами (о ней см.¹), которая к тому же несколько утратила свою актуальность, но все же отметим, что аргументы К.Поланьи и его окружения (субстантивизм) представляются нам более предпочтительными, поскольку рассматривают товарно-денежные отношения в комплексе всех общественных отношений и общества как целостности. Попытка Ф.Броделя рассматривать колебание и согласованность цен на рынках как достаточный критерий рыночной экономики² не учитывает сам характер подобной «согласованности», того, что она может носить и вне рыночный характер. В противном случае и калым можно рассматривать как рыночную операцию.

Главным в эволюционной схеме К.Поланьи представляется чередование градуалистских процессов с «взрывными», революционными в традиционной терминологии. Отрицание стадийного развития с межстадийными трансформациями (традиционно социальная революция) видится ряду авторов как существенный недостаток валлерстайновской мир-системной теории³. Кроме того, хотелось бы обратить внимание на фактическую дихотомию исторического процесса у Поланьи, так как переход к рыночной экономике произошел в рамках западной ветви развития, а прочие («восточные») общества оставались на пере-и распределительной фазе. Впоследствии логическое развитие подобной идеи в отечественной историографии выльется в концепцию европейского и неевропейского пути развития Л.С.Васильева.

В рамках данного исследования мы не собираемся анализировать модернизационные теории, в конечном счете восходящие к М.Веберу, поскольку концептуально они ничем существенно не отличаются от вышеупомянутых стадийных схем, с той лишь разницей, что в качестве «эволюционного фазового

¹ Семенов Ю.И. Теоретические проблемы... .

² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. М., 2007. Т. 2. С. 215.

³ Фурсов А.И. Возникновение капитализма и европейское общество сквозь призму конъюнктурного подхода // Социс. 1991. № 11. С. 42.; Завалько Г.А. Понятие «революция»... С.63,66–67.

переключателя» рассматриваются прежде всего технологические критерии (в теориях постиндустриального общества практически единственные), а не социокультурные факторы (Т.Парсонс) или тип ценностной циркуляции (К.Поланьи).

Параллельно с неоэволюционизмом и во многом благодаря ему к концу 80-х гг. достаточно мощно заявила о себе теория социальной дифференциации и трансформации, открывшая новое измерение в социальной динамике¹. В этой связи несомненный интерес представляет концепция С. Айзенштадта/Эйзенштадта, (Eisenstadt)².

Исследователь соединил теорию «осевой революции» с трансформациями социальных структур. Согласно его воззрениям ценностно-смысловые и социальные коды воздействуют на общество в соответствии с характером и степенью их институализации. Основной недостаток классического эволюционизма, по его мнению, заключается в том, что он не принимает во внимание фактор изменчивости конкретно-исторических структур на каждой стадии развития общества³. Осевые цивилизации принципиально отличаются от первичных выделением трансцендентальной сферы общественного сознания, что влияет на динамику социальных структур и приводит к дальнейшему обособлению регулятивной, правовой и коммуникативной систем⁴. Системные трансформации он связывает с дисбалансом во взаимосвязях между общественными subsystemами, возникающими во многом из-за неспособности общесистемного центра решить все многообразие стоящих перед ним задач⁵. Совмещающиеся (накладывающиеся друг на друга) изменения ведут к

¹ *Differetiation Theory...*

² *Eisenstadt S.N. Models of Structural Differentiation, Elite Structure, and Cultural Vision // Differetiation Theory and Social Change: comparative and historical perspectives. N.-Y.; Oxford, 1990. P. 19–51; Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. М., 1999.*

³ *Eisenstadt S.N. Models of Structural Differentiation... P. 28.*

⁴ *Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование... С.155.*

⁵ Там же. С.292.

революционным трансформациям¹. Саму эволюцию он в целом определяет в духе Спенсера/Парсонса как «процесс возрастания дифференциации и усложнения организации»².

Характеризуя неозволюционистское направление в целом, можно сделать вывод, что оно скорее представляет модернизацию классических подходов, нежели их радикальную трансформацию. Р.Коллинз в этой связи указывает, что если в классической эволюционной модели общество уподобляется растущему организму, в котором идет постоянная дифференциация на специализированные органы и функции, то новое направление разделяет дарвиновскую идею о возникновении видов путем изменений и естественного отбора. В первом случае общество рассматривается как единый организм, во втором – как разнообразные виды (популяции организмов), часть из которых смогла адаптироваться, а часть – нет³. Неозволюционизм пытается преодолеть наиболее уязвимые стороны классической теории (однолинейность вкупе с универсализацией прогресса, всеобщность интеграционализма и т.д.) через понятие многолинейного развития, разделение эволюции на общую и специфическую и т.п.

А.В.Коротаев считает подобные подходы лишь маскировкой однолинейности, не дающей адекватной основы для изучения социокультурной эволюции⁴. Подобная критика имеет под собой определенные основания, тем более что общего между двумя этапами эволюционной теории больше, чем различий. К тому же некоторые критерии, предлагаемые, например, тем же М.Салинсом в качестве универсальных параметров общей эволюции (повышение уровня интеграции, адаптации), сами по себе вызывают вопросы типа того, а каковы объективные единицы их измерения. Однако, как нам представляется, А.В.Коротаев в своей критике однолинейно-поступательных подходов дошел

¹ Там же. С.390.

² Там же. С.107.

³ *Штомпка П.* Социология... С. 167.

⁴ *Коротаев А.В.* Социальная эволюция... С.63–75.

вслед за А.Г.Франком до отрицания самого феномена стадияльного развития и фазовых переходов, хотя признает «сквозные векторы» общественной эволюции, в том числе и в развитии Мир-Системы¹. Подобная позиция представляется весьма уязвимой, на что уже обращалось внимание².

Что же касается проблемы соотношения устойчивости и неустойчивости в эволюционном процессе, то неэволюционизм преимущественно ориентируется на описание стабильных систем, где дифференциация непременно сопровождается интеграцией. Против абсолютизации этого подхода как раз и выступила теория общественных трансформаций³.

3.4. Постнеклассика. Эволюционизм: итоги и перспективы

К началу 80-х гг. XX в., эвристический импульс неэволюционизма оказался в основном исчерпанным. Не случайно, что в это же время обозначился мощный подъем такого многомерного социокультурного и научного феномена, как постмодернизм с его тотальным отрицанием метанарративов и не менее тотальной деконструкцией.

Однако несколько ранее наметилась возможность новых нелинейных эволюционных синтезов из вроде бы разнородных отраслей знания. Они пришли из области естественных наук – физика (Г.Хакен), химия (И.Пригожин) и ОТС (преимущественно в берталанфиевской трактовке). В 1973 г. Г.Хакен выступил с обоснованием общей теории самоорганизации, именовав таковую синергетикой. Ее центральной проблемой стали взаимоотношения хаоса и порядка. Круг синергетических исследований неуклонно расширялся: впоследствии от строгой физики и химии ее приверженцы перешли к исследованиям в области психологии

¹ *Коротаев А.В.* Социальная эволюция... С. 92; *Гринин Л.Е., Коротаев А.В.* Социальная макроэволюция... С. 54.

² *Алаев Л.Б.* Альтернативность и однолинейность в истории // ФН. 2005. № 6. С. 101–105.

³ *Colomy P.* *Revisions and Progress in Differentiation Theory* // *Differentiation Theory and Social Change: comparative and historical perspectives.* N.-Y.; Oxford, 1990. P. 486.

и поведения человека, социологии и к построению общей теории самоорганизации. В итоге синергетика стала восприниматься уже как общая методология нелинейных процессов, наиболее последовательно проводимая в работах В.В. Васильковой, Е.Н.Князевой и С.П.Курдюмова, В.П.Бранского, Г.Г.Малинецкого и др.¹

Основные концепты синергетики, структурирующие ее когнитивное поле, сводятся к следующему. Первое – это идея нелинейной процессуальности и коэволюции сложных структур². Нелинейность времени определяется следующими параметрами: преддетерминация будущего, представленность прошлого и будущего в настоящем, необратимость и элементы обратимости хода времени, ускорение и замедление эволюционных процессов, дискретность времени. Нелинейность же, как синергетическая парадигма, разворачивается через идеи многовариантности, выбора, темпа эволюции, ее необратимости. Далее идут «особенности феномена нелинейности»: принцип «усиления флуктуаций», пороговость чувствительности, дискретность путей эволюции нелинейных систем (сред), возможность эмерджентных изменений направления течения процессов³. При этом остается неясным как соотносятся «идеи нелинейности» и ее «особенности». Вроде бы особенности должны раскрывать структурообразующие принципы («идеи»), но непонятно неясно какая «особенность» к чему относится. Иерархичность в данном понятийном аппарате плохо прослеживается.

Следующая парадигма – идея автопоэзиса как саморегуляции во взаимопереходах между хаосом и порядком и теория нестационарных

¹ *Василькова В.В.* Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб., 1999; *Князева Е.Н. Курдюмов С.П.* Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1994; Они же. Основания синергетики. СПб., 2002; Они же. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М., 2007; *Бранский В.П.* Теоретические основания социальной синергетики // ВФ. 2000. № 4. С. 112–129; *Синергетическая философия истории.* СПб., 2009; *Малинецкий Г.Г.* Нелинейная динамика – ключ к теоретической истории? // ОНС. 1996. № 4. С. 98–112.

² *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетика... С. 21–23, 90–92.

³ Там же. С. 91.

диссипативных структур с нелинейной положительной обратной связью¹. Взятая из биологии (Ф.Варела и У.Матерана начало 70-х гг. XX в.), она вполне показала широкий ракурс своих эвристических возможностей. Конкретизируют данную парадигму такие уже достаточно известные понятия, как «стохастичность», «точка бифуркации», «канализированная эволюция», «аттрактор» и др. Не имеет смысла их характеризовать, отметим только, что в отличие от постулатов «классической» пригожинской синергетики, которая фактически отрицает каузальные связи в точках бифуркации, абсолютизируя стохастичность хаотических процессов, в противовес ей указывается, что в нелинейной среде возможен не любой путь эволюции, а строго определенный спектр вероятностных процессов². Таким образом, нестабильность – это не отсутствие детерминизма, а его иной тип³.

Заслуживает внимания и попытка совместить принципы эволюционизма с холистической парадигмой и идеей коэволюции⁴. Сущность подобного подхода видится в описании макроскопических эмерджентных свойств системы, причем, в отличие от традиционной холистики, которая ограничивается анализом макроскопических свойств системы, синергетический подход охватывает и микроскопический уровень, исследуя взаимное соотношение между ними как иерархию различных уровней сложности. Под коэволюцией понимается трансформация всех подсистем посредством механизмов системного согласования, системной корреляции между ними⁵. В итоге эволюционный холизм в синергетике заключается в объединении структур разных возрастов, разных стадий развития. При этом объединение простых структур в сложную происходит через установление общего темпа развития (в результате структуры попадают в один темпомир). Мир как иерархия сред с разной степенью

¹ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика... С.31–33,69–70,145–147.

² Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания ... С.48–49.

³ Там же. С.42.

⁴ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика... С.75–90.

⁵ Там же. С.143.

нелинейности или структур с разным, все возрастающим уровнем сложности предстает как холархия, т.е. иерархия целостностей, являющихся частями более сложных эволюционных целостностей¹.

Что же касается места синергетики в гносеологических структурах, то подходы здесь разнятся. Некоторые исследователи проводят мысль о том, что синергетический взгляд не является философией (типа новой натурфилософии), а выступает как мировидение и в этом качестве перешагивает границы базовых научных дисциплин и выходит на метанаучный уровень². Однако есть и более широкая трактовка. В.П.Бранский прочно закрепляет за ней статус метатеории, видимо, более высшего порядка, чем ОТС, что позволяет ему говорить о формировании новых отраслей познания, в частности, социальной синергетики³, а впоследствии поднимает ее уровень до философского⁴. Все это вызвало, как нам представляется, вполне оправданные возражения⁵. Несомненно, имеются некие общие принципы соотношения стабильности и нестабильности (порядка и хаоса), структурности и процессуальности, стохастичности и детерминированности и т.п. Впрочем, из этого не следует, что все они могут быть сведены в рамках единого всеобъясняющего подхода.

Так, В.П.Бранский видит несомненную заслугу синергетики в том, что она дает решение двух самых трудных проблем философии истории – проблемы исторического детерминизма и социального прогресса⁶. Последнюю, например, он решает в духе того, что не может быть «объективного» критерия социального прогресса, не зависящего от социальных идеалов⁷. Однако А.В.Коротаев приходит к аналогичным выводам, не прибегая к синергетической методологии⁸.

¹ Там же.

² Там же. С.75

³ Бранский В.П. Теоретические основания...

⁴ Синергетическая философия...

⁵ Хвостова К.В. Постмодернизм, синергетика и современная наука // ННИ. 2006. № 2. С.22–33.

⁶ Бранский В.П. Теоретические основания... С. 121.

⁷ Там же. С.122.

⁸ Коротаев А.В. Социальная эволюция... С.5–6.

Социальная синергетика дает описание вышеназванных феноменов, но это не значит, что тем самым была вскрыта их сущность. В частности, не выявлены или лишь декларативно обозначены механизмы и причины перехода от «канализированной» эволюции к точке бифуркации и выхода из нее в социальных образованиях. Перенос общих положений с одного уровня на другой осуществляется порой чисто автоматическим путем, по образу и подобию механических и естественных систем, что имеет известную долю условности. Можно сказать, что творческий подъем культуры и ее расцвет объясняются движением к простому аттрактору, а упадок – к сложному¹, но разве этого достаточно для понимания социокультурной динамики?

Нечто подобное уже происходило в 70-х –80-х гг. прошлого века с системным подходом, когда велись оживленные дискуссии об его статусе, что он собой представляет: мировоззрение, методологию или метатеорию². В итоге к настоящему времени некоторые приверженцы последней точки зрения (В.Н.Садовский) более сдержанно анализирует его эвристический потенциал³. Кстати, он и синергетику рассматривает в русле системного мышления на новом этапе его развития, связанного с изучением неравновесных систем⁴.

Итак, хотя синергетический подход не является универсальной метатеорией всех нелинейных процессов, а социальная нелинейность к нему не редуцируется, но соответствующий категориальный аппарат, предложенный им для описания нелинейных процессов, вполне может быть задействован и в русле ОТЭ. Здесь мы особо выделим понятия самоорганизации/автопоэзиса и собственно самой нелинейной динамики, существенным образом трансформировавшие всю эволюционную парадигму, во всех ее проявлениях от естественнонаучного до социально-философского. В конечном счете термодинамика неравновесных

¹ *Синергетическая философия...* С.93.

² *Садовский В.Н.* Смена парадигм в системном мышлении // Системные исследования. Ежегодник. 1992–1994. М., 1996. С. 70–71.

³ Там же. С.71.

⁴ Там же. С.72.

систем и базирующаяся на ней синергетика осуществили кардинальный разрыв с нео-и классической теорией эволюцией (дарвинизм) на эволюцию как последовательную цепь реакций на внешние воздействия градуалистического порядка и представили ее как совокупность актов самоорганизации.

Тот мировоззренческий поворот в сторону изучения стохастических самоорганизующихся процессов, столь явственно проявившийся в синергетике, в той или иной мере проявился во всех отраслях знания и парадигмах, не обойдя эволюционизм как целостность. Биологическая теория эволюции откликнулась на него тремя взаимосвязанными направлениями. Это неокатастрофизм (теория «прерывистого равновесия» С.Гулда и Н.Элдриджа, «теория катастроф» Р.Тома); глобальный эволюционизм (Э.Янч, Н.Н.Моисеев, А. Лима-де-Фариа, А.П.Назаретян и др.) и экосистемная/экоферная теория эволюции (В.И.Назаров, Ю.В.Чайковский). Сюда же можно отнести и теорию коэволюции, правда, не совсем четко оппозиционирующей себя экологистике (А.П.Огурцов, Ю.В.Олейников, Э.С.Кульпин и др.).

Смысл теории прерывистого равновесия заключается в том, что периоды стабильности – эволюционного равновесия вида прерываются актами видообразовательной активности (прерывистость). Из чего следовало, что природа эволюции не адаптационная, а стохастическая, микро- и макроэволюция разобщены, а микроэволюция не переходит в макро. Все это, а особенно последнее, вызвало резкую критику сторонников СТЭ, тем более в лице советской дарвинистики¹.

Однако теория автопоэзиса в западной эволюциологии уже к 80-м гг. рассматриваемая не только как альтернатива, но и замена дарвинизму², соединившись с идеей комплексной эволюции, имеющейся еще у

¹ Орлов С.А. Формирование теории «прерывистого равновесия» // Дарвинизм: история и современность. Л., 1988. С. 158–167.

² Luhmann N. The Paradox of System Differentiation and the Evolution of Society // Differentiation Theory and Social Change: comparative and historical perspectives. N.-Y.; Oxford, 1990. P. 428–429.

В.И.Вернадского, к началу 90-х дала экосистемную теорию эволюции. У ее основания, на наш взгляд, в том числе лежала информационная теория эволюции В.А.Кордюма, которая рассматривает в качестве эволюционной единицы не отдельный вид, а всю биосферу в целом, находящуюся в состоянии всеобщего информационного обмена, а основным источником эволюционных изменений является привносимая извне информация, связанная с «блужданием» генетического материала на универсальных носителях – нуклеиновых кислотах, объединяющих все живое¹. Таким образом «биосферность» эволюции предполагает ее многоуровневость – она одновременно течет в большом и малом (коэволюция). Это не итог отдельных приспособлений видов к своим средам, а единый системогенез – приспособление целого к самому себе (самоорганизация), то есть процесс преобразования экосистем, где биосфера как высшая система охватывает всю биоту в целом². Тем самым эволюционный процесс понимается как многомерный системный континуум, как процесс преобразования целостностей.

Активность вытекает из самой природы Вселенной как целостности, сопряженной по всем уровням, где разнообразие – объект эволюции, активность – ее движущая сила, богдановский подбор – ее регулятор, а сопряженность – ее итог³. Эмерджентность трактуется как смена формы активности за счет фазового перехода⁴. Целостность/тотальность смыкается с понятием «эволюции», вопреки мнению В.В.Кизимы, а целесообразность становится атрибутом глобального Целого. Стремление к развитию заложено в самой природе мироздания, и поиск его источников на уровне самого Целого, видимо, выходит за рамки возможностей человеческого разума.

¹ Кордюм В.А. Эволюция и биосфера. К.,1982. С.118–215.

² Чайковский Ю.В. Активный, связанный мир...345–348,367,607,618,635; Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину... С. 334–335,436–438, 445.

³ Чайковский Ю.В. Активный, связанный мир... С.605–607; Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину... С.250–251.

⁴ Чайковский Ю.В. Активный, связанный мир...С. 616.

К эволюции как процессу изменения разнообразия способны не детерминированные и не стохастические объекты, а системы на грани порядка и хаоса¹. Экосистемная теория предполагает, что эволюционные преобразования наиболее интенсивны в кризисные периоды биосферы, когда вместо выживания приспособленных идет их вымирание. Ослабляется стабилизирующий отбор, увеличивается изменчивость. При этом она дистанцируется от того неокатастрофизма, где внешний фактор (геологические события) объявляются единственно движущей силой эволюции².

Промежуточную позицию между СТЭ и экосистемной теорией эволюции (ЭТЭ) занимает Н.Н.Иорданский. С одной стороны, он говорит о нередуцируемости макроэволюционных изменений к микро-, об интегральных свойствах эволюции как системы, а с другой – об отсутствии «специфических» макроэволюционных процессов и механизмов, отличных от дарвиновской триады, где ведущую созидательную роль играет естественный отбор³. Подобная позиция представляется логически противоречивой, поскольку всякому уровню организации должны соответствовать свои процессы и механизмы, где механизмы низшего уровня организации не могут быть автоматически перенесены на высший.

Глобальная эволюционная картина мира представлена в трудах Э.Янча. В ее основе лежит понятие «движение», которое, по его мнению, проще и естественнее рассматривать как первичное явление, а не череду состояний. Здесь процессы самоорганизации (онтогенез, экогенез и эволюция) служат первичными структурообразующими понятиями, а состояния (упорядоченность, приспособленность) – вторичными. В теории эволюции он также опирается на понятие «многомерный континуум».

¹ Там же. С.300,629.

² Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину... С.444–445.

³ Иорданский Н.Н. Макроэволюция: Системная теория. М., 1994. С.6,48,100.

Виднейшим представителем отечественной мысли в этом направлении является Н.Н.Моисеев. Он рассматривает эволюцию как общее свойство развития мироздания, в основе чего лежат процессы самоорганизации, стохастичности, экосистемности и коэволюции¹. Исследователь переосмысливает понятие дарвиновской триады в широком эволюционном контексте, рассматривая наследственность как влияние прошлого на будущее, отбор как законы развития, которые из мыслимо допустимых движений отбирают лишь некоторые изменчивость как многообразие состояний системы². В целом ученый в эволюционной теории тяготеет к синергетической парадигме.

Коэволюцию человека и биосферы он трактует как такое развитие человечества, которое не разрушает стабильности биосферы, то есть как согласованное развитие. При этом в такой многомерной системе ее элементы эволюционируют с разной скоростью, что исключает линейно-детерминистские подходы, редуцирующие общество к природе³. Последний тезис он развивает в ответ на мнение В.И. Данилова-Данильяна о том, что имеющаяся разница в скоростях между биоэволюцией и техноэволюцией обесмысливает все рассуждения о коэволюции общества и природы⁴.

Еще один представитель глобального эволюционизма, на котором нам бы хотелось остановиться, – это А.Лима-де-Фариа⁵. Его эволюционизм базируется на идее взаимосвязи всех форм эволюции, где биоэволюция есть продолжение общей. Он развивает понятие «преддетерминация» в этом процессе за счет ослабления понятия «стохастичность». Зато понятию «самосборка» (автопоэзису) и, соответственно, «автоэволюция» придается решающая роль в его концепции. В основе «эволюции» лежат два антитетических процесса: один связан с веществом, симметрией и формой, другой – с энергией, асимметрией и

¹ Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М., 1990. С.26–34.

² Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера... С.38–43.

³ Моисеев Н.Н. Еще раз о проблеме коэволюции // ВФ. 1998. № 8. С. 26–28.

⁴ Данилов–Данильян В.И. Возможна ли «коэволюция природы и общества»? // ВФ. 1998. № 8. С. 19.

⁵ Лима-де-Фариа А. Эволюция без отбора. Автоэволюция: формы и функции. М., 1991.

функционированием¹. Причем ученый не считает возможным относить 2-й закон термодинамики к развитию живой природы и говорить о возрастании энтропии на этом уровне организации Вселенной².

С глобальным эволюционизмом тесно взаимосвязана теория коэволюции. Здесь можно выделить два направления. Первое – это синергетическое и естественнонаучное (помимо вышерассмотренных воззрений Н.Н.Моисеева по этому поводу, сюда отнесем А.П.Огурцова и др.³). Второе – это историко-экологическое (Э.С.Кульпин)⁴.

Первое понимает коэволюцию как вереницу последовательно сменяющих друг друга нерасторжимых, взаимообусловленных изменений, которые осуществляются на разных ярусах организации живых систем. Второе – встраивает исторический процесс в природные ритмы, что дает новую целостность – социоестественную историю. Вмещающий ландшафт и человеческая деятельность представляются единым, но разноуровневым континуумом.

Характеризуя глобальный эволюционизм в целом, отметим, что, на наш взгляд, было бы неправомерным рассматривать его как единую линию прогрессивного развития Вселенной от Большого Взрыва до возникновения человечества. Л.В.Фесенкова трактует его как регулятивную идею, позволяющую соотнести универсум с человеком⁵. Думается, что концепт глобального эволюционизма призван обозначить субстанциональность эволюции как таковой, а не ее направленность и тем более предопределенность.

¹ Там же. С.353.

² Там же. С.349.

³ Карпинская Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П. Философия природы: коэволюционная стратегия. М., 1995.

⁴ Кульпин Э.С. Бифуркация Запад – Восток. М., 1997; Он же. Социоестественная история – ответ на вызовы времени // ИПСИ. 2008. № 1. С. 196–207; Он же. Основы социоестественной истории // Восток. 1994. № 1. С. 29–38.

⁵ Фесенкова Л.В. Идея глобального эволюционизма: естественно–научный, мировоззренческий, аксеологический аспекты // О современном статусе идеи глобального эволюционизма. М., 1986. С.25–45.

Одна из самых фундаментальных попыток построения синтетической теории эволюции связана с именем Н.Лумана. Ее структурообразующими концептами стали системная теория, а также идеи синергетического дискурса¹. В основе лумановской схемы лежит теория самореференциальной эволюции как автопоэзис систем коммуникации. «Гены» эволюции – смысловые ожидания коммуникации. При этом идея саморегуляции и самонастройки (самопорождающих исходных ситуаций) рассматривается им как реальная альтернатива дарвинизму². В основе его эволюционной теории лежит нелинейная концепция времени. В силу системных оснований всякой эволюции, неразложимой связи элементарных операций, дифференциация эволюционных функций не может означать каузальной демаркации³. В итоге размывается классическое различие эндогенных и экзогенных факторов, которое должно быть заменено теорией более высокого уровня сложности⁴. Тем самым теория Н.Лумана переключается на исследование «открытых» систем⁵.

Отношения общество – внешний мир это не отношения приспособления. Эволюция не является ни структурной детерминацией, ни накоплением случайностей, вместо этого она выбирает самоструктурирующиеся системы⁶.

Основополагающее условие каждой эволюции, по Луману, – то, что механизмы варьирования и селекции не совпадают, а функционируют отдельно. Операция подсоединяется к системе в форме обратной связи. Следствием этого будет сохранение данного пространства колебаний состояний системы или усиление отклонений. Через негативный отбор история не может получить обратное направление⁷.

¹ *Luhmann N. The Paradox of System...* P. 409–440; *Луман Н. Эволюция...*; Он же. Социальные системы...

² *Луман Н. Эволюция...* С. 78,109.

³ *Луман Н. Эволюция...* С. 106–107.

⁴ Там же. С.108.

⁵ *Луман Н. Социальные системы...* С.31.

⁶ *Luhmann N. The Paradox of System...* P. 431.

⁷ *Луман Н. Эволюция...* С. 76–77.

Эволюция осуществляется через обособление функций. Высокосложностные структуры предполагают больше возможностей для отклонения¹. Тезис о варьировании механизмов варьирования (эволюция эволюции) он рассматривает как связующее звено между ламаркизмом и дарвинизмом². Применение им дарвинистской терминологии (варьирование, селекция, рестабилизация) позволяет некоторым исследователям говорить о его попытках модернизации дарвинизма в том смысле, что в эволюции действуют механизмы, отчасти описанные Дарвином³. Однако Луман указывает, что применительно к ОТЭ решающим основанием является аутопоэзис⁴.

В его теории эволюции находится место постепенности и скачкообразности, рассматривающиеся как два типа трансформаций⁵. При этом ранее говорилось, что эволюция не создает великих скачков, она предполагает, что выношенный эволюцией материал порождается в массовом порядке, а неиспользованный исчезает. Незначительные случайности находят опору друг в друге⁶. Звучит почти по-дарвиновски. Как эти два утверждения соотносятся друг с другом – непонятно.

Дифференциация мыслится Луманом как стадиальный процесс. Выделяются следующие «виды», располагающиеся явно в стадиальном порядке: сегментарная (равенство всех социальных подсистем в их внутреннем социальном окружении); центрo-периферийная; стратификационная; функциональная⁷. Переход от сегментарной к стратифицированной дифференциации производит асимметрию. Новая формация уже основывается на асимметрии. Отправная точка здесь – иерархическая интеграция⁸. Формам дифференциации соответствуют три стадии общественного развития (те же, что в поланьевско-парсонсовских построениях) –

¹ Там же. С.108–109.

² Там же. С.109.

³ *История теоретической социологии... Т. 4. С. 380.*

⁴ Луман Н. Эволюция... С. 110.

⁵ Там же.

⁶ Луман Н. Эволюция... С.61.

⁷ *Luhmann N. The Paradox of System... P. 423.*

⁸ *Ibid. P.429–430.*

традиционное, стратифицированное и современное¹. Нетрудно заметить, что функциональная дифференциация – это характеристика современного капиталистического общества. Ее отличительная черта – дифференциальное единство, где система состоит из подсистем. Здесь увеличивается рост неопределенности, а инволюция и эволюция переплетаются, образуя точки бифуркации. Отношения становятся более сложными и гибкими. Упрощение, а не единство сложности становится проблемой².

В советской историографии помимо биологической теории вопросами эволюционизма занималась и философия. Основное внимание здесь уделялось разработкам проблемы соотношения движения, изменения и развития. Эволюция же чаще всего сводилась к понятию «развитие»³. Весьма обстоятельный анализ отечественной историографии по данному вопросу проделан Н. М. Аль-Ани, который в силу неясных нам обстоятельств ограничил его рамками 50-х – начала 80-х гг.⁴ Он выделяет четыре подхода к проблеме соотношения движения и развития⁵.

Позволим себе заметно упростить его схему и выделить две полярных точки зрения. Первая (наиболее значимый ее сторонник В. И. Свидерский) исходит из того, что понятие «движение» шире нежели «развитие»⁶. Другая же связывает развитие и движение с системным и несистемным началом, где развитие оказывается более сложным, т. е. системным объектом. При этом несистемные формы есть разновидность системных, так как не обладают самостоятельной сущностью. Поскольку все материальные объекты являются системами, то все процессы – развитием. Следовательно, движение включается в состав развития⁷.

¹ Ibid. P.431.

² Ibid. P.431,434.

³ *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983. С. 786.

⁴ *Аль-Ани Н.М. Соотношение категорий развития, движения и изменения // Гуманитарные исследования. Сборник научных трудов*. СПб., 2009. С. 3–13.

⁵ Там же. С. 3-9.

⁶ *Свидерский В.И. Некоторые вопросы диалектики, изменения и развития*. М., 1965. С. 156–161.

⁷ *Солопов Е.Ф. Движение и развитие*. Л., 1974. С. 100–120.

Нечто подобное применял еще Аристотель по отношению к бытию и небытию. Однако абсолютизация системного подхода, как уже говорилось выше, представляется неоправданной. Только добавим, что термин «система» неприменим уже к высшим представителям животного мира (позвоночные) и уж совсем неуместен по отношению к человеку. Системный подход также не отражает всей полноты социума. Таким образом, В. И. Свидерскому движение представляется более широким понятием, а Е. Ф. Солопову, напротив, развитие видится более системным, следовательно, более комплексным феноменом, а низшие формы включаются в состав высших.

Н.М.Аль-Ани, на наш взгляд, совершенно справедливо критикует оба подхода, предлагая искать решение проблемы соотношения понятий движения и развития на пути их понимания как онтологических категорий¹. К этой проблеме мы еще вернемся.

Как уже указывалось выше, идеи многообразия биологической эволюции в конце 80-х гг. прошлого века были перенесены в структуру исторической теории. Так сформировалась идея многообразия форм социальной динамики. Дискуссия 1987 – 1991 гг., начавшаяся с обсуждения статьи Л.Б.Алаева о сущностных чертах феодализма, переросла в обсуждение сначала «пятичленки» в духе прошлой дискуссии, а затем и самой формационной парадигмы. Последняя дискуссия советской исторической науки так и не стала объектом развернутого самостоятельного исследования (в тех работах, перечень которых вряд ли можно назвать многочисленным, она рассматривается в общем ряду дискуссий об АСП, анализ ее отдельных моментов и общую характеристику см.²). В развитии темы М.А.Чешков предложил «узкую» трактовку формационного развития. Если

¹ *Аль-Ани Н.М.* Соотношение категорий... С. 10–11.

² *Ким О.В.* Проблема азиатского способа производства в советской историографии 20-е – начало 90-х годов: Автореферат дисс... канд. ист. наук. Кемерово, 2001; *Нуреев Р.М.* Экономический строй докапиталистических формаций. Душанбе, 1989. С.36–45; *Павленко Ю.* Історія світової цивілізації. К., 2000. С. 151–165; *Попов В.Б.* К проблеме поливариантности исторического процесса в советской научной литературе (по материалам дискуссии последних лет). Луганск, 1991. – Деп. в ИНИОН РАН. № 44760.

раньше предполагалось, что вне формаций нет истории, то теперь исследователь определяет формационность как особый случай прогрессивного движения, осуществляющегося по схеме жесткой инвариантной стадиальности, характеризующейся через специфический способ развертывания (прогрессивное движение), соотношение членений в этом движении (стадиально-последовательное), способ смены этих членений (жестко детерминистический)¹. Им были выделены как формационные общности (капитализм), так и неформационные (реальный социализм, Третий мир)². Данный формационный тип развития оказался сопоставим с «европейским путем развития» Л.С.Васильева³, а также арогенезом/ароморфозом в биоэволюции.

Аналогичны и построения В.Л.Алтухова, когда он вычленяет эволюционно-волновые и катастрофические (читай линейно-стадиальные) процессы, взаимодействие которых преобразует формационную спираль (видимо вариант линейного развития - В. П.) в спираль более сложного образца, где формационные ступени выступают как снятые моменты состояний или фаз развития смешанных (разновременных) обществ⁴. Подобную методологическую позицию во многом разделяем и мы, выдвигая теорию «объемной эволюции» как многомерного континуума, образованного взаимодействиями различных форм социальной динамики (были выделены маятниковый, циклический, формационный и сопряженный типы)⁵.

В последнее время целый ряд исследователей задались целью концептуализации нелинейных исторических процессов через модели цикла,

¹ Чешков М.А. Рост капитализма и общая теория развивающегося мира // НАА. 1988. № 4. С. 163–164; Он же. Понимание целостности мира: в поисках неформационной парадигмы // МЭМО. 1990. № 5. С. 33–48.

² Чешков М.А. Понимание целостности... С.42.

³ Васильев Л.С. Что такое «азиатский способ производства»? // НАА. 1988. С. 65–75.

⁴ Алтухов В. О смене порядков в мировом общественном развитии // МЭМО. 1995. № 4. С. 19–21.

⁵ Попов В.Б. Отношения распределения и перераспределения в историческом процессе: Автореферат дисс. ... канд. филос. наук. М., 1996; Он же. Отношения распределения и перераспределения в процессе общественной эволюции // Вестник РАН. 1997. № 7. С. 615–621; Он же. Синхронное и диахронное измерения всемирной истории // ПФ. 2004. № 4. С.46–58.

волны и ритма. Вполне отчетливо обозначился переход от метафорических представлений о неких кругооборотах и колебаниях к разработке общетеоретических основ динамики неравновесных процессов. Впрочем, есть и альтернативные подходы, наиболее обстоятельно изложенные И.М.Савельевой и А.В. Полетаевым. Согласно их точке зрения, циклические и стадийные концепции являются всего лишь способами системного структурирования исторического времени, условными моделями, которые ни в коем случае нельзя отождествлять с реальными процессами¹. Подробно разбирая циклические подходы к описанию социальной динамики, показывая их противоречивость, условность и т.п., авторы оставляют в стороне вопрос о том, какая именно реальность стоит за всеми этими схемами. К тому же в свете подобных представлений непонятен их призыв интегрировать стадийные модели с циклическими². Если это всего лишь условность, то какой смысл их «интегрировать» друг с другом, что это даст нам для понимания исторического процесса? Еще одну метаусловность? Воззрения И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, восходящие к парадигмам классического веберизма, вряд ли можно считать бесспорными³.

Наиболее последовательно идеи построения общей теории нелинейных процессов проводятся в работах В.В. Васильковой, В.И. Пантина, Ю.Н. Соколова и Ю.Н. Мельникова⁴. Если первая, как уже говорилось, при их изучении отдает явный приоритет синергетике, то два последних склоняются в пользу диалектического подхода. В.И.Пантин, развивая тезис о циклическо-волновых процессах как структурном компоненте социальной динамики, синтезирует

¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время... С. 388.

² Там же. С.465.

³ Лапкин В.В. Циклы, ритм, волны: проблемы моделирования политического развития // Полис. 2002. № 4. С. 30; Попов В.Б. Многомерный подход в научной литературе: веки концептуального осмысления // ФД. 2010. Вып. 12. Ч.1. С. 199–211.

⁴ Василькова В.В. Порядок и хаос...; Пантин В.И. Циклы и волны социального развития: цивилизационная динамика и процессы модернизации. М., 2004; Соколов Ю.Н. Общая теория цикла как метод познания. Ставрополь, 2002; Мельников Ю.Н. Циклическое развитие общественных систем в России. Ульяновск, 2005.

несколько подходов (синергетический, системно-структурный и отчасти диалектический – понятие о волне как о «сложной спирали», где витки перекручиваются, растягиваются, меняют форму¹, подводя к мысли о самодостаточной природе данного феномена.

Рассмотренные теории разворачиваются в тесной взаимосвязи с изучением эмпирических процессов в экономике и политике порой настолько, что некоторые авторы не в силах преодолеть «искушение эмпиризмом» (выстраивание в исторической событийности зачастую надуманных «циклов», что и послужило объектом критики со стороны И.М.Савельевой и А.В. Полетаева). Все это побуждает многих исследователей говорить о необходимости построения социальной метатеории нелинейных процессов (синергетики им представляется явно недостаточно), но принципы ее построения, предмет объекта исследования видятся по-разному.

Наконец, наиболее развернутую теорию социальной эволюции представили Л.Е.Гринин и А.В.Коротаев². Прежде всего они ставят вопрос о допустимости применения теории биоэволюции в социальной науке и отвечают на него утвердительно, хотя и указывают на возможные методологические тупики в этом направлении³. В определении эволюции они разделяют позицию Х.Й.Классена, который говорит о ней как о процессе структурной реорганизации во времени, в результате которой возникает форма или структура, качественно отличающаяся от предшествующей формы⁴. Из теории биоэволюции они считают возможным взять концепцию А.Н.Северцева о многообразии форм эволюционного процесса. Спенсеровский процесс (дифференциация/интеграция/адаптация) в аспекте качественных трансформаций именуется ими как «развитие»⁵. При этом

¹ Пантин В.И. Циклы и волны... С.27–32.

² Коротаев А.В. Социальная эволюция...; Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция... .

³ Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция... С.36.

⁴ Классен Х.Й.М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма / Х.Й.М.Классен // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 7.

⁵ Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция... С.55.

«восходящее» развитие есть эволюционное развитие (в биологии – ароморфоз). Он-то и есть аналог «спенсеровскому типу». Здесь «эволюция» и «развитие» выступают как синонимы. Эволюционное развитие предполагает изменения «программирующих» систем и структур. Однако есть и функциональные циклические процессы, это тоже развитие, но уже неэволюционное. Аналог обоим типам развития в биологии – филогенез и онтогенез соответственно¹.

Социальную макроэволюцию исследователи определяют как тип социальной эволюции, в рамках которого наблюдаются надсоциумные ароморфозы высших типов². Понятие «прогресс» связывается с морально-этическими оценками, а изменения, характеризующиеся ухудшением ситуации по каким-либо значимым критериям социального прогресса, именуется «антипрогрессом»³. Однако непонятно, почему нельзя найти критерии в сфере прогресса, хотя бы в линейной системе координат.

Биологическая эволюция развивается по аддитивному типу, а социальная – по вытеснительному, первая – по Дарвину, вторая – по Ламарку⁴. Ученые устанавливают методологическую связь между своей теорией социальной эволюции и ЭТЭ в трактовке Н.Н.Иорданского⁵. Отсюда, полемизируя с однолинейными и полилинейными теориями эволюции, они противопоставляют им нелинейную модель эволюции, представляющуюся не как группа линий, а как многомерное пространство-поле социальной эволюции⁶. Данная модель видится весьма продуктивной, однако, на наш взгляд, авторская позиция ослабляется некоторыми моментами.

Л.Е.Гринин и А.В.Коротаев, разделяя в целом позицию А.Г.Франка об одной Мир-Системе, которая им кажется более логичной по сравнению с воззрениями

¹ Там же. С. 55.

² Там же. С.37.

³ Коротаев А.В. Социальная эволюция... С. 10.

⁴ Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция ... С. 60–61.

⁵ Там же. С.88.

⁶ Там же. С.53–54.

И.Валлерстайна, относят ее возникновение уже к VIII т. до н.э. (сам А.Г.Франк датирует свою Мир-систему IV т. до н.э.)¹. В результате получается деление всемирной истории на домирсистемный и мир-системный периоды, что они прямо и указывают², что фактически элиминирует фазовые переходы в истории человечества. Получается, например, что социетальная трансформация, связанная с переходом к капиталистическому/индустриальному обществу, менее значима, чем весьма проблематичный переход от досистемного состояния к мир-системному.

Авторы говорят об этапности развития Мир-Системы (всего 6 этапов) и о ступенях развития мировых производительных сил (4 принципа производства от охотничье-собирательского до научно-информационного),³ но все они в конечном счете оказываются производными от все той же «великой» мир-системной трансформации VIII т. до н.э. При этом сами они критикуют Ю.В.Павленко, разделившего всемирную историю на доцивилизационный и цивилизационный периоды и вычленившего в структуре последнего ряд подпериодов (античность, феодализм, капитализм) за нарушение правила иерархии, поскольку сами подпериоды значат никак не меньше, чем доцивилизационный период⁴. Чем их подход правомернее павленковского, остается непонятным.

В полемике с А.П.Назаретяном, выделившим сквозные тенденции поступательного развития⁵, А.В.Коротаев полагает, что здесь в качестве единого одномерного показателя взята группа показателей, имеющих не слишком жесткую и даже отрицательную корреляцию⁶. Действительно, многие параметры у А.П.Назаретяна выглядят довольно умозрительно и декларативно (особенно это касается такого вектора, как «увеличение терпимости» и т.п., так что аргументы

¹ Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция ... С. 15–16,27–31.

² Там же. С.24.

³ Там же. С.27–30,103.

⁴ Там же. С.100.

⁵ Назаретян А.П. Векторы исторической эволюции // ОНС. 1999. № 2. С. 112–125.

⁶ Коротаев А.В. Социальная эволюция... С.92–115.

А.В.Коротаева весьма убедительны. Однако прокомментировавший эту дискуссию Л.Б.Алаев отметил, что каждый из них работает на своем уровне абстракции в своем масштабе. А.П.Назаретян в масштабах универсального эволюционизма, а А.В.Коротаев рассматривает отдельные отрезки истории¹. Действительно, например, негосударственные образования («политии» в терминологии А.В.Коротаева) могут успешно конкурировать с государствами, но лишь до поры.

Стоит также коснуться терминологии, в частности, понятия «Мир-Система» у Л.Е.Григина и А.В.Коротаева. Думается, что применительно к образованиям Афроевразийского мира с VIII т. до н.э. он представляется чересчур жестким. Авторам хорошо известны признаки системности: целостность, интегративность и т.д., но их соображений, обосновывающих данную общность как нечто системное, нам представляется недостаточно. В качестве основного критерия исследователи выдвигают наличие информационной сети и связанное с ней распространение новаций², но разве этого достаточно, чтобы говорить о единой Мир-Системе? Где здесь интегральные свойства? Некая взаимосвязь, видимо, прослеживается, но может быть правильнее говорить о суммативной общности/целостности, а не Системе?

Все вышеизложенные соображения, на наш взгляд, свидетельствуют в пользу того, что в бесспорно эвристически содержательной «объемной» модели Л.Е.Григина и А.В.Коротаева, видимо, следует предусмотреть структурно-социетальные трансформации, изменяющие конфигурацию самого «поля», связанные в том числе и с фазовыми переходами в рамках формационного пути развития.

Наконец, в заключение нашего методологического обзора отметим только эволюцию взглядов М.А.Чешкова, сместившего фокус своих научных интересов с

¹ Алаев Л.Б. Размышления о прогрессе // Социально-исторический прогресс: мифы и реалии. М., 1999. С. 49.

² Григин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция... С. 25.

тьермондиалистской общности (существование которой ему представляется предельным) к проблемам глобализма и девелопментаристского дискурса¹.

Многообразие рассмотренных в данной главе эволюционных теорий, наряду с безграничностью соответствующих материалов, делают настоятельной необходимостью выделить основные тенденции развития ОТЭ, концептуально структурировать историографические разработки в этой сфере познания. В целом можно сделать вывод о том, что идет параллельно-сопряженное развитие эволюционизма в его трех основных направлениях (естественнонаучное, историко-социологическое и философское). Наиболее интенсивно формирование эволюционной теории шло в области биологии, но и там оно редко выходило за пределы ее собственного материала (соотношение микро- и макроэволюции, соответственно дарвинистского градуализма с его продолжением в рамках СТЭ и сальтационизмом/катастрофизмом во всех их разновидностях).

Первая и по сути дела последняя попытка сформулировать общие принципы эволюционизма пришла из области теоретической социологии, плавно переросшей в социальную философию (Г.Спенсер), что в концентрированном виде вылилось в известную формулу: дифференциация + интеграция = адаптация. В историко-социологическом направлении эволюционизм связан главным образом с культурной, исторической и экономической антропологией (основоположники Л.Морган и Э.Тайлор). В основе методологии здесь лежал сравнительно-исторический подход.

Философское направление явно отстает в этом плане от своих «смежников», не выделив эволюциологию в объект специального изучения, предпочитая традиционную проблематику соотношения движения, развития, изменения, которая, впрочем, сама заметно маргинализовалась в русле постмодернизма.

¹ Чешков М.А. Идея развития: необходимость и возможность реинтерпретации // ОНС. 2004. № 5. С. 130–140; *Он же*. Новая версия специальной (частной) теории развития // ОНС. 2004. № 6. С. 162–171; *Он же*. Двойная спираль глобализации. М., 2007.

Последние интегральные теории опять-таки приходят из области естественных наук – ЭТЭ – Глобальный эволюционизм (Э.Янч, В.И.Назаров, Ю.В.Чайковский, Н.И.Моисеев, А.Лима-де-Фариа и др.). Определенные претензии в этом направлении выдвигает и синергетика. Альтернативную негативистскую позицию относительно потенциала подобных теорий традиционно занимают воззрения, ориентирующиеся на методологемы элементаризма, постструктурализма, критического рационализма и т.п. (напр., К.Поппер, Р.Нисбет, Р.Будон и др.). Эволюционизм рассматривается ими как метафизика и/или анахронизм классики.

Хотя возможности построения новой интегральной версии эволюционизма в духе Спенсера нам представляются малоперспективными, но это обстоятельство отнюдь не исключает появления новых постклассических синтезных версий эволюционизма, опирающихся на ту или иную отрасль познания с соответствующим расширением в смежные сферы.

Одной из последних попыток в данном направлении является антропосоциокультурный эволюционизм Н.И.Лапина, который рассматривается им как интегральный синтез универсального эволюционизма (В.И.Вернадский, Н.Н.Моисеев), принципа саморазвития систем как перехода от одного типа саморегуляции к другому (А.А.Богданов, В.С.Степин), деятельно-активистской парадигмы (В.А.Ядов) с идеей антропосоциокультурной формы бытия (М.С.Каган)¹.

Возможности подобных синтезов видятся нам в самом феномене параллельного развития общего круга эволюционных идей, преломляющихся в специфике того или иного вида познания. Вышеобозначенное сопряженное развитие эволюционных направлений выработало соответствующий дискурс. Его составляют проблемы соотношения континуитета и дисконтинуитета, плавного и постепенного развития (градуализм) и скачкообразных трансформаций, линейно-поступательного движения и нелинейной динамики (сюда же отнесем и идею

¹ Лапин Н.И. Антропосоциокультурный эволюционизм... С.7–8.

многообразия типов эволюционного процесса), униформизма и вариформизма. Естественно, что данные проблемы исследовались крайне неравномерно в той или иной отрасли науки. Биологическая теория эволюции сосредоточилась на проблемах механизмов эволюции на ее разных уровнях (микро- и макро-), обозначила вопрос эволюции механизмов эволюции (эволюция эволюции), что дало униформизм и вариформизм и т.д. Историко-социологическую науку привлекают проблемы соотношения всемирно-исторического и специфически-цивилизационного, исторического прогресса и иных форм социальной динамики и т.п. При этом можно проследить, как разработки одной сферы познания воздействовали на другую, конвергенцию и дивергенцию эволюционных идей.

Общая теория постнеклассического эволюционизма должна строиться на принципиально иных методологических подходах, отличных от классического эволюционизма с его стремлением к универсальному знанию. Если теоретический синтез в его традиционном понимании предполагает сведение воедино сразу нескольких методологий, принципов, теоретических подходов и т.п., то постнеклассический должен затребовать объемную теорию эпистемологического континуума как диффузного поля, где разветвляется сопряженное движение целого ряда эволюционных теорий из смежных, а порой далеких друг от друга дисциплин. Данные теории не смыкаются одна с другой в нечто единое, а продолжают развиваться в некоем концептуальном сопряжении, создавая гибкую сеть взаимодействий, где разработки одного направления, трансформируясь «перетекают» в другие, не приводя к построению «единой» теории.

Классическим примером подобного взаимоперехода является использование историологическим и философским эволюционизмом теории многообразия типов эволюционного развития А.Н.Северцева. При этом ничего похожего на создание некой историологическо-биологической теории отнюдь не наблюдается. Ю.В.Чайковский, работающий над созданием общей биологической теории эволюции, развертывая ее в широком философском контексте, также не говорит о построении единой, универсальной биолого-философской теории эволюции.

Слияния биологии и философии здесь также не происходит, хотя раскрывается общий биолого-философский эпистемологический континуум.

Для раскрытия данного когнитивного феномена, на наш взгляд, могут быть задействованы категории: «концептуальная сопряженность», «концептуальная связка», «концептуальная имплементация». Под первой мы понимаем ситуацию синхронного развития нескольких направлений, концептуально взаимодействующих друг с другом и взаимно трансформирующихся в результате подобных воздействий. Здесь происходит нечто подобное сопряженному типу развития в теории общественной эволюции, о котором мы уже говорили выше.

Этот феномен призвана уточнить другая категория (концептуальная связка), которая предполагает уже сопряженное развитие конкретных методологием, теорий, подходов из разных направлений различных наук (в данном случае имеются в виду различные направления эволюционизма в самых разных дисциплинах). Здесь следует принять во внимание теоретические разработки М.А.Чешкова, который использует понятие «связка» для раскрытия сущности «сораздельных отношений» как антиномичной диады, покрывающей процессы и структуры, противоположные по направленности и качествам¹. Думается, что «связка» может пониматься и более широко, не сводясь к антиномичным диадам. Здесь может иметь место и синхронное развитие методологием одного макронаправления, но в разных трактовках, исходящих из смежных, а порой и далеких друг от друга наук (варианформистские подходы в биологии и в теории социальных структур, вышеназванная теория эволюционного многообразия и прочие).

Концептуальная имплементация предполагает внедрение методологием, теории, подхода и т.п. из одного эпистемологического континуума в другой с последующей трансформацией ее методологического аппарата и сопряженных с

¹ Чешков М.А. Двойная спираль... С. 87.

ней когнитивных направлений. Примером здесь может быть все то же внедрение вышеназванной теории А.Н.Северцева в структуру историологическо-философского познания. Менее очевидно, хотя и несомненно влияние СТЭ (главным образом в трактовке Н.В.Тимофеева-Ресовского) на теорию пассионарного взрыва Л.И.Гумилева. Воздействие философии жизненного порыва А.Бергсона выводит концепцию пассионарности и все с ней взаимосвязанное в статус историософий, что вызывает критику не только эмпирически настроенных историков, но также историологов (наибольшей резкостью в постсоветский период отметился Ю.И.Семенов).

Переход от классических синтезов к постклассическим (постнеклассическим) дает история развития идей эволюционизма. Так, классический эволюционизм, выросший из новоевропейского трансформизма XVII–XVIII вв., базировался на идеях прогрессизма (Просвещение, немецкая классическая философия), которые унаследованы марксистской теорией общественной эволюции и ламаркизмом (вертикальное развитие). Мальтузианско-дарвиновская идея конкуренции находит свой аналог в теории классовой борьбы, а катастрофизм Кювье – в концепции межформационной социальной революции. Альтернативная теория эволюции/инволюции Руссо отчасти перекликается с понятием «первобытный коммунизм» в марксизме, но в целом понятие «инволюция», восходящее к платоновской регрессистской концепции, оказалось невостребованным. Следующий синтез, наиболее полно характеризующий классическую методологию концептуальной имплементации, представлен в ОТЭ Спенсера. Здесь, несомненно, прямое, а чаще опосредованное воздействие Дарвина и Ламарка вкупе с просвещенческим прогрессизмом. Историко-теоретический вариант эволюционизма (Л.Морган, Э.Тайлор) концептуально расходился с марксистской теорией социальной революции, являясь либеральным вариантом линейно-поступательного развития.

Неклассический период развития науки ознаменовался разрывом с ньютоновско-лапласовской картиной линейно- детерминированного мироздания. На

смену ей пришла концепция стохастичной Вселенной, в основании которой лежит теория относительности Эйнштейна. Платоновско-христианский холизм сменяется физикалистским, базирующимся на идеях поля и принципах квантовой механики. Таков прежде всего холизм Смэтса, близки ему идеи процессуальной целостности Бергсона и Уайтхеда. Формирующейся картине неклассического мировидения соответствовал и принцип комплементарности Н.Бора (1927), возникший как попытка методологически осмыслить корпускулярно-волновую природу света (корпускулярно-волновой дуализм).

Кризису классической науки соответствовал кризис дарвинизма с его верой во всемогущество естественного отбора и развитие посредством аккумуляции мелких изменений без скачков и разрывов. В противовес развиваются сальтационные теории, базирующиеся на мутационной концепции де Фриза (1889). В философии соответственно распространяются теории эмерджентной эволюции С.Александера и К.Л.Моргана. Новые синтезы, уже неклассические в своей основе, характеризуют ноосферные теории де Шардена и В.И.Вернадского, холистические по сути.

В историко-социологическом направлении, с одной стороны, вводится понятие «социетальность» (1903 г. – А.Г.Келлер), которому соответствует социальная тотальность Д.Лукача, с другой – ширятся теории дискретности исторического процесса, подъем которых связан с «Закатом Европы» О.Шпенглера (1918). В этнологии начало XX в. также ознаменовалось расцветом релятивистских антиэволюционистских теорий. Прежде всего это относится к воззрениям Ф.Боаса и концептуально близких ему У.Риверса, Дж.Е.Смита, У.Дж.Перри. Против линейных трактовок эволюционной теории выступали виднейшие представители культурной антропологии функционалист Б.Малиновский и ученик Ф.Боаса А.Л.Крэбер, а в социальной антропологии – А.Р.Рэдклифф-Браун и Е.Е.Эванс-Причард. Неслучайно эволюционист

Р.Л.Карнейро заявил, что к 20-м гг. прошлого века эволюционизм вступил в свой «темный век»¹.

Ответ эволюционизма последовал через несколько десятилетий. Во второй половине 40-х гг. последовал ряд работ Л.Уайта, посвященных проблемам эволюции культуры с критикой диффузионизма. Видимо, не случайно, что именно в это время оформляется и СТЭ в биологии (неодарвинизм). В отечественной науке он, в том числе, обогатился теорией поливариантности эволюции А.С.Северцова, отметим также разработки и в области вариформизма (например, И.И.Шмальгаузена). Наконец, вторая половина 50-х позволяет говорить о появлении неозволюционизма в этнологии, расцвет которого приходится на 60-е – 70-е гг. При этом несомненным представляется влияние идей Г.Спенсера на Т.Парсонса.

Следующий постнеклассический период отмечен возрастающим давлением на эволюционизм, вплоть до призывов его сдачи в архив науки (К.Поппер, Р.Нисбет, Ч.Тилли, Р.Будон). Вновь проявил себя и катастрофизм в различных разновидностях (С.Дж.Гулд, Н.Элдридж, Р.Тома). Вместе с тем холистические подходы вылились в Глобальный эволюционизм / ЭТЭ. Постнеклассический эволюционизм опирается на термодинамическую теорию неравновесных систем, подобно тому, как неклассический на теорию поля и законы квантовой механики. С первым соотносится и концепция аутопоззиса/автогенеза как вариант эволюционизма, противопоставившая себя дарвинизму. Холизм в итоге смыкается с принципом глобального эволюционизма, одним из отражений которого и является синергетика. Эволюция выступает как целостный процесс преобразования целостностей (в биологии это экосистемы, в общественной эволюции – мироцелостности/миросоциетальности). Целесообразность становится частным случаем глобального Целого, а общий механизм глобальной эволюции уходит в трансцендентность.

¹ *Carneiro R.L. Evolutionism...* P. 96.

Нелинейные подходы в историко-философском познании актуализировали идею многомерности и многообразия форм эволюционного процесса (непосредственное влияние соответствующих теорий биологической эволюции, восходящие к концепции А.С.Северцова). В этой связи отметим взгляды В.Л.Алтухова, М.А.Чешкова, А.В.Коротаева и Л.Е.Григина. Именно в данном эпистемологическом континууме наиболее явственно разворачиваются отмеченные нами феномены (концептуальная сопряженность/связка/имплементация).

Однако идеям вариформизма, достаточно широко представленным в биологическом эволюционизме, здесь повезло в значительно меньшей степени. Соответственно, вышеназванные когнитивные феномены показаны не столь четко и однозначно. Наиболее развернутыми в этом отношении нам видятся работы Л.Уорда с его концепцией перехода генезиса в телезис (1883) и материалистический вариант эволюции эволюции Д.Лукача (1923,1973), где, может быть, не совсем последовательно проводится идея об историческом характере социально-экономической детерминации (капитализм) и расширения поля человеческих возможностей по мере усиления целенаправленной деятельности людей. Далее только можно отметить ряд ценных, но, в общем то, разрозненных соображений Г.С.Померанца, Я.Г.Шемякина, В.Л.Алтухова, М.А.Чешкова, Г.Г.Дилигенского и некоторых других авторов. При этом встает проблема соотношения широкозаявленных нелинейных парадигм к процессуальности в рамках синергетики с концептуально близкими разработками в области историко-философского познания (многомерный/ипостасный подход).

Итак, проанализировав развитие эволюционизма в его трех основных направлениях (естественнонаучное, историко-социологическое, философское), мы можем отметить в качестве методологических основ данного дискурса идею целостности эволюционного процесса как ипостаси глобального Целого, концептуально взаимосвязанной с нелинейными подходами к социальной динамике (вариформизм и многообразие форм эволюционного процесса).

Раздел II

АНТРОПОСОЦИЕТАЛЬНЫЙ УНИВЕРСУМ И СОЦИЕТАЛЬНАЯ МНОГОМЕРНОСТЬ: ПРЕДЕЛЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ПОСТКЛАССИЧЕСКОГО КАТЕГОРИАЛЬНОГО СИНТЕЗА

ГЛАВА 1. ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТИНУУМ АНТРОПОСОЦИЕТАЛЬНОСТИ

Проблема адекватного осмысления противоречивой картины современного человеческого миробытия давно стала общим пунктом для всех теорий, работающих в этом направлении. Однако создается впечатление, что острота подобной ситуации только усиливается. Особую концептуальную сложность, как нам представляется, вызывают параллельно разворачивающиеся прямо противоположные процессы универсализации, всеобщности и взаимозависимости, с одной стороны, а с другой – локализация, рост особенного и обострение противоречий, более заметных в межцивилизационных отношениях. Нельзя сказать о полном отсутствии методологического аппарата для описания данного феномена (вспомним хотя бы хрестоматийное «единство и борьба противоположностей»), но перед нами не столько раздвоение единого на противоположности, сколько куда более сложная модель, для осмысления которой целым рядом исследователей предпринята попытка разработать качественно новые методологические конструкции, базирующиеся уже на постклассических подходах.

Ж.Делез и Ф.Гваттари, выступая против логоцентризма, пытаются противопоставить ему метафорические конструкты, где центральное место занимает понятие «ризомы», представляющая, по их мнению, качественно иное

понимание множества, не основанное на принципе единства¹. Ризоматические сетевые структуры, вырастая из каждого локуса, уже не выстраиваются в вертикальную иерархию, переплетаясь в горизонтальном измерении.

В Разделе I (Глава 1) мы попытались показать эвристическую значимость представления об «обществе вообще», при том что сам термин «общество» нуждается в категориальной конкретизации, ввиду его явной амбивалентности. Для подобной операции могут быть задействованы две макропарадигмы – элементаризм и холизм, причем первая, редуцируя общество к совокупности индивидов, по сути, подрывает все основания в правомочности подобной категории. Холизм (в широком смысле слова) выработал два подхода к осмыслению общества как целого. Это системный/структурно-функциональный подход и тоталлогический, совсем недавно обозначенный В.В.Кизимой. Соответственно, общество мыслится в виде Системы (варианты – сложная система, над/органическая система – социальный организм) либо в виде Целостности (тотальности/социальной тотальности/социетальности).

Наиболее яркая и содержательная, на наш взгляд, попытка обоснования элементаризма и, соответственно, критика холизма представлена в работах К.Поппера (прежде всего в небезызвестной «Нищете историцизма»)². Он выделяет два типа холизма – а) совокупность всех свойств или сторон предмета и б) особые свойства предмета, благодаря которым он предстает как организованная структура³. Н.С.Розов именует эти два типа как «холизм тотальностей» и «холизм моделей»⁴. Нетрудно заметить, что «холизм (а)» вообще невозможен по определению, поскольку нам не дано знать предмет во всей его полноте. «Холизм (б)», по мнению К.Поппера, является всего лишь программой, поскольку у нас нет ни одного научного метода для изучения подобных

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодернизма. Мн., 1996. С.136.

² Поппер К. Нищета историцизма // ВФ. 1992. № 8. С.59–61; №.9. С.33–42; № 10. С. 29–58.

³ Там же... № 9. С.33.

⁴ Розов Н.С. Возможность теоретической истории: ответ на вызов Карла Поппера // ВФ. 1995. № 12. С. 61.

целостностей (в частности, общества как целое/тотальность)¹. Н.С.Розов совершенно справедливо указывает на неправомотность попперовской абсолютизации методологии точных наук и ее перенос на иные сферы познания². При этом теоретические модели не могут быть более строгими, чем эмпирическое знание, что отнюдь не свидетельствует об их «метафизичности» и ненаучности. От себя добавим, что разрабатываемый К.Поппером ситуативный анализ, противопоставляемый всякой метафизике и догматике, согласно его логике также не может претендовать на научность, поскольку и конкретную ситуацию мы не можем знать во всей ее полноте. Вообще-то, чем более приближена та или иная сфера познания к человеку, тем более размытой становится ее граница между субъективным и объективным, что свидетельствует о куда большей вариативности научного познания, чем это представляется К.Попперу.

Все это позволяет нам, вслед за Н.С.Розовым³, утверждать о правомочности применения холизма б) как исследовательской парадигмы. Однако, что представляет собой эта единая организационная структура? Не возвращает ли это нас к постулатам «единственно сущего», к абсолютному универсальному принципу, предшествующего и ниспадающего во множественное, ассимилируя все сущностное разнообразие и уникальность всех сегментов бытия, доводя их до уровня локальных особенностей, вторичных по отношению к изначальной абсолютной субстанции? При этом субстанционализация единичного также бесперспективна. Достаточно вспомнить противоречия лейбницианской парадигмы по проблемам соотношения «верховой» монады и всех прочих, единства мироздания и субстанционального плюрализма.

Основной методологической проблемой здесь является взаимосвязь субстанциональности с иерархичностью уровней мироздания. Бытие оказывается

¹ *Поппер К.* Нищета историцизма... № 9. С. 33–34.

² *Розов Н.С.* Возможность теоретической истории... С. 61–68.

³ Там же. С. 61.

единично и множественно одновременно как совокупность сущностей. В этом плане вполне затребованной представляется концептуальное направление, связанное с идеями Н.О.Лосского – Ж.Л.Нанси о единично-множественном бытии. Тотальность, тем самым, не является первичным субстанционным принципом, спускающимся от Абсолюта сверху вниз, а изначально присутствует на всех уровнях организации одновременно, полностью заполняя все возможные, а не только действительные феномены, связи и отношения.

В.В.Кизима здесь проводит мысль о целостно-дискретном характере тотальности, представляющей возможность ее «расщепления» (дивергенции) в любом компоненте, по любому основанию (принципы диверсизации)¹. При этом дискреты – не просто «часть» целого, а его отражение, срез по определенному основанию, они несут в себе свойства целого, то есть тоже являются тотальностью и в этом смысле равноценны ему². Мысль о тотальности, каждый момент которой есть также тотальность, имеет устойчивую традицию в философской науке, особенно настойчиво проводимую Гегелем³.

Неисчерпаемость антропосоциетальности, как и всего бытия в целом, предполагает n-мерное число его измерений, в основе каждой из них лежит та или иная субстанциональность, разворачивающихся в бесконечность. Холизм тотальности не может сводиться к единому началу, не быть многомерным. По мере его познания он разворачивается все новыми, неизвестными доселе ракурсами, позволяя мыслить взаимосвязь конкретного, объединять в целостность комплексы взаимодействующих тенденций развития. Тем самым количество макроорганизационных структур/начал должно соответствовать количеству измерений тотальности. При этом сам холизм не редуцируется к теориям низшего уровня, требуя иных форм осмысления, на что и указывал Т.Адорно в дискуссии о

¹ Кизима В.В. Тоталлогия... С. 28–33.

² Там же. С.40.

³ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук... Т.1. С. 100, 341, 345-348, 379.

позитивизме. Общество как целостность есть надэмпирическая реальность и не сводима к эмпирическим параметрам.

Оба варианта холизма (системный и тоталлогический) оперируют понятием «целое». Как уже говорилось, И.В.Блауберг и Б.Г.Юдин приходят к выводу, что любая система есть целостность, но не любая целостность есть система¹. С.П.Цесарская считает возможным дистанцировать понятия «целостность» и «системность», в которых преобладает момент завершенности, от понятия «тотальность», являющегося рефлексией на предельные основания культуры². Мы вполне согласны с ее разграничением «системности» и «тотальности», однако сведение последней к чисто рефлексивному моменту нам представляется неправомерным, поскольку тотальность может выступать одновременно и как объективная реальность и как рефлексия на нее.

Само определение системы колеблется в широком категориальном интервале от произвольного набора элементов до фундаментального свойства мироздания, единства одного и многого³. Последнее определение представляет, на наш взгляд, чисто регулятивную идею, позволяющую соотнести Универсум с его субъективным миропониманием. С аналогичным успехом можно применить понятия «Абсолют», «Единое», «Мировой разум» или «Материя». Как «негативную объективность», а не «позитивный субъект», как «абсурдно-рационально созданный порядок» трактует понятие «система» и Т.Адорно, а философия системы преследует, по его мнению, чисто компенсаторскую цель⁴.

Концептуализация понятия «система» должна лежать через выделение его строгих, сущностных качеств, позволяющих обособить его от прочих видов интеграции (целое, единое). Главным здесь нам представляется наличие упорядоченной совокупности связей, подчиняющейся единой логике развития и

¹ Блауберг И.В. Проблема целостности... С.159–161.

² Цесарская С.П. Современное толкование тотальности // ФН. 2005. № 1. С.132.

³ Агошкова Е.Б. Категория «система» в современном мышлении // ВФ. 2009. № 4. С. 62, 66–67.

⁴ Адорно Т.В. Негативная диалектика... 33–34.

функционирования. Системным будет все, что работает на интеграцию объекта, вне этого нет системы. Не случайно и то, что понятие «система» возникло именно в естественных науках, а затем было перенесено на иные объекты, получив расширенное толкование в качестве общей теории, что размыло его категориальную строгость. Именно механические и органические объекты удовлетворяют ему в полной мере (Солнечная система как совокупность планет, агрегат как совокупность взаимосвязанных деталей и т. п.). Там где появляется фактор целеполагания, волюнтаризма, субъективности, системность утрачивает свою определенность.

Л.С.Перепелкин видит два общесоциологических подхода, позволяющих конкретизировать понятие «общество» – это представление о нем как о социальном организме и как о системе¹. Вполне соглашаясь с подобным членением, все же отметим, что оба этих подхода не являются взаимоисключающими. Так, уже у Маркса они плавно перетекают друг в друга, образуя категорию «органическая система»². Данное представление является наиболее распространенным в системной теории общества вплоть до «социора» Ю.И.Семенова.

Определение общества как системы (суперсистемы) наглядно показывает предельность данного понятия. Оно оказывается малопродуктивным или вовсе непродуктивным при изучении таких имманентных социетальности атрибутов, как структуры повседневности (жизненный мир), социальный интерес и механизмы субъективности (смысло – и целеполагание, источник действия, особенно его иррациональность, в т.ч. и пассионарность в трактовке Л.Н.Гумилева). Все это и многое другое не редуцируется к системе интересов и потребностей. Придавать последним универсальное, всеобъясняющее значение, раскрывающее механизм человеческой деятельности, – значит, выстраивать

¹ Перепелкин Л.С. Социальная эволюция как аспект изучения общества // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. Вып. 4. № 51–52. С.206.

² Маркс К. Критика политической экономии... С. 229.

самую примитивную бихевиористическую цепочку по схеме: стимул – реакция – результат. Тем самым человек оказывается на одном уровне с биороботом и животным.

Наиболее универсальная системная теория социетальности (Т.Парсонс) трактует культуру как подсистему в структуре суперсистемы AGIL. Получается что культура – это часть общества, все остальное оказывается тем самым вне/некультурным, что само по себе абсурдно. То же самое возникает и по поводу социальной субсистемы. Общество как социальная тотальность не редуцируется отношениями целое – часть, система – субсистема. Именно эти проблемы пытается разрешить Ю.Хабермас в своей схеме социетальности: Система (экономика, управление) – Жизненный мир, опосредованные Коммуникацией. Тем самым общество у него трактуется через связь системного и несистемного начала, хотя сам характер из взаимосвязей на социетальном уровне не концептуализируется. По тому же пути идет и Г.Ю.Любарский, предложив весьма нетривиальный подход¹. Он считает, что общество представляет собой совершенно особый объект: целостность, состоящую из еще более целостных и высокоорганизованных элементов. Иначе говоря, общество есть иерархическая система, верхний уровень которой уступает по степени организации элементам, расположенным этажами ниже². Биоценоз и общество здесь оказываются объектами одного типа.

При этом некоторые положения автора выглядят далеко не бесспорными, в частности тезис о том, что элементы общества способны к эволюции, не зависящей от развития системы в целом³. Приведенный пример с человеком явно неудачен, его личностное развитие, конечно, не редуцируется к социальной среде, но и о полной независимости речь идти не может. Однако эти соображения можно истолковать в том ключе, что общество как социетальность структурируется

¹ Любарский Г.Ю. Теория динамики сложной социальной системы (I) // Полис. 2004. № 2. С. 41–50.

² Любарский Г.Ю. Теория динамики... С. 41.

³ Там же. С. 42.

различными измерениями, одно из которых – системное начало. Весьма интересен и тезис Г.Ю.Любарского о многомерном пространстве, заданном целым параметром социальных показателей, в котором выделяется «гиперобъем» – место той или иной страты¹. Все это вполне применимо и на социетальном уровне.

Попытки В.Н.Садовского представить системный подход как метатеорию, способную преодолеть односторонность как элементаризма, так и холизма², вызвали серьезные возражения³. Действительно, те проблемы системного подхода, о которых В.Н.Садовский в 70-е гг. писал как о «парадоксах», связывая их разрешение с развитием общей теории систем⁴, не разрешены и до сих пор, равно как и отсутствует универсальная системная методология, способная дать концепты для исследования различных явлений действительности⁵.

В.В. Кизима рассматривает тоталлогию как методологию, позволяющую снять трудности и антиномии в отношении целого и части, непреодолимых в элементаристских и холистистских концепциях, отвергаются также попытки системного подхода на «снятие» противоречий между ними⁶. Принцип самодетерминации тотальности предполагает, что дискреты и тотальность равноценны и играют одинаково важную детерминирующую роль. Локальные причинно-следственные отношения тотальности порождают массовые корреляционные зависимости, могущие привести к существенным переоформлениям целостности⁷. Корреляционные связи отражают отношения частей не столько непосредственные, сколько опосредованные целым⁸. Данные подходы видятся весьма продуктивными. В той или иной мере эти концепты уже

¹ Там же. С. 44-45.

² Садовский В.Н. Проблемы философского обоснования системных исследований // Системные исследования. Методологические проблемы. 1984. М., 1984. С. 45–47.

³ Кизима В.В. Тоталлогия... С. 14–16, 40–41.

⁴ Садовский В.Н. Основания общей теории систем. М., 1974. С.232–238.

⁵ Штомпка П. Социология... С. 26.

⁶ Кизима В.В. Тоталлогия... С. 39–40.

⁷ Кизима В.В. Тоталлогия... С. 40–41.

⁸ Там же. С. 41.

применялись и для описания социальных процессов, вспомним хотя бы «мультипликационный эффект» К. Ренфрю. Локальные изменения должны преодолеть свою локальность, накладываясь друг на друга, вызывая тем самым «резонансный эффект».

Представляется все же, что существенные параметры тотальности не сведены в единую, развернутую концептуальную систему. Понятия полноты, целостности, единства целого и дискрета (целостно-дискретный характер тотальности), самодетерминация тотальности, сохранение своей идентичности через трансформации раскрыты крайне неравномерно. Так, например, проблема соотношения тотальности и целого, тотальности и всеобщности, тотальности и полноты, тотальности и субстанциональности либо вообще означены, либо решаются на декларативном, чувственно-образном уровне. Рассматривая отличие тотальности от платоновской целостности, В.В.Кизима апеллирует к образу Протея¹, что представляется явно недостаточным, концептуально-ущербным. Как же соотносится тотальность не с платоновской, а, например, с системной целостностью, с «субъектно-объектной» в неомарксизме, наконец, с целостностью «вообще» как самодостаточностью? Ответа в труде, претендующем на фундаментальное изложение тоталлогической теории, мы не находим. Впрочем, в аналогичной ситуации оказывается и системный подход, но все же там эта проблема хотя бы рассматривается концептуально². Невразумительной выглядит попытка обосновать «обновление» в качестве макрокатегории философского анализа через его противопоставление эволюции, равно как и стремление вывести сам эволюционизм за пределы тоталлогии, о чем уже говорилось выше (см. I.1.2).

Другой эпистемологический поворот, но уже в рамках глобалистики, призван создать новую целостную картину мира в трудах ряда латиноамериканских

¹ Там же. С. 32.

² Блауберг И.В. Проблема целостности... .

авторов левого толка¹. В этой связи вновь оказалась задействована категория «тотальность» («структурно-историческая тотальность») в противовес валлерстайновской «мировая капиталистическая система»². Если понятие «мировая капиталистическая система» ориентирована на выявление иерархических связей, определяемых логикой Центра, то здесь задействована модель, отражающая многомерные процессы в рамках мироцелостности, не сводимые к детерминации типа Центр-Периферия, Система-Субсистема. По мнению авторов данного сборника для осмысления множественности и различий этих структурных образований и растущей тотальности миробытия должен быть затребован весь потенциал целостного занятия как эпистемемы в рамках эпистемологического поворота.

М.А.Чешков предлагает рассматривать глобальное целое на базе методологии Нового Универсализма, предполагающей взаимонеобходимую соотнесенность глобального и локального, их встроенность и развертывание друг через друга. Концептуально значимой здесь представляется категория «сораздельные отношения», что отражает антиномичную природу Глобального как «связку», охватывающую процессы и структуры, противоположные по направленности и качествам (соединение и разделение; всеобщность и особенности)³. Тем самым решающую роль в формировании глобальной мироцелостности исследователь отводит именно всеобщим связям, упорядочивающим эти разнокачественные противоположные компоненты⁴. При этом глобальность как общение, в своем ядре выраженное триадой (всеобщность – связь – различие), концептуализируется ипостасными отношениями в духе тринитарности (единство, нераздельность и неслиянность)⁵.

¹ Чешков М. Современный мир как целое (идея эпистемологического поворота) // МЭМО. 2008. № 11. С. 99–106; *From Postcolonial Studies to Decolonial Studies: Decolonizing Postcolonial Studies* // Review. 2006. V. XXIX. № 2.

² *From Postcolonial Studies...* P.170-171.

³ Чешков М.А. Двойная спираль... С. 87–88.

⁴ Там же. С. 38-40.

⁵ Там же. С. 90.

На антиномичную природу глобальности указывают и другие авторы. Так, Дж.Томлинсон говорит о ней как о «сложно-расчлененной связанности», как связанности различий. В этом же ключе работает и категория «глокализация», представляющая глобальное производство различий (Р.Робертсон).

В связи с этим проявляется настоятельная необходимость категориального разграничения целого и целостности. М.А.Чешков понимает целостность как когерентность, связанность, следовательно, как определенный параметр целого, его измерение и продукт развития связей включения/исключения¹. Таким образом, целостность у него и процесс и структура, качество или собственно интегрированность². Понятие «тотальности» здесь соотносится с полнотой коммуникационного поля («Универсум потоков» – А.Турен, «пространство потоков» – М. Кастельс) в его максимально возможной перспективе. Тотальность здесь – не столько результат или статичное состояние, сколько процесс, направленность и динамичность взаимосвязей (когерентность). Все эти параметры, по мнению Н. Лумана, пришедшие на смену классической каузальности, объединяются понятием «контингенция», отражающем многомерность и стохастичность этой всеобщей взаимосвязанности³ («новая», постсистемная многомерная тотальность? – В.П.).

Итак, достаточно обоснованным представляется наличие нескольких видов целостностей. 1) суммативная целостность – простое скопление элементов, конгломерат, его свойство – простая сумма составляющих. 2) организационная целостность (атом, молекула, Солнечная система и т.п.). 3) органическая целостность. Целое здесь возникает вместе с частями. Части вырастают из целого, целое доводит себя до полноты, тотальности. 4) общественная целостность – социальная тотальность.

¹ Чешков М.А. Двойная спираль... С. 29, 38–39.

² Там же. С.38.

³ Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // ВФ. 2008. № 7. С.68.

При этом понятия «социальный организм», равно как и «общественная/социальная система», представляются явно предельными для выражения полноты общественного бытия. Первый грозит скатиться в биологизм, недостаточно отражая сам феномен социальности, а второй тяготеет к механицизму («механическая сторона общества», по С.Л.Франку¹). Однако имеет смысл применить здесь уже обозначенный выше принцип комплементарности. Когда мы рассматриваем всю полноту человеческого миробытия, его всеобщность в единстве с особенным и единичным, сущностные принципы общественной жизнедеятельности в их соотнесенности друг другу и т.п., то здесь вполне правомочной представляется категория «общественная/социальная тотальность» и, соответственно, тоталлогический подход. Когда же мы касаемся процессов функционирования и взаимодействия общественных структур, институализации, социальной организации и управления, то здесь оказывается затребованным системный подход. То есть общество разворачивается как в тоталлогическом, так и в системном измерении, выступая и как тотальность и как система.

В этой связи стоит отметить, что утверждение Э.А.Леонтьева о том, что Т.Адорно рассматривал общество как тотальность, а не как целое² вряд ли можно принять в аспекте противопоставления целого и тотальности. Обе категории действуют у Адорно как дополняющие, уточняющие друг друга, в одном смысловом ряду, а отнюдь не как взаимоисключающие (см., напр.³). В приведенной Э.А.Леонтьевым цитате из «Негативной диалектики» также не вытекает противопоставление данных категорий.

Системная целостность выступает как продукт взаимодействия своих структурных элементов, отождествляемая с интегральными свойствами системы. Логически она выстраивается над subsystemами как общесистемное качество.

¹ Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 56.

² Леонтьев Э.А. Целостность и социальная ответственность // Целостность в мире философии и социально-гуманитарного знания. Липецк, 2011. С. 25.

³ Адорно Т.В. Негативная диалектика... С. 28,41,69,189.

Отсюда и само общество есть суперсистема (система систем). Тоталлогическая/социетальная целостность выступает как всеединство, многоединство, предполагая присутствие единого во многом, и наоборот. Единство части и целого здесь изначальное, имманентное, субстанциональное свойство общественного бытия.

Чем же структурируется целостность? В.С.Барулин, вслед за А.К.Уледовым, усматривает целостность общественного бытия во всеобщности «элементарных частиц» общества, таких как субъект, деятельность и отношение, которые пронизывают все стороны общественной жизнедеятельности и лежат в основе более сложных уровней организации¹. При этом сама деятельность понимается им прежде всего как материально-производственная в соответствии с традиционным марксистским постулатом, что если бы, дескать, не было ее, то не было бы и всего прочего.

Подобный материалистический редукционизм и субстанционализм с не меньшим успехом можно уравновесить идеалистическим. Лишенный материальных условий жизнеобеспечения человек может просуществовать часами и сутками, а свое сознание он не может отключить ни на мгновение. С.Л.Франк, трактуя единство как упорядоченность единого конкретного целого сверхпространственного и сверхвременного плана², усматривает целостность и единство общества в духовной связи между сознаниями людей³. Тем самым в общественной целостности подлинная реальность – сам человек, который есть и материал для общественного механизма и его воля⁴. Все это в конечном счете сводится им к божественной сущности.

Если рассматривать феномен эмерджентности как имманентное свойство целого, то, возможно, имеет смысл обратиться к подзабытым идеям Я.Смэтса и

¹ Барулин В.С. Социальная философия. М., 1999. С.222–223.

² Франк С.Л. Духовные основы... С.42–44.

³ Там же. С.46.

⁴ Франк С.Л. Духовные основы... Там же. С.53,56.

им подобным, в том числе разделяемые, отчасти, и В.И.Вернадским, о субстанциональности Целого/Единого, где идеальное и материальное будут его ипостасями. Целостность общественного бытия задана целостностью самого человека. Таким образом, общество есть целое всех антропогенных взаимодействий, тотальность человеческого миробытия.

Данный феномен антропологизации социальной реальности не мог не вызвать новые попытки ее интерпретации, ставя во главу угла сам факт слитности человека с условиями его существования, для чего вновь применены категории целостности, тотальности/социетальности. Л.С.Перепелкин в этой связи предлагает категорию «социально-культурная целостность»¹. Незадолго до него Н.И.Лапин развивает мысль об обществе как о целостной антропосоциальной системе, именуя все это «социумом»². Всплывает уже известная парадигма «субстанции-субъекта», но теперь уже концептуализируемая на основе парсонсовской четырехфункциональной схемы (социальные функции и, соответственно, социально-функциональные структуры и процессы). Опять сразу же возникает вопрос о том, насколько термин «система», пусть даже «антропосоциетальная», адекватно отражает эту целостность, тотальность бытия человека в мире (миробытие), чего мы уже касались, рассматривая проблематику франкфуртской школы. Уже в последующей работе исследователь практически не применяет термин «система» к обществу как тотальности (антропосоциетальности), а использует понятие антропосоциетальное/антропосоциокультурное целое и трактует социум как систему социальных отношений между людьми (общество в «узком» смысле)³.

Более интересными для нас представляются воззрения В.И. Манжуры, который применяет объемную модель поля, структурированного как по

¹ Перепелкин Л.С. Социальная эволюция как аспект изучения общества // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. Вып. 4. № 51–52. С. 207.

² Лапин Н.И. Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения // ВФ. 2005. № 2. С. 18–19.

³ Лапин Н.И. Антропосоциокультурный эволюционизм... С. 6.

горизонтали, так и по вертикали¹. В качестве «горизонтального» измерения выступает «антропосоциальная конфигурация актуального поля культуры», «вертикальное» же – это «антропокультурное» измерение. Далее В.И. Манжура рассматривает «социетальный ландшафт в качестве «поверхности» глубинного процесса сопряжения трех дискретов антропосоциокультурной тотальности – человека, социальности и культуры². Концептуальное влияние кизимовской тоталлогии здесь довольно ощутимо (трактовка «ландшафта» тоталлогическая, а не географическая, где ландшафт – однородная природная система; к тому же «дискрет» тоже тоталлогического происхождения), что методологически усиливает его позицию.

Значительный эвристический потенциал данной концепции в целом не вызывает сомнений, однако остается ряд вопросов. Прежде всего, как нам видится, объемный характер модели делает относительным горизонтальное и вертикальное измерения, становящиеся взаимобратимыми, равно как «верх» или «низ». Так, антропокультурное измерение может развиваться как по вертикали, так и по горизонтали. Если же топологическую модель рассматривать в трехмерной системе координат, то социальность (пусть даже «антропосоциальность») структурируется прежде всего вертикальной иерархией. Так, в приводимом автором примере с группой «робинзонов» представляется несомненным, что социальные взаимоотношения между ними в первую очередь структурировались бы по вертикали начальник - подчиненные. При этом, конечно, были бы приняты во внимание и задействованы «компетентность» и специализация субъектов, но любое общественное разделение труда в качестве исходного предполагает его разделение на организаторский и исполнительный. Не отрицая возможности антропокультурного измерения, следует иметь в виду,

¹ Манжура В.И. Антропосоциокультурная тотальность (АСК) – поверхность и глубина // Грані. 2006. № 3. С. 65–67.

² Там же. С. 66.

что сам термин «культура» не поддается однозначной дефиниции, оставаясь многомерным по своей сути.

Далее, хотелось бы затронуть проблему эвристических перспектив термина, давно используемого в теоретической социологии («социетальность»), который может быть сопоставим с философским («социальная тотальность»). Хотя у некоторых авторов обозначилась тенденция отхода от «социоцентричных» представлений об обществе, долженствующая завершиться оформлением некой «несоциологической теории»¹, однако даже сами контуры подобной теории остаются весьма невразумительными. Данные призывы, на наш взгляд, аналогичны требованиям изъять из социального социальность, из общества – общественное, из человека – человеческое. М.А. Чешков говорит о том, что глобальное целое есть образование, природа которого («человеческая») интегральна, в силу чего она не может быть ни измерением, ни фактором социальности². Тем самым им постулируется «Планетарное родовое образование (ПРО) – Человечество», конституируемое тремя началами – социальным, природным и деятельностью, где социальное подразумевает лишь субстратность, а не активность, деятельность. Конечно, если понимать под социальностью сугубо совокупность межклассовых, территориальных, профессиональных и прочих взаимоотношений между людьми, то, видимо, общество или ПРО шире их по содержанию. Однако если общество – это социоантропогенный мир, мир человека как существа социального во всей его тотальности, то общество соотносится с социальным как целое и целостность.

Общественный и социальный – это, по сути дела, слова-синонимы (лат. *socialis* – переводится как общественный). Ю.К.Плетников еще в 70-е гг. выступил против сведения социальной структуры к межклассовым отношениям³. Он предложил рассматривать социальную структуру в «горизонтальном срезе»

¹ Чешков М.А. Двойная спираль... С.73.

² Чешков М.А. Двойная спираль... С.73.

³ Плетников Ю.К. О природе социальной формы движения. М., 1971. С.68.

как совокупность исторических общностей людей, а в «вертикальном» – как совокупность общественных отношений¹. Социальная структура в итоге понимается как строение всего общества в целом. Отсюда возникает вопрос, а что тогда собственно общественные отношения? Опять получается простая тавтология социального и общественного. Избежать ее, по мнению ряда исследователей, возможно через разграничение социальности в узком и широком смыслах, а затем уже ее сопоставление с категорией «общественное»². Свой вариант разграничения «узкого» и «широкого» толкования общества предлагает Н.И.Лапин. В первом случае это система социальных отношений между людьми (социум), во втором – общество как антропосоциетальное целое³.

С учетом данных разграничений можно заключить, что социальность в широком смысле – это высшая форма развития материи (Антропосоциетальный Универсум), в узком – подсистема общества, сопоставимая с другими: экономической, политической, духовной. Отсюда, видимо, следует, что за сферой/подсистемой «вообще» можно закрепить термин «общественная» (напр., экономическая общественная сфера/подсистема), а собственно «социальная сфера/подсистема» применять исключительно к специфической стороне общественной жизни, касающейся сугубо отношений между социальными общностями.

Это представляется вполне логичным, однако остается вопрос о том, как «широко социальное», сливающееся с обществом в его тотальности, соотносится с «узкосоциальным»? Представление о социальной сфере как части общества ущербно с методологической точки зрения. Если социальное – это «часть», то все остальное получается «несоциальным» (экономика, политика и т.д.). Перед нами все тот же феномен, когда культура объявляется «частью» общества или его «подсистемой». Поскольку общество не тождественно культуре, тогда все за ее

¹ Там же. С.69.

² *Социальная философия*. Киев; Харьков, 2002. С. 322-327.

³ *Лапин Н.И. Антропосоциокультурный эволюционизм....* С.6.

пределами «вне/некультурно»? Подобные подходы вполне обоснованно критикуются В.С. Барулиным¹. Социальность, как и культура, – это не часть, а измерение общества, его срез по определенному основанию, и в этом смысле общество может рассматриваться и как мир культуры и как мир социального человека. Сложность заключается в том, что строго институциональный подход к социальной сфере неприменим. Так, любой общественный институт, например, семья, класс, коллектив и т.п., формируется экономическими, политическими, духовными, биологическими и прочими отношениями, а если таковые оттуда «извлечь», то что будет в остатке? Какие собственно специфические социальные отношения?

Данный вопрос нуждается в специальном рассмотрении, но есть основания предполагать, что скорее всего перед нами явление иного, а именно коммуникативного порядка, надстраивающееся над институциональными сферами (политической, экономической и др.). Оно существует как результат общественных связей и только через них. Это специфическая сфера взаимодействия институциональных структур, где «узкая» социальность (отношения между социальными общностями) растворена в «широкой» (атрибутивной). Они плавно перетекают друг в друга без видимых границ и ограничений, далее сливаясь с социальной тотальностью как всей полнотой общества, характеризующегося обычно через такие параметры, как сознание, деятельность и общение, к которым, наверное, стоит добавить и такой феномен, как социальная кумулятивность – усвоение и развитие результатов достигнутого. Соотношение между обществом и социальностью в его двух сущностях наиболее перспективно, на наш взгляд, исследовать в русле ипостасной трактовки многомерности, разрабатываемой В.Л. Алтуховым. Здесь социальность будет и вся полнота общества и его срез по определенному основанию (по линии субъект-объектных отношений).

¹ Барулин В.С. Социальная философия... С.411–412.

В.И. Манжура в качестве интегральной категории видит антропосоциокультурную тотальность¹, а Н.И. Лапин – антропосоциетальное соответствие как единство культуры и социальности², где социетальный процесс – поле социокультурных взаимодействий в масштабе всего общества³. Здесь социетальность предполагает и антропологическое и социокультурное измерения, что, видимо, не исключает и прочие, например, социально-экономическое и политическое. У В.И. Манжуры его антропосоциокультурная тотальность объединяет все те же измерения («дискреты»), что и задает всю полноту общественного бытия.

Здесь мы вновь возвращаемся к ранее заявленной необходимости тотализирующих понятий и эвристическому потенциалу категории «социетальность», так или иначе задействованной в работах двух вышеназванных авторов. Расширение эвристического поля данной категории как раз и выводит ее на социально-тотальный уровень. Правомочность подобного подхода видится нам в том обстоятельстве, что несмотря на его использование, как правило, в структуре социологического знания, в самом термине «социетальность» нет ничего узкосоциологического и никто не представил сколько-нибудь серьезных аргументов в пользу исключительно социологической его интерпретации. Напротив, он обнаруживает родовое единство с понятием «тотальность», тем самым выходя за рамки строгой социологической методологии, в смежные эпистемологические континуумы, концептуально сопрягаясь уже с социально-философским познанием.

Несводимость социальности как Целого к Системе дает иерархичность социетальности. Это предполагает возможность трансцендентировать свое другое, выход за конкретную системную социетальность во всеобщность социальности

¹ Манжура В.И. Антропосоциокультурная тотальность...

² Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социс. 2000. № 7. С. 5.

³ Там же. С. 11.

(социальную тотальность). Здесь она утрачивает свои узкосоциологические признаки, приобретает всеобщность, целостность, полноту, предельность в единстве с движением/развитием, становясь уже Социетальным Универсумом, который, в свою очередь, как продукт человеческого миробытия, дает уже Антропосоциальный Универсум, то есть всеобщность и полноту социоантропогенности как человекомирности. Сращенность антропного и социетального, где оба начала не существуют помимо друг друга, не исключает, а даже предполагает и прочие измерения человеческой жизнедеятельности вплоть до природного. Категория «Универсум», обозначающая всю существующую реальность, в силу своей бесконечности и неисчерпаемости обуславливает возможность именно такого толкования социетальности, как когерентности всей человекомирности. Это не Абсолют, как Единое формообразующее начало, а скорее Универсум Универсумов, многомерный континуум единично-множественного бытия. Соотношение единого и многого («уни» и «мульти») здесь требует иных нелинейных, неклассических подходов.

Социальная философия и социология имеют общий объект изучения (общество), и уже поэтому не могут рассматриваться как два абсолютно не связанных между собой сегмента познания. Понятие «социетальность» выводит нам одну из связок между ними, которая в своем полном виде выглядит наподобие диады-связки: социетальность – социальная тотальность, где социологические параметры по ряду показателей могут перетекать в социально-философские и далее вплоть до всеобщности, безграничности человекомирности (Антропосоциальный Универсум).

При всем этом характер взаимосвязи между ее составляющими не является жестко фиксированным. Они могут менять свое расположение, что дает уже иное измерение, в том числе в зависимости от направления концептуализации – «снизу – вверх», то есть от социологической трактовки социетальности ко всеобщей, социально-философской (социальная тотальность), или наоборот (социальная тотальность – социетальность). Социальная тотальность как

Антропосоциетальный Универсум представляет социоантропогенную сферу в единстве со средой существования, причем средовой момент позволяет обособить данную категорию от пересекающейся с ней (общественное бытие), даже в ее более широкой трактовке, чем в традиционном марксизме¹.

Однако было бы совершенно неправомерно представлять социальную тотальность (Социетальный Универсум) в качестве некой «надстройки» над системно-социологической ипостасью социетальности. Дело обстоит, видимо, куда сложнее, поскольку социальная реальность не сводится к единому измерению, единой системе координат, детерминаций и т.п. Все это предполагает «объемность» и, следовательно, многомерность социальности – социетальности – социальной тотальности. Отсюда и социологический и социально-философский срез социетальности располагаются в смежных континуумах наподобие десятичной и двоичной систем исчисления.

Антропосоциетальный Универсум как многомерно-бесконечный континуум обладает свойствами так называемой нетривиальной целостности, то есть он не исчерпывается системами множеств и не разложим на них². Его единство задано сращенностью общества, культуры и человека во всей их полноте, характеризующих субъектность общественного бытия, меру и способ овладения человеком внешними и внутренними условиями своего существования, в ходе чего формируется он сам.

¹ Ойзерман Т.И. Материалистическое понимание истории: плюсы и минусы // ВФ. 2001. № 2. С. 10–23.

² Концепция целостности. Критика буржуазной методологии науки. Харьков, 1987. С. 111.

ГЛАВА 2. АНТРОПОСОЦИЕТАЛЬНЫЙ УНИВЕРСУМ: ХРОНОТОПЫ КОНТИНУАЛЬНОСТИ

Общество есть хронотопно организованный объект, что предполагает невозможность его существования вне пространственно-временного континуума. Его виды весьма разнообразны – физический, географический, биологический, социальный, исторический, духовный и т.д. Каждый из них формируется соответствующей системой координат, взаимодействие и взаиморасположение которых как раз и создает многомерную социальную действительность. Последняя же задается деятельностью индивидов и их общностей, заполняющей процессами, условиями и событиями пространственно-временные рамки социума. Исходя из этого, имеет основание постулировать обусловленность пространственно-временного континуума социальности деятельностью общественных сил.

Понятие «континуум» впервые получило «прописку» в физико-математических науках, знаменуя переход к неклассическому периоду научного познания. Эйнштейновская теория гравитационного поля (общая теория относительности) базируется на континуальности времени, пространства и движения, устанавливая зависимость метрических свойств пространства/времени от распределения «материи» и энергии. В самом общем виде континуум можно определить как способ конституирования целостности, обеспечивая связь части и целого, внутреннего и внешнего, общего и единичного. Модель поля здесь оказывается наиболее востребованной.

Одним из фундаментальных свойств пространственно-временного континуума, который М.М.Бахтин весьма удачно обозначил как хронотоп (его парадигмальное значение явно выходит за рамки лингвистической морфологии), является взаимообратимость бинарных соподчиненных оппозиций (связка сораздельных отношений, по М.А.Чешкову). Можно сказать о взаимообратимости

структуры и процесса, прерывности и непрерывности, которые прослеживаются как в физическом континууме (например, корпускулярно-волновой дуализм), так и в социальном (чередование эволюционно-волновой и катастрофической динамики¹). Таким образом время и пространство предполагают друг друга. Если вслед за М. Вебером и Т. Парсонсом можно говорить о том, что время действия лишает объекты пространственности, то с не меньшим основанием позволительно утверждать, что темпоральность «опространстливается» (термин А. Уайтхеда), то есть время «связывается» пространством. Необратимость, как специфическая черта времени, фиксируется в постоянно меняющихся отношениях между объектами, тем самым время вбирает в себя пространство, что предполагает его переполнение в известный момент.

В историографии сложилась весьма интересная ситуация. Неразрывность существования времени и пространства (пространственно-временной континуум, он же хронотоп) вроде бы никем не отрицается. Понятие «социальный пространственно-временной континуум» также весьма распространено (несколько меньше повезло историческому). Вместе с тем целостные определения обоих континуумов как раз и отсутствуют. Внимание исследователей в зависимости от их предпочтений сосредотачивается либо на времени, либо на пространстве (социальном или историческом). Причем даже те авторы, которые изучают оба явления параллельно, опять-таки не дают представления об их целостности. Дело ограничивается, как правило, отдельными определениями, в лучшем случае предпринимаются попытки проследить диалектику их взаимосвязей. Таковая до последнего времени трактовалась чаще всего через связи детерминации, где решающая роль отводилась времени, а пространство трактовалось как подчиненный ему момент, характеризующий упорядоченность соответствующих процессов.

¹ Алтухов В. О смене порядков в мировом общественном развитии // МЭМО. 1995. № 4. С. 19–21.

Лишь в последнее время в научной литературе было обращено внимание на методологический потенциал понятия «пространственно-временной континуум», на эвристическую значимость идеи континуальности, подтвердившую свою продуктивность во многих отраслях научного знания¹. При этом Э.В.Баркова, на наш взгляд, совершенно справедливо выступает против физикалистского понимания «континуума», но суживает понятие «континуальность» сугубо как исследовательский принцип философии культуры². Вряд ли может быть серьезно оспорено положение о континуальной природе человеческого миробития в его тотальности (Антропосоциетальный Универсум). Именно в структуре антропосоциетальности, по нашему мнению, нужно искать сущность как Исторического, так и Социального континуумов, равно как и соотношение между ними.

Прежде всего попытаемся выделить наиболее важные концепты, рассматривая хронологию антропосоциетальности в зависимости от поставленных исследовательских акцентов. Для обозначения соотношения между социальными объектами и протекания социальных процессов наиболее часто используются категории социального пространства и времени. Самая распространенная в историографии позиция базируется на редукции социального пространства ко времени.

Принцип пространственной обусловленности общественных отношений был введен в научный оборот Г.Зиммелем, однако связка социальное пространство-время все же концептуально рассмотрена П.Сорокиным³. Прежде всего он резко обособляет социальное пространство от геометрического

¹ *Каган М.С.* Введение в историю мировой культуры. СПб., 2000. Кн. 1. С 156; *Баркова Э.В.* Пространственно-временной континуум как форма целостной культуры: к постановке проблемы // В диапазоне гуманитарного знания. СПб., 2001. Сер. IV. Вып. 4. С. 166–168; *Попов В.Б.* О природе социально-исторических трансформаций: движение в континууме глобальности // ПФ. 2007. № 4. С. 101–106.

² *Баркова Э.В.* Пространственно-временной континуум... С. 166, 168.

³ *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 297–302; *Сорокин П., Мертон Р.К.* Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социс. 2004. № 6. С.112–119.

(физического) на том основании, что люди, пребывающие в одном геометрическом пространстве, находятся в разных социальных пространствах¹. Последнее же определяется как вселенная, состоящая из народонаселения земли². Эту не вполне вразумительную фразу, по всей видимости, надо понимать так, что социальное пространство сводится им ко всей полноте межличностных взаимоотношений «народонаселения земли». В подобной трактовке данная категория оказывается малооперационабельной, и П.Сорокин вводит несколько уточнений, определяя его через ряд структурных параметров, таких как совокупность связей между социальными группами, где место каждого индивида внутри той или иной группы определяется через систему социальных координат³. Далее он плавно переходит к теории вертикальной и горизонтальной социальной мобильности. В литературе уже обращалось внимание на то обстоятельство, что полная элиминация физического («геометрического») пространства из структуры социального приводит к тому, что подобное понимание социального пространства редуцировало его лишь к одному из аспектов социальной структуры, а проблема взаимосвязи социального и физического пространств оказалась надолго маргинализированной⁴.

Демаркация физического и социального времени также присутствует у П. Сорокина и Г. Мертона, последнее рассматривается ими как продукт изменения социальных феноменов, возникающий из общественных потребностей для обеспечения взаимодействия социальных групп путем преодоления локальных временных систем⁵. Таким образом, социальное время у них – это координация социальных действий индивидов. Поскольку метапарадигма сорокинской, а впоследствии и парсонсовской социологии – это теория социального действия, то приоритет социального времени над пространством весьма очевиден. Именно в

¹ Сорокин П.А. Человек... С. 297.

² Там же. С. 298.

³ Там же. С. 299.

⁴ *Сознание и социальная реальность*. Луганск, 2004. С.291.

⁵ Сорокин П., Мертон Р.К. Социальное время... С.114,118–119.

русле данной метапарадигмы исследуется категория социального времени («время действия»).

Опираясь на веберовскую трактовку действия, Т. Парсонс определяет «время действия» как способ связи элементов действия (цель, средство и т.п.). Это особое время, не тождественное физическому, это внутреннее время самого действия, анализируемое при помощи особой аналитической схемы (четырефункциональная система AGIL).

К аналогичным выводам приходит и отечественная советская философская наука, где Социальный пространственно-временной континуум изучается в рамках деятельностного подхода (марксистский аналог социального действия). Здесь социальное пространство характеризуется как сфера человеческой деятельности, пространство общественного труда, а социальное время – опредмеченное время, последовательность смены социальных процессов (см., напр.¹). С не меньшей категоричностью, чем у П.Сорокина, утверждается о недопустимости редуцирования социального пространства-времени к экологическому, правда, на основании философской посылки о том, что низшие формы бытия материи не могут быть сведены к высшим², а тезис о подчиненности социального пространства времени заявлен еще более категорично³. Н.Н. Трубников раскрывает связь между социальным временем и деятельностью через категорию «мера». Социальное время определяется им как мера общественно-исторического бытия, мера бытия общества⁴. О.Ф. Иващук,

¹ Лой А.Н. Социально–историческое содержание категорий «время» и «пространство». К., 1978. С.15,23,28.

² Лой А.Н. Социально–историческое... С.14–15,31; Яковлев В.П. Социальное время. Р. н/Д.,1980. С.121–122; Ковальзон М.Я., Эпштейн Р.И. О специфике пространства и времени как категории социально–философской теории // ФН. 1988. № 8. С.22.

³ Лой А.Н. Социально–историческое... С.35.

⁴ Трубников Н.Н. Время человеческого бытия. М., 1987. С.242–248.

развивая данные воззрения, считает пространство/время способом самополагания объекта, где время является самоизмерением множественных систем отсчета¹.

Для того чтобы отразить «специфику» общественного развития, некоторыми исследователями вводится понятие «историческое пространство/времени», где пространство определяется как конкретно-исторические пространственные формы и отношения существовавших ранее социальных организмов². Историческое же время – это время событий, определяющееся масштабами исторического процесса, где далеко не все явления и процессы общественной жизнедеятельности приобретают значение исторических событий³. Определение Исторического хронотопа при этом так и не было дано, впрочем, как и социального.

Историческое и Социальное пространство/время фактически сводились к формационному, а далее, в частности, начинался схоластический поиск качественных различий, например, между пространством рабовладельческих и феодальных ОЭФ, исходя из априорного утверждения о более высоком уровне развития ПС феодальной формации по сравнению с рабовладельческой⁴. Своего предельного состояния подобный подход достиг в работе М.Я.Ковальзона и Р.И.Эпштейна, где утверждалось, что раз греки гомеровского периода и государство инков относятся к одной и той же формации, то, следовательно, и к одному и тому же социальному времени и пространству⁵. Комментарии, как говорится, здесь излишни.

Вторая макропарадигма не столь явственно сформулирована, как первая. Она исходит из неприменимости линейной детерминации по принципу первичное – вторичное, причина – следствие к такому феномену, как пространственно-

¹Иващук О.Ф. Диалектика всеобщего и единичного в развертывании определений времени и пространства // ВФ. 2005. № 7. С. 81, 89, прим. 15.

²Черников В.Г. Общественное пространство. Воронеж, 1984. С. 67.

³Лой А.Н. Социально-историческое... 24–25.

⁴Черников В.Г. Общественное пространство... С.70.

⁵Ковальзон М.Я., Эпштейн Р.И. О специфике... С. 22, 27, прим.

временной континуум. Отсюда редукция пространства ко времени в континууме представляется неправомерной.¹ Пространство и время, таким образом, выступают как равноправные категории, где у последнего нет абсолютного приоритета над первым.

Здесь можно выделить ряд трактовок. Исторически первой является теоретико-социологическая. Ее основоположником, впрочем, как и самой социологии пространства, можно считать Г.Зиммеля. Пространство у него выступает как имманентное условие существования общества. При этом физическое пространство хоть и не предопределяет общественное развитие, но влияет на него определенным образом. Далее он разрабатывает понятие «социальное пространство» как систему мест². Место, тем самым, видится ему как сфера кристаллизации социальных связей, различия между социальными группами проявляются в том числе и через отношения к социальному пространству.

Интерес к социальному пространству в западной социологии во многом связывают с именем П.Бурдьё, который продолжил и актуализировал зиммелевскую традицию. Сам предмет социологии он тесно связывает с понятием «социальное пространство»³. По мнению исследователя, социальное пространство является объективным по отношению к каждому из агентов социального действия. Оно как совокупность структурированных общественных отношений есть «пространство второго порядка», вписанное в физическое пространство⁴, которое, в свою очередь, оказывает соответствующие воздействия на социальные позиции, следовательно, и на социальное⁵. Отсюда границы между социальными

¹ Бардонов С.Н. Социальный хронотоп как качественно-количественная определенность общественного развития: Автореферат... дисс. канд. филос.наук. Киев, 1991. С.3–7; Он же. Про множинність форм простору і часу // ФСД. 1990. № 4. С. 90–95; Филиппов АФ. Теоретические основания социологии пространства. М., 2003. С. 185–187.

² Зиммель Г. Избранное. М., 1996. Т. 2. С. 525.

³ Бурдьё П. Начала. М., 1994. С.185–186.

⁴ Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С.36–39; Он же. Начала... С.185.

⁵ Бурдьё П. Социология политики... 40–42.

полями проектируются им и на физико-географические координаты, что на выходе дает категорию «габитус»¹.

Несомненного внимания заслуживает и позиция Р.Алена, который рассматривает социальное пространство как место «вос/производства» социальных различий, характеризуясь «бинарностью реального и воображаемого»². Здесь мы опять сталкиваемся с феноменом бинарных оппозиций, являющихся структурообразующим началом любого пространственного объекта (поля).

В отечественной социологической мысли, пожалуй, наиболее концептуально продвинутыми в этом плане являются воззрения А.Ф.Филиппова, впервые однозначно заявившего о необходимости выделения пространственных условий существования общества в специальную отрасль социологической науки – социологию пространства³. Он последовательно проводит идеи самодостаточности пространственных форм, их несводимости ко времени, отсутствия приоритета времени над пространством, а целостность единого пространственно-временного континуума, по его мнению, проявляется через их взаимопереходы.

Исследование пространственных форм организации общества занимает важное место и в работах И.Ф.Кононова⁴. Он выступает против элиминации физического пространства, отрыва социального пространства от природного, поскольку в этом случае первое будет мало чем отличаться от совокупности общественных отношений. Методологически его концепция тяготеет к

1 Там же. С. 47.

2 Николаев В.Г. Реферат статьи: Allen R.L. The socio-spatial and making of «us»: toward a critical postmodern spatial theory of difference and community // Social identities. Oxford. 1999. V. 5. № 3. P. 249–277 // Социологические исследования на пороге XXI века. Сборник обзоров и рефератов. М., 2000. С. 115.

³ Филиппов А.Ф. Теоретические основания... .

⁴ Сознание и социальная реальность...273–326; Кононов И.Ф. Етнос. Цінність. Комунікація (Донбас в етнокультурних координатах України). Луганськ, 2000.

зиммелевской и далее к кантианской, которая позволяет рассматривать пространственные отношения в обществе как культурные формы, производимые и воспроизводимые социетальностью.

Определенный приоритет пространства можно обнаружить в мир-системном подходе И.Валлерстайна. Взяв за основу концепцию Ф.Броделя о четырех типах исторического времени (эпизодическое, циклическое, структурное и время мудрецов), он вполне убедительно доказывает, что каждому из них должен соответствовать свой тип пространства, что в итоге дает единое «время-пространство»¹. И.Валлерстайн тем самым, конструирует следующие виды времени-пространства: эпизодическое геополитическое, циклически-идеологическое, структурное, вечное, к которым добавляет пятое, трансформационное². Все это придает «объемность» историческим процессам, позволяя выйти на качественно новый уровень осмысления социальной динамики. Однако при этом его макроконцептуальная мир-системная схема скорее остается плоскостной. Измерение по линии центр – периферия не дополнено временной трансформационной системой координат, позволяющих отразить переход от докапиталистических мир-систем к капиталистической мир-системе. Конструкты же мир-экономика и мир-империя, приобретая внеисторический статус, оказываются малооперационабельны, на что ранее уже обращалось внимание³.

В культурологической и философской трактовках проблема социального/исторического пространства сводится к следующим позициям.

1. Полное отрицание существования такого феномена, как социальное/историческое пространство. Его реальность оспаривается в пользу

¹ Валлерстайн И. Изобретение реальностей времени-пространства: к пониманию наших исторических систем // Структуры истории. Новосибирск, 2001. Вып. 2. С.103–106.

² Там же. С.106–115.

³ Фурсов А.И. Школа мир-системного анализа // Восток. 1992. № 1. С.25–26.

универсального физического или математического пространства (Ю.Б.Молчанов, А.И.Ракитов, Р.А.Аронов и др.)¹.

2. Сведение социального/исторического пространства к некоему идеальному началу. У Э.Кассирера в подобном качестве выступает символическое пространство, у Ю.М.Лотмана – смысловое/семиотическое (семиосфера), у М.Кастельса – коммуникативное (Универсум потоков).

3. Культурологические концепции. Особенно показательны здесь воззрения А.Я.Гуревича. Базисной категорией у него выступает культура. Отсюда социальное/историческое пространство, по сути дела, в ней растворяется. Культурное пространство разворачивается, в том числе, и в географическом измерении, образуя концентрические круги по мере освоения последнего человеком.

4. Социальное/историческое пространство может рассматриваться и в географическом/экологическом ракурсе. Помимо известной теории Л.И.Мечникова о речных, морских и океанических цивилизациях, сюда, как нам представляется, можно отнести и концепцию ноосферы В.И.Вернадского. Под таковой им понимается биосфера, преобразованная научной мыслью². Н.Н.Моисеев сходные идеи проводит через понятие «коэволюция», под которой подразумевается единый эволюционный процесс развития планеты Земля, на определенном этапе которого интеллект целенаправленно вмешивается в развитие биосферы³. В.В.Макаренко постулирует формационную общность как географическую среду, организованную особым образом, здесь формация выступает как историческая форма организации среды⁴.

¹ Молчанов Ю.В. Проблема времени в современной науке. М., 1990. С. 130–133; Ракитов А.И. Историческое познание. М., 1982. С. 249–250.

² Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С.46.

³ Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М., 1990. С.155–156.

⁴ Макаренко В.В. Географическая среда в формационном развитии Запада и Востока // Ориентация–поиск: Восток в теориях и гипотезах. М., 1992. С.136.

5. В философских исследованиях социальное пространство редко выносится в объект специального изучения вне его связки со временем. В советской историографии одно из немногих концептуальных исследований в данном аспекте представлено работой В.Г.Черникова¹. Одной из задач этого исследования стала попытка отразить роль природной среды в социальном континууме, что вылилось в категорию «общественное пространство». Таковое трактуется как результат взаимодействия социального и природного начал, координация сосуществующих систем, которые образуют материальный субстрат общества, порядок их сосуществования, структурность и протяженность². В результате получилась весьма тавтологическая конструкция, особенно с учетом того обстоятельства, что в структуру общественного пространства включались пространство «очеловеченной» природы и пространство «природной среды общества», в противовес природному пространству вне общества³. Чем первые два отличаются от третьего – достаточно очевидно, но непонятно чем они отличаются друг от друга, почему второе нельзя считать также «очеловеченным».

Г.Е.Зборовский трактует социальное пространство как форму взаимодействия социальной и вещно-предметной структуры общества, характеризующейся объективностью, метричностью, территориальным распределением населения, направленностью и интенсивностью перемещений, социальной дистанцией между социальными общностями и индивидами⁴. Таким образом, общественная и географическая среды рассматриваются не как внутренняя и внешняя по отношению к обществу, а как элементы социального пространства, выступающие условием и формой функционирования разнообразных общественных отношений⁵.

¹ Черников В.Г. Общественное пространство... .

² Черников В.Г. Общественное пространство... С.43–44.

³ Там же. С.44.

⁴ Зборовский Г.Е. Пространство и время как формы социального бытия. Свердловск, 1974.

⁵ Там же. С.60.

Подводя итоги нашего краткого историографического обзора, можно сделать вывод, что пространственно-временной континуум есть единство вечности и процессуальности. Это сфера протекания процесса соответствующего рода. Масштаб хронотопа колеблется от локально-предельного до универсального. Во всех уровнях организации материи (физическом, географическом, биологическом, социальном) наличествует своя иерархия пространственно-временных континуумов.

Социальный хронотоп отсюда представляет объемную систему координат, в рамках которой и существует общество прежде всего как самовоспроизводящаяся целостность. Универсальную основу Социального хронотопа задают две его составляющие – время и пространство, формирующие соответственно диахронное и синхронное измерения общественного бытия. Иерархия Социального пространственно-временного континуума, его членение на локальные и универсальный хронотопы, а также сегменты последнего (например, континуум непосредственного обитания, среда хозяйственной деятельности и т.п.) давно исследуются в литературе¹. Здесь, на наш взгляд, наиболее интересной и дискуссионной выглядит проблема соотношения Исторического и Социального хронотопа. Опять-таки в историографии сопоставляются смежные категории: историческое и социальное время. Связке историческое – социальное пространство уделяется куда меньше внимания. Их развернутый сопоставительный анализ практически отсутствует. Историческое пространство зачастую вообще лишается всякой качественной определенности и воспринимается лишь как трансформация времени («упраздненное время»)².

В.А.Артемов и Е.К.Краснухина разграничивают историческое и социальное время как скорость протекания, направленность общественных процессов и время

¹Черников В.Г. Общественное пространство...; Громаков С.В. Историческое время и формационный подход к развитию общества // *Философия и современность*. Саратов, 1990. Вып. 2. С. 30–37. Зборовский Г.Е. Пространство и время... 66–105.

²*Пространство и время*. – К., 1984. С. 109.

как форму циклического воспроизводственного процесса, способ функционирования общественных процессов соответственно¹. Отсюда Е.К. Краснухина определяет историческое время как хронологическую дату, а социальное – как величину (оборот капитала, общественно-необходимое рабочее время и т.п.). Таким образом, историческое время имеет событийную структуру, а социальное – бюджетную, что есть фактор экономической, а не исторической жизни общества. В итоге оппозицию историческое – социальное можно сопоставить как преобразующее и воспроизводственное начала общественной континуальности, что, как нам представляется, не может вызвать сколь-нибудь серьезных возражений. Вместе с тем Е.К. Краснухина отмечает, что исторический момент не может быть полностью устранен из социального времени². Следовательно, однозначное противопоставление исторического и социального времени несет известный запас условности.

Принимая в целом подобную позицию, хотелось бы внести в нее некоторые коррективы. Прежде всего, это касается тезиса о бюджетной структуре социального времени, что представляет собой явный экономикоцентризм. Тем самым получается, что нет социального времени вне прибыльности производства. Социальное время не может быть сведено к единой универсальной системе измерения, к единому таксону. Оно разновместимо и многомерно, как и сама Антропосоциетальность. Политическое, идеологическое, экономическое (именно оно обладает бюджетной структурой) и другие составляющие ее временные формы объединены общим принципом социального воспроизводства, регулятивно-функциональным принципом как средством интеграции (сравни с «инертными практиками» Сартра или «социетальной общностью» Парсонса). В то же время в рамках Исторического континуума эти же временные формы уже

¹Артемов В.А. Социальное время. – Новосибирск, 1987. С. 9–10, 25–27; Краснухина Е.К. Время как форма социально-исторического процесса // Вестник ЛГУ. Сер.6. 1990. Вып. 3. С.31–34.

²Краснухина Е.К. Время как форма... С.34.

подчиняются трансформационно-преобразующему началу, воплощенному в данном континууме.

Социальный пространственно-временной континуум как результат общественного воспроизводства имеет основу в деятельности человека. Общество – саморазвертывающийся, саморазвивающийся объект. Оно существует исключительно в движении, перенося свою деятельность из прошлого через настоящее в будущее. Общественное развитие есть сопряженность линейного и циклического. Общество, с одной стороны, воспроизводит самое себя, с другой – не сводится к воссозданию уже имеющегося, а постоянно аккумулирует новое и выходит за свои собственные пределы. Оно замыкается готовыми формами социальности в циклических процессах, но вместе с тем ежечасно разрывает их в линейно-прогрессистском измерении. При этом, естественно, соотношение между этими двумя ипостасями может варьироваться в различных исторических типах общественного устройства.

Итак, исходя из этого, Социальный континуум можно определить как среду общественного самовоспроизводства, взаимодействия всех сфер общественной жизнедеятельности, их функционирования в рамках антропосоциетальности. Это матрица общественного воспроизводства. Социальное время здесь представляется как циклическая форма общественной процессуальности, продукт функционирования социальных феноменов, координация социальных действий общественного человека. В конечном счете оно есть результат последовательной смены социальных процессов. Социальное пространство, соответственно, выступает как форма координации всех сосуществующих социальных субъект-объектов.

Стадиальную последовательность нельзя рассматривать исключительно как атрибут исторического времени. Достаточно отметить кардинальные трансформации социального пространства/времени в эпоху генезиса локальных цивилизаций, их универсализацию и, наконец, формирование всемирного социального хронотопа, связанного с феноменом капитализма. Стадиальные

процессы, кстати, не тождественные пятичленной формационной схеме, нашли отражение и в вышеназванной классификации цивилизационного процесса Л.И. Мечникова¹.

Тогда, может быть, событийность составляет специфику Исторического пространственно-временного континуума? Таким образом, историческое время – это совокупность исторических событий? Подобная позиция имеет под собой серьезные основания, но все же видится нам несколько односторонней. Нами уже указывалось выше, что структурообразующей основой исторического пространства/времени является не историческая событийность как таковая, а исторический процесс во всей его полноте, как наиболее фундаментальная категория, отражающая динамику социальности. Как тотальность он не редуцируется к сумме событий, точно так же как и общество не есть простая совокупность индивидов. Обладая сложной, многомерной природой, исторический процесс разворачивается в двух основных измерениях: событийном и структурно-институциональном. Событийность является качественной характеристикой исторического времени, но не тождественна ему, поскольку событие не является самодостаточным в процессе социальных трансформаций. Только историческая тотальность как всеобщность, полнота и целостность исторического процесса определяет сущность Исторического континуума.

Развитие социальных структур, на наш взгляд, и есть Социальный хронотоп, «переработанный» Историческим. Эволюцию социально-экономических, социально-политических отношений невозможно вывести за рамки истории и уж, конечно, любое историческое событие, в частности, Английская, Великая французская или Октябрьская революции необъяснимы из самих себя или из аналогичного события. Конечно, в истории велика роль прецедента: так, суд над Марией Стюарт дал основания для процесса над Карлом I, но объяснительная возможность аналогий, например, между

¹ Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995. С. 333–339.

Великой французской и Октябрьской революциями отнюдь не безгранична, как и описания Ленина/Сталина по образцу Робеспьера.

Исходя из всего этого, ранее мы определили Историческое пространство/время как поле развертывания общественной эволюции во всех формах ее проявления, как совокупность всех типов эволюции, их координацию, а не иерархию в рамках универсальной пространственно-временной шкалы¹. Теперь же данное положение можно дополнить и уточнить в том плане, что под Историческим континуумом мы понимаем трансформационную среду общественного бытия, где время фиксирует его направленность, воплощая преобразовательный аспект общественной жизнедеятельности, а пространство – порядок сосуществования конкретных исторических социальных организмов (социетальностей). Однако, каждая историческая мироцелостность (культурно-цивилизационная общность) образует континуум своего исторического бытия, развертывается в своем собственном пространстве/времени. Подобные континуумы выстраиваются в иерархию по линии глобальное/всеобщее – региональное – субрегиональное/локальное.

Возвращаясь к проблеме соотношения Исторического и Социального хронотопа, отметим их общую основу – деятельность индивидов и их общностей. Это не есть некие обособленные друг от друга сферы, но, напротив, растворенные друг в друге, они выявляются через взаимопереходы. Каков же механизм данной трансформации?

Подобно тому как момент процессуальности изначально присутствует в пространстве, и наоборот, так социальность имманентна историчности с обратной инверсией. Соответственно амплитуде свойств, приближение к трансформативному полюсу дает усиление историчности и ослабление (но не исчезновение) социально-циклического, воспроизводственного момента. В определенной плоскости Социального хронотопа открывается новое историческое

¹ Попов В.Б. Синхронное и диахронное измерения всемирной истории // ПФ. 2004. № 4. С.54–55.

пространственно-временное измерение как переход в свое – иное, как самопроявление последнего.

Обособившись, Исторический хронотоп приобретает самодостаточность и уже не может рассматриваться как простое развертывание социальности на пространственно-временной шкале. Отсюда имеет смысл говорить о восхождении их обоих к единому началу, которое мы уже обозначили как Антропосоциетальный Универсум. В нем в качестве ипостасей Единого выступают уже историчность и социальность, взаимообуславливая и переливаясь друг в друга.

Подобные процессы в их более общей форме описываются Уайтхедом через категории «осуществление» (становление времени в поле протяженности) и «темпорализация» (реализация эпохальности как целостного организма, являющегося событием)¹.

Трансформации и взаимопереходы Исторического и Социального хронотопов задают динамику и общие закономерности в инверсиях, их составляющих, – соответственно исторического и социального времени и пространства. Они обнаруживают сложную многомерную динамику на всем протяжении общественного развития. Накопление преобразующего начала в деятельности людей приводит к прорыву социально-функциональной темпоральности исторической. Точно так же историческое и социальное пространства присутствуют друг в друге, но в разных измерениях. Эволюционное поле воплощает в первую очередь динамический аспект, но взятое в структурно-функциональном измерении (срез по линии «настоящего»), оно дает социальное пространство как всеобщую сферу бытия общества. Однако социальность не может пребывать в настоящем, что делает неизбежным социально-пространственные трансформации разной степени полноты и интенсивности.

¹ Уайтхед А.Н. Избранные работы... С. 188–189

В конце концов, зарождаются новые социальные структуры и отношения, то есть формируется новый Социальный хронотоп, раскрываются невиданные ранее возможности. Несомненная взаимосвязь исторического и социального времени и пространства требует новых методологических оснований, не сводимых к узко-физической трактовке теории Эйнштейна, чье философское значение гораздо шире. Так, В.П.Яковлев взаимосвязь между социальным временем и пространством видит в том, что в местах особой концентрации вещества и энергии поля время замедляется¹. Здесь, как мы видим, в категориях социального пространства/времени дословно излагается вышеназванная теория. Однако последняя в философском контексте лишь устанавливает взаимосвязь времени и пространства во всех формах движения материи и указывает на их релятивный характер.

В Социальном/Историческом хронотопах складывается совсем иная картина. Не подлежит сомнению, что именно буржуазное общество смогло сконцентрировать социальную энергию (деятельную активность) на единицу пространства в невиданных ранее масштабах, что привело к убыстрению социальных процессов (социального времени), а далее к переполнению и разрастанию новообразованного Социального континуума. Все это вызывает уже и смежные социально-пространственные трансформации Исторического хронотопа. Таким образом, резкое ограничение пространства в местах концентрации социальной энергии соответственно усиливает фактор времени.

Изложенная пространственно-трансформационная модель отражает в первую очередь линейно-поступательную эволюционную динамику (классический пример здесь – генезис капиталистического социального хронотопа и соответствующие трансформации исторического пространства/времени – новые капиталистические «центры силы» в Европе и колониализм за ее пределами). Неформационные типы общественного развития представляют иные

¹ Яковлев В.П. Социальное время... С. 122.

тенденции. Там где социальная энергия рассеивается на обширных, относительно однородных пространствах (например, джунгли, степи, пустыня), социальные процессы замедляются. То есть Исторический хронотоп здесь не испытывает столь кардинальных трансформаций вплоть до эпохи колониализма. Можно проследить наложение друг на друга нескольких процессов. С одной стороны, линейная динамика идет в области пространственных трансформаций по линии укрупнения территориальных общностей от локальных к надрегиональным («империям»). Однако линейные тенденции, дойдя до известного предела, обнаруживают свою обратимость, дальнейшие движения ограничиваются перемещениями и повторениями внутри замкнутого поля. Так, даже самый динамичный линейно-поступательный момент, связанный с развитием производительных сил, не оказывает серьезного воздействия на социальную структуру традиционных обществ. Кажется, что тут Исторический и Социальный хронотопы разворачиваются в смежных измерениях, связанные совершенно иными типами связей, отличными от линейно-детерминационных.

В этой связи заслуживает внимания и проблема структуризации исторического процесса. Формообразующими единицами здесь являются исторические эпохи. Источник их возникновения видится нам в неравномерности усилий деятельности индивидов, в результате чего происходит концентрация социальной энергии на конкретном временном отрезке, далее идет «сгущение» исторических событий и процессов с последующим их «разряжением». Феномен «концентрированного» и «разряженного» исторического времени – весьма популярный объект исследования, поэтому нам представляется достаточным в качестве примера указать на период французской истории с 1789 по 1815 гг. и аналогичный ему по длительности временной интервал с 1875 по 1891, не обладающий собственной качественной определенностью, а восходящий в более широкие хронологические рамки (1871-1914 гг.).

Таким образом, исторические эпохи располагаются либо между двумя сгустками исторического процесса, либо включают период возникновения и

угасания какого-либо исторического феномена. В обоих случаях временной масштаб может быть совершенно различным по длительности (1640-1789, 1918-1939 гг. или же эпоха эллинизма где-то между 338 и 30 гг. до н.э., нацистский период Германии 1933-1945 гг.). Степень всеобщности в общественных изменениях как раз свидетельствует о приближении к трансформационному полюсу антропосоциетальности – историческому. Отсюда более крупные исторические эпохи связаны с социетальными трансформациями в общественно-экономическом строе с сопутствующими изменениями в прочих формах общественной жизнедеятельности, сначала в отдельных социумах, а затем и в макрорегиональных структурах. Подобные трансформации, становясь фактором всемирной истории, позволяют ее интерпретировать как линейно-поступательный процесс в развитии производительных сил всего общества в целом (формационный подход). Трудности, возникающие в процессе распределения всех социумов на универсальной формационной шкале, общеизвестны, отсюда глобальная структура истории видится нам не как линейная иерархия, а как многомерное поле взаимодействия исторических типов общественного устройства.

В результате сам универсальный Исторический хронотоп претерпевает стадияльные трансформации, которые тем самым формируют глобальные стадии всемирной истории.

Пространственно-временные координаты очерчивают рамки жизнедеятельности социума, включенные в структуру исторических типов общественного устройства, они позволяют придать объемность общественным процессам¹. Однако описывая формальный аспект общественной эволюции, необходимо иметь в виду и ее содержательную сторону, что именно фиксирует пространственно-временной континуум.

¹ *Попов В.Б.* Объемные модели общественной эволюции // К экологической цивилизации. М., 1993. С. 87–97.

В этой связи представляется весьма бесспорным положение о деятельности как субстанциональной основе социальности. Вне деятельности общество не существует, она приводит в действие процессы общественного воспроизводства, равно как и его преобразование (опять-таки вспомним инертные и преобразующие, тотализирующие практики у Сартра). В итоге социум развертывается в пространственно-временных координатах. Так возникает триединство времени, пространства и движения/изменения. Общество не механически переносится из прошлого в будущее, как уже указывалось выше, оно ежечасно трансформируется, накапливаемые изменения приводят к качественным необратимым прорывам. Здесь развертываются новые системы координат.

Данная проблема будет рассмотрена ниже, пока только в самом общем виде отметим, что движение может осуществляться и как усложнение, освоение новых источников социальной интенсификации и как упрощение, адаптация разной степени гибкости и широты. Здесь сразу встает проблема параметров, позволяющих демаркировать оба вида динамики, на что указывают достаточно широкий круг исследователей (наиболее последовательно идея релятивности данных критериев проводится, на наш взгляд, Л.Е.Грининым и А.В.Коротаевым). Если можно выстроить линейную систему координат, то есть смысл говорить о нисходящей и восходящей ветвях движения. Последняя выступает уже как развитие. Так, например, трудно обозначить движение от Веймарской республики к нацистской Германии как развитие. Итак, представляется возможным сделать вывод об эвристической значимости континуальных подходов к социальной реальности. Континуум выступает как способ конституирования целостности, обеспечивая взаимосвязь части и целого, внутреннего и внешнего, общего и единичного.

Модель поля видится здесь наиболее перспективной. Континуум выступает как результат процесса общественной жизнедеятельности. В его сращенности со всей полнотой человеческого бытия он является Антропосоциетальным Универсумом как тотальностью всех человеческих взаимоотношений. В

зависимости от системы измерения он предстает то как Социальный, то как Исторический хронотопы.

ГЛАВА 3. СТРУКТУРЫ АНТРОПОСОЦИЕТАЛЬНОСТИ

Обозначив параметры Антропосоциетальности через пространственно-временные характеристики, следует, видимо, далее обратиться к ее структуре. Под таковой понимается система связей и отношений, придающая целостность объекту. На важность изучения структуры континуума указывает М.С.Каган, предлагая вычленение соответствующих «координат», характеризующих бытие человека в мире во всех фрагментах его измерений¹. Э.В.Баркова ту же мысль проводит через выделение констант, в которых фиксируется тождество некоторых элементов – свойств или состояний культуры как континуума². Константы, по ее мнению, выступают особого типа детерминантами, проявляющимися в историко-культурном процессе (выше мы уже указывали на то обстоятельство, что континуум понимается ею исключительно как пространственно-временная форма бытия культуры). Исследовательница выделяет следующие константы социокультурного континуума: самопрограммирование культуры, циклический характер ее самоорганизации и, наконец, опосредование любого отношения субъекта всей целостностью культуры³. Опять-таки, анализируя выше феномен многомерности, мы попытались доказать, что данный подход, в том числе и к континуальности, не может фиксироваться на выделении строго определенных измерений, координат, констант и т.п. Континуум не задан жестким набором параметров, поскольку непрерывный процесс его саморазвертывания выдвигает все новые и новые измерения.

Н.В.Дулина в своей весьма содержательной работе ставит довольно актуальную проблему соотношения понятий «социальное пространство»,

¹ Каган М.С. Введение в историю... С.156..

² Баркова Э.В. Пространственно-временной континуум... С. 166.

³ Там же. С.180–181.

«социокультурное поле», «система» и «целостность»¹. Ее позиция вызывает целый ряд вопросов. Она без возражений принимает тезис Н.А.Шматко, восходящий к позиции П.Бурдьё, о том, что поле не есть система, что исключает функционализм и органицизм, при этом продукты поля могут быть систематическими, не являясь продуктами системы². Согласно П.Бурдьё, поле есть место отношений сил и борьбы, направленной на трансформацию этих отношений, а не только смысла³. Кроме того, поле не имеет частей и, следовательно, не структурируется отношениями части и целого, каждое субполе, обладая своей собственной логикой развития, выступает как одно из проявлений целого, его вновь развертываемое, динамическое соотношение многомерного пространства позиций⁴.

Н.В.Дулина совершенно справедливо выступает против отождествления понятий «целостность» и «система», где одно определяется через другое⁵. Однако далее заявляет о необходимости перехода от поля пространства к полю системы⁶. Оказывается, что понятие «система» – единственно возможная категория для осмысления подобной целостности, хотя ранее говорилось о недопустимости их полного отождествления. Видимо, исходя из этого, поле определяется как форма материи, связывающая элементы в единую систему⁷. Нетрудно заметить: то что связывает элементы в систему, само является системой. Следующее положение указывает прямо на системный характер социального пространства⁸. Зачем же тогда было категориально размежевывать понятия «система» и «целостность» – остается непонятным, равно как и

¹ Дулина Н.В. Социальное пространство и социокультурное поле: к вопросу о соотношении понятий // Человек. Культура. Общество. Волгоград, 2011. Вып. 7. С. 7–39.

² Шматко Н.А. Введение в социоанализ Пьера Бурдьё // Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 20; Дулина Н.В. Социальное пространство... С. 34.

³ Бурдьё П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2007. С.16,18,25,31–32,52,67–68.

⁴ Бурдьё П. Социология социального... С. 16,35–36,53–54.

⁵ Дулина Н.В. Социальное пространство... С. 29.

⁶ Там же. С. 36.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С.37.

необходимость вышеобозначенного «перехода». Видимо, у автора отсутствует методологический аппарат для описания такой несистемной целостности, как поле. Выше мы уже указывали на то, что понятие «система» оказалось концептуально перегруженным, и для описания подобных несистемных (тоталлогических) феноменов социальной реальности предложили категорию Антропосоциетальный Универсум.

Социальная тотальность/социетальность видится нам как всеобщая взаимосвязанность/взаимозависимость людей в созданном ими мире, что уже предполагает ее универсальность. Личность в своей всеобщности (тотальности) в свернутом виде содержит социетальность, последняя, в свою очередь, выступает как развернутая личность (Макрокосмос – Антропосоциетальный Универсум). Возникает вопрос о том, как быть с прочими измерениями личности (наиболее часто называются биологическое/телесное, психологическое, духовное, природно-космическое и т. д.)? Представляется очевидным, что они не редуцируемы к социальному. Природа человека/общества проявляется через их взаимопереходы, взаиморазвертывание, когда они, проистекая друг в друге, не смешиваются и сохраняют свою определенность. Отражая родовую сущность человека, они переходят и на уровень социетальности в качестве антропной составляющей Антропосоциетального Универсума, другая компонента которого представляет всеобщность, всеединство человеческого общежития.

Исходя из всего этого, можно сделать вывод, что Антропосоциетальный Универсум как единство пространства/времени и движения/деятельности есть тотальность субъекта развития и самого развития. Поскольку субъект находится не вне процесса, а в нем самом, он есть развивающийся субъект, содержащий развитие в себе. Антропосоциетальность, как многомерный феномен, может рассматриваться и как Мультиверсум. В частности, В.Л.Алтухов предлагает именовать Вселенную Мультиверсом, представляющим всеобъемлющую многомерную систему, существующую в своих конкретных индивидуальных

воплощениях (Вселенных) – мирозмерениях ¹. Однако здесь же он констатирует, что данный неологизм не получил особого распространения в виду его недостаточного философского обоснования.

Видимо идея всеобщности, целостности, тотальности мироздания не может быть вынесена за скобки и попытка представить окружающую нас физическую реальность как простую совокупность не связанных друг с другом мироизмерений, наподобии лейбницианских монад, не отражает всей ее полноты. Возможно, имеет смысл задействовать все тот же концепт Н.Лосского и Ж.-Л. Нанси о единично-множественном бытии, наряду с другими вариациями на ту же тему («моноплюрализм» Н.Бердяева, «многоединство» Л.Карсавина). Отсюда Антропосоциетальный Универсум есть Унимультиверсум/Мультиуниверсум, где понятия единство («уни») и множественность («мульти») могут выступать как его ипостаси, как системы мировидения, каждая из которых имеет свое право на существование. Унимультиверсум, как философская категория, нуждается куда в более серьезной проработке, выходящей за рамки этого исследования. Поэтому мы не решаемся выдвигать ее в качестве макроконцепта, однако, наша трактовка Антропосоциетального Универсума базируется на принципах нелинейности, многомерности, не редуцируемости данного объекта к абсолютному началу, невозможности растворения многого в едином и наоборот.

Примат универсалистского времени дает единую шкалу поступательного развития, отраженную в формационной теории, в концепции всемирного цивилизационного процесса типа дикость-варварство-цивилизация (локальные – региональные – мировые – глобальные?), в технократической эволюции (доиндустриальное - индустриальное - постиндустриальное общество). Примат пространства ведет к теориям локальных цивилизаций, мир-системам и т. п. Баланс между данными парадигмами позволяет выделить определенные

¹ Алтухов В.Л. Логика... С.37–38.

эволюционные направления как для биосферы (концепция А.Н.Северцева и т.п.), так и для антропосоциосферы (воззрения Л.Е.Григина и А.В.Коротаева, Л.С.Васильева и наша теория объемной эволюции¹).

В этой же плоскости лежит проблема соотношения между всеобщим и особенным, глобальным и локальным. Ее разрешение видится нам через выделение исторически значимых, концептуальных репрезентативных мироцелостных форм, восходящих к соответствующим типам социальной динамики. Подобные феномены в гегельянстской терминологии выступают как «конкретная тотальность»², «тотальная индивидуальность»³, а В.В.Кизимой именуется «тоталлогическими формами» - «дискретами тотальности»⁴. В качестве подобных тоталлогических форм, на наш взгляд, выступают западноевропейская мирообщность, целокупно выражающая линейно-поступательную (формационную) динамику, тем самым занимая крайние позиции в историческом континууме, а социально-воспроизводственное начало в его предельном воплощении выражено китайской мирообщностью. Итак оба континуума в горизонтальном измерении можно соединить между собой шкалой, на которой располагаются все «конкретные тотальности» по мере их приближения к тому или иному полюсу, наподобие того как это делается во временной линейно-стадиальной шкале (формационная лестница).

М.А.Чешков в своей работе проводит мысль об антиномической природе мироцелостности, конституируемой полярно-векторными процессами и разнопорядковыми качествами ее субъектов⁵. Подобную структуру, по его мнению, возможно адекватно отразить через категорию «связка», мыслящуюся как гносеологическая конструкция, покрывающая процессы как соединяющие, так и разъединяющие, качества всеобщие и особенные, а также взаимные

¹ Попов В.Б. Синхронное и диахронное... .

² Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук... Т. 1. С. 321.

³ Там же. Т.2. С. 216-219.

⁴ Кизима В.В. Тоталлогия... С. 28-31.

⁵ Чешков М.А. Двойная спираль... С. 74-76,94-96,118,140.

превращения качеств – конвергенцию и дивергенцию¹. Данная категория относится им к разряду дуалистических или диадических понятий, являясь более сложной их разновидностью, конкретизируемой в ее двух субкатегориях – связка антиномий и связка артикуляций².

Нечто подобное имеется и у П.Бурдые, который говорит об организации поля вокруг оппозиции между двумя полюсами. Данная диадическая или триадическая структура рассматривается им как общий структурообразующий принцип поля, который может воспроизводиться в каждой из его точек³. Этот концепт в конечном счете восходит к антитетическому принципу И.Г.Фихте, его лимитативной (ограничительной) методологеме. У М.А.Чешкова его «сораздельные» (совместно-раздельные) отношения выполняют именно подобную функцию⁴.

Думается, что затребованная нами модель континуума как поля действия самых различных процессов, тенденций, закономерностей и отношений конкретизируется именно через данную категорию. Отсюда Антропосоциетальный Универсум может быть представлен в виде поля взаимодействия, формируемого целым рядом связок, наиболее значимыми из которых нам представляются пространство/время, Социальный – Исторический континуумы с соответствующей им социализацией (воспроизводство социальности) и историзацией (социальная трансформация), а также цикличность – линейность, синхронность – диахронность. Процессуальность может создавать новые комбинации: прерывность-непрерывность, равномерность–неравномерность, стадильность-астадильность. Непрерывность и прерывность, рассмотренные в ракурсе всеобщности, дают целое и часть, тотальность/целокупность и дискретность.

¹ Чешков М.А. Двойная спираль... С. 94.

² Там же.

³ Бурдые П. Социология социального... С. 193–194.

⁴ Чешков М.А. Двойная спираль... С. 87–88.

Вышеобозначенная оппозиция – Воспроизводство/ цикличность/ социализация – Преобразование/ линейность/ историзация, наложенная на пространственно-временную шкалу, рождает новую связку. Это топохрон (примат пространства) – Социальный континуум и хронотоп (времени) – Исторический. Бинарные оппозиции, накладываясь друг на друга в самых различных измерениях, создают сетевое поле, вмещающее неисчерпаемое количество параметров и систем координат. Движения в одной системе вызывает изменения в смежных, возможны разрывы, переходы в иные измерения, а также гибкие корреляционные связи.

В то время как формационное развитие характеризуется такими параметрами, как линейность, стадиальность, прерывность, поступательность, всецело принадлежа Историческому континууму, цивилизационное развертывание происходит одновременно в нескольких системах измерения: линейно-поступательном/диахронном (от локальных цивилизаций к глобальной) и синхронно-циклическом (параллельное развитие однотипных цивилизаций, цивилизационный цикл от возникновения до гибели).

В рамках нашей парадигмы можно выделить следующие фундаментальные связки-основания: Преобразование/историзация – Сохранение/социализация, Целое – Часть, Процесс – Структура, Пространство – Время. Прочие бинарные оппозиции видятся как производные от них или результат их взаимодействия (равномерность – неравномерность, полнота – дискретность, гомогенность – гетерогенность, интеграция – фрагментация, коммунитарность – индивидуальность и т. п.). При этом мы не настаиваем на универсальности данных оппозиций в качестве единственно возможных. Также мы далеки от стремления представить жестко фиксированный, всеобъемлющий набор связок. В иных измерениях человеческого миробития возможны иные концептуальные конструкции.

Так, М.А.Чешков, выдвигающий в качестве базисной бинарную оппозицию Глобальное – Локальное, дает иной перечень дихотомий (Мировое гражданское общество – Идентичность, Мировой рынок – Коммунализм, Мировые институты

– Национальное государство, Конвергенция – Дивергенция, Интеграция – Фрагментация, Гомогенность – Гетерогенность, Замещение – Совмещение, Стихийность – Регулируемость, Архаизация – Постмодернизация, Синхронность – Диахронность, Единственность – Множественность)¹. Впрочем, некоторые оппозиции (например, синхронность – диахронность, гомогенность – гетерогенность и др.) совпадают с нашим перечнем. То есть рассмотрение Антропосоциетальности в глобализационном измерении образует во многом иную категориальную конструкцию, лишь отчасти имеющую соприкосновение с прочими.

А.М.Еременко в своем варианте процессуальной философии истории для описания исторических феноменов выдвигает так называемый «условийно-событийный дуализм», что, соответственно, формирует связку (бинарную оппозицию) «условийность-событийность»². Под условиями он понимает вещный момент процессуальности, а событийность, как совокупный поток событий, выражает саму сущность процессуальности³. Историческое событие есть действие, совершенное индивидом или социальной группой, изменяющее существующие условия, обладающее относительной самостоятельностью в системе событий, целостностью и значимостью для хода исторического процесса. Исторические условия есть создавшиеся в результате прошлой деятельности людей социальные институты и вещные факторы, значимые для их нынешней деятельности⁴. По его мнению, автоматически из самого феномена процессуальности вытекает детерминирующая роль событийности в историческом процессе и подчиненный, акцидентальный аспект условийности⁵. Правомерность подобной однозначной детерминации не вызывает у него никаких сомнений.

¹ Чешков М.А. Двойная спираль... С. 74.

² Еременко А.М. История как событийность. Луганск, 2005. Т.1. С. 70.

³ Там же. С.62.

⁴ Там же. С.87.

⁵ Там же. С.62.

Насколько обоснован данный подход, мы рассмотрим ниже, в разделе, касающемся методологических проблем общественной эволюции, а пока лишь отметим то обстоятельство, что его позиция, без всяких объяснений, выводит за рамки исторического процесса тот феномен, получивший наименование «структурация» в работах Э.Гидденса. К тому же постулируемый дуализм на проверку оказывается мнимым, несмотря на авторские заявления о взаимопереходах условия и события¹. Так что вместо дуалистической связки получается чисто монистическая конструкция по принципу линейной детерминации, что-то вроде аристотелевской пары бытие – небытие, где последнее своей природы не имеет, выступая лишь как отрицание первого. Впрочем, если устранить неравноправие данных аспектов, восстановив их подлинную дуалистичность, в итоге восходящую к общественной эволюции как тотальности, данную связку вполне можно принять, хотя лично нам термин «условийность» представляется не совсем удачным видом интеллектуального «новояза».

Тем самым категория Антропосоциетальность может развертываться и в процессуальном измерении, поскольку, как уже говорилось, сам Антропосоциетальный Универсум есть развивающийся жизнедеятельный субъект. Человеческая деятельность, с одной стороны, обеспечивает целостность общественного бытия, с другой – воспроизводит и задает дуальность организации антропосоциетальности в себе самой (сохранение/репродукция – преобразование/творчество). В зависимости от доминирования того или иного начала идет актуализация соответствующих континуумов (Социального или Исторического).

Бесконечно формирующиеся в ходе деятельности человека связки-предикаты коренятся как в процессуальности (конвергенция – дивергенция, равномерность – неравномерность, стадиальность – астадиальность, синхронность

¹ Еременко А.М. История как событийность... С.70–71.

– диахронность, интеграция – дифференциация), так и в структурности/целостности. Здесь они разворачиваются по цепочке: всеобщность – особенное – единичное (глобальное – локальное, полнота – дискретность, коммунитарность – индивидуальность). Поскольку процессуальность и структурность взаимнообратимы, то связки-диады могут переходить из одного измерения в другое.

Помимо всего этого, сама деятельность различается по характеру производимого и по отношению к собственно производству. Отсюда ее деление на нетрудовую и трудовую. Последняя, в свою очередь, расчленяется на материально-производственную, духовную, социально-политическую, организаторско-управленческую, новые виды деятельности возникают в области коммуникации, виртуальной реальности и т. п. Структуризация данных видов деятельности дает сферы общественной жизнедеятельности: экономическую (материально-производственную), политическую, духовную и сферу производства общественного человека. Каждая из них раскрывается через свои связи соответствующего ей уровня. Например, экономическая – через такие как мировой рынок – национальная экономика, рыночная стихия – плановое регулирование и т. д. Коммуникативное измерение Антропосоциетальности рассмотренное в виде процесса движения материальных и духовных ценностей, а также самих социальных субъектов, представлено обменом, пере/распределением и потреблением. Данные отношения далеко выходят за рамки сугубо экономической сферы, пронизывая все стороны общественной жизнедеятельности как одно из проявлений социетальной коммуникативной системы в образе гибкой совокупности самых разнотипных связей¹.

¹ Попов В.Б. Отношения распределения и перераспределения в историческом процессе. Автореферат дисс. канд. филос. наук. М., 1996; *Он же*. Отношения распределения и перераспределения в процессе общественной эволюции // Вестник РАН. 1997. № 7. С. 615–621.

Нарастание диспропорций в социетальной коммуникативной системе дает выход антиструктурным силам, открывая дорогу целеполагающей преобразовательной деятельности, реализация которой выводит общество уже в историческое пространство/время, тем самым задается и смысловая содержательность процесса общественного развития.

Взаимопроникновение различных общественных сфер друг в друга, их взаиморастворенность на самых разных уровнях в динамике общественного развития обуславливают взаимопереплетение всех бинарных оппозиций по всем измерениям, формируя многоаспектные детерминантные пути, которые не могут быть однозначно соотнесены с какой-либо определенной сферой или уровнем структурной организации. Возможность построения единой, универсальной модели, могущей отразить все это многообразие и многомерность, представляется совершенно невероятной, о чем, собственно, и говорит общеизвестная теорема Гёделя.

ГЛАВА 4. ОБЩЕСТВЕННАЯ СФЕРА И ПОДСИСТЕМА В СИСТЕМНОМ И ТОТАЛЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДАХ

Понимание общества как целостности сразу же вызывает необходимость категориального осмысления соотношения целого и его частей. Здесь могут быть задействованы две категории – это система/субсистема и сфера/субсфера. Понятие поле/субполе, применяемое, в частности, П.Бурдье, вряд ли категориально избыточно по сравнению с последним, выступая как его детализация и уточнение.

Первая связка задействована исключительно в рамках системного подхода, который до сих пор подавляющему большинству исследователей видится как единственно возможный способ описания целого. Происхождение второй несколько сложнее. Она возникла в структурах деятельностного подхода, представляя дифференциацию видов деятельности в процессе общественного разделения труда, поэтому возникает и столь устойчивое сочетание – сферы общественной жизнедеятельности. Однако универсалистские трактовки системности полностью нивелировали имеющиеся различия, и понятие «сфера» стало восприниматься как одно из уточняющих. Долгое время проблема их категориального размежевания даже не возникала, равно как и осмысление последней в понятийной системе координат. Одна из первых таких попыток была предпринята В.С.Барулиным¹. Касаясь проблемы соотношения данного категориального ряда, он характеризовал общественные сферы как специфические виды законов структуры, развития, функционирования основных подсистем общества². Сферы в итоге определялись как основные элементы общества, а их взаимосвязи давали уже общественную макроструктуру. Тем

¹ Барулин В.С. Диалектика сфер общественной жизни. М., 1982.

² Там же. С.41.

самым сфера трактовалась как поле деятельности законов той или иной подсистемы, выступая в качестве производного от нее.

Сходные методологические позиции занимает и Н.Г.Герасимов. Выделив 4 общественные подсистемы (экономическая, политическая, духовная, человековоспроизводящая), он трактует сферу как отдельно взятый, организационно оформленный род деятельности, имеющий собственную материальную базу¹. При этом понятие «система» отражает целостную совокупность родов и видов деятельности, а сферы и подсферы входят в систему как составные части². Каждая сфера находится в многостороннем подчинении, выполняя функции, ориентированные на все системы, что представляет собой «многоаспектные отношения»³. Раз общество – это система, и только система, то иного выхода у авторов, работающих в данной парадигме, просто не остается.

Все же, здесь возникают определенные методологические трудности. Главное – то, что в рамках системного подхода общество уподобляется составному целому (суперсистема, состоящая из систем), а целый ряд общественных феноменов никак не вписывается в дихотомию часть – целое. Еще раз обратим внимание на то обстоятельство, что общество и культура/социальность никоим образом не может быть определены как «целое» и «часть».

Свою попытку сравнить эвристический потенциал понятий сфера и система/подсистема предпринял И.Ф.Кононов, который при этом отдает несомненный приоритет последнему. По его мнению, понятие «сфера» является метафорой, сохраняющей следы аристотелевского космизма. Она не дает четкой топографии изучаемых объектов⁴. Однако и понятие «система» имеет точно такие же античные корни. К тому же неясно, чем механицизм последнего лучше

¹ Герасимов Н.В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. Минск, 1991. С. 21.

² Там же.С.21.

³ Там же. С.22.

⁴ Кононов И.Ф. Теоретична соціологія. Луганськ, 2013. Т.1. С.347.

космизма и холизма первого. Охотно согласимся, что в социологических исследованиях применение системного подхода к анализу общественных институтов может оказаться предпочтительнее, однако это отнюдь не свидетельствует в пользу того, что понятие «сфера» должно подвергнуться тотальному остракизму.

Выходом из создавшейся ситуации, как уже нами указывалось, будет не выяснее того, какой термин «лучше» или «хуже», какой более пригоден для изучения общества и его институтов, а разграничение области их применения, наподобие ньютоновской и эйнштейновской системы. Выше (П.1) мы уже привели ряд аргументов в пользу категориального размежевания понятий целостность/социетальность и целостность/системность в рамках тоталлогического подхода как объемного, нелинейного осмысления социальной реальности, равнопорядкового системной парадигме. Аналогичным будет подход к диаде сфера и суб/система. Прежде всего, обратим внимание на следующие моменты.

В отечественной историографии еще в конце 80-х гг. прошлого века М.А.Чешков поставил вопрос о несистемном характере Общности развивающихся стран (ОРС), где решающая роль определяется не столько субстанциями, сколько связями между ними, в отличие от их миросистемных аналогов¹. Говорилось и о возможности сконструировать разные «картины мира» исходя из двух идеальных моделей этого объекта: Мировой социальной системы (МСС) и Несистемной общности (НСО). Если МСС структурируется центр–периферийными отношениями (сравни с валлерстайновским конструктом), то НСО формируется диалогическими регионами (напр., Запад – Исламский мир и т.п.)². К концу 90-х гг. у него сформировалось представление об ОРС как

¹ Чешков М.А. Рост капитализма и общая теория развивающегося мира // НАА. 1988. № 4. С. 163–164; Он же. Восток – «третий мир»: идея преемственности и ее критика // Ориентация – поиск: Восток в теориях и гипотезах. М., 1992. С. 120.

² *Миросистемный подход сегодня* // МЭМО. 1991. № 11. С. 53–54.

аструктурном образовании массовидного типа, природа которой не системна, но конгломеративна, мозаична и отчасти представляет неопределенное множество. В итоге ее характеризуют три базовых признака: объектность, массовидность, периферийность¹.

В целом можно заключить, что проблема соотношения системного и несистемного начал в социальной реальности рассматривается М.А.Чешковым на историологическом (историко-теоретическом) уровне, а позиция П.Бурдье, базирующаяся, как уже говорилось, на категории поля, а не системы (см. П.3), явно отдает приоритет многомерной целостности как объемной категории над структуралистскими построениями и может быть отнесена к теоретико-социологическому уровню исследования.

Вышеизложенный тоталлогический подход вкупе с концептуализированным макроконцептом многомерности представляет уже философский уровень рассмотрения проблемы. Здесь приоритет также отдается понятию «сфера». Еще раз обратим внимание на то обстоятельство, что в рамках вышеназванной парадигмы Антропосоциетальный Универсум и сфера не структурируются отношениями целого и части. Сфера – не «часть», а измерение/ипостась целого по определенному признаку. В разделе (П.1) мы уже разбирали данное положение применительно к социальной сфере общества. Сфера – это особый срез общественной жизнедеятельности по соответствующему основанию (экономическому, политическому, духовному, социализационному / сфера воспроизводства общественного человека). Это преломление общего в особенном в их единстве, наподобие того как природа человека может рассматриваться в том или ином качестве, неразрывно связанным с его тотальностью.

¹ Чешков М.А. Глобальный контекст постсоветской России: Очерки теории и методологии мироцелостности. М., 1999. С. 196–198.

Отсюда понятие «сфера» шире понятия «система», поскольку объединяет в рамках того или иного вида деятельности комплекс самых разноплановых явлений и отношений: материальное и идеальное, объективное и субъективное, системное и несистемное. Система же не может одновременно быть и несистемой.

Все это, впрочем, не означает неприменимость системного подхода к исследованию общества. Просто он должен использоваться в соответствующем эпистемологическом континууме. Сфера и subsystema касаются одного объекта, но в разных измерениях. Когда мы применяем понятие «система», то акцентируем внимание на институциональной стороне объекта с соответствующими связями и отношениями. Общество выступает как совокупность упорядоченных элементов, хотя и обладающее интегральными свойствами. Сфера же есть воплощение социетального многоединства, предполагающее органическое единство части и целого, где целое не существует помимо единичного, которое есть его измерение. Здесь мы рассматриваем взаимное ограничение целого, разными ипостасями совместного бытия людей, а не структурированное объединение. Системная целостность представляет собой результат взаимодействия subsystem, как совокупность детерминаций, исходящих из ее структурированных частей. Тоталлогичекая целостность/Антропосоциетальность есть полнота и всеобщность социального субъекта, многоединство его ипостасей, где каждая – воплощение целого.

Конкретизация многоединства в различных видах общественной жизнедеятельности дает нам ту или иную сферу с последующей ее детализацией как перенос масштаба изучения с крупного на более мелкий. Следовательно, иерархия существует и в рамках Антропосоциетальности. Именно подобный феномен П.Бурдьё описывает в категориях «поле» и «субполе», также не выводимые из понятий целого и части. Понятие «субсфера» будет вполне уместным в данном отношении.

Сферы и субсферы находятся в многомерном континууме действия самых разноплановых сил, многостороннем взаимодействии, выполняя функции, ориентированные на все сферы, на все общество в целом. Они проникают, переходя друг в друга в нелинейных (объемных) системах координат. В социальной сфере, как уже говорилось, присутствуют экономические, политические, духовные отношения, восходящие к соответствующим сферам. Устанавливаются многоаспектные отношения (экономико-духовные, политико-экономические и т.п.).

В качестве тоталлогических макроструктур Антропосоциетальности можно выделить институциональные и коммуникативную (социальную) сферы. Первые (экономическая, политическая, духовная) – это сферы исходного порядка, поддающиеся более-менее строгой институализации – то есть соотнесенности с соответствующим общественным институтом, лежащим в ее основе: политическим, экономическим, социокультурным. Коммуникативность здесь скорее вырастает из институциональности, по крайней мере отправной точкой в их осмыслении выступает именно система институтов.

В этой связи, не вдаваясь в детальное рассмотрение проблемы, отметим, что термин «духовная сфера общества» хотя и имеет право на существование и даже представляется нам более адекватным отражением некоторых реалий, чем, например, понятие «социо/культурная сфера», но все же несколько амбивалентным, поскольку, с одной стороны, жестко связывается с производством общественного сознания (наиболее последовательно у В.С.Барулина, что вызывает довольно аргументированные возражения, в частности, Н.М.Бережного¹), с другой – апеллирует к феномену духа, явления еще более неоднозначного и трудноопределимого. Вместе с его производным – духовностью, он включает в себя и активную преобразующую силу,

¹ *Бережной Н.М.* Социальная философия. М., 1996. Ч. 1. С. 68–69.

направленную на выход за пределы повседневности, трансцендентализацию сознания¹.

Отметим также, что стремление В.С.Барулина связать духовную сферу исключительно со специализированным (профессиональным) духовным производством вызывает недоумение². Куда же тогда отнести, в частности, устное народное творчество? Неужто в сферу экономики или политики? С учетом данного обстоятельства духовную сферу можно определить как область формирования и передачи общественно значимых идеальных продуктов, имеющих различное (эстетическое, познавательное, практически-прикладное и пр.) назначение.

Социальная сфера представляется уже более сложным, многомерным, интегральным явлением, как феномен коммуникативного плана (см. II.1). Это и преломление институциональных структур друг в друге, не существующее помимо таковых (срез Антропосоциетальности по линии субъект-объектных отношений), и вся полнота общества как выражение самой природы общественного человека. Можно сказать, что она надстраивается, вырастает из взаимодействия сфер первого порядка. Как коммуникативная сфера она заполняет весь континуум Антропосоциетальности (вне социального взаимодействия нет социетальности), но в то же время взаимодействие/коммуникация не тождественна Антропосоциетальности. Как не вспомнить в этой связи феномен тринитарности, о чем еще пойдет речь.

Взаимодействие общественных сфер в конечном счете и определяет характер социетальной структуры общества, однако сама структура при этом представляется историческим феноменом, то есть продуктом общественной эволюции. Со времен Спенсера ее связывают с процессами социальной дифференциации и интеграции, которые сам исследователь однозначно

¹ *Философская энциклопедия*. М., 1962. Т. 2. С. 82,85.

² *Барулин В.С. Социальная философия...* С. 197.

привязывал друг к другу. Современные дифференционистские теории задействуют более гибкие схемы, где вслед за дифференциацией вовсе не обязательно должна следовать интеграция, а зачастую прямо противоположные процессы. Все же, достаточно правомерным будет рассматривать в качестве исходного пункта структурной эволюции первичную/первобытную нерасчлененность, неартикулированный комплекс социальных отношений (см., напр.¹).

Возникновение сфер общественной жизнедеятельности есть результат общественного разделения труда. Из первичной нерасчлененности (неартикулированной социальной массы) выделяются различные виды деятельности, которые затем институализируются, что на разные лады описывается целым спектром стратификационных теорий (наиболее обстоятельно в теории «раннего государства»). При этом некоторые формы первобытного общества, обычно характеризующиеся через понятие «институт» (родовые институты, брачно-семейные институты и т.п.), видимо, типологически правильнее будет рассматривать в эволюционном контексте как пред(прото)институциональные, поскольку они предшествуют крупным общественным разделениям труда. Окончательную же институализацию общественных сфер следует связать с переходом от первобытности к цивилизации. Тем самым социальный институт как целостность/тотальность выступает в том случае, когда его нормативно-регулятивное начало оформляется в единство с относительно самостоятельными организационными структурами.

М.А.Чешков выделяет следующие этапы структурной дифференциации: постпервобытные доиндустриальные общества, где основные виды деятельности (материально-производственная, духовная и военно-организационная) хотя и расчленены, но лишены автономности; индустриальные, в которых автономность

¹ Кара-Мурза А.А. Непродуктивная индивидуальность и продуктивная корпоративность? // НАА. 1990. № 4. С.76; Чешков М.А. Двойная спираль... С. 93–94.

сфер закреплена в их взаимосвязях и поэтому – в интегрированности (моносистемный тип общества). В постиндустриальную эпоху автономные начала вписаны уже в полисистемность или в т.н. множественную системность, в отличие от системной множественности второго типа¹. Таким образом, выделяется досистемный, системный, несистемный (тоталитарный) и постсистемный (постиндустриальный) тип структуризации. Именно наличие автономной логики развития характеризует системный тип организации, что отличает его от институализированных сфер стратифицированных обществ. При этом следует отметить, что термин «стратифицированное общество», первоначально возникший в рамках научного проекта «раннее государство», обычно связывается либо с ним, либо с архаическим государством². Анализ данной концепции в отечественной историографии, на наш взгляд, наиболее содержательно представлен в следующих работах³.

Нам видится возможным более широко трактовать понятие «стратифицированные общества» как докапиталистические постпервобытные государственные образования, специфической чертой которых является характер связи индивида с властными структурами, что представляется структурообразующим параметром социального деления. Данный феномен именуется Л.С.Васильевым «властью-собственностью», чьи воззрения стоят в одном ряду с редистрибутивными теориями и концепциями «раннего государства», прежде всего с идеями Э.Сервиса⁴. Сразу же отметим, что жесткая

¹ Чешков М.А. Двойная спираль... С. 95.

² *The Early State*. The Hague. 1978. P. 640; *Fried M.H.* The evolution of the political society. N.Y., 1967. P. 109–184; *Service E.* Origin of State and Civilization. N.Y., 1975. P. XIII.

³ *Хазанов А.М.* Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С.154–162; *Куббель Л.Е.* Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 265–270; Он же. Очерки потестарной и политической этнографии. М., 1988. С. 155–164; *Захаров А.О.* Проблема политической организации островных обществ Юго–Восточной Азии в раннем средневековье (VII – VII вв.) // Восток. 2005. № 1. С. 8–11; *Кочакова Н.Б.* Проект «Раннее государство» // Восток. 2007. № 4. С. 191–198.

⁴ *Васильев Л.С.* Феномен власти–собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 60–99; Он же. История Востока. М., 1998. Т.1. С. 66–82

дихотомия Л.С.Васильева на «европейский» и «неевропейский» пути развития видится нам абсолютизацией ряда классификационных признаков и модернизацией линейных подходов к общественной эволюции, обнаруживающей куда большее типологическое разнообразие, так что критические возражения А.В.Коротаева по этому поводу представляются вполне правомерными¹.

Однако и А.В.Коротаев чересчур увлекся своей во многом обоснованной критикой одномерных и однолинейных подходов, так что у него совсем исчезает понятие фазовой/стадиальной трансформации, на что мы уже выше обращали внимание. Скорее всего, при изменении масштабов исторического процесса изменяется и сам характер исторической закономерности. Попытки разграничить «общие» и «специфические» законы эволюции предпринимались и предпринимаются постоянно. В отечественной историографии можно указать в этом плане на работу Е.М.Жукова, М.А.Барга, Е.Б.Черняка и В.И.Павлова с их членением законов на исторические (общие) и социологические (специфические), причем как первые, так и вторые делились на базисные и надстроечные², а в зарубежной наиболее известна теория общей и специфической эволюции М.Салинса. Однако до сих пор однозначных критериев подобного членения так и не выработано, а общие закономерности зачастую пытаются опровергнуть частными, что всякий раз выдвигает проблему перехода одних закономерностей в другие, а понятие о характере подобного перехода вовсе отсутствует.

В литературе уже давно обращалось внимание на то обстоятельство, что круг отношений в докапиталистических и доколониальных обществах, рассматриваемых через категорию «собственность», не имеет в современном языке адекватного эквивалента³. Характерной особенностью постпервобытных

¹ Коротаев А.В. Социальная эволюция...2003. С.45–50,63–75; Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция... С. 49–54.

² Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979.

³ Богословский Е.С. «Рабы» в текстах из Дер-эль-Мидина // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке. М., 1984. С.119; Клочков И.С. Человек и имущество в древней

докапиталистических обществ является феномен так называемой «перекрывающейся», «расщепленной» собственности, особо наглядно представленной на материалах западноевропейского средневековья, когда и непосредственные производители и правящая прослойка могут считаться «собственниками» одной и той же земли. Попытка истолкования данного явления в частнособственнических категориях, как справедливо отмечает А.Я.Гуревич, есть фикция юридического мышления Нового времени¹. Вариант решения проблемы предлагается некоторыми исследователями через использование категории «владение»².

Точно так же слабо применимо к подобной ситуации и понятие «общественные классы», если под таковыми понимать устойчивые группы населения, отличающиеся друг от друга относительно собственности на средства производства. Поземельные отношения в докапиталистических обществах были не «частнособственническими», а отношениями личностной зависимости (власть-собственность у Л.С.Васильева, «доминат» у А.Я.Гуревича³). Еще в 20-е гг. прошлого века С.И.Солнцев, работающий в целом в рамках марксистского классового подхода, с полным основанием полагал, что классовое деление, связанное с социально-трудовым процессом на основе общественного разделения труда, присуще и докапиталистическим обществам, но там, в отличие от капиталистических, они находились на периферии общественной структуры, не выходя за пределы частнохозяйственных отношений, а решающую роль он отводил сословному делению, при этом выступая против отождествления классов и сословий⁴.

Месопотамии // НАА. 1989. № 3. С. 89. Гуревич А.Я. Проблемы генезиса капитализма в Западной Европе. М., 1970. С. 208–209.

¹ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса... С.51–52.

² Колганов М.В. Собственность. Докапиталистические формации. М., 1962. С. 5–7,47–51,115–116,185–186,493–494; Община в Африке. Проблемы типологии. М., 1978. С.82–95; Киселев Г.С. Восток и феодализм // НАА. 1988. № 4.

³ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса... С. 44.

⁴ Солнцев С.И. Общественные классы. М., 2008. С. 52–53.

Стремление отразить «специфику» докапиталистических обществ при помощи марксистского термина «класс-сословие», особенно обстоятельно представленное в трудах В.П.Илюшечкина¹, представляется неправомерным, а сам термин – бессодержательным, поскольку сословное и классовое деления перекрещивались друг с другом, так что в одно сословие входили представители различных классов, и наоборот. К тому же Н.И.Тяпкина вполне убедительно показала, что ни сословное ни классовое членения сами по себе не в состоянии отразить социальную структуру такого концептуально значимого исторического образования, как традиционное китайское общество, так как государственная эксплуатация всего населения размывала четкость обоих делений². Видимо, имеет смысл осмыслить специфику подобных образований через соответствующий категориальный аппарат, нежели произвольное оперирование терминами, выработанными на европейском материале, навешивание «феодалной» терминологии на государственный бюрократический аппарат «средневековых» восточных обществ или «рабовладельческой» – на аналогичные структуры доисламских государств, чем нещадно злоупотребляла советская историография. В этом аспекте понятие «стратифицированные общества» (термин, уже получивший весомое право на существование) будет весьма продуктивно с эвристической точки зрения.

Стратифицированные общества, базирующиеся на институте власти-собственности и отношениях владения, присущи как Востоку, так и Западу, этим они дистанцируются от капиталистических обществ, где решающая роль отводится отношению к собственности на средства производства (классовые общества с частной собственностью как определяющей детерминации в

¹ *Илюшечкин В.П.* Проблемы формационной характеристики сословно-классовых обществ. М., 1986; Он же. Сословно-классовое общество в истории Китая. М., 1986; Он же. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах (Опыт системно-структурного исследования). М., 1990; Он же. Теория стадийного развития общества. М., 1996.

² *Тяпкина Н.И.* Особенности общественного строя традиционного Китая: дискуссии и проблемы // Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987. С.90–94,99–104.

социальной иерархии). Имеющаяся трактовка современных обществ как посткапиталистических и постклассовых, несмотря на всю дискуссионность подобного концепта, все же имеет право на существование. Более подробно о данной проблеме см.¹

Процессы системно-структурной дифференциации обнаруживают свою обратимость. М.А.Чешков в этой связи не считает возможным классифицировать тоталитарные общества как системные. Так, советский социум представляет нерасчлененную тотальную общность «партия-государство», не являющееся ни тем, ни другим в системно-структурном смысле². Автономия отдельных subsystems здесь растворена в единой тотальной общности, всецело подчиняясь ее логике. Здесь опять-таки присутствуют институализированные сферы, а не системно-структурные образования. В целом принимая данную концепцию, заметим, что понятие «тотальность» в подобной трактовке носит явно негативистский акцент, по сути, сближаясь с понятием «тоталитарность», в то время как мы пытались показать, что тотальность как всеобщность, полнота, целостность присуща любому историческому типу общества, каждый из которых является социальной тотальностью / социетальностью / антропосоциетальностью. Отождествление же общества с системой несет известный запас условности.

Не менее дискуссионной видится и проблема общественной детерминации. Классические модели (прежде всего это системы Гегеля и Маркса) построены по принципу линейной, однозначной детерминации. Выделяется абсолютная, решающая детерминанта, выступающая как субстанция социальности. Разница только в ее направленности. У Гегеля она идет сверху вниз – от сферы духа в социальную материю. У Маркса же, наоборот – от способа производства по линии базис – надстройка. Уточнения Энгельса в так называемых письмах по поводу исторического материализма, где признается известное воздействие надстройки

¹ *Історія і теорія світових цивілізацій*. Луганськ, 2012. С. 61–64.

² *Чешков М.А.* Глобальный контекст... С. 162–170.

на базис, картины не меняют, поскольку он всякий раз подчеркивает вторичный, производный характер подобной детерминации.

При этом в письме к Й.Блоху Энгельс указывает, что общая детерминанта получается как результат столкновения множества отдельных волей, который можно рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое бессознательно и безвольно¹. Почему же в итоге подобного скрещения волей и стремлений людей возникает некая общность, а не хаос и беспорядок, задает вопрос С.Л.Франк². Ответ очевиден. Это возможно только благодаря тому, что через посредство индивидуальных элементов действуют некие общие силы, не объяснимые в парадигме социального атомизма (сингуляризма)³. Видимо, из этого исходил и Ф.Энгельс, вольно или невольно задействовав векторную модель социальной детерминации, где целостность социального поля обеспечивает законы сложения и вычитания векторных сил. Детерминация, идущая от способа материального производства, понимается им как решающая сила, поглощающая все остальные. Впрочем, ряд соображений Ф.Энгельса смягчает однозначность подобной схемы. Мы имеем в виду уже рассмотренное нами письмо к К.Каутскому от 26.06.1884 г.⁴, могущее быть истолкованным в духе вариационизма.

Нетрудно заметить, что все системы линейной детерминации построены по единой механической модели – выделяется некий ведущий блок («двигатель»), приводящий в движение все остальное. У Маркса – это развитие ПС, у Гегеля – саморазвитие духа. Наиболее емкую, на наш взгляд, критику подобной механической детерминации дал Г.С.Померанц, вполне убедительно показавший, что состояние отдельных сфер надо выводить не друг из друга, а из целостности социальной структуры. При этом развитие целого вовсе не должно

¹ Энгельс Ф. Письмо Йозефу Блоху 21–22 09. 1890 г. // К.Маркс, Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 395–396.

² Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 41–42.

³ Там же. С.42.

⁴ Энгельс Ф. Письмо К.Каутскому в Цюрих от 26.06.1884// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 146.

предшествовать развитию частей; напротив, новое обычно возникает в какой-то частной сфере и из нее воздействует на всю систему. Существенно, что сама возможность появления нового зависит от «центральной переменной» (например, от степени дифференциации общественной системы)¹. В этом же ключе работает и Ш.Эйзенштадт, когда выделяет два общественных макротипа: плюралистический и монистический, показывая, что внутреннее развитие в монистических типах менее вероятно, чем в плюралистических². Развитие политических и социокультурных процессов, согласно его воззрениям, прямо пропорционально от степени дифференциации данных сфер общества. Весьма показательны в этом плане судьбы развития капиталистических отношений в Италии и Испании, с одной стороны, а с другой – в Голландии, Англии и Франции в XV- XVIII вв.

Итак, можно заключить, что целое всегда сложнее и организационно выше своих составляющих. Именно вся полнота социальности (антропосоциетальность) и определяет тенденции развития своих составных частей и характер взаимосвязей между ними. Становится очевидным, что базисно-надстроечный детерминизм противоречит этому принципу.

Другим полюсом, противостоящим абсолютному детерминизму, являются принципы плюрализма и индетерминизма. Не вдаваясь в детальное рассмотрение по этому поводу, отметим, что подобные подходы представляют еще глухой методологический тупик, а теории равнозначных факторов в конечном счете ведут к досужим рассуждениям о роли носа Людовика XVI в истории (что вполне понятно) или Клеопатры (что вовсе непонятно). Выход из ситуации нам видится в системе гибкого детерминизма, основывающегося на парадигме вариформизма (эволюция эволюции).

¹ Померанц Г.С. Выход из транса. М., 1995. С. 294–296.

² Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. М., 1999. С.114–116,157–160,217–221,269–270.

Принципы вариационизма были обозначены как в историко-социологической ветви эволюционной теории (Л.Уорд, 1883), так и в биологической ее версии (А.Шелл, 1936). В первом случае вариационизм трактовался как переход от стихийной эволюции к сознательной (генезис – телезис/социогенез). Во втором чаще всего постулировалось возрастание роли биотических факторов по сравнению с абиотическими.

Некоторое подобие этому обнаруживают воззрения советских авторов, занимающихся проблемой соотношения природно-географических и социальных факторов исторического процесса. Здесь общим местом стал тезис об ослаблении роли первых по мере развития общества. Воздействие географических факторов рассматривалось как результат воздействия внешней среды, которая может либо усилить, либо затормозить социальную детерминацию, но кардинальным образом изменить ее не в состоянии. Максимум, что могла позволить себе марксистская историография, не рискуя подвергнуться обвинениям в географическом детерминизме, – это тезис о включенности природно-географических факторов в общую систему ПС¹. Е.М.Жуков и его соавторы осторожно подходят к идее социального гомеостаза, не применяя, правда, подобное определение. Данное состояние восточных обществ они характеризуют таким уровнем соотношения между обществом и природой, когда социально-экономические структуры поддерживают свои основные пропорции в естественнотерриториальной среде так, что они становятся «адекватными этой популяции, природной среде обитания и региону»². Это состояние, по мнению авторов, и является неотъемлемым условием застойности так называемого «восточного феодализма». Определенное смещение акцентов в рамках формационной теории демонстрирует концепция В.В.Макаренко, где уже формационная общность трактуется как географическая

¹ Анучин В.А. Географический фактор в развитии общества. М., 1982. С. 26; Трошцкая Т.К. Природа и развитие общества докапиталистических формаций. Новосибирск, 1989. С. 80; Шевеленко А.Я. Природный фактор и европейское общество V – X веков // ВИ. 1969. № 6. С. 95.

² Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы...С. 186-188.

среда, организованная особым образом, а сама формация – историческая форма организации среды¹. Дальнейшее развитие подобных представлений дает уже плавный переход к теории коэволюции и социоестественной истории, в частности, в духе Э.С.Кульпина.

Из числа работ советского периода по проблеме исторического детерминизма только А.Я.Гуревич достаточно определенно высказался в пользу того обстоятельства, что следует говорить не о детерминизме вообще, а о конкретных закономерностях данной социальной системы или структуры. Смена системы предполагает и смену типов детерминизма². То есть тип детерминации, сложившийся в индустриальную эпоху, не может быть автоматически перенесен на прочие исторические типы социетальности. Здесь же появляются и наброски векторной модели социальной детерминации. Так, говорится о взаимодействии различных детерминант, «равнодействии» социальных сил³.

Применение векторной модели при описании процессов общественной детерминации ведет к тому, что детерминация, идущая от способа производства, видится одним из векторов в общей системе детерминант. В качестве прочих векторов обычно называются культурно-цивилизационные, экологические, социоментальные, этнические и прочие факторы. Все они располагаются в различных плоскостях по отношению друг к другу, а «сплетение взаимодействий» этих векторов и определяет «стратегическую переменную» в терминологии П.Вейна⁴.

Подобные схемы в конечном счете восходят к системе перекрестной детерминации в системе AGIL Т.Парсонса, где векторы, исходящие от каждой подсистемы, в принципе равнозначны, а иерархия возникает в результате информационного контроля по линии L – I – G – A. Важнейший вид

¹ Макаренко В.В. Географическая среда в формационном развитии Запада и Востока // Ориентация–поиск: Восток в теориях и гипотезах. М., 1992. С. 136–137.

² Гуревич А.Я. Об исторической закономерности // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 63–64, 66–68.

³ Там же. С. 63–64, 71.

⁴ Дилигенский Г.Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? // ВФ. 1991. № 3. С. 33, прим.2.

информационного контроля осуществляет «фидуциарная система», однако ее элементы не обуславливают основные структурные преобразования в социальной системе. В результате контрольно-иерархические отношения в подсистемах и между ними можно представить как отношения между «санкциями» со своими особенными сферами контроля.

Мнение о том, что социокультурные и социоэкологические факторы могут блокировать детерминацию, идущую от способа производства, высказывались еще в ходе дискуссии 1987-1991 гг.¹ Впоследствии появился и ряд исследований в данном направлении. Культура рассматривалась как способ регуляции общества, особенно в условиях ограниченности ресурсов природного пространства. Модели общественного устройства в традиционных обществах ориентированы на включение социума в космическую иерархию как с помощью экофильных ритуалов², так и посредством совершенствования методов управления, что во многом достигалось путем обеспечения преемственности в накоплении знаний и их осмыслении в соответствии со взглядами на космическое мироустройство³. Преобразующая человеческая деятельность направлена здесь на поддержание стабильности, которая воспринимается как вселенская гармония между природой и социумом. В случае же угрозы среде обитания со стороны экофобных производств, включается самозащита природы – своеобразный экологический тормоз, блокирующий их широкое распространение⁴. Таким образом, в традиционных обществах приоритет принадлежит экофильным культурно-цивилизационным факторам, с помощью которых и достигается социальная адаптация к среде обитания. Теория социоестественной истории, о которой уже

¹ *Формации или цивилизации (материалы «круглого стола»)* // ВФ. 1989. № 10. С. 54–55, 56–57.

² *Лапина З.Г.* Ритуал как способ организации жизни в традиционной китайской культуре // Вестник Моск. ун-та. Сер. 13. 1991. № 3. С. 4–16; *Навлицкая Г.В.* Об экологичности культуры древней Японии // Вестник Моск. ун-та. Сер. 13. 1991. № 3. С. 16–26.

³ *Майоров В.М.* Экология и информация в традиционном Китае // Вест. Моск. ун-та. Сер. 13. 1991. № 3. С. 41–46.

⁴ *Деотик Д.В.* Традиционные формы экологически безопасных технологий в рисоводческих обществах Юго-Восточной Азии // Вест. Моск. ун-та. Сер. 13. 1991. № 3. С. 32–35.

говорилось (I.3), как исторический вариант экосферных эволюционных подходов вполне показала свою применимость. В качестве классической модели можно рассматривать историю Китая¹.

Однако возникает вопрос о том, насколько векторная модель социальной детерминации применима ко всем историческим типам общественного устройства. Интересная попытка в этом направлении была предпринята Л.А.Седовым, взявшим за основу парсонсовскую систему AGIL². Он выделяет ряд исторических типов социетальности по принципу преобладания той или иной подсистемы. Так, западное общество, по его мнению, отмечено гипертрофированным развитием экономической подсистемы; ближневосточные общества (турецко-иранские, ранние исламские государства) – гипертрофия целедостиженческой функции, то есть политической системы; общества с преимущественным развитием функции интеграции (подсистемы культурно-религиозная и интегративная) – Индия и Китай. Несмотря на ряд очень ценных соображений, концепция Л.А.Седова в целом не может быть принята, на наш взгляд, по ряду обстоятельств.

Первое: Л.А.Седов рассматривает индустриальные и доиндустриальные общества как однопорядковые, абстрагируясь от принципиального момента, что именно превращение экономической подсистемы в главенствующую означало кардинальный, фазовый переворот в общественной эволюции. Западные индустриальные общества тем самым стали стадияльно выше доиндустриальных. Этот бесспорный факт никак не нашел отражения в концепции Л.А.Седова, и получается, что исчезает и само понятие эволюции социальной структуры. Кроме того, достаточно дискуссионным представляется вопрос и о пределах применимости системной терминологии к целому ряду исторических типов

¹ Мугрузин А.С. Роль природного и демографического факторов в динамике аграрного сектора средневекового Китая // Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока. М., 1986. С. 11–44; Кульпин Э.С. Концепция социоестественной истории Китая // НАА. 1988. № 6. С. 25–38.

² Седов Л.А. К типологии средневековых общественных систем Востока // НАА. 1987. № 5. С.51–62.

общественного устройства. Так, М.А.Чешков, как уже указывалось, не считает возможным говорить о системном характере традиционных и тоталитарных обществ.

Второе: связи между общественными подсистемами в доиндустриальных обществах выстраиваются по образу и подобию связей в индустриальных, то есть Л.А.Седов описывает однозначную детерминацию, которая, исходя из той или иной подсистемы, артикулирует весь комплекс общественных отношений. На наш взгляд, абсолютно бесперспективно менять экономикоцентризм марксистской историографии на политикоцентризм или культурно-цивилизационный редукционизм.

Третье: концепция Л.А.Седова при анализе социальной структуры восточных доколониальных обществ имеет ряд внутренних противоречий. С одной стороны, постулируется наличие вполне обособившихся подсистем с автономной логикой развития, с другой – указывается на их нерасчлененность. Так, говоря о приоритете в китайском обществе культурно-религиозных факторов¹, он далее заявляет о слиянии цивилизационно-культурного и политико-управленческого слоев². Налицо проявление нерасчлененности подобных сфер. Кроме того, и применительно к мусульманским обществам тезис о гипертрофированном развитии политической подсистемы представляется довольно умозрительным. Нерасчлененность общественных подсистем видится нам в непререкаемом авторитете норм шариата, преступить которые не властен даже самый могущественный светский правитель, в организации общества по единым религиозно-правовым нормам, то есть в конечном счете в самом исламе как целостной, социетальной программе организации всех сторон общественной жизнедеятельности. Данное обстоятельство и отражает знаменитое изречение Мехмеда II о неразлучности сабли и религии (сравните с не менее известным

¹ Седов Л.А. К типологии средневековых... С.60–61.

² Там же. С.61.

христианским тезисом о том, чтобы отдавать Кесарю – кесарево, а Богу – богово, во многом предопределившим разграничение данных институтов в субсистемы).

В итоге имеет смысл разграничить «матричный» детерминационный тип, соответствующий стратифицированным обществам с их специализацией общественных сфер без закрепления в структурной иерархии¹ и системно-дифференцированный, действующий в условиях структурной и системной расчлененности (индустриальное общество).

А.А.Кара-Мурза обращает внимание на то обстоятельство, что в первом случае экономика не превратилась в общественную подсистему, определяющую весь комплекс социальных отношений². Главное базисное отношение здесь – «воспроизводство социума» как нерасчлененного комплекса³. Подобную мысль высказывает и А.Я.Гуревич, когда говорит о том, что базисно-надстроечная модель не работает применительно к истории докапиталистических обществ, где эти явления не просто «переплетены», а находятся в «первозданной нерасчлененности», в частности, даже в феодальном обществе экономика не выделилась в особую сферу жизнедеятельности⁴. Впрочем, неартикулированность различных видов жизнедеятельности в первичных культурах отмечает еще Н.Я.Данилевский⁵. Формирование институализированных сфер связано с фазовым переходом от первобытности к государственному способу социальной организации (в нашем понимании – это стратифицированные общества). Следующая социетальная трансформация дает уже капиталистические/индустриальные общества с соответствующим детерминационным типом.

¹ Попов В.Б. Синхронное и диахронное... С. 51.

² Кара-Мурза А.А. Непродуктивная индивидуальность и продуктивная корпоративность? // НАА. 1990. № 4. С. 76.

³ Там же .

⁴ *Философия и исторические науки. Материалы «круглого стола»* // ВФ. 1988. № 10. С. 23.

⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа . М., 1991. С. 472–473.

Что же представляют собой эти исторические типы детерминаций? Четкого ответа здесь нет. В качестве «матрицы» можно представить патриархальную общину, где структурообразующие принципы семейной организации переносятся на надобщинные структуры и само государство видится как большая семья, в идеале строящееся по конфуцианскому принципу: «император – отец, подданные – его дети». Данному типу детерминаций и сопутствует, вышеназванная «первозданная нерасчлененность», когда ни один вектор детерминаций не выделился в господствующую самостоятельную сферу из общей массы социетальности. Здесь воспроизводится вся целостность (тотальность) социума. Векторы, исходящие из какой-либо сферы, по отношению друг к другу имеют характер не обособленной «внешней» силы, изнутри воздействующей на прочие, а «свою иную» природу, перетекая от одного источника к другому, не разрывая в то же время связи и с предыдущим. Они как бы растворены друг в друге. Здесь может быть скорее затребована не векторно-структурированная модель детерминации, а принцип силового поля, единого «клубка» детерминаций. В качестве идеального типа здесь могут быть рассмотрены царско-храмовые комплексы III династии Ура, которые невозможно однозначно соотнести ни с политической, ни с экономической, ни с социокультурной/духовной сферой. Для отражения подобного феномена опять-таки, всплывает ипостасная модель.

В формирующихся структурно-дифференцированных/системных обществах векторы детерминаций развертываются по мере структурного вычленения общественных сфер/субсистем. Именно данный тип отражен в общеизвестной макромодели Парсонса. Социально-экономическая детерминация становится господствующей в процессе становления индустриальных обществ. Она в известной мере приобретает характер внешней силы, подчиняющей все прочие (социоэкологические, социокультурные, социополитические и т.д.).

На наших глазах, возможно, складывается третий постиндустриальный тип детерминации, связанный с формированием сетевых технологий. Сеть обычно определяется как совокупность объектов, объединенных друг с другом

нелинейными взаимодействиями, чем она отличается от каузальных (причинно-следственных) взаимодействий, от понятия «цепь» (электромагнитные технологии), от понятия «матрицы» (объединение множеств линейными зависимостями)¹. Относительно последней фразы А.В.Назарчука сразу же отметим, что матрица здесь рассматривается в парадигме линейной алгебры, наше же представление о ней несколько шире и восходит к первоначальному смыслу (лат. *matrix* – матка, источник, начало). Характер постиндустриальных нелинейных взаимосвязей отчасти иллюстрируется уже упоминавшимся понятием «ризома». Ее сущностная особенность – децентрализация и антииерархичность, что противопоставляется как механическим системам, так и органическим целостностям. В результате координация операций и синхронизация общего результата достигаются без центрального органа. Впрочем, М.Кастельс выделяет и промежуточную форму между вертикальной интеграцией и децентрализованной сетью. Это сетевая организация, развертывающаяся в горизонтальном измерении по принципу «центр – периферия»².

Сетевое пространство («пространство потоков» – М.Кастельс) обладает нелинейной, постоянно меняющейся геометрией. Одни сети и связи распадаются, постоянно возникают новые конфигурации связей. М.Кастельс говорит о переходе к более слабым, но многообразным и комплексным социальным связям³. Детерминации в данных образованиях носят прерывистый, пульсирующий характер. Б.Гейтс в этой связи применяет термин «прерывистый хаос»⁴. Следует все же отметить, что понятие «информационное общество» как новый тип социальной организации, равно и как «сетевое», вызывает и целый ряд скептических возражений (например, у Ф.Уэбстера). А.В.Назарчук признает за

¹ Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. М., 2009. С. 17.

² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 96.

³ Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. М., 2004. С. 155.

⁴ Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. М., 2007. С. 417.

подобной точкой зрения право на существование, но отмечает, что она не желает менять фокус зрения (видимо с традиционного функционально-структурного на коммуникационный)¹. При этом все же можно согласиться с его мнением о том, что современная эпоха обозначилась существенными изменениями качественных параметров общества².

Видимо смысл сетевых отношений заключается в степени их приближения к социальному агенту. Сеть предполагает примат детерминации дальнего действия над потенциалом ближнего действия. Ее действие базируется на символическом посредничестве и есть замена обмена ресурсами обменом символов. Сетевое господство предполагает символическое подчинение реальных носителей ресурсов. Суть сетевых коммуникаций представляется нам в редистрибуции ресурсов посредством символических актов. Роль центр-периферийных отношений здесь существенно элиминируется.

Данные процессы не получили окончательного и повсеместного распространения, однако налицо ситуация, когда размываются четкость и структурность социальных образований, которые, тем самым, постепенно приобретают изменчивую, «текучую» природу. Можно говорить о пульсирующе-сетевой социетальной детерминации как качественно новом типе отношений.

Таким образом, представляется возможным выделить три основных типа общественной детерминации: матричный (стратифицированные общества), векторно-структурно-дифференцированный (капиталистические/индустриальные) и пульсирующе-сетевой (постиндустриальные/информационные).

¹ Назарчук А.В. Теория коммуникации... С. 5,307.

² Там же. С.6, 22–23.

Раздел III

МНОГОМЕРНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ

ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ: ДВИЖЕНИЕ/ИЗМЕНЕНИЕ/РАЗВИТИЕ

Идея(и) движения, развития, изменения была и есть одной из центральных, сквозных, «вечных» проблем в едином комплексе общественных наук, как и во всем научном познании в целом. Интерес к ней то затухал, то вспыхивал с новой силой, но никогда полностью не исчезал. Последний такой всплеск отмечен уже в наше время, в первое десятилетие XXI в., что обусловлено целым комплексом обстоятельств, среди которых нам хотелось бы отметить ситуацию предельности нынешнего состояния человечества (феномен глобализации), где с особой необходимостью встает проблема ориентиров дальнейшего движения. Все это делает затребованной новую постнеклассическую онтологию, основанную на идее целостности, тотальности человеческого миробытия как Антропосоциетального Универсума в единстве с теориями нелинейности, множественности и различий. Отсюда вытекает идея многомерного целого, которое не может рассматриваться вне его движения/развития.

В этой связи может оказаться плодотворной разработка новых концептов эволюционно-девелопментаристского дискурса, вернее, новое прочтение уже имеющихся парадигм, где принцип тринитарности, ипостасности, разработанный каппадокийской школой, может отразить «текущую» природу социетальности.

Подходом к данной проблеме, на наш взгляд, могут служить работы советских философов по проблеме соотношения движения, изменения и развития анализировавшиеся нами выше (I.3). Определенные методологические указатели в этом направлении, как уже говорилось, были заложены Н.М.Аль-Ани, который связывает данную проблему с онтологическим статусом данных категорий, что

делает бессмысленным вопрос об их формально-логической субординации¹. Однако последующий тезис исследователя уже не кажется нам столь же бесспорным. Он предлагает рассматривать движение и развитие как «полярности», диалектическим синтезом которых является «изменение» как важнейший и целостный атрибут материи², которое трактуется им как любой материальный и духовный процесс, где обнаруживается определенное различие между исходным и последующим состояниями. Именно изменение в качестве целого (единого) снимает в себе развитие и движение как собственные моменты или аспекты³. Т. е. здесь мы видим настойчивое стремление описать подобные феномены в духе небезызвестного положения диалектики о раздвоении Единого на противоположности и борьбы между ними (1-й закон марксистской диалектики о единстве и борьбе противоположностей).

Все это вызывает целый ряд вопросов. Первое. В чем заключается противоположность («полярность») движения и развития? Противоположностью движения будет покой, а развития – скорее «свитие», инволюция у Ж.-Ж. Руссо, т. е., видимо, деградация в современной терминологии. Далее. Почему в качестве целого (Единого) рассматривается именно изменение, а движение редуцируется к нему? В принципе, с не меньшим основанием можно проделать и обратную процедуру. В итоге раздвоения единого здесь отнюдь не наблюдается, равно как и дихотомии движения и развития. Перед нами вырисовывается несколько иная, хотя тоже диалектическая в своей основе картина. Движение, изменение и развитие связаны отношениями тринитарности (ипостасности), где единая процессуальная сущность проявляется в трех ипостасях, которые «единосущны, равностепенны, неслиянны и нераздельны». К отношениям тринитарности (триединства) мы еще вернемся, а сейчас хотелось бы затронуть проблему структуры эволюционно-девелопментаристского дискурса.

¹ Аль-Ани Н.М. Соотношение категорий... С. 10–11.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 11.

Подобное образование подавляющему большинству исследователей видится сложным и многоуровневым. М. А. Чешков предлагает концептуальное развёртывание категории «развития» на трех уровнях¹, различаемых по предмету убывающей степени абстракции и возрастающей конкретности.² Первый уровень – это философско-интегральный. Развитие здесь рассматривается как родовая потребность человека, на втором оно выступает уже как одна из универсалий культуры, на третьем – конкретизируется в категориях пространственно-временных конфигураций, объект здесь наиболее приближен к реальности.

В соответствии с данным подходом можно структурировать и концептуальное поле процессуальности/эволюции/изменения. На первом уровне у нас будут философские и общетеоретические разработки, на втором – специальные теории, касающиеся самостоятельных целостных объектов эволюции, на третьем – отдельные направления. Первому уровню соответствуют концептуальные теории общественной эволюции, начиная от Г. Спенсера и до многолинейной эволюции. Сюда же можно отнести глобальный эволюционизм, теорию коэволюции В. И. Вернадского, де Шардена, Э. Янча, Н. Н. Моисеева и т. п., а также тот сегмент глобалистики, который концептуализирует идею Целого применительно к эволюции человечества как планетарного образования.

Второй уровень составляют мир-системный подход, теории модернизации/развития таких социетальных миробщностей, как развивающиеся страны (ОРС – общность развивающихся стран, по М. А. Чешкову), включая общую тьермондиалистику, остатки Второго мира – постсоветское мирообразование и другие макросоциетальные и макроцивилизационные общности. Наконец, третий уровень касается отдельных аспектов процесса развития данных образований – политического, экономического,

¹ Чешков М. Развитие: философская идея и конкретные исследования // МЭМО. 2004. № 8. С.74–77.

² Чешков М. Возрождение Востока и развивающиеся страны в мировом контексте // МЭМО. 2007. № 11. С. 76–77.

социокультурного. Отсюда теории экономической, политической модернизации и им подобные. Первоэлементом этого порядка будет эволюция отдельных стран.

Актуализация проблематики данных уровней обнаруживает пульсирующий, неравномерный характер – то есть идет постоянное перераспределение исследовательского интереса. 50-60-е гг. XX в. дали наиболее мощный всплеск в области макроэволюционной теории (многолинейная, разноуровневая эволюция), после чего здесь наступает очередной застой, а все внимание переключается на глобальную экологистику (универсальный эволюционизм). Параллельно разворачиваются специальные теории эволюции, например, модернизационная, которая быстро утрачивает свой универсализм, распадаясь на ряд направлений (экономическая, политическая), спускающиеся уровнем ниже. Здесь же, на мезоуровне, с универсально-модернизационным направлением пытаются конкурировать альтернативные подходы, главным образом в сфере тьермондиалистики.

Однако уже на рубеже 70-х-80-х гг. усилились прямо противоположные тенденции, направленные против построения общей теории эволюции/развития/изменения. Уже упомянутый нами Р. Будон выступил против построения единой теории изменения, утверждая, что передать программу данной теории так же сложно, как передать в нескольких словах картезианскую метафизику¹. Можно говорить лишь о совокупности теорий социального изменения, весьма разнородных по своему содержанию². Теории, претендующие на всеобщий характер, носят чисто формальный характер и не приложимы к реальности. Научная теория социального изменения может существовать исключительно как частная и локальная, поскольку абсолютные причинно-следственные законы отсутствуют как класс. Структуры процессов смешиваются с их сущностью, а идеальные модели – с законами, описывающими тенденции,

¹ Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М., 1998. С.14.

² Там же. С. 252 – 256

отсюда смешиваются идеальные категории и реальные различия, общая модель и универсальный закон¹. Теории социального изменения имеют статус моделей, предназначенных для понимания исторической перспективы².

Воззрения Р. Будона полностью укладываются в веберианско-попперовскую традицию борьбы с «историцизмом». Саму эволюционную теорию К. Поппер считал метафизической исследовательской программой, а не научной теорией, поскольку она не является проверяемой, а лишь объясняет «нечто внешне похожее на научение»³. Однако если его критика «пророчеств» «великих» теорий во многом оправдана, то тезис о единстве метода естественных и социальных наук (формально-логический в своей основе), требующий от социального познания соответствия естественнонаучному, сочетаемый с достаточно жесткой дихотомией наука-метафизика, представляется внутренне противоречивым. Оказывается, что любая теория не верифицируема в полной мере, так что приходится выбирать между теориями, более или менее открытыми для контроля, что само по себе размывает вышеназванную дихотомию. Социальная эволюция, разворачивающаяся через объективизацию субъективных устремлений, скорее устанавливает общие параметры движения, ветвящиеся в их пределах («законы – тенденции» у Ф. Энгельса), где макроэволюционные процессы никак не могут сменяться инволюционными.

На рубеже 80-90-х гг. крах Второго мира, казалось, окончательно подорвал идею альтернативного развития, а тьермондиалистика бесследно растворилась в глобалистике. Олицетворением всего этого стали идеи Ф. Фукуямы о «конце истории» как движении/развитии, поскольку крах конкурирующих социетальных моделей оставил либеральную цивилизацию в гордом одиночестве, а двигаться ей больше некуда⁴. Данная финалистская теория лишена всякой оригинальности,

¹ Там же. С. 269.

² Там же. С. 270.

³ Поппер К. Р. Естественный отбор и возникновение разума // Эволюционная эпистема и логика социальных наук. М., 2006. С. 81–82.

⁴ Фукуяма Ф. Конец истории? // ВФ. 1990. № 3. С. 134–147.

достаточно только вспомнить гегелевскую «Философию истории», да и «марксистско-ленинская» теория уже проецировала подобную ситуацию, правда, связывая ее с грядущей, но неизбежной победой коммунизма. Подобная универсализация всего эволюционного дискурса прокатывается по всем его уровням, и модернизация вновь, как и в 50-е годы, отождествляется с вестернизацией, а Вашингтонский консенсус – с «единственно верным учением».

Однако сторонники эволюционистского направления, такие, например, как Х. Й. М. Классен, считают неправомерным говорить о крахе эволюционизма. Напротив, утверждается о его подъеме после застоя в 80-х – 90-х гг., подтверждением чего служит всплеск публикаций в журнале «Social Evolutionary History»¹. Этот новый этап в развитии социального эволюционизма, по Класссену, мы выше уже обозначили как «постнеоэволюционизм», сопоставив со степинской периодизацией научного знания. Прогресс в области эволюционной теории связывается с решением таких комплексных вопросов как: 1) проблема взаимосвязи стагнации и упадка; 2) соотношение подобия и идентичности, где внешне подобные процессы ведут к непредсказуемым последствиям; 3) сопряженность структуры и процесса (постнеоэволюционизм тяготеет к процессуальности, но наличие изменений можно уловить только посредством классификаций и типологий); 4) природа причины, приводящей к тем или иным изменениям².

Сам Х. Й. М. Классен определяет эволюцию как процесс качественной реорганизации общества во времени³. Исследователь выделяет целый ряд факторов социальной эволюции, обозначенных еще в ходе дискуссии по проблемам раннего государства: демографические, внешнеполитические, идеологические, экономические (производство излишков), но считает

¹ Классен Х.Й.М. Эволюционизм в развитии // Эволюция: Дискуссионные проблемы глобальных эволюционных процессов. М., 2011. С. 338.

² Там же. С. 348-349.

³ Там же. С. 344.

невозможным рассматривать какой-либо из них в качестве первичной движущей силы¹. В социальной действительности значимость различных факторов зачастую меняется, они могут накладываться друг на друга вследствие положительных или отрицательных обратных связей. Еще раз вспомним в этой связи хотя бы «мультипликационный эффект» К. Ренфрю.

Исследование объектов с нелинейной неравновесной динамикой, например, в рамках синергетики, дало новый толчок исследованиям в сфере эволюционно-девелопментаристского дискурса. Ограниченность, одномерность прежних редукционистско-прогрессистских разработок в данном направлении, равно как и необходимость актуализации данной проблематики, не вызывает сомнений в научном сообществе², хотя относительно дальнейших действий в данном направлении подобного единодушия уже не наблюдается. Лейтмотивом, пожалуй, является стремление уйти от абсолютизации прогрессизма, ориентация на многомерность социетальных эволюционных процессов, на многообразие форм социальной динамики, где линейно-стадиальное развитие уже не может рассматриваться как единственно-возможное или в качестве абсолютной детерминанты. Ранее (I.3) в этом контексте мы уже отметили работы В.Л.Алтухова и М.А.Чешкова. Несомненный методологический интерес представляют и дихотомические концепции (Л.С.Васильев, Ю.В.Павленко), несмотря на дискуссионность подобного членения. Дихотомичность присутствует и в работах Л. Е. Гринина и В. А. Коротаяева. Отождествив с северцевским ароморфозом социальную макроэволюцию, они выделили два типа развития: эволюционное («спенсеровское») и неэволюционное (аналог онтогенетическому развитию в рамках дихотомии онтогенеза и филогенеза)³.

М. А. Чешков выдвигает в качестве концепта не эволюцию, а развитие, которое мыслится им как многомерное, многоаспектное понятие, вариативное по

¹ Там же. С. 344-345.

² *Идея развития: возможность обновления*. Научный семинар // МЭМО. 2007. № 2. С.75–89.

³ *Гринин Л.Е., Коротаяев А.В. Социальная макроэволюция...* С. 7–9,37–39,53–55.

своей сути, то есть включающее в себя, помимо восходящих форм, циклические, попятные (возвратные), инверсионные изменения. Исследователь выделяет разновидности развития (концепция «Другого развития»); в противовес идее переходности как телеологической конструкции разворачивается концепция трансформации¹. Включение в понятие «развитие» нисходящих форм не получило однозначного одобрения. В частности, В.Г. Хорос заметил, что странно зачислять в «развитие» то, что разрушает (например, нацистский концлагерь). В этом случае вместо термина «развитие» уместен нейтральный – «изменение»². Схожие соображения высказывает и Л. Б. Алаев, правда, по поводу классеновского определения эволюции, которое, кстати, кладут в основу своей концепции Л. Е. Гринин и В. А. Коротаяев³. Л. Б. Алаев в этой связи считает, что если под эволюцией, по Классену, понимать любые качественные изменения, в том числе не ведущие к выходу на высший уровень, необходимо ввести иное понятие для изменений, заводящих общество в исторический тупик, скажем, выделить из эволюции понятие «развитие»⁴, которое предполагает наличие оценочных параметров, позволяющих соотнести объекты в единой системе координат. Действительно, движение общества в сторону тоталитаризма не есть его развитие.

Понятие «линия развития» возникает тогда, когда формируется представление о направленности движения, отсюда возникают «восходящая» и «нисходящая» линии. Развитие в его тотальности видится уже как взаимодействие разнонаправленных процессов, утратившее свою универсальность и однородность. Однако как только нисходящая линия (отождествляемая с регрессом) обретает свою определенность, она перестает быть развитием, становясь просто движением. Здесь развитие и движение перетекают

¹ Чешков М.А. Идея развития: необходимость и возможность реинтерпретации // ОНС. 2004. № 5. С. 132–134; Чешков М. Развитие: философская идея... С.75–76.

² Идея развития: возможность обновления... С.87.

³ Гринин Л.Е., Коротаяев А.В. Социальная макроэволюция... С.37–38,54.

⁴ Алаев Л.Б. Альтернативность и однолинейность в истории // ФН. 2005. № 6. С. 110.

друг в друга, что в купе с феноменом «изменение» дает уже вышеобозначенную тринитарную модель.

В данную вполне стройную триединую модель (движение/изменение/развитие), однако, вклинивается понятие «эволюция», что сразу же поднимает проблему соотношения между ними всеми. Возникает нечто вроде той ситуации, с которой столкнулась русская религиозная философия всеединства, когда ее основоположник Вл.Соловьев попытался в рамках Троицы подыскать место и для Софии. Дело дошло до того, что ряд мыслителей сочли возможным трактовать ее чуть ли не как четвертую ипостась (С.Н.Булгаков, П.А.Флоренский).

В литературе в последнее время наблюдается тенденция использования термина «эволюция» в более широком контексте. Прежнее резкое противопоставление эволюции и революции применительно к процессам общественного развития заметно маргинализировалось. Эволюция чаще всего связывается с понятиями «изменение» или «развитие». Так, например, Г.Спенсер и Х.Й.Класен, соответственно, используют термины «изменение» и близкий ему – «реорганизация». Им следует и «Всемирная энциклопедия. Философия», именуя социальную эволюцию (для эволюции как таковой места не нашлось) как систему социальных изменений¹. Еще ранее точно такая же позиция отражена в «Философской энциклопедии»². Впоследствии эволюция уже определяется как «развитие»³. При этом само «развитие» связывается с «изменением»⁴. «Изменение» же осталось там без дефиниции, впрочем, как и в «Философской энциклопедии», где говорится лишь о биологической изменчивости, которая характеризуется такими чертами, как отличие/различие, видоизменение, отклонение⁵. Там же «развитие» определяется как высший тип движения,

¹ *Всемирная энциклопедия: Философия.. М.; Мн., 2001. С. 981.*

² *Философская энциклопедия. М., 1970. Т. 5. С. 532.*

³ *Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 786.*

⁴ Там же. С. 561.

⁵ *Философская энциклопедия... Т. 2. С. 241–242.*

изменения материи и сознания¹. Мы видим, как категории плавно перетекают друг в друга, образуя так любимый Гегелем замкнутый круг.

Видимо, термин «эволюция» представляет собой тринитарную связь между понятиями «движение» и «развитие», единственно соединяя их, вроде того как в метафизической Троице Бог-Дух Святой задает мировое жизненное единство (наделяет целостностью). Продолжая использованный В.Г.Хоросом пример, вполне можно сказать, что Веймаровская Германия эволюционировала к нацизму, а термин «развивалась» представляется здесь неуместным. В то же время термин «эволюция» применим и для линейно-поступательных процессов. Понятие «восходящей» и «нисходящей» ветвей эволюции/развития, как и понятия «вперед», «назад», «вверх», «вниз», оказываются весьма условными, не отражающими специфики всех видов социальной динамики, на что совершенно справедливо обращает внимание А.В.Коротаев². Действительно, возникновение тоталитарных режимов было возникновением нового, то есть в линейной системе координат движением вперед как от прошлого к будущему, но «передовыми» подобные режимы еще никто не называл, кроме самих нацистов и им сочувствовавших. Точно так же это не был шаг назад, то есть в прошлое. Их эволюция оказалась движением ни вперед, ни назад, ни на месте. Что же это за движение? А.В.Коротаев подобные изменения, характеризующиеся ухудшением ситуации по каким-либо значимым критериям социального прогресса, предлагает именовать «антипрогрессом»³, что представляет пример отрицательного определения. Как уже отмечалось, сам прогресс он считает невозможным определить через систему объективных признаков, связывая его с движением по направлению к увеличению добра/уменьшением зла.

Не вдаваясь в детальное рассмотрение столь фундаментальной проблемы, как сущность прогресса и регресса, просто отметим, что, на наш взгляд,

¹ *Философская энциклопедия...* Т.4. С.453.

² *Коротаев А.В.* Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М., 2003. С. 9–10.

³ Там же. С.10.

прогрессом можно считать линейно-поступательное движение в строго определенной системе координат. Так, развитие техники при переходе от аграрных обществ к индустриальным, несомненно, подпадает под данное понятие, но уже введение другого или сразу нескольких параметров делает его весьма условным (например, прогресс военной техники в нацистской Германии), и тут уже аргументы А.В.Коротаева выглядят вполне убедительно. Что же касается регресса, то его вовсе не обязательно трактовать как возвращение к прошлому, что вытекает из воззрений А.В.Коротаева¹. Л.Е.Гринин и А.В.Коротаев выдвигают концепцию многообразия эволюционных процессов, сопоставляя спенсеровскую эволюцию с ароморфозом/арогенезом, одноуровневую эволюцию – с идиоадаптацией/алогенезом и упрощение структур и систем – с деградацией². Именно последнюю форму, по нашему мнению, можно отождествить с социальным регрессом. С этой позиции возникновение тоталитарных режимов есть несомненный акт социального регресса/ социальной деградации.

Спенсеровский процесс определяется ими как эволюционное развитие, а под «неэволюционным развитием» (снова отрицательное определение) понимается функционирование/воспроизводство социальных систем³. Однако остается непонятным, куда относятся социальные трансформации адаптационного порядка и социальная деградация. По крайней мере авторы не предлагают для них специального термина из социальной теории эволюции. Исходя из общей логики эволюционной теории, видимо, будет правомерным относить последнюю к эволюционному движению (социальной динамике), а социально-адаптационные процессы рассматривать как промежуточные между ними, где в зависимости от степени специализации (узкой или широкой) одна форма перетекает в другую.

¹ Там же. С.10–11.

² Коротаев А.В. Социальная эволюция...С. 3–4; Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция... С.543–55.

³ Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция... С.55.

Все это подтверждает диадную природу эволюции как сращенного единства развития и движения.

Таким образом, в категориальной цепочке движение – изменение – развитие – эволюция мы можем установить следующие основные параметры их взаимосвязей.

Первое. Развитие – это движение, но не всякое движение есть развитие. Так, циклические функционально-воспроизводственные процессы/движение («неэволюционное развитие», по Л.Е.Гринину и А.В.Коротаеву) не есть развитие.

Второе. Эволюция – это движение, но не всякое движение есть эволюция.

Третье. Нет изменения без движения, нет движения без изменения. Так, даже перемещение предмета есть изменение его местоположения в пространстве.

Четвертое. Всякое развитие есть изменение, но не всякое изменение есть развитие. Обратимые, случайные, катастрофические, хаотические изменения не есть развитие.

Пятое. Связка эволюция – развитие наиболее дискуссионна. Как нам представляется, развитие предполагает улучшение по определенному ряду параметров (спенсеровский тип), иначе может получиться нечно оксюморонное вроде «развитие отсталости» (А.Г.Франк). Эволюция же видится как необратимое, направленное изменение, которое включает различные типы динамики. Еще раз обратим внимание на то, что в биологической теории эволюции ароморфоз/арогенез, идиоадаптация/алогенез и даже деграция – различные направления эволюционного процесса. Итак, развитие – это эволюция, но не всякая эволюция есть развитие. Опять-таки Веймаровская Германия эволюционировала/двигалась к нацизму, но не развивалась. В этой связи классическая «нисходящая ветвь развития» нам представляется несоответствующей исходному началу.

При этом следует отметить, что данная категориальная цепочка не может быть формализована в полной мере, поскольку взаимосвязи между ее составляющими носят нелинейный, многомерный характер. В подобной ситуации

оказываются христианские богословы, если попытаются формализовать цепочку: Единый Бог, Бог–Сын, Иисус Христос, Богочеловек.

Принимая за основу классеновское определение эволюции и в то же время признав справедливость алаевского замечания по поводу выделения из понятия «эволюция» категории «развитие», мы попытаемся дать им следующие дефиниции.

Эволюция – это процесс необратимых изменений в пространственно–временном континууме, в результате которого возникает структура, качественно отличающаяся от прежней.

Развитие – это необратимый, направленный процесс изменений, ведущий к появлению качественно новых свойств и возможностей, позволяющий решать ранее недоступные, более сложные задачи.

Направленность предполагает кумулятивность, то есть накапливаемость изменений, что позволяет объекту переходить в другое качество. Это поступательное продвижение по исторической лестнице типологических форм, связанное с повышением общего уровня социальной организации (спенсеровский тип эволюции). Применительно к обществу, макроэволюционные трансформации выводят на путь исторического ароморфоза, примером которого будет формационный тип развития, представленный историей западных обществ («европейский путь развития» по Л.С.Васильеву).

Когда имеется в виду совокупность неароморфозных типов общественной эволюции, имеет смысл применять термин социальная динамика как просто движение в Антропосоциетальном Универсуме. Данную категорию можно применять и в более широком контексте, как совокупность всех известных эволюционных типов от линейно-поступательных до социально-деградационных.

В последнее время в отечественной историко-философской мысли отмечен настойчивый поиск новых парадигм, подходов, концепций, способных осмыслить тот сегмент реальности, где обнаруживают свою предельность законы формальной логики. В этой связи целый ряд авторов в качестве альтернативы или

дополнения последней выдвигают принцип тринитарного или ипостасного мышления, в основе которой лежат идеи каппадокийской школы¹. Общая черта ипостасного/тринитарного мышления видится Г. С. Померанцу как выход за рамки жёстких отношений тождества и различия, где закон исключенного третьего доводит закон тождества до абсолютной незыблемости². Троица, парящая над разумом и абсурдом не постижима в рамках геометрической, прямолинейной логики³. Тринитарное/ипостасное, по мнению исследователя должно быть задействовано для изучения объектов со сложной нелинейной природой, «текучей» системностью, «переливающихся» сущностей. Здесь в качестве примера он приводит диаду «христианство-культура», которая может быть осмыслена в духе неслиянности и нераздельности⁴. На наш взгляд подобную диаду можно расширить и до связок «общество-культура», «общество-социетальность» и т.п., но главное, конечно, не в этом.

Тезис о структурирующей роли тринитарности в континууме мироздания неуклонно проводится мыслителями, тяготеющими к религиозному мировоззрению с разной долей категоричности. Так, если Н. А. Бердяев заявляет об этом безо всяких сомнений⁵, то П. А. Флоренский, несмотря на все приведенные им примеры троичности, остается в недоумении относительно характера их взаимосвязей⁶. Б. В. Раушенбах в рамках своей векторной модели тринитарности расширяет этот список примерами из механики и подчеркивает важность не только триады, но и триединства⁷. Я.Г.Шемякин, поддерживая позицию Г.С.Померанца по проблеме альтернативной логики (она же тринитарная, или ипостасная), считает возможным применить ее для изучения

¹ Померанц Г.С. Выход из трансa. М., 1995. С.316–345; Алтухов В. Многомерный мир...С.30–31; Шемякин Я.Г. Дискурс взаимодействия и взаимодействие дискурсов: Россия – Латинская Америка // ОНС. 2011. № 3. С. 84–86.

² Померанц Г.С. Выход из трансa... С.332–336.

³ Там же. С.334–335.

⁴ Там же. С. 336.

⁵ Бердяев Н.А. Философия свободы. – М., 2007. С. 135.

⁶ Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М., 1990. Т. 1. С. 599.

⁷ Раушенбах Б.В. Логика троичности // ВФ. 1993. № 3. С. 66-70.

цивилизационной проблематики в аспекте соотношения общего и единичного, универсального и локального, в первую очередь для цивилизационных «пограничий»¹. Именно на принципе ипостасности выстраивает В. Л. Алтухов свою теорию многомерности², тоже настаивающий на ограниченности законов формальной логики.

М. А. Чешков, предполагая возможность нового синтеза науки и вненаучных форм познания (религия, искусство, образное мышление), задействует арсенал троичного мышления. Так, принцип нераздельности/неслиянности использовался им для конкретизации философской категории «общение» и далее в категории «сораздельные отношения»³, однако «глобальность» как базовое понятие у него включает только две ипостаси Троицы, а третья («единство») отражена в рамочной концепции. Подобное несовпадение, по мнению исследователя, проистекает из его понимания целостности, отличного от целого⁴. В христианской Троице подобное разделение отсутствует, так что концепт М. А. Чешкова скорее тяготеет к воззрениям М. Экхарта с его Божеством и Богом или же Жильбера де ля Поррэ с Богом и Божественностью. Христианское же богословие встает перед проблемой соотношения сущности и ипостасей, где приоритет сущности ведет к савелианской ереси, а ипостасей – к тритеизму, что считается неразрешимым противоречием для формальной логики (векторной модели Б. В. Раушенбаха здесь мы не касаемся).

Все это, на наш взгляд, свидетельствует в пользу возможности применения тринитарной модели в онтологическом качестве, проявляющемся на разных уровнях бытия, в т.ч. и в триаде движение/изменение/развитие. Г. С. Померанц, несколько скептически относясь к попытке Б. В. Раушенбаха окончательного

¹ Шемякин Я.Г. Дискурс взаимодействия... С. 84-94.

² Алтухов В.Л. Логика... С. 4-8, 34-35, 39-45.

³ Чешков М.А. Двойная спираль... С. 141.

⁴ Там же. С. 29, 38, 68-73, 76, 141.

разрешения тринитарной проблемы (системность Троицы выходит за рамки научной логики и любых отношений в пространстве и времени, где запечатлена неразрывность Единого и единичного, брэнного и вечного)¹, видит суть ипостасного мышления в неслиянности и нераздельности двух, толкающей к трем². В качестве подобной диады нераздельной, но неслиянной выступает движение/изменение, где есть исходное начало (движение), самотождественное изменению, и вечное творческое становление этой диады – развитие. Тем самым диада движение/развитие в структуре тринитарности отражает прежде всего восходящее направление, точно так же как и развитие/изменение, поскольку всякое развитие есть изменение, но не всякое изменение ведет к развитию. Так и в православии исхождение Святого Духа идет только от Отца, а в католицизме еще – и от Сына. Г.С. Померанц усматривает правоту в обоих подходах, трудность выбора между двумя подходами видится ему в релятивизации их обоих в рамках некой мегатеологии³. Всеобщность социальности (социальная тотальность/социетальность) становится единой сущностью общества, которая и проявляется в различных ипостасях – экономической, политической, духовной.

При этом число ипостасей необязательно должно строго подчиняться принципу троичности. Об этом говорят даже религиозные философы, в частности, уже упоминавшийся в этой связи П.Флоренский. Число «три» трактуется им как «бесконечный факт», постигаемый в присносущем свете, но не выводимый логически, ибо Бог выше логики⁴. Физики говорят о четырехмерном пространстве Минковского, им видится и возможность пятого измерения (торсионные взаимодействия, обусловленные кручением пространства)⁵. Кроме того, дуальную оппозицию (раздвоение Единого на противоположности) также можно рассматривать как первооснову бытия мира, человека и продуктов его

¹ Померанц Г.С. Выход из транса... С. 333.

² Там же. С. 327.

³ Там же.

⁴ Флоренский П.А. Столп... Т. 1. С.593.

⁵ Лесков Н.В. Нелинейная Вселенная: новый дом для человечества. М., 2003. С.354-357.

жизнедеятельности (в частности, мир культуры¹). В божественной Троице подобный феномен наглядно представлен в виде богочеловека Иисуса Христа, формализация взаимосвязи которого с Богом-сыном лишь только плодит ереси.

Сам феномен бинарности, дуальности, антиномичности представляется достаточно сложным явлением. Ранее мы уже рассматривали позицию М.А.Чешкова (П.3), его категории «связка», субкатегории – связки антиномий и артикуляций и «совместно-раздельных»/«сораздельных» отношений.

Принимая во внимание данные соображения, можно выделить следующие типы бинарности. Первый представляется нам как единосущная диада (Бог-Сын/Иисус Христос, движение/изменение, общество/социетальность и т.п.). Сущность диады неразрывно, но неслиянно представлена в ее обоих началах, которые различаются между собой по формам проявления. Так, движение означает переход от одного состояния/положения к другому, а изменение – это появление нового в ходе этого процесса. Вторая представляет неразрывное объединение двух противоположных начал в едином (Богочеловек, телесно-духовная природа человека). Ее можно обозначить как единомудуальную бинарность. Третья представляет сораздельные связки-антиномии в терминологии М.А.Чешкова (прогресс – регресс, глобальность – локальность, социализация – историализация и т.д.). Подобные феномены раскрыты исследователем в достаточной степени, что делает излишним дальнейшие рассуждения по этому поводу.

Видимо, диадно-антиномичный (единство и борьба противоположностей) и тринитарный принципы накладываются друг на друга, создавая нелинейные, объемные конструкции. Ранее мы рассматривали дуально-антиномичную структуру Антропосоциетального Универсума, и теперь можно заключить, что оба вышеназванных принципа не редуцируемы один к одному, хотя и могут иметь соприкосновение, что-то наподобие того как Богочеловек и Троица.

¹ Чучин-Русов А.Е. Культурно-исторический процесс: форма и содержание // ВФ. 1996. № 4. С. 3–14.

Бесконечность измерений (ипостасей), постулируемая В.Л.Алтуховым, предполагает их несводимость к некоей всеохватывающей системе¹, что, видимо, свидетельствует против жесткой универсальной модели тринитарности. Христианская Троица, как прорыв в трансцендентную сферу абсолютного совершенства, в этом качестве выходит за рамки научно-философского познания и остается предметом веры.

Возможно, имеет смысл говорить об иерархии измерений, вспомним, как в неоплатонизме ипостаси делились на «совершенные» (начальные), объективирующиеся в процессе эманации из Единого, и «несовершенные», относящиеся к миру единичного. Отсюда можно допустить наличие тринитарности метафизической, относящейся к лицам божественной Троицы, и диалектической (многоединство, плюралитарность?) в тварном мире. Над сетью бинарных оппозиций здесь самым причудливым образом могут надстраиваться триады, пересекаясь и перетекая друг в друга.

На предельность традиционного бинарного осмысления действительности, вкупе с классической диалектикой, указывает В.А.Нехамкин, из чего он выводит целый ряд методологий: триалектику (базируется на гегелевской методологии), гексалектику, окталектику и т.д., приспособленных для исследования множества n -мерных пространств². Все они в итоге дают полилектику как этап эволюции диалектики, отражение взаимосвязанной совокупности свойств множественной действительности, состоящей из ряда субметодов (системный, вероятностный, дополненности и т.д.), с интегральными («собственными») законами на «выходе»³. В качестве последних называются законы дифференциации, интеграции, единства дифференциации и интеграции, изменчивости, перехода структурных изменений в качественные, всеобщей взаимосвязи явлений и вещей⁴.

¹ Алтухов В. Многомерный мир... С. 35–36.

² Нехамкин В.А. Проблема поливариантности исторического процесса: генезис, пути, решения. М., 2002. С.12–17.

³ Нехамкин В.А. Проблема поливариантности... С.18–25.

⁴ Там же. С.25–33.

Сомневаясь в возможности построения подобной макрометодологии, которую в лучшем случае ждет судьба спесеровской универсальной теории эволюции, равно как и в получение «окончательного» перечня всех законов познания и развития, все же отметим, что авторская попытка отразить онтологическую природу многомерности, предельность любой методологии заслуживает всяческой поддержки.

Бинарность, показав свою ограниченность, несоответствие многомерному миру, преодолевается трюйственностью, над которой надстраиваются самые разные конфигурации любой сложности. Тотализация Единого «закручивает» вокруг себя бинарность с тринитарным исходом в итоге в n-мерном континууме их взаимодействий. Ипостаси могут бесконечно комбинировать между собой, порождая бесконечное количество синтезов. Так что в любом случае их природа не должна быть строго фиксированной.

Таким образом, можно подытожить, что процесс поиска новых парадигм, которые Я.Г.Шемякин предлагает объединить логикой тринитарности, находится в самом начале, как признает и сам исследователь¹, однако представляется настоятельной необходимостью расширения когнитивного поля многомерного мира, где свое место должна занять и тринитарная модель структурирования мироздания, над которой могут надстраиваться более сложные конструкции (полилектические, в терминологии В.А.Нехамкина). Отсюда цепочка: движение/изменение/развитие/эволюция отражает именно подобную нелинейную, «текущую», многомерную модель процессуальности, не поддающуюся однозначной формализации и дефиниции.

Здесь можно выделить единую диаду движение/изменение (в теологии аналог – Бог-Сын и Иисус Христос). Далее идет тринитарность движение/изменение/развитие, где первые два воплощают сам принцип процессуальности (нет движения без изменения, нет изменения без движения),

¹ Шемякин Я.Г. Дискурс взаимодействия... С. 95.

при этом первое начало указывает на ход явления, а второе – на само состояние объекта (появление в нем чего-то отличного от прежнего). Третье же предполагает наличие оценочных параметров, позволяющих последовательно соотнести объекты в единой системе координат (спенсеровский тип движения). Понятие «эволюция» воедино связывает изменение и движение, что дает еще одну триаду. Из данного обстоятельства, применительно к теории общественной эволюции, прямо вытекает принцип многообразия форм социальной динамики. Подобное многообразие уже стало непререкаемым постулатом в биологической теории эволюции (ароморфоз/арогенез, идиоадаптация/алагенез, деградация/катагенез).

Таким образом, вырисовывается и тетрада: движение /изменение/эволюция/развитие. В итоге имеет смысл вычлнить единосущные диады (типа Бог-Сын – Иисус Христос, движение/изменение), единодуальные (Богочеловек) и антиномные диады – сораздельные связки (прогресс – регресс, глобализация – регионализация и т.п.). Тотализация «закручивает» в Единое все виды единосущия, но n-мерный континуум их взаимодействий порождает их неиссякаемое многообразие (полилектика, многоединство).

ГЛАВА 2. ТЕОРИЯ ОБЪЕМНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

2.1. Методологические проблемы всемирно-исторического процесса. Историологический аспект

Проанализировав общее состояние эволюционной теории (см. I.3), мы пришли к выводу о том, что общие принципы эволюционизма, проходящие через все три его направления (естественнонаучное, историко-социологическое, философское), неравномерно представлены в каждом из них. Все же с достаточной определенностью можно констатировать, что принципы классического (линейного) эволюционизма повсеместно исчерпали себя во всех его направлениях. Применительно к теории общественной эволюции нелинейность видится нам прежде всего в идеях вариационизма и многообразия форм социальной динамики. Для концептуального отражения подобного феномена нами была предложена категория «объемная эволюция» как поля взаимодействия различных типов эволюционного процесса¹.

Идея эволюционного многообразия постоянно в той или иной мере прослеживается среди всех историко-теоретических или историософских построений данного дискурса. Она присутствует даже в рамках универсального формационного подхода, выкристаллизовавшегося из разрозненных соображений классиков марксизма по поводу всемирно-исторического процесса. Выше (I.3) мы уже кратко указывали на то обстоятельство, что из стройной схемы линейно-поступательного движения от низших формаций к высшим явно выбивался феномен так называемого Азиатского способа производства (АСП). Попытки свести все к единому знаменателю вылились в три знаменитые дискуссии по данному вопросу, о которых так же кратко говорилось выше. Теперь же, не стараясь пересказать и проследить все их перипетии, поскольку о первых двух

¹ Попов В.Б. Объемные модели общественной эволюции // К экологической цивилизации. М., 1993. С. 87–97.

имеется достаточное количество фундаментальных исследований (отметим только ряд работ, непосредственно анализирующих сами дискуссии¹), а историографию третьей (1987-1991) вряд ли можно назвать обширной (см. I.3), что видится нам весьма ущербным, с методологической точки зрения, поэтому остановимся лишь на концептуально значимых моментах в ракурсе обозначенной нами проблематики. С учетом данного обстоятельства попытаемся проследить, как в историологических построениях исследователей, пусть даже приверженцев единой генеральной линии всемирной истории, прослеживалась логика многомерной, нелинейной динамики.

В дискуссии 1925 – 1934 гг. поначалу схлестнулись две концепции – АСП (Л.И.Мадьяр, Е.С.Варга, М.Д.Кокин, Г.К.Папаян и др.) и феодализма в древности (М.Волин, Е.С.Иолк, С.М.Дубровский и др.). Однако в итоге, не без влияния политико-идеологического фактора, быстро возобладала третья позиция, впервые высказанная В.В.Струве (до этого приверженец «феодальной» концепции) в 1933 г. В результате к концу 30-х гг. утвердилось мнение о восточном рабовладении как патриархальном, своего рода переходном этапе к «классическому» античному. Была даже выдвинута теория «революции рабов» как на Востоке, так и на Западе². Концепция же АСП объявлялась чисто «троцкистским измышлением», хотя убедительные доказательства обратного были представлены М.Д.Кокиным и Г.К.Папаяном, что впоследствии признали и сторонники рабовладельческой формации, правда, назвав ее не концепцией, а всего лишь

¹ Ким О.В. Проблема азиатского способа производства в советской историографии 20-е – начало 90-х годов. Автореферат дисс... канд. ист. наук. Кемерово, 2001; Свистунова Н.П. Обзор дискуссий об АСП // Общественные науки в КНР. М., 1986; Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1977. С. 4–82, 176–197; Качановский Ю.В. Дискуссия об азиатском способе производства на страницах зарубежной печати // Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971; Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества. Генезис и пути развития. К., 1989. С. 28–53; Он же. Історія світової цивілізації. К., 2000. С. 69–79, 134–150; Кораношвили Г.В. Докапиталистические способы производства. Тбилиси, 1988. С. 55–84.

² Струве В.В. Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока // ИГАИМК. 1934. Вып. 77. С. 78–81.

отдельными положениями, гипотезой, причем не «цельной», а рабочей¹. От себя заметим, что «цельной» концепции всемирной истории у Маркса с Энгельсом не было вообще. Таким образом, сформировалась пресловутая «пятичленка» как единая неуклонная линия развития всемирной истории.

Однако достигнутое с большими логическими потерями «единство всемирно-исторического процесса» путем растворения АСП в единой рабовладельческой формации было определено поколеблено теорией непосредственного перехода к феодализму от первобытности, минуя рабовладение у славяно-германских племен (прежде всего работы Б.Д.Грекова 30-х гг.). Понадобились дополнительные усилия в том духе, что, дескать, вышеназванный перечень формаций отражает логику и последовательность всемирной истории, а региональная история ей может и не соответствовать. Все что не укладывалось во всемирную логику, можно было смело относить к локальной, местной «специфике» и «особенностям».

Все-таки удельный вес этих «особенностей» продолжал неуклонно возрастать, и постепенно, после статьи А.И.Тюменева, утверждается точка зрения на древневосточные общества как на рабовладельческие, но особого типа, развивающиеся в рамках единой рабовладельческой формации своим особым путем, определявшимся конкретно-историческими условиями². Увеличивалось и количество материалов об особенностях феодализма на Востоке (напрашивалось нечто вроде «восточного феодализма»). Явно вырисовывалось несколько линий развития: первобытность – восточное рабовладение – восточный феодализм – колониализм; первобытность – античное рабовладение – феодализм – капитализм; первобытность – феодализм – капитализм и т.д. Все же эвристический потенциал самой пятичленки, ее способность к трансформациям, к более сложным нелинейным построениям оказался весьма ограниченным.

¹ Никифоров В.Н. Восток и всемирная... С. 133–134, 181.

² Тюменев А.И. Передний Восток и античность // ВИ. 1957. № 6. С48–62.

Пятичленная формационная схема была специфическим продуктом 30-х гг., отсюда, по мере развития исторической и историко-теоретической науки, особо заметны стали ее схематизм, несоответствие фактическим данным (где, например, доказательства решающей роли рабовладения в социально-экономическом развитии древних обществ, особенно восточных?), ее логические несуразности (в частности, согласно ей выходит, что средневековое китайское общество типологически более близко средневековому французскому, поскольку оба относятся к общей феодальной формации, нежели к древнекитайскому рабовладельческому) – все это и многое другое сделало неизбежным второй виток дискуссии по мере ослабления идеологического пресса со стороны советской партократии.

Исходным пунктом новой дискуссии можно считать монографию С.Е.Варги (1965), где он поставил под сомнение «окончательное решение» проблемы АСП в 30-е гг.¹ Однако старт новой дискуссии все же задали статьи Ж.Сюре-Каналья и М.Годелье в журнале «Народы Азии и Африки» в 1965 г., в которых обосновывался переходный характер (от бесклассового к классовому) обществ АСП². Нечто подобное утверждал и основоположник рабовладельческой формации В.В.Струве, правда, в отличие от французских марксистов, отрицая универсальность АСП, он видел необходимость его возникновения в организации крупных ирригационных работ³. Кульминацией дискуссии стали конференции в Институтах истории и востоковедения АН СССР, опубликованные в знаменитом «Общее и особенное...», где тон задавали голоса приверженцев АСП⁴. Вторая половина 60-х гг., наряду с журнальными статьями, ознаменовалась куда более

¹ Варга С.Е. Очерки по проблемам политэкономии капитализма. М., 1965.

² Годелье М. Понятие азиатского способа производства и марксистская схема развития общества // НАА. 1965. № 1. С. 102–104; Сюре-Каналь Ж. Традиционные общества в Тропической Африке и марксистская концепция «азиатского способа производства» // НАА. 1965. № 1. С.101–102.

³ Струве В.В. Понятие «азиатский способ производства» // НАА. 1965. № 1. С. 105–110.

⁴ Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966.

фундаментальными работами (самая значимая¹). В начале 70-х гг., во многом благодаря воздействию партаппарата, взявшего курс на свертывание дискуссии, издаются работы главным образом сторонников пятичленки (отметим²). Наконец с целью «закрыть» дискуссию, дав окончательное разрешение проблемы, было призвано 2-е издание монографии В.Н.Никифорова³.

Рассматривая воззрения участников дискуссии как сторонников пятичленки, так и ее противников, следует отметить, что все они демонстрируют однолинейно-поступательную логику эволюционного процесса. «Азиатчики» просто вставляли еще одно звено в восходящий перечень формаций. Нюанс заключался только в трактовке структурообразующего начала АСП. Им называлось либо община (например⁴), либо государство⁵. Среди защитников своеобразия общественно-политического строя восточных обществ явно выделялись воззрения Ю.И.Семенова с его весьма экзотичным термином «кабаловладельческая формация»⁶. Сторонники «большой феодальной» формации⁷ или единой постпервобытной докапиталистической /раннеклассовой⁸, напротив, объединяли несколько звеньев. При этом раннеклассовое общество и

¹ *Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968.*

² Качановский Ю.В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства?. М., 1971; *Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971.*

³ Никифоров В.Н. Восток и всемирная... .

⁴ Тер-Акопян Н.В. Развитие взглядов К.Маркса и Ф.Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину // НАА. 1965. № 2. С. 74–88; № 3. С.70–85; Васильев Л.С., Стучевский И.А. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ // ВИ. 1966. № 5. С.77–90; Годелье М. Понятие азиатского... С. 102–104.

⁵ Меликишвили Г.А. К вопросу о характере древнейших классовых обществ // ВИ. 1966. № 11. С. 65–80; Андреев И.Л. О характере социальных связей в эпоху перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу // СЭ. 1971. № 2. С. 54–72; Виткин М.А. Восток в философско-исторической концепции К.Маркса и Ф.Энгельса. М., 1972.

⁶ Семенов Ю.И. Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации // Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968. С. 250–290.

⁷ Кобищанов Ю.М. Феодализм, рабство и азиатский способ производства // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966. С.42–47; Медведев Е.М. К вопросу о социально-экономическом строе древней Индии // НАА. 1966. № 6. С. 65–77.

⁸ Илюшечкин В.П. Проблемы формационной характеристики сословно-классовых обществ. М., 1986; Виткин М.А. Некоторые особенности развития докапиталистических формаций // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С.113–132; Меликишвили Г.А. К вопросу о характере древнейших классовых обществ // ВИ. 1966. № 11. С. 65–80; Он же. Некоторые аспекты вопроса о социально-экономическом строе ближневосточных обществ // ВДИ. 1975. № 2. С. 18–45.

АСП могли отождествляться, как, например, у Г.А.Меликишвили. Принципиально иной подход был продемонстрирован Л.С.Васильевым и И.А.Стучевским, обозначившими принцип полилинейной эволюции, в основе которой лежит специфический тип общины¹, что отчетливо перекликается с теорией полилинейной эволюции Дж.Стюарда. В аналогичном направлении движется и мысль Ф.Текеи (венгерское издание 1970 г., русское 1975-го²). Видимо, логика неэволюционизма с некоторым более чем десятилетним опозданием отчасти внедрилась и в марксистскую теорию формаций. Впрочем, две последние работы уже выбивались из рамок ортодоксального марксизма, особенно Ф.Текеи, так как в состав базиса были включены исторические общности людей (общины), а сущность ПО в итоге составляли не отношения эксплуатации, а связи между индивидом, общиной и средствами производства, как бы сейчас выразились, средства коммуникации. Все это вызвало критику «охранительного» направления за то, что, дескать, антимарксистски вычленять формации не по базисным (форма собственности/способ эксплуатации), а по надстроечным (община) элементам.

Таким образом, в условиях жесткого идеологического пресса дискуссия хотя и переварилась в собственном соку, но выявилась предельность жестких линейных схем. Рабовладельческая концепция начинает сближаться с «азиатской», включая ее сущностные параметры в разряд специфических особенностей восточного рабовладения, а потом и феодализма. В результате древневосточные общества стали рассматриваться как параллельный, хотя и не «магистральный» путь развития, а не как предварительный этап античного классического рабовладения. Это закрепилось как на исследовательском³, так и на

¹ *Васильев Л.С., Стучевский И.А.* Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ // ВИ. 1966. № 5. С.77–90.

² *Текеи Ф.* К теории общественных формаций. Проблемы анализа общественных форм в теоретическом наследии К.Маркса. М., 1975.

³ *Кузищин В.И.* Античное классическое рабство как экономическая система. М., 1990.

учебно-методическом уровнях¹. Аналогичные процессы происходили и с трактовкой средневековых обществ Востока, где получила распространение концепция «восточного феодализма»². Однако при этом были жестко закреплены переходные эпохи всемирной истории, по прохождении которых все классовые общества должны относиться к общей формации. Вводился непреложный график «прохождения» той или иной формации. Так, в Западной Европе после V в. можно говорить лишь о феодальной формации. На Востоке переход от рабовладения к феодализму был более размытым (III–VII вв.), но и там, после этого межформационного перехода, рабовладельческая формация повсеместно исчезла. Те же отношения, которые теперь стали именоваться «феодальными», в древних обществах в лучшем случае назывались «нерабовладельческими», а то и просто никак. «Азиатской» и «древнефеодальной» концепциям вменялось в вину игнорирование законов диалектики, постулирование «антиисторичной» теории неизменности восточных обществ.

Однолинейность формационной схемы существенно корректируется эстафетно-стадиальной теорией Ю.И.Семенова, первый вариант которой был представлен в 1970 г., где формации рассматривались как исторические типы социальных организмов, как ступени их развития и как стадии всемирной истории³. Момент передачи исторической эстафетной палочки, то есть когда одна мировая система сменяет другую, определялся им сугубо по количественным параметрам – «общество в целом находится на той ступени развития, к которой относится большинство существующих в данный момент социальных организмов, или в условиях, в которых живет большинство человечества»⁴.

¹ *История древнего Востока. М., 1979. С. 10.*

² *Качановский Ю.В. Рабовладение, феодализм... С. 130–131,231; Ашрафян К.З. Восточный феодализм: особенности структуры // Экономическая история. Исследования. Историография. Полемика. М., 1992. С. 142 – 165.*

³ *Семенов Ю.И. Теория общественно-экономических формаций и всемирно-исторический процесс // НАА. 1970. № 5. С. 88–93.*

⁴ *Семенов Ю.И. Марксистско-ленинская теория общественно-экономических формаций и исторический процесс // ФН. 1973. № 5. С. 10.*

Подобный подход препятствует конкретизации самого феномена всемирного межформационного перехода. Когда, например, античная формация сменила «азиатскую», если большинство человечества в это время жило в дальневосточном (Китай) и южноазиатском (Индия) регионах? Переход к капитализму во всемирно-историческом масштабе также придется относить никак не ранее индустриального переворота.

Еще больший удар по универсальной однолинейной формационной теории нанесли, на наш взгляд, концепции Л.Н.Гумилева и Л.С.Васильева на рубеже 70-х - 80-х гг.

В этнологической концепции Л.С.Гумилева, представленной в 1979 г., впервые в советской историографии была предпринята попытка имплементировать в теорию этноса, ряд положений из биологической теории эволюции. Прежде всего было введено понятие об этноландшафтной системе, представляющей единство этноса и вмещающего ландшафта, что являлось дальнейшим развитием категории «месторазвитие» в евразийстве, но в то же время данный подход можно сопоставить и с экосферной теорией эволюции (ЭТЭ) в биологии. Далее, наряду с понятием «поступательное движение» (социальный прогресс) им постулируется «вращательное» и «колебательное» движения этносистемы, к которым понятия «вперед» и «назад» неприменимы¹, а также «адаптивный» путь развития – сосуществование со вмещающим ландшафтом и, видимо, преобразовательный / «перестроечный» (Л.Н.Гумилев говорит о перестройке среды обитания²). Переключка с северцевской теорией многообразия форм биологической эволюции здесь очевидна. Также пассионарный взрыв вполне переключается с мутационным всплеском в СТЭ, но если в последней естественный отбор устраняет его вредные последствия и

¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2001. С. 256.

² Там же. С.368,448.

закрепляет полезные, то в концепции Л.Н.Гумилева подобный механизм никак не разработан, а лишь говорится о «заразительности» пассионарности (напр.¹).

Не меньший вклад в размывание истматовских догм внесла редистрибутивная концепция власти–собственности Л.С.Васильева, выдвинутая им под явным воздействием авторов теории раннего государства², которая почти сразу же вызвала критику как попытка реставрации антимарксистской «организационной» теории возникновения государства. Развитие подобных воззрений вело к дихотомической концепции европейского и неевропейского (государственный способ производства) пути развития, которая уже спустя всего несколько лет действительно противопоставит себя марксизму.

Очередной вызов ТОФ связан с цивилизационным подходом, игнорировать который советская историко-философская мысль к началу 80-х гг. оказалась просто не в состоянии, что вылилось в бурное обсуждение, отраженное в ряде изданий³. Лейтмотивом стало стремление в рамках формационного подхода найти место и для цивилизационного. Были предприняты усилия по разработке общей теории цивилизации, интегральному определению сущности данного понятия, не ограничиваясь простым описанием конкретных социальных образований. Словом, цивилизационная теория строилась по образцу формационной. Таковы прежде всего работы Л.И.Новиковой⁴. Связь между обеими категориями выстраивалась по принципу строгой субординации: формация отражает всеобщность исторического процесса, цивилизация – лишь качество особенного (см.,напр.⁵). Иногда применялся и принцип дополнительности, и тогда они соотносились как

¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера... С.282–283.

² Васильев Л.С. Становление политической администрации // НАА. 1980. № 1. С.172–186; *Он же*. Протогосударство–чифдом как политическая структура // НАА. 1981. № 5. С.157–175; *Он же*. Феномен власти–собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 60–99.

³ *Цивилизация и исторический процесс*. М., 1983.

⁴ Новикова Л.И. Цивилизация и культура в историческом процессе // ВФ. 1982. № 10. С. 53–63; Завадский С.А., Новикова Л.И. Искусство и цивилизация. М., 1986.

⁵ Шморгун А.А. Методологическая функция теории общественно-экономической формации. К., 1990. С.39.

стадиальное измерение истории человечества/социальная революция и синхронное/преемственно-кумулятивное¹. Однако четкой категориальной схемы в рамках цивилизационного подхода создать не удалось ввиду многомерности самого понятия «цивилизация». Циклические трактовки размывали строгость стадиальных, и наоборот.

Становится очевидным, что с начала 70-х гг. категориальный прирост ТОФ практически прекратился, хотя изложение ее догматов достигло высшей степени изящества, наподобие высокой схоластики, примером чему является, в частности, труд В.Ж.Келле и М.Я.Ковальзона². Историческое направление по традиции отстаивало теорию единой рабовладельческой формации, выдвигая теорию «подневольных работников рабского типа»³, но все это скорее замораживало проблему, нежели разрешало ее. Действительно, начало перестройки и последовавшая за ней гласность дали старт новому витку дискуссии.

Началом стала статья Л.Б.Алаева, задавшегося целью вывести экономический закон феодализма⁴, что не получило никакой поддержки, и далее первый этап дискуссии (1987–1989) поразительно напоминал прошлый. Вновь были представлены различные трактовки АСП. На этот раз Ю.И.Семенов предложил очередной, но, теперь как нам представляется, весьма удачный термин – «политарная формация», несколько скорректировав свою эстафетно-стадиальную схему⁵. Г.В.Кораношвили актуализировал концепцию «сельско-общинной» формации⁶. Среди теорий единой докапиталистической формации

¹ *Шемякин А.Л.* Проблема цивилизаций в советской научной литературе 60–80-х гг. // *История СССР.* 1991. № 5. С.94–95,98–101.

² *Келле В.Ж., Ковальзон М.Я.* Теория и история. М., 1981.

³ *Дьяконов И.М.* Рабы, илоты и крепостные ранней древности // *ВДИ.* 1973. С. 3–29; *Коростовцев М.А.* Опыт применения системного анализа в исследовании раннеклассового общества // *НАА.* 1973. № 6. С. 66–73.

⁴ *Алаев Л.Б.* Формационные черты феодализма и Восток // *НАА.* 1987. № 3. С.78–90.

⁵ *Семенов Ю.И.* Типология ранних форм эксплуатации // *НАА.* 1985. № 4. С.59–68; *Он же.* Социально-экономический строй Древнего Востока: современное состояние проблемы // *НАА.* 1988. № 2. С. 151–165.

⁶ *Кораношвили Г.В.* Докапиталистические способы... .

следует отметить воззрения Г.С.Киселева¹, В.П.Илюшечкина² и Ю.В.Павленко³. Последний под термином «раннеклассовая формация» во многом воспроизводил дихотомическую схему Л.С.Васильева, который смог уже более последовательно, не озираясь на истматовские догматы, излагать свою концепцию, в основном сложившуюся в начале 80-х⁴.

Однако уже в 1989 г. ход дискуссии стал выбиваться из узких рамок марксистско-ленинской теории. В ходе «круглого стола» в редакции журнала «Вопросы философии» (тема «Формации или цивилизации?») рядом исследователей были высказаны сомнения в научной состоятельности формационного базисно-надстроечного детерминизма и однолинейной эволюции⁵. Примечательно, что здесь И.Н.Ионов задействовал северцевскую теорию многообразия эволюционных форм, на что мы уже обращали внимание выше. Свой синтез биологического и исторического эволюционизма предложил Э.С.Кульпин (концепция социоестественной истории)⁶.

В конце концов А.Я.Гуревич высказал мнение о предельности самой формационной теории, несостоятельности ее претензий на универсальность⁷, данный тезис в еще более категоричной форме был высказан Б.С.Ерасовым, который фактически призвал заменить формационный подход цивилизационным⁸. Вскоре именно данная точка зрения оказалась доминирующей уже в постсоветской историографии (См., напр., Вестник МГУ, сер. 12, 1992, № 1). Впрочем, достаточно распространенными были воззрения,

¹ Киселев Г.С. Присвоение человека: о специфике социальной связи на традиционном Востоке // НАА. 1989. № 6. С.66–74.

² Илюшечкин В.П. Сословно-классовое общество... ; Он же. О происхождении понятия «феодализм» // НАА. 1987. № 6. С.72–85; Он же. Эксплуатация и собственность... ; Он же. Теория стадийного... .

³ Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества... .

⁴ Васильев Л.С. Что такое «азиатский способ производства»? // НАА. 1988. С. 65–75.

⁵ Формации или цивилизации (материалы «круглого стола») // ВФ. 1989. № 10. С. 49–50, 53–57.

⁶ Кульпин Э.С. Концепция социоестественной истории Китая // НАА. 1988. № 6. С.25–38; Он же. Человек и природа в Китае. – М., 1990.

⁷ Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории // ВФ. 1990. № 11. С.31–43.

⁸ Алаев Л.Б., Ерасов В.С. Формация или цивилизация? // НАА. 1990. № 3. С.46–56; Ерасов Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке. М., 1990.

предлагающие совместить формационный и цивилизационный подходы, но уже на принципах равноправия и комплементарности (в частности¹ и др.). Оригинальную дихотомическую модель соотношения социологического (формационного) субстрата и этнологического (неформационного) предложил М.А.Барг². «Европейский тип эволюции» в конечном счете в индустриальном периоде ознаменовался возобладанием первого, а «восточный» – второго. Данные исторические типы эволюции, кроме того, разводятся между собой как линейный (кумулятивный) и циклический (экстенсивный)³. Здесь же особо подчеркивается, что к цивилизациям «органического» (то есть неевропейского) типа формационная периодизация (следовательно, и соответствующая парадигма) оказывается неэффективной.

Весьма показательным представляется завершение последней дискуссии. Если две первые, несмотря на выдвижение генеральной линии, все же продолжали некоторое время тянуться по инерции, постепенно затухая, то с крахом социализма третья дискуссия внезапно прекратилась как таковая, словно по мановению руки незримого дирижера. Придерживаться формационной теории стало моветоном, а экономический редукционизм меняется на культурологический. Цивилизационная концепция зачастую абсолютизируется, выступая как нечто самодостаточное, не нуждающееся в серьезной методологической проработке, где тойнбианство или мир-системный подход в его двух вариациях (броделевской и валлерстайновской) заняли место прежних «великих» теорий (достаточно емкий обзор современного состояния

¹ Поздняков Э. Формационный и цивилизационный подходы // МЭМО. 1990. № 5. С. 49–60; Студенцов В. Общецивилизационный и формационный подходы // МЭМО. 1991. № 6. С. 52–57; Алаев Л.Б. Марксизм и проблемы обновления теории // МЭМО. 1991. № 4. С.60–69; Панфилова Т.В. «Формационный» и «цивилизационный» подходы: возможности и ограниченность // ОНС.1993.№ 6. С. 84–97; Ковалев А.М. Еще раз о формационном и цивилизационном подходах // ОНС. 1996. № 1. С. 97–104.

² Барг М.А. О категории «цивилизация» // ННИ. 1990. № 5. С.25–40.

³ Там же. С.39.

цивилизационного подхода, см.¹, также в данном контексте заслуживает внимания²). Впрочем, постмодернистская ирония разрушила и саму цивилизационную теорию на конгломерат микротеорий и микроисторий, что вызвало к жизни и контртенденцию в виде универсальной микроистории³. Размытость цивилизационного подхода, отсутствие в нем единых методологических ориентиров и, соответственно, невозможность построения универсальной парадигмы заставляют многих исследователей говорить о том, что данная теория представляет собой не более чем условно-конвенциональный способ описания общезначимых явлений культуры. Об универсалистских притязаниях синергетики мы уже говорили.

В этой связи для нас особый интерес представляют нелинейные концепции эволюции синтезного типа. В этом направлении с начала 90-х гг. (из сборника «Архаическое общество...»)⁴ движется мысль А.В.Коротаева, который, выделяя трансформационный и адаптивный пути развития, рассматривает альтернативы государственности, когда усложнение социальной структуры подрывало среду обитания социума⁵. В трудах тех исследователей, где доминирует стадийный принцип, нелинейные процессы оказываются загнанными в линейную структуру в виде ее простых приращков. Подобные теории претендуют на универсальность, но обнаруживают ограниченность своих эвристических возможностей.

Так, в эстафетно-стадийной парадигме Ю.И.Семенова, когда в качестве центра всемирной истории выдвигается средиземноморская историческая арена, а далее говорится о магистральной линии развития всемирно-исторического

¹ *Ионов И.Н.* Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. М., 2007. 391–465; *Ястребицкая А.Л.* О культур-диалогической природе историографического: Взгляд из 90-х // XX век: Методологические проблемы исторического познания. М., 2001. Ч. 1. С. 8–53.

² *Рашковский Е.Б.* Смыслы в истории: Исследования по истории веры, познания и культуры. М., 2008.

³ *Репина Л.П.* Парадигмы социальной истории в исторической науке XX столетия (Обзор) // XX век: Методологические проблемы исторического познания. М., 2001. Ч. 1. С.70–100.

⁴ *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития.* М., 1991. Вып. 1.

⁵ *Коротаев А.В.* От вожества к племени? Некоторые тенденции политических систем Северо-Восточного Йемена за последние две тысячи лет // ЭО. 1996. № 2. С. 38–52; *Бондаренко Д.М.* Многолинейность социальной эволюции и альтернативы государству. Рассуждения в связи с монографиями А.В.Коротаева // Восток. 1998. № 1. С.195–202.

процесса через Европу, начиная с VIII в. до н.э.¹, ситуация в докапиталистическую эпоху оценивается с точки зрения реалий всемирного доминирования Запада. Действительно, трудно найти объективные критерии отставания Китая от Западной Европы вплоть до XV–XVI вв. Окончательно же превзойти Восток Западу удалось лишь с началом промышленного переворота, действительно положившего начало всемирной истории и единому пространству/времени.

Концепции К.М.Кантора, И.М.Дьяконова и Н.С.Розова построены на одном и том же методологическом принципе². С одной стороны, вычленяются стадии-фазы всемирной истории (у К.М.Кантора витки), в рамках которых выделяются типы-аттракторы³. В результате по совокупности признаков Н.С.Розов выделяет 6 фаз, а И.М.Дьяконов – 8⁴. Подобная универсальная шкала у Н.С.Розова объединяет в рамках единой фазы весьма разнотипные общества, что позволяет усомниться в синтезирующих качествах самой схемы. Например, к Нововременной фазе отнесены как страны раннего и классического капитализма, так и фашистские режимы и постколониальные общества. К тому же ряд признаков, по которым они объединяются в рамках единой фазы, имеют избирательный характер (в частности, массовая коммуникация как общий признак 5-ой фазы)⁵. Более того, современный Афганистан отнесен к 3-ей фазе вместе с Шумером, Аккадом и античной Грецией⁶.

У И.М.Дьяконова даже уже вполне признанный современной исторической наукой факт невозможности автохтонного возникновения капитализма в неевропейских обществах трактуется как небольшое запаздывание,

¹ Семенов Ю.И. Всемирная история в самом кратком изложении // Восток. 1997. № 2. С. 5–24.

² Кантор К.М. Двойная спираль истории. Историсофия проективизма. М., 2002. Т. 1.; Дьяконов И.М. Пути истории. М., 1994; Розов Н.С. Структура социальной онтологии: по пути к синтезу макроисторических парадигм // ВФ. 1999. № 2. С. 3–22.

³ Розов Н.С. Структура социальной онтологии... С. 8.

⁴ Розов Н.С. Структура социальной онтологии... С. 8–11; Дьяконов И.М. Пути истории... С. 16,22–23,69,152,205,341.

⁵ Розов Н.С. Структура социальной онтологии... С.10.

⁶ Там же. С.9.

обусловленное случайными или второстепенными условиями: Африка – природные условия, Ближний, Средний Восток и Китай – вторжения кочевников и т.п.¹. Мы оставляем здесь в стороне вопрос о том, можно ли считать феномен окружающей среды случайным или второстепенным условием, отметим только, что ныне данное положение выглядит несколько архаичным.

Теории экологичности доиндустриальных обществ находят все новые подтверждения, а принципы социоестественной истории, коэволюции общества и природы, вполне убедительно доказывающие недопустимость трактовки вмещающего пространства как чего-то сугубо внешнего и малозначимого по отношению к обществу, становятся одними из наиболее влиятельных в историографии². На поверхности лежит и тот факт, что хотя страны ЮВА практически избежали нашествий кочевников, но это не приблизило их стадияльно к европейскому капитализму и в Новое время. В исторической науке отсутствуют сколько-нибудь серьезные доказательства того, что неевропейские общества двигались в том же направлении, что и европейские, и лишь «случайность» стала причиной того, что в XVIII-XIX вв. Западная Европа стала центром мирового исторического развития, что капиталистическая система распространялась в результате колониальной экспансии Запада, а не, скажем, Китая.

Не меньшие искажения вызывают теории, абсолютизирующие синхронное измерение. Концепции «локальных цивилизаций» не позволяют раскрыть глобальные закономерности всемирной истории, которые не могут быть выведены из циклов региональных пространственно-временных континуумов. Именно это обстоятельство привело К.Ясперса к теории «осевого времени», а А.Тойнби – к понятию «универсальная цивилизация». Линейно-поступательное

¹ Дьяконов И.М. Пути истории... С. 205–206.

² Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае...; Он же. Основы социоестественной истории // Восток. 1994. № 1. С. 29–38; Моисеев Н.Н. Еще раз о проблеме коэволюции // ВФ. 1998. № 8. С. 26–32; Клименко В.В. Климат и история в эпоху первых Высоких культур // Восток. 1998. № 4. С. 5–24.

развитие реально проявляется в глобальных стадиях технологического развития, в усложнении и росте социальных систем, в интеллектуальном потенциале и ряде других факторов, выделенных исследователями¹. Помимо этого, исторической науке неизвестен факт необратимого возвратного движения социальных организмов («социор», по Ю.И.Семенову) в глобальных масштабах. Стадиальные и астадиальные, линейные и нелинейные процессы обладают своей собственной природой, невыводимы друг из друга и не могут быть определены через категории первичное-вторичное, причина-следствие и т.п. Отсюда возникает проблема соотношения между линейным и нелинейным, синхронным и диахронным стадиальным и астадиальным в историческом процессе.

2.2. Синхронность и диахронность общественной эволюции

Если пространство и время, соответственно, синхронность и диахронность есть разные полюса/измерения Исторического континуума (см.П.2), то что определяет саму историческую процессуальность? Чем отличаются, в частности, глобальные общественно-эволюционные процессы от формационных и циклических? Естественно, что таковые не могут быть определены через механический синтез различных подходов. Однако данное положение несколько не приближает нас к разрешению этой проблемы. Формационная и цивилизационная парадигмы дают здесь разные ответы. Глобалистика же и мир-системный подход, уходя от однозначных определений, связывают ее с понятием глобальной структуры истории. Последняя рассматривается через смену субструктур: локальной, всемирной и всеобщей в перспективе². Не претендуя на разрешение всех поставленных вопросов, попытаемся соотнести глобально-эволюционные процессы истории с параметрами (координатами) их развертывания.

¹ Назаретян А.П. Векторы исторической эволюции // ОНС. 1999. № 2. С. 112–125; Коротаев А.В. Тенденции социальной эволюции // ОНС. 1999. № 4. С.112 – 125.

² Чешков М.А. Понимание целостности мира... С.42–44.

Для осмысления исторической процессуальности могут быть задействованы две модели: а) восходящая линия (сплетение линий) с фазовыми (стадиальными) переходами с одного уровня на другой и б) многомерное эволюционное пространство/поле. Последняя парадигма лежит в основе теоретических воззрений А.В.Коротаева¹. Мы также с самого начала склонялись именно к подобной модели². Нетрудно заметить, что именно к ней тяготеют нелинейные модели эволюции. Они трактуют развитие не через последовательную смену одного качества другим, а основываются на принципах дополнительности, обоюдной трансформации, где эволюция осуществляется через поворот той или иной грани, дающей свое измерение объекта. Универсальность классических законов диалектики уже не представляется столь безусловной. Эволюционные процессы разворачиваются не только и не столько на основе связей соподчинения, не через качественное преобразование низших форм высшими, а путем формирования более сложной многоуровневой системы, где низшие слои сохраняют свою специфику и качественную определенность, становясь одной из ипостасей последующей формы.

Стадиальность глобальных процессов общественной эволюции не может быть всецело сведена лишь к формационному способу разворачивания исторически определенных типов общественного устройства (европейские общества от античности до капитализма). Тем самым расширенное понимание формационного развития должно быть пересмотрено в пользу его более узкого толкования, отказа от жесткой взаимосвязи с универсально-временными характеристиками как олицетворением единства мирового исторического процесса. Понятие стадиальности нуждается в специальных исследованиях на качественно новых принципах через хоро-хронологические параметры, изучение пространственной детерминации данного объекта, через взаимодействия

¹ *Коротаев А.В.* Социальная эволюция... С..91.

² *Попов В.Б.* Объемные модели... С.89–93.

различных исторических типов социальных систем в ходе общественной эволюции.

Таким образом, во всемирно-историческом процессе стадильность обладает более широким содержанием, нежели формационность, которую можно рассматривать как одно из ее проявлений. Истоки же самой стадильности кроются в дихотомической (синхронно-диахронной) структуре Исторического континуума. Однако возникает вопрос и о трансформациях самого континуума: насколько таковые могут быть отражены в вышеназванной объемной (континуумной) модели? На наш взгляд, они оказываются сопричастны полюсам Исторического континуума. Он то вытягивается в дихотомию (усиление фактора времени), создавая стадильную иерархию исторических типов социетальностей, то разворачивается в пространстве однотипных образований (синхрония). Данный феномен описывается Тейяром де Шарденом в виде схлопывающегося и раскрывающегося веера исторических эволюционных форм¹. Сам Исторический континуум, по мере приближения к одному из полюсов, выступает то как хронотоп (диахрония/время), то как топохрон (синхрония/пространство).

Как уже указывалось выше, в научной литературе проблема соотношения линейных и нелинейных форм представлена достаточно широко, а тезис о многообразии типов социальной динамики, формирующих соответствующие пространственно-временные континуумы, занимает доминирующие позиции. Классикой стали циклические концепции О.Шпенглера, А.Тойнби, П.Сорокина, А.Тоффлера, С.Кузнецца, Й.Шумпетера, Н.Д.Кондратьева и А.Шлезингера-мл., воззрения которых анализировались бесчисленное количество раз, и здесь вряд ли можно добавить что-то существенное. Однако в этой связи нас прежде всего интересует проблема соотношения данных разноуровневых исследований.

¹ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Божественная среда. М., 2011. С.312,рис.4,329–330,345–347,364–365.

Как нам видится, исследование нелинейных процессов осуществляется на двух слабо стыкующихся друг с другом уровнях. Первый – это эмпирический, местами переходящий на теоретический (историологический, политологический, экономико-теоретический, глобально-экологический и т.п.), другой – изначально развертывается на философском уровне, зачастую нисходящем до теоретических разработок соответствующих дисциплин.

В качестве базовых понятий, отражающих динамику нелинейных процессов, наиболее часто упоминаются цикл и волна. В.Л.Алтухов приводит более расширенный перечень, помимо упомянутых, он называет еще и спираль, зигзаг, маятниковую пульсацию и более сложные – наложенную волну, сдвоенную спираль¹. В.В.Василькова отдает приоритет волновым изменениям как синтезу поступательности и цикличности², впоследствии к волновым добавляются циклические процессы, при этом оба типа социальной динамики разводятся ею на разные уровни системы³, но непонятно какие, равно как неясно и соотношение между ними. Далее указывается, что циклы проявляют себя в макромасштабных процессах⁴. Значит ли это, что волновые явления также «макромасштабны», – остается загадкой, как и то, что относить к «микромасштабному» измерению. В.В.Карнаух, выдвигая на первый план волновую динамику в духе А.Тоффлера, говорит о трех глобальных волнах, в то же время переносит циклическое движение на цивилизационный уровень («полный жизненный цикл цивилизаций»)⁵. Здесь он выделяет два уровня исследования волн – исторический (конкретно-исторический) и теоретический (уровень типологических обобщений)⁶.

¹ Алтухов В. О смене порядков.... С.6.

² Василькова В.В., Яковлев В.Н. Волновые процессы в общественном развитии. Новосибирск, 1992. С.22.

³ Василькова В.В. Порядок и хаос... С.286.

⁴ Там же. С. 287.

⁵ Карнаух В.К. Волны цивилизаций. СПб., 1998. С.5,7–13.

⁶ Там же.. С.7.

Более последовательно идею синтеза циклических и волновых процессов, на наш взгляд, проводит В.И.Пантин, который различает три подхода: поступательный, циклический и волновой¹. Волнообразность у него – не простая сумма поступательного и кругового (циклического) развития, это новое качество с соответствующей пространственной структурой². Волновой тип представляет прогресс и деградацию одновременно в каждой точке развития, взаимодействующие в синергетике как порядок и хаос³. Он имеет вид сплошной спирали, витки которой могут перекручиваться, менять свою форму⁴. Заметим, что в синергетической концепции В.В.Васильковой именно чередование порядка и хаоса задает структуру волновых процессов⁵. В более поздней работе В.И.Пантин говорит о волнообразности, а не цикличности российской цивилизации, где поступательная составляющая выражена куда сильнее, чем у восточных цивилизаций⁶.

В.Л.Алтухов наряду с вышеназванным многообразием пространственно-временных форм развития постулирует два типа социальной динамики, представляющие, по идее, макроуровень общественной эволюции, – эволюционно-волновой и катастрофический⁷. Первый характеризуется инвариантной колебательной структурой, а второй – полным разрушением прежней системы и отождествляется с формационным развитием. Сразу отметим, что данные термины представляются нам не вполне удачными. Так, понятие «эволюция» имеет более широкое значение, синонимичное категории «развитие», чем то, которое вкладывает в него автор (плавная, непрерывно-поступательная процессуальность). Термин «катастрофическое» развитие несет чрезмерно

¹ Пантин В.И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М., 1997. С.6–10.

² Там же. С.11–12.

³ Там же. С.12.

⁴ Там же. С.19.

⁵ Василькова В.В., Яковлев В.Н. Волновые процессы... С.30–31,52–57; Василькова В.В. Порядок и хаос... С.210–212.

⁶ Пантин В.И. Циклы и волны социального развития: цивилизационная динамика и процессы модернизации. М., 2004. С.114.

⁷ Алтухов В. О смене порядков... С.18–21.

негативную нагрузку, а помимо разрушения формационная динамика обладает еще и линейно-прогрессистским началом. Что же касается волнового развития, то здесь возникает вопрос о пригодности данного термина для описания макро/социетальных эволюционных процессов.

И.М.Савельева и А.В.Полетаев решительно разводят два понятия – волна и цикл. Волны – это колебания определенной периодичности, скорее техническое (статистическое) понятие, циклы же имеют не столько технический, сколько содержательный смысл¹. Впоследствии они вообще выносят волновые процессы за рамки макротеоретического уровня, выделяя только две модели описания социальной динамики: циклическую и стадильную². В вопросе их эвристической значимости авторы в целом занимают веберовскую позицию, все же отдавая приоритет стадильным подходам, на что мы уже обращали внимание.

В.В.Лапкин в этой связи указывает, что попытки формального применения циклической схемы к конкретным процессам бесперспективны, представляя очередное «искушение эмпиризмом»³. «Эмпирическая цикличность» условна, но из этого не следует делать выводы об условности любых циклических подходов, поскольку количественные закономерности не работают в отрыве от методологических вопросов⁴. Следовательно, сами по себе, взятые изолированно, «реальные процессы» не могут опровергнуть теоретических построений, так как относятся к иному уровню исследования, а подтвердить или опровергнуть теорию может лишь другая теория, объясняющая более масштабный контент «фактажа» («прогрессивное развитие научно-исследовательской программы», по И.Лакатосу). В качестве базисных понятий нелинейной динамики В.В.Лапкин называет волну, цикл и ритм⁵. Данные понятия не определены им с категориальной определенностью, также неясно и соотношение между ними,

¹ Полетаев А.В., Савельева И.М. Циклы Кондратьева и развитие капитализма. М.,1993. С.14.

² Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время... С.357–465.

³ Лапкин В.В. Циклы, ритмы, волны... С.26, прим.

⁴ Там же. С.27.

⁵ Там же.

однако по ходу изложения можно заключить, что ученый объединяет их в рамках некоей общей «циклически-волновой парадигмы»¹. Контуры данной парадигмы едва обозначены. Цикл определяется как ведущий и самодостаточный механизм эволюции и контроля над процессами жизнедеятельности системы в целом, как сложноорганизованная система, обуславливающая динамику и механизмы воспроизводства неравновесных процессов. Для исследования крупномасштабных социальных изменений (хронополитические сдвиги, волны модернизации и т.п.) он предлагает модель пространственно распределенной системы, образующую возбудимую среду. Последнюю характеризует способность к генерации автоволновых процессов и центры автоколебаний, задающих ритм всей системе².

Из данного историографического экскурса прежде всего можно сделать вывод о недопустимости смешения разных уровней исследования, где социетальные схемы, подходы и модели не могут быть обнаружены в чистом виде в исторической конкретике. Разноуровневые и разнотипные циклы, накладываясь друг на друга, размывают общую динамику. На внутрисоциумном уровне циклические процессы то затухают, то вновь проявляются, не обнаруживая однозначной и строгой детерминации, что дает почву для скептического отношения к циклическим подходам вообще. Представляется необходимым выделить внутрисоциумный (уровень общественных сфер, вплоть до конкретики), социумный (динамика общества или цивилизации как целого) и надсоциумный – уровень глобальных (макросоциетальных) эволюционных процессов (маятник, цикл и т.д.), несмотря на всю их условность и метафористичность.

Отсюда имеет смысл терминологически разграничить «циклические» и «циклоидные» процессы, наподобие того как в научной литературе, правда без четкого категориального размежевания, применяются понятия «волновое» и

¹ Лапкин В.В. Циклы, ритмы, волны... С.29, 30, прим.

² Там же. С.31.

«волнообразное» движения. Таким образом, под циклоидным типом общественной эволюции мы понимаем более высокий уровень процессуальности, нежели эмпирически ориентированная цикличность, связанная с различными процессами общественной жизнедеятельности: экономическими, политическими, социокультурными, событийными и т.д. Волновые же процессы мы опускаем на ступеньку ниже, встраивая их в циклическую динамику, всецело разделяя позицию И.М.Савельевой и А.В.Полетаева относительно их природы. Волна отражает ритмику внутрисоциумных процессов в общественных сферах и не выходит на макросоциетальный эволюционный уровень. Колебательная процессуальность (волна) сама по себе не ведет к социетальным трансформациям, а разворачивается внутри циклических/циклоидных или стадийных форм. Тем самым общая типология макросоциетальной эволюции будет включать маятниковый, циклоидный, линейно-поступательный (формационный) и сопряженный типы.

В исходной (первичной) маятниковой форме социальная динамика выражена в колебательных процессах, которые впоследствии включаются и в структуру циклоидной формы. Пересечение циклоидного и формационного типов во времени и пространстве обуславливает переход к качественно новой форме – сопряженному развитию.

А.С.Ахиезер считает возможным в качестве самостоятельного типа социальной эволюции выделить инверсионное развитие, которое характеризуется резкими (зачастую катастрофическими) возвратными движениями от одного полюса (типа социальности) к другому¹. Оно занимает промежуточное место между маятниковым и циклоидным и в равной мере может считаться вариантом их обоих. Всем этим формам социальной динамики соответствует определенный

¹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Ч. 1. С. 312,314–317.

тип исторического времени: протовремя (маятник), циклическое, линейное, разнонаправленное («время-пульсар», по терминологии М.А.Чешкова)¹.

Маятниковая форма социальной динамики, как исходная, охватывает всю территорию расселения первобытных людей. В качестве импульса для колебательного процесса выступают естественно-природные факторы: настоящее, прошлое и будущее слиты здесь в единое «протовремя». Выделившийся из исходной формы циклоидный тип социальной эволюции соотносится с цивилизациями Востока и Мезоамерики.

Переход к производящей экономике и возникновение новой формы социальной организации – государственности (первоначально вдоль великих исторических рек) представляет уже прорыв в качественно иное измерение – циклоидное. Оно видится как некое усложнение маятникового. Зависимость от естественных циклов в локальных цивилизациях – ирригационных обществах также велика. В двух первых формах развитие осуществляется за счет создания устойчивых форм социальных связей, за счет приспособления к среде обитания. Понятие «адаптация» тем самым утрачивает свою чисто биологическую трактовку и воспринимается в широком смысле как свойство системы приводить себя в соответствие с изменяющимися условиями среды². При этом надо иметь в виду, что абсолютной адаптации не бывает, так как окружающие условия не остаются вечно неизменными. Приспособление может носить активный характер. Примером является уже ирригационная система древних обществ. Преобразующий момент, связанный с производящей экономикой, дает усиление кумулятивного момента. Особенно это заметно в эпоху доминирования военно-аристократических держав Ближнего Востока (с Новоассирийской империи). Так что циклизм развития неевропейских обществ не следует понимать как монотонное колебание в горизонтальной плоскости и абсолютное возвращение к

¹ Чешков М.А. Понимание целостности... С. 41–42.

² Маркарян Э.С. К экологической характеристике развития этнических культур // Общество и природа. М., 1981. С. 96–109.

исходному пункту, объемность эволюции создает вращательный момент в меняющихся плоскостях, что приводит к возникновению новых качеств в поступательном измерении.

Циклический момент здесь разворачивается уже не столько через свою привязку к экологическим факторам, как в первобытных и отчасти ирригационных хозяйственно-организаторских обществах, а в виде колебательных процессов между двумя социетальными полюсами: индивидуальным и коммунитарным. Причем максимальное приближение к какому бы то ни было из них не переводит общество на новый этап развития, а подрывает всю его социальную структуру, в результате чего оно оказывается беспомощным перед вторжением извне. Гибель III династии Ура с ее царско-храмовыми комплексами (древний аналог колхозов) и Нововавилонского царства (широкое развитие частнособственнической, особенно ростовщической эксплуатации) – примеры можно умножать в огромном количестве.

Линейное измерение, связанное с кумулятивным аспектом деятельности и высвобождением стреловидного исторического времени, прорывает циклоидность в его периферийном регионе – Балканском, в виде античной мутации, в результате чего циклическое время стало разворачиваться в спираль, витки которой постепенно становились все меньше. Раскручивающаяся спираль приобрела характер линейно-поступательного (формационного) развития. При этом линейная парадигма впервые появляется в духовном континууме христианской культуры (историческая концепция Аврелия Августина). Предформационные трансформации (античность и феодализм) подготовили формационный пространственно-временной континуум, реально проявивший себя в эпоху генезиса капитализма и ранних буржуазных революций.

Окончательно оформившийся к Новому времени в качестве особого формационного организма (капитализм), соответствующий эволюционный тип вышел за пределы своих территориальных рамок, вступив во взаимодействие с иными формами социальной динамики, что обусловило переход от локальной

истории ко всемирной. Деятельность окончательно приобрела самодетерминирующий характер. Процессы самовозрастания капитала избавились от внешних ограничений и стали контролироваться только состоянием рыночного пространства, стремясь к «дурной» бесконечности.

В результате этого всплеска социальной энергетике произошла глубокая трансформация всех форм, и в условиях их возросшей взаимозависимости сложился качественно новый тип развития – сопряженный, характеризующийся через синхронное развитие нескольких ветвей эволюции, с одной стороны, и через возрастание их опосредованных воздействий друг на друга – с другой. Нелинейные формы социальной динамики не были и не могли быть ликвидированы, подобно тому, как диахронное измерение не может «отменить» синхронное. Как линейно-формационное развитие структурировалось внутри нелинейного, так теперь нелинейные типы социодинамики оказались внутри линейности.

Выявившаяся исчерпанность линейного развития выразилась как в феномене мутантных тупиковых форм – тоталитарное мирообразование в его различных вариантах, так и в начавшихся процессах перехода к постиндустриальному обществу на Западе через усиление роли неэкономических факторов. В неевропейской ветви развития сложилась общность развивающихся стран (ОРС) как качественная трансформация нелинейного развития, возникшая в результате разрыва преемственности, как некий гибрид линейных, маятниковых и циклоидных форм. На рубеже XX-XXI вв. тьермондиализм пришел и на Запад. Евклидово пространство классической формационности искривляется, стадильная определенность прошлого, настоящего и будущего размывается в «открытом» времени, в одном и том же континууме разворачиваются сразу несколько измерений, порой никак не пересекающихся друг с другом.

Попытки восстановить стадильную иерархию в стратегемах вестернизации, модернизации или «догоняющего» развития обнаружили либо полную несостоятельность, либо ограниченность воздействия. Даже в тех

анклавных образованиях, где модернизационные усилия имели видимые успехи, таковые были достигнуты не благодаря имитирующим технологиям, а вопреки им. Сближаясь с западными образцами по технико-технологическим и организационным параметрам, они расходятся по отношениям собственности, управления, культурно-цивилизационным детерминациям¹. Создается впечатление, что третьемировская общность, возникшая вследствие разрыва со своим историческим прошлым, оказалась замкнутой в континууме «смещенного» пространства/времени. Стремления вырваться в «нормальный» хронотоп, формируемый западной мироцелостностью, лишь плодят множество новых превращенных форм, новых пространственно-временных континуумов (субконтинуумов).

Каждая форма социальной динамики обнаруживает тесную взаимосвязь с определенной региональной общностью. Конечно, не природно-географические условия определяют соответствующий тип развития, однако экосферный характер вмещающего пространства является неотъемлемым условием объемной общественной эволюции. Так, гетерогенность геопространства западноевропейского региона, расчлененность его ландшафта, отсутствие доминирующего центра (на Дальнем Востоке – Великая Китайская равнина), сочетание нескольких климатических поясов, «полуостровной» характер Западной Европы – то есть взаимопроникновение моря и суши, все это способствовало возобладанию факторов социальной детерминации, идущей от способа производства². Там же, где общества жестко вписаны в среду обитания, развитие носит циклический характер: социальная детерминация блокируется экологическими и социокультурными факторами, о чем уже говорилось выше. Из

¹ Широков Г.К. Цивилизация: одна или несколько? // Восточный мир: опыты общественной трансформации. М., 2001. С. 29,32–33,36–37; Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе. М., 1995. С.179–188; Козин Н.Г. Искушение либерализмом // ВФ. 2006. № 3. С. 47–66.

² Анучин В.А. Географический фактор в развитии общества. М., 1982. С.26,34–35; Макаренко В.В. Географическая среда в формационном развитии Запада и Востока // Ориентация–поиск: Восток в теориях и гипотезах. М., 1992. С.142–150.

всего этого можно сделать вывод, что пространственно-временные координаты социальных моделей не являются некими абсолютными величинами, и при их проекции на какую-либо общественную сферу происходят различные процессы трансформации (искривление, уплотнение, расширение и т.п.). Таким образом, например, культура формирует свою собственную пространственно-временную систему, на что совершенно справедливо обратил внимание И.В.Следзевский¹.

Формационная модель постепенно вызревает в русле европейского пути развития, основанного на прогрессе производительных сил, в первую очередь технологий и орудий труда. Однако переход от античности к средневековью не является формационным в полном смысле слова, поскольку последний происходит в результате конфликта между передовыми производительными силами и отсталыми производственными отношениями, чего никак не могло быть в поздней античности, сопровождающейся деградацией экономики. При этом средневековому обществу Западной Европы лишь в XIII – XIV вв. удалось достичь и превзойти уровень развития античного общества I в. н.э., то есть уже в эпоху формирования капиталистических производительных сил. Тем не менее резкий переход к новым формам социальной организации в результате действия внешних антисистемных сил (в этом плане варварские вторжения IV–V вв. оказались аналогичны дорийскому), фактор разрыва – все это сближает данный переход с формационным. В линейном измерении, видимо, будет правомерно говорить о единой постпервобытной докапиталистической формации в Европе. Составными элементами данной мегаформации будут античная и средневековая цивилизации, основанные на различных типах общины (античная и германская), отличающиеся формами политико-правовой организации, способами присвоения прибавочного продукта, основами духовной сферы.

Феномен тоталитаризма, на наш взгляд, не может быть сведен к единому субстрату («европейскому», «индустриальному», «восточному» или иному).

¹ *Пространство и время в архаических культурах* // Восток. 1992. № 3. С.138–139.

Неотъемлемой составляющей тоталитаризма являются индустриальные технологии, позволяющие установить режим тотального или доминирующего контроля над всеми сферами общественной жизнедеятельности. Однако в незападных обществах (классический пример – Япония 30-х – первой половины 40-х гг.) традиционные формы и методы управления (патернализм, культ императора и др.) позволяли решить возложенные на них задачи и не было необходимости в особом тоталитарном (фашистском) движении. В то же время тоталитарные режимы или отдельные тоталитарные технологии устанавливаются в странах, где процессы индустриального развития зашли достаточно далеко (Германия), и там, где цели и задачи индустриальной революции полностью так и не были осуществлены (Россия). В последней тоталитарный режим все же не сформировался как самодостаточный, хотя элементы тоталитаризма (тоталитарные технологии) в 1917–1953 гг. применялись достаточно широко. При этом отождествление СССР с азиатскими деспотиями, равно как и с нацистской Германией, выглядит довольно надуманно, наличие же здесь особой формы социальной динамики (инверсионной) представляется вполне правомерным. Тем самым тоталитаризм проявляется там, где есть возможность выхода наружу отношениям тотальной социальной деградации.

Как мы указывали ранее, наличие антисистемных сил – специфическая черта линейно-формационных процессов¹. На Востоке даже разрыв с традицией осуществляется в традиционных формах, например, революция Мейдзи – «восстановление» – имеется в виду власть императора; считающиеся социалистическими режимы на Востоке теперь ищут идеологическую опору в традиционных устоях. Идет серьезное усиление религиозно-традиционалистического направления в казалось бы окончательно вестернизированной Турции. Линейно-поступательные процессы

¹ Попов В.Б. Отношения распределения и перераспределения в процессе общественной эволюции // Вестник РАН. 1997. № 7. С. 617–620.

«специализации» различных сфер общества оказываются обратимыми, а сами они растворяются в нерасчлененной социальной массе («Партия/Государство» М.А.Чешкова).

Появление сопряженной формы социальной эволюции видится нам в факте существования третьемировой общности, при этом, однако, последняя ныне утрачивает свою определенность, отчасти после краха «Второго» мира, но главным образом в результате процессов дифференциации и усиливающихся различий в ней самой. Общим остается только феномен разрыва со своим прошлым в результате колониальной экспансии Запада¹.

Данная общность определяется как «не-Запад» не через наличие, а через отсутствие свойств, характерных для западных обществ (абсолютный приоритет частной собственности, принципы «свободного рынка», режим либеральной демократии и т.п.). При этом представление о том, что третьемировская общность трансформируется и войдет в состав Запада в качестве его регионального подразделения, поскольку банкротство коммунистической идеи не составляет другого выбора, кроме принятия «универсальных» (западных по происхождению) ценностей либерализма, весьма уязвимо со многих точек зрения².

Социальная структура развивающихся стран формируется не столько элементами, сколько связями, образуя многомерную систему взаимодействия³, в которой функционально связаны структурные компоненты их прошлого, настоящего и будущего. В.Л.Алтухов определяет такие общества как «смешанные». Они подчиняются колебательно-волновым процессам, разворачиваясь своими различными гранями (ипостасями)⁴. В результате и возникает феномен «открытого» времени, где настоящее раскрывается через

¹ Чешков М. Третий мир и Юг: к новому видению новых реалий // МЭМО. 1996. № 9. С. 144–145.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 74–111; Широков Г.К. Цивилизация... С. 28–29, 36–37; Широков Г.К., Салицкий А.И. Мировая капиталистическая система: консолидация ядра и возвращение к насилию? // Восток. 1999. № 6. С. 76.

³ Чешков М. Целостность мира через призму общенаучного знания // МЭМО. 1995. № 1. С. 60–64.

⁴ Алтухов В. О смене порядков... С. 19.

преломление прошлого. Важным нам представляется то обстоятельство, что прошлое не является реликтом, а именно лишено стадильной принадлежности. Все это раскрывает нелинейный объемный ракурс, где диахронный момент в снятом виде развертывается через синхронное измерение.

Движение по одному из векторов в соответствующей системе координат приводит в действие порой прямо противоположные процессы из прочих систем. Определение подобного феномена как симбиоза есть чисто внешнее, отражающее лишь сам факт сосуществования разнокачественных элементов, но игнорирует феномен искривленного времени, воплощенном в самой их природе. В целом к данному типу эволюционируют и большинство постсоветских образований, несмотря на все старания их правящих элит интегрироваться в состав западной мироцелостности. В крупных континентальных образованиях вестернизация явно пробуксовывает.

Весьма показательна в этом отношении эволюция взглядов М.А.Чешкова, одного из ведущих теоретиков тьермондиализма. Напомним, что в конце 80-х гг. он решительно заявлял о необходимости выделения третьемировой общности в объект специального исследования в составе соответствующей отрасли научного знания¹. К началу 2000 гг. он приходит к выводу, что общность развивающихся стран (ОРС) как особое мирообразование исчезает вместе с крахом мирового социализма, что подорвало также идею альтернативного развития, а вместе с тем и предмет тьермондиалистики². Воссоздание «северного варианта ОРС» уже на постсоветском пространстве также недолговечно³. Однако вскоре он выдвигает тезис о «возрождении Востока» как восстановлении преемственности мирового исторического процесса, прерванного почти на пять столетий (XVI - XX вв.)⁴. Данные процессы рассматриваются им как нелинейные, астадийные

¹ Чешков М.А. Рост капитализма... .

² Чешков М.А. Глобальный контекст... С.213..

³ Там же. С.213–214.

⁴ Чешков М. Возрождение Востока и развивающиеся страны в мировом контексте // МЭМО. 2007. № 11. С. 69–80.

(преемственность восстанавливается не прямо, но опосредованно через современное видение традиционного Востока¹), что заметно подрывает его идею безальтернативного глобализационного процесса, равно как и его скептицизм по отношению к возможности возникновения новых цивилизационных центров силы (полемика с А.С.Панариным).

В итоге можно констатировать, что феномен сопряженного развития есть олицетворение перехода к более сложным многомерным процессам взаимодействия различных исторических типов социальности. Формирующееся из сети импульсов, силовое поле обладает интегральными свойствами и несводимо ни к одному из них. При этом каждая из этих сил проявляет то одно, то другое свойство, противоположность между которыми снимается в процессе их развертывания.

Итак, преломление друг в друге линейных и нелинейных процессов, диахронности и синхронности формирует новые типы социальности («третий мир», «развивающиеся страны») и невиданные ранее сочетания пространственно-временных модусов. Феномен многообразия форм социальной динамики и их пространственно-временных проекций (исторических типов общественного устройства) позволяет поставить вопрос о наличии универсальной системы координат Исторического континуума. Как мы пытались показать выше, ни синхронное, ни диахронное измерения не могут структурировать Исторический континуум, поскольку они не отменяют, а преломляются друг в друге. Так, прорыв в диахронное измерение, связанное с феноменом античности и мировых религий, в синхронном есть завершение большого цикла, начавшегося с ранних цивилизаций Востока. Следовательно, подобная универсальная система может рассматриваться лишь в качестве амплитуды колебаний между диахронностью/время и синхронностью/пространство. Только приближение к диахронному полюсу создает привычную универсально-стадиальную иерархию

¹ Там же. С.73.

исторических социетальных форм. Однако синхрония вновь «размазывает» их в смежных пространствах.

При всём этом историческое пространство/синхрония может быть структурировано и в иерархическом измерении. Её основу образуют региональные (локальные) пространственно-временные континуумы различного масштаба. В качестве предельных пространственно-временных региональных континуумов здесь могут быть названы культурно-цивилизационные ареалы (западноазиатский, южноазиатский, дальневосточный, африканский, латиноамериканский, евразийский, западный). В результате взаимодействий между ними складывается всемирный Исторический топохрон/цивилизационное измерение, где социумы просто наращиваются в пространстве от локальных общностей до глобальных, но феномен фазового перехода дает уже диахронию линейно-поступательных форм.

Исторический топохрон также структурируется рядом дихотомий, где с традиционными (Восток – Запад) возникают новые – «Север – Юг». Последняя ось вывернула наизнанку то, что раньше считалось «Востоком», оставив за его пределами «Новый Восток» (ЮВА, Китай), который, тем самым, стал «Новым Западом». М.А.Чешков рассматривает модель современного миропорядка через сопряженность трех макрообразований – Запада, Незапада и транстерриториального, связанного с деятельностью ТНК, глобальной сетью, виртуальной экономикой и т.п.¹. А.И.Некlesa удваивает количество макроединиц до шести и говорит о гексагональном (шестиярусном) характере глобальной структуры мира (североатлантический регион, тихоокеанский, евразийский, южный и два транснациональных пространства, проходящих сквозь них, – мир

¹ Чешков М.А. Незапад в процессе возвращения истории в эволюцию // Восточный мир: опыты общественной трансформации. М., 2001. С. 83.

транснациональной экономики и ее антипод – транснациональный мир радикальной демодернизации и социальной хаотизации – Глубокий Юг)¹.

Если Исторический континуум рассматривать в диахронном измерении, то исторический процесс выглядит как последовательная смена четырех стадий. Исходная стадия (первобытность) в III т. до н.э. взрывается историческим полиморфизмом, который сменяется господством одной – западной цивилизации (фазовый индустриальный переход), что придаёт мировой истории образ сужающегося пучка траекторий, а на четвертой (постиндустриальной?), нынешней стадии мировая история обретает облик пульсирующего сгустка форм и траекторий. Здесь универсализационные процессы (глобализация) уже не могут быть однозначно определены в духе прежней классической колониальной универсализации, отсюда и «глобальное условие» Р.Робертсона с его последующей «глокализацией». Образовавшаяся подобным образом глобальная стадильность характеризуется не принадлежностью к общему историческому типу социальности, а сопричастностью в пространстве/времени.

Итак, Исторический континуум попеременно разворачивается двумя своими поперечными гранями – временем и пространством. Историческое время «затягивает» эволюционный клубок в единый канал, включающий несколько сопряжённых линий развития, формируя диахронный аспект, однако заключённое внутри пространство вновь взрывается целым всплеском различных форм. Объёмность их расположения относительно друг друга даёт уже синхронный момент.

Диахронный линейно-поступательный аспект проявляется неравномерно в различных формах социальной динамики. Генеральная линия его развертывания проходит через сквозную систему признаков по линии: античность, феодализм, капитализм. Формационная стадильность, накладываясь на нелинейные формы

¹ Неклеса А.И. Ordo quadro – четвертый порядок: пришествие постсовременного мира // Полис. 2000. № 6. С. 19–21.

(маятниковую, циклоидную), структурирует как глобальную стадиальность, так и новую сопряженную форму общественной эволюции.

Выделение циклоидного типа развития можно приблизительно отнести к концу IV – началу III т. до н.э., соответственно, следующий глобальный рубеж – XVI – XVIII вв., связан с внутренней трансформацией самого линейного типа (феномен капитализма), а также глобализацией взаимосвязей различных форм социальностей (колониализм). Тем самым сужение эволюционного поля (III-я глобальная стадия) приходится на XVI – начало XX вв. Внутри II-ой стадии представляется возможным выделить ряд этапов, связанных с вычленением линейно-стадиального типа и последующими трансформациями самих социальных общностей с их взаимодействиями. Общества ранней доимперской древности (около XXX-VIII вв. до н.э.) представляют исходную первичную форму циклического типа. Верхний рубеж связан тем самым не только с феноменом античности, но и с формированием региональных имперских структур на Востоке. Утвердившись затем и на Западе, они обнаруживают там свою предельность, но взаимодействие античного средиземноморского и ближневосточного цивилизационных ареалов образует новый промежуточный рубеж IV–VII вв. – время распространения мировых религий и переход к надрегиональным общностям.

В Европе его можно считать протоформационным, знаменующим вызревание соответствующего типа общественной эволюции. На Востоке же произошла смена базисообразующей социокультурной детерминанты (распространение ислама), сопровождающаяся переструктурированием всего западноазиатского цивилизационного пространства и возникновением качественно новых форм социальной интеграции. При всём этом категория «феодалная формация» по отношению к средневековому Востоку нам представляется контрпродуктивной, поскольку представляет осмысление одной реальности в терминах, взятых из качественно иного социокультурного окружения и несущих узкоспецифический смысл.

Далее линейная динамика становится доминирующей во всемирно-историческом процессе (XVIII – нач. XX вв.). XX в. ознаменовался очередными кардинальными трансформациями во всех типах общественной эволюции, которые положили конец классической формационности и вызвали новые нелинейные формы сопряженного развития (тоталитаризм, постиндустриальные и постколониальные общества).

Процессы глобализации, особенно бурно развивающиеся после краха социалистической мироцелостности, позволяют поставить вопрос о том, не скрывается ли за ними очередной поворот всемирной истории на сей раз в прямо противоположном направлении – в сторону всеобщей универсализации, к господству единой модели общественного устройства, в основе которой, с некоторой этно-региональной и социокультурной спецификой, лежит всё та же западная модель. Одним словом, не воспроизводится ли сейчас на новом повороте та же ситуация, что и в эпоху создания колониальных империй? Не суживается ли вновь эволюционный пучок? Авторы, мыслящие в сугубо линейной парадигме, рисуют картины движения к единой цели всего мирового сообщества, создания единого всемирного правительства, управления мировой экономикой из единого центра и т.д.

Все эти рассуждения построены на методе экстраполяции, на том же, что и небезызвестная III Программа КПСС в редакции 1961 г. Однако было бы опрометчивым утверждать, что тенденция, обозначавшаяся с конца 80-х гг., будет неизменной раз и навсегда. В истории неоднократно случалось, что самая неумолимая и необратимая тенденция совершенно неожиданным образом обнаруживает свою обратимость (пример «мировой системы социализма» и самого СССР далеко не уникален), стохастичность процессов мирового развития препятствует построению однозначных схем.

Первоначальный оптимизм по поводу глобализации уже не кажется столь непререкаемым. К тому же реальная глобализация, тесно связанная с попыткой создания монополярного мира и единого центра силы, находится в явном

несоответствии с подобными расчётами. Необходимо принять во внимание рост мирового социокультурного разнообразия, формирование новых региональных силовых центров (страны ЮВА, Индия, Китай на региональном и уже на глобальном уровнях). Универсалистская евроинтеграция столкнулась с серьезными вызовами (Brexit, рост числа евроскептиков). Обозначились определенные противоречия между «трампистской» Америкой и Европой, степень которых еще предстоит осмыслить. Новая администрация США явно стремится уйти от многосторонних (сетевых) соглашений в пользу традиционных двусторонних.

Формируются и активно усиливают свое влияние на глобальные процессы новые межрегиональные объединения (ШОС с 2001 г.; БРИКС – сам термин («БРИК») как научный конструкт существует с 2001 г., реальная же институализация обозначилась приблизительно с 2009 г. – 1-й саммит БРИК с 2011 – БРИКС). Последняя создает свои межбанковские объединения, которые в перспективе могут создать альтернативу МВФ, МБРР и ЕЦБ. Нарастает свой потенциал и евразийская интеграция. В 2015 г. Таможенный Союз (ТС), вступивший в действие в 2011 г., помимо трех основателей: России, Белоруссии и Казахстана, пополнился новыми членами – Киргизией и Арменией. О степени и влиянии его можно дискутировать, но умалчивать уже невозможно. Евразийская интеграция (еще один ее инструмент – ЕАЭС основан в 2000 г.) может быть включена и в более широкие межрегиональные рамки (смычка ТС/ЕАЭС, ШОС и БРИКС). Свои серьезные амбиции обозначил и китайский план нового Шелкового пути, что позволяет говорить уже о глобальном геополитическом проекте «большой Евразии». Евразийский вектор демонстрирует явное усиление в российской политике с учетом санкций со стороны стран Запада. Положения Вашингтонского консенсуса уже не кажутся единственно возможными и непререкаемыми постулатами. Есть все основания говорить о Пекинском (вернее, Пекинско-Московском) консенсусе, выдвигающем принципы многополярного

мира, защиты национальных интересов в противовес глобалистским неовестернизаторским структурам.

Конечно, тема «кризиса Запада», в последнее время поднятая С.Хантингтоном, представляется несколько искусственной, однако преимущества западной модели хотя и носят долговременный характер, но всё же не могут считаться вечными и неизменными. В любом случае «дикая» глобализация, разворачивающаяся в последнее время, вызывает лишь новый комплекс противоречий, не имея обозримого будущего: сужение эволюционного многообразия никогда не ведёт к получению стратегических преимуществ. В этом смысле поиск оригинальных цивилизационных стратегий всегда предпочтительнее пассивному усвоению готовых моделей, созданных в ином социокультурном окружении, что особенно актуально для таких крупных цивилизационных образований, как Россия.

Политика евроинтеграции вкупе с воинствующим национализмом и насильственными методами в политике, проводимая нынешними правящими кругами Украины, разорвала политическое и социокультурное пространство страны и привела к самым трагическим последствиям. Насильственное свержение Януковича создало правовой вакуум и дало толчок центробежным силам, результатом чего стало отпадение Крыма и наиболее урбанизированных территорий Донбасса, вошедших в состав новообразовавшихся Донецкой и Луганской республик.

Здесь возникает такой феномен как возникновение новых фактических границ (они же линия фронта, линия размежевания), обозначенных нами как лимитарность¹. Границы есть свернутая в пространстве совокупность историй всех сфер социальности. Из небытия выплывают геополитические и социально-экономические проекты прошлого от советской индустриализации Донбасса и

¹ Попов В.Б. Историческая лимитарность в многомерных процессах общественной эволюции // КЦ. 2016. Вып. № 2 (4).

Донецко-Криворожской республики до начальных периодов истории Войска Донского. В этой связи стоит напомнить мысль К.Хаусхофера об естественных и искусственных границах притом, что наиболее надежны и безопасны границы, окаймляющие области с сырьевыми ресурсами¹

Новообразовавшиеся рубежи не являются воспроизведением неких границ прошлого, а скорее символическими образами, где лимитарность выступает как интегральная категория, воплощающая общий принцип предельности, не сводимый к эмпирическим территориально-административным, политическим, экономическим, социокультурным и этнокультурным делениям. Любой пространственный объект будь то страна, регион или граница непременно наполняется символическим содержанием, задающим ему качественную определенность². Тем самым над каждым территориальным образованием наслаивается географо-символическое пространство, в своей тотальности воспринимаемая как образ территории (историко-географический образ/ИГО). ИГО формируется ключевыми символами, связанными в единую сеть. Так, согласно Д.Н.Замятину, для Сибири XVI–XVII вв., воспринимаемой как пограничное пространство, такими символами являются казак, землепроходец, тайга, острог, ясак т.д.³.

Интегральным образом Донбасса, в своем территориально-символическом «сгустке» контролируемый ЛНР и ДНР, в настоящий момент будет видимо представлением о «регионе-границе» (термин Д.Н.Замятина), конкретизируемой как фронтальный остров Русского мира, его передовой форпост и т.п. Данный образ, наслаиваясь на предшествующий (шахтерский край, индустриальный регион и т.п.), несколько оттеняет его и явно противостоит украинской Слободжанщине. Ключевыми символами, связывающими воедино всю

¹ Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении // Классика геополитики XX век. М., 2003. С. 322-323,384.

² Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М., 2004. С. 11-57.

³ Там же. С. 160.

предшествующую историю Донбасса, здесь будут шахтер, ополченец (перекликаются с великоотечественным «шахтерские дивизии»), шахты/заводы, «король-уголь», краснодонское подполье, Град Ворошилова, казачья станица и т.д.

Последующие процессы, скорее всего, ознаменуются очередным противостоянием на восточноевропейской геополитической арене, где украинское геополитическое пространство будет одним из решающих участков противоборства евроатлантического и евразийского проектов. Здесь в рамках большой восточноевропейской геополитики республики Донбасса еще должны отстаивать свое право на существование, а это во многом зависит от их умения выработать стратегию опережающего развития.

Итак, трансформация Исторического пространственно-временного континуума, развертывающаяся в самом начале III т., не тождественна ситуации XVII – XIX вв. Начальная стадия данных процессов не позволяет сделать окончательные выводы, но можно предположить, что перед нами в спрессованном виде разворачивается очередная мутация универсального хронотопа, связанная с формированием превращённых пространственно-временных взаимосвязей. В Историческом хронотопе глобализации размывается сам феномен пространства. Прорыв «чистого» времени в линейное измерение может вызвать труднопредсказуемые последствия. Думается, что последующие всемирно-исторические процессы будут определяться не счастливым завершением истории, а попытками найти ответы на новые глобальные вызовы.

2.3. Тоталлогические социетальные формы как эволюционный концепт

Совмещение историко-типологической структурности (исторические типы социетальности) с эволюционными формами; шкалы между социализацией и историализацией дает нам многомерное поле локализации уже вышеобозначенных тоталлогических форм (см. II.1,3). В качестве

концептуального каркаса имеет смысл задействовать систему взаимосвязанных категорий: тоталлогическая форма (тоталлогический дискрет) – дискрет-концепт – эволюционный дискрет-концепт. Первая предполагает, что дискрет тотальности сам является тотальностью и в этом смысле ей равноценен; вторая указывает на его концептуальную значимость в качестве всеобщей формы, третья – обращает внимание на детерминистическую роль дискрета в макроэволюционных процессах.

В качестве тоталлогических эволюционных форм в данном разделе выделены следующие дискрет-концепты: Западная, Китайская, Номадическая и Восточнохристианская (в двух вариантах – Византийском и Восточнославянском) миросоциетальности. Они не являются единственно возможными, в частности, перспективным представляется изучение в подобном качестве третьемировской общности, вынесенной нами за рамки исследования.

Между Историческим и Социальным континуумами можно выстроить шкалу тоталлогических социетальных форм, тяготеющих к одному или иному началу (соответственно, историализация/разрыв преемственности/трансформация /линейность/стадиальность и социализация/воспроизводство/цикличность). Крайние позиции здесь займут Западная и традиционная Китайская мироцелостности.

Нелинейные процессы эволюции китайского общества заключаются в развитии через преемственность, где даже социетальные трансформации, по форме напоминающие стадиальные скачки, разрывы (например, социалистическая революция 1949 г.), на самом деле представляют новую форму синтеза традиции и новации, снимающую их линейную дихотомию. Прошлое, настоящее и будущее оказываются здесь в смещенной системе координат открытого времени. Прошлое всегда доступно для использования в виде архетипических образцов, символов и т.п. Оно всегда сохраняет актуальность и не может быть выведено за пределы операционабельного хронотопа в архивно-мемориальный континуум, в некий музей антикварных остатков, бесполезных для

практического применения. Открытость и затребованность прошлого, соответственно, предполагает исчезновение будущего как особого феномена. Даже технические новации для успешной работы должны опосредоваться традицией (современные ТСО и конфуцианская педагогика). Любая же успешная социальная новация должна примыкать к соответствующей традиции и восприниматься как ее продолжение. Ни одно из событий здесь не расчленил временной поток на стадийные эпохи «до» и «после», как это было, например, во французской истории (ср., революция Мейдзи – «восстановление»).

Характерной особенностью Западной мироцелостности является линейно-стадиальная (формационная) форма социальной динамики. Формационность постепенно вызревает с момента «античной мутации». С самого начала (дорийское вторжение) ее характеризует разрыв преемственности. Однако если на ранних стадиях этот разрыв осуществляется во многом под действием внешних факторов (дорийское и варварское вторжения), то уже переход от феодализма к капитализму можно считать формационным в полном смысле слова. В результате формируется системно-структурная (формационная) модель, которая, в значительной мере с известными оговорками может быть описана в марксистской базисно-надстроечной парадигме, что соответствует раннеиндустриальному обществу. Последующие процессы постиндустриального развития размывают четкость подобного типа социетальности, и уже на наших глазах формируется новая форма общественного устройства, чаще всего характеризуемая как коммуникативно-информационный сетевой тип. Субтрактность/структурность здесь замещается подвижными коммуникационными сегментами несистемного (мозаичного, конгломеративного) типа.

Концептуальная значимость номадической формы социетальности и ее место в общественной макроэволюции заключается в специфической форме организации времени и пространства инверсионного типа, что способствовало освоению ландшафтов, не доступных для иных типов общественного устройства.

Тем самым заполняется один из тоталлогических дискрет-концептов в многомерной макроструктуре Антропосоциетального Универсума.

Восточнохристианская мироцелостность в ее двух основных вариантах (Византийский и Восточнославянский) в целом занимает типологически промежуточное место между Западной и Китайской миросоциетальностью, что уже обыгрывалось евразийской концепцией. Есть основания говорить о том, что парадигмальная значимость Византийской миросоциетальности в качестве эволюционного тоталлогического дискрет-концепта заключается в наиболее полном отражении ею циклических социально-воспроизводственных трансформаций, замыкающих исторические хронотопные разрывы очередным воспроизводственным витком. Все это проявилось в периодическом воспроизводстве имперской формы социальной организации, чередующейся с периодами ее дезорганизации. Тем самым развитие происходит в рамках сфероидного промежуточного хронотопа между западноевропейской формационностью и азиатской политарностью.

Восточнославянская мироцелостность, как и Византийская, также характеризуется трансформацией хронотопного континуума, типологической промежуточностью (нетранзитивностью), выразившейся в мутациях линейно-стадиальных форм (феодализма, а в России еще и капитализма). Сущность Евразийской миросоциетальности, на наш взгляд, выступает как отношение цивилизационных элементов. Многомерный цивилизационный континуум в разных своих измерениях/ипостасях может выступать и как западный, и как восточный, и как евразийский, опосредующий отношения между двумя первыми. При этом соотношение между западным, восточным и самобытным/евразийским началами варьируется не только в социоструктурном, но и в пространственном измерении: с середины XVII в. появляются более вестернизированные регионы (первый – Левобережная Украина) и евразийские, в основе которых лежал социокультурный и межэтнический синтез/симбиоз. Цивилизационные отношения как социокультурного, так и пространственного порядка перетекают

друг в друга, создают собственные континуумы, комбинируются в многоуровневые структуры и т.п., при этом существуя друг с другом в смежных измерениях.

В Евразийской ипостаси идет явное усиление топохронного начала. Время поглощается пространством, соответственно, Историческое время обретает форму инверсии, энергетика которой дает резкое усиление при ослаблении традиционных форм, а внедряемые сверху капиталистические формы вместо линейно-поступательного эффекта дают прямо противоположный, обратный по форме разрыв. Все это отражается и на социетальных формах организации (феномен астадиальности и превращенности).

Именно исходя из данного обстоятельства, становится объяснимым феномен эволюции восточнославянской/евразийской/российской миросоциетальности. Линейно-стадиальные маркеры, выработанные на материалах западной общности, оказываются здесь малопродуктивными.

Данный феномен наглядно отражен в терминологии целого ряда авторов: Л.В.Данилова – «государственный феодализм»¹, О.Э.Бессонова – «раздаточная экономика»², Т.В.Черникова – «вотчинный способ производства»³, этот же термин использует и Р.Пайпс⁴.

Методологические тупики, возникающие при попытках использовать линейно-поступательные концепты, в частности, понятие феодализм, при анализе соответствующих российских общественных структур вполне убедительно раскрывает А.Р.Ивонин⁵.

Также с трудом поддается осмыслению в стадиально-формационной терминологии и процесс генезиса капитализма в России. Классическая советская

¹ Данилова Л.В. Введение. К вопросу о понятии «государственный феодализм» // Система государственного феодализма в России. М., 1993. Вып. 1. С. 4–10.

² Бессонова О.Э. Раздаточная экономика в ретроспективе // ОНС. 1998. № 4. С. 85–100.

³ Черникова Т.В. Средневековое землевладение и проблема феодализма в русской истории // ОНС. 2005. № 5, 6.

⁴ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

⁵ Ивонин А.Р. Тупики «русского феодализма» // ОНС. 2011. № 2. С.87–100.

схема трех моделей эволюции капитализма («первичная»/классическая – эталон Англия и Франция; «вторичная» – Пруссия и Россия; «третичная» – страны Востока)¹, несмотря на свою наглядность, изобилует методологическими допущениями. Капиталистические отношения во всех моделях рассматриваются «субстрактно», то есть вне связи с социальной структурой общества. Например, если в Англии, Франции и даже Пруссии капиталистические отношения разными путями артикулировали весь комплекс общественных отношений, то в России и на Востоке они скорее сами трансформировались под воздействием качественно иных связей и социетальных форм. Так, вплоть до победы Октябрьской революции рыночные отношения не смогли возобладать в тяжелой и военной промышленности – основе российской экономики². Ю.И.Семенов в этой связи использует термин «паракапиталистический политаризм»³, что с методологической точки зрения вполне обосновано, и даже с точки зрения модернизированной ТОФ говорит о трансформации классических формационных структур.

На рубеже XIX – XX вв. повсеместно происходит исчерпание формационного пути развития вместе с классическим капитализмом (рубеж – так называемая эпоха империализма и переход к постформационному (сопряженному) типу общественной эволюции)⁴.

Начисто выпадает из формационной, линейно-поступательной логики развития и советское общество (реалсоциализм), которое никто уже не может соотнести с качественно высшей формацией, и даже Ю.И.Семенов говорит о нем как о неополитаризме/индустрополитаризме⁵. Прочие авторы еще более решительно связывают его с трансформацией либо неевропейского пути развития

¹ *Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного.* М., 1984. С. 262–264.

² *Шаццлло К.Ф.* Государство и монополии в военной промышленности России (конец XIX - 1914 г.). М., 1992. С. 20–23.

³ *Семенов Ю.И.* Философия истории. М., 2003. С. 491–497.

⁴ *История і теорія...* С.500–503,566–569,662–664,1049–1077.

⁵ *Семенов Ю.И.* Философия истории... С. 501–505.

(Л.С.Васильев), либо с раздаточной формацией (О.Э.Бессонова), либо с вариантом этатизма (М.Бо). М.А.Чешков развивает мысль о несистемном характере советского социума, определяя его как массоподобие¹. Социальные связи, отношения и структура растворены в единой социальной массе. Институализация сфер общественной жизнедеятельности здесь не носит системного характера. Данное образование можно определить как социототальную общность, воплощение нелинейных форм общественной эволюции.

При этом, несмотря на имеющиеся параллели, мы бы поостереглись относить к одному типу социетальности советскую социототальность и западный тоталитаризм (фашистскую Германию и Италию). В последнем случае часть наделяет себя функциями целого, а в другом – части сливаются воедино. В этой связи достаточно отметить то обстоятельство, что расовая теория и вытекающий из нее принцип уничтожения «неполноценных наций» в гитлеровской Германии были наделены доктринальным теоретико-идеологическим статусом, тогда как массовые репрессии и система ГУЛАГа в СССР относятся скорее к разряду «практики» социалистического строительства и к тому же на XX съезде КПСС были охарактеризованы как «отклонения» от «истинной» линии партии и марксистского-ленинского учения.

Последующая постсоветская трансформация также дала социальное образование паракапиталистического порядка с известной долей превращенности. Ее типологическое сходство с тьермондиалистскими образцами (периферийный капитализм и привилегированное потребление квазирыночного толка) достаточно очевидно. Ликвидировать негативные последствия, ее периферийности, на наш взгляд, возможно лишь на путях обретения эволюционной полноты и поиска оригинальных цивилизационных стратегий.

¹ Чешков М.А. Глобальный контекст... С. 162–170.

ГЛАВА 3. ОБЩЕСТВЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И СОЦИЕТАЛЬНАЯ ПЕРЕХОДНОСТЬ В МАКРОЭВОЛЮЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ

Имманентной составляющей эволюционного процесса являются понятия изменения/трансформации, скачка, перехода. На разных этапах развития эволюционной теории, данная проблема, подчиняясь все в той же пульсарной логике, то выходила на первый план, то, наоборот, маргинализировалась, однако никогда не исчезала совершенно. Последняя ее актуализация произошла уже в наше время на рубеже тысячелетий, что во многом связано с глобальными трансформациями, претерпеваемыми современной мироцелостностью, равно как и со способами ее осмысления (феномен постнеклассической науки).

Все это и обуславливает насущную потребность для поиска адекватных концептов их описания в условиях, когда имеющиеся транзитологические подходы, особенно в единстве с невестернационными, обнаружили свою предельность¹. Построенные на принципе однонаправленности и предопределенности, они страдают эсхатологичностью ничуть не в меньшей мере, чем пресловутая пятичленка. В первую очередь это коснулось такого важнейшего концепта эволюционного дискурса, как «переход», до сих пор понимающийся как однозначный синоним «транзита». Подобный феномен, ускользая от одномерных определений, обнаруживает свою сложную, нелинейную природу, что делает затребованными уже совершенно иные концепты. Представленная в данной работе теория социетальности интегрированная в рамках многомерного подхода, как нам кажется, дает определенные основания для исследований в данном направлении.

¹ Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // ПН.2003. № 2. С. 42–65; Володин А.Г. Современные теории модернизации: кризис парадигмы // ПН. 2003. № 2. С. 8–29.

У истоков идеи общественной трансформации лежит христианская парадигма, четко разделившая мировую историю на период «до» и «после» пришествия, сделавший невозможной идею циклического возвращения в прежнее состояние (выражаясь современным языком – макросоциетальной культурно-цивилизационной трансформации). Просвещенческий вариант линейно-поступательного развития уже смещает акценты в сторону неуклонного улучшения социальной действительности (теория прогресса), которая скорее рассматривается как плавное движение к предустановленной цели.

Ключевой же концепция трансформации как скачка, разрыва и перехода от низшей ступени развития общества к высшей стала в марксистской философии. Речь идет о социальной революции как межформационном переходе, не тождественной ни политической революции (смена форм политического устройства), ни тем более политическому перевороту. В целом в том же парадигмальном ключе работал и К. Поланьи, правда, положив в основу не социально-экономические отношения и способ производства (главным образом материальных продуктов), а тип циркуляции ценностных потоков (сфера обращения). Понятие «социальная революция» было заменено на нейтральное – «трансформация». В качестве «великой» трансформации в его одноименной работе 1944 г. рассматривалась коммодификация – процесс всеобщей товаризации объектов. Отсюда выстраивалась следующая ступенчатая эволюционная модель: обмен (примитивные общества) – перераспределение (архаические) – рыночная экономика (современные). Так что в качестве менее «великой», но первой исторической трансформации стал переход к редистрибутивным отношениям в эпоху цивилизаций древности. С тех пор понятие «общественная трансформация» постепенно, но неуклонно входит в научный оборот.

Вообще-то, троичная эволюционная схема является наиболее распространенной. Не говоря уже о классических триадах Гегеля и Маркса (первичная, вторичная и третичная? формации), по этому образцу, как правило, выстраивают свои системы большинство исследователей-эволюционистов. В

качестве примера отметим лишь концепты Тейяра де Шардена и В.И Вернадского (литосфера – биосфера и ноосфера), а из современных – М. А. Чешкова, который выделяет три разновидности планетарного (глобального) типа истории: архетипический, исторический и постисторический. Им соответствуют субтипы глобальности: религиозно-цивилизационный (региональный), политико-экономический (мировой) и коммуникативно-информационный (планетарный). Их структурными единицами, соответственно, выступают цивилизации, мировые империи и церковные институты; затем торговые компании и государства (колониальные империи? – В.П.). Наконец, при переходе от 2-го к 3-му этапу в действие вступают ТНК и мировые организации (сетевые структуры? – В.П.)¹. Глобальный хронотоп, по мнению М. А. Чешкова, также троичен: локальный/циклический, миро/стадиальный и пульсирующий (глобальный)². Последняя трансформация мировой истории в общечеловеческую (планетарную) происходит на рубеже XX - XXI вв.³

С первых же шагов своего существования концепция общественной трансформации столкнулась с весьма серьезным интеллектуальным вызовом со стороны теории модернизации, пульсарно развивающейся со 2-й половины XIX в. вплоть до наших дней. Первый ее импульс приходится на конец XIX - начало XX (самый яркий представитель – М. Вебер), второй – на 50-е - 60-е гг. (его характерная особенность: отождествление модернизации и вестернизации – У. Ростоу, Д. Лернер, С. Блек, Г. Кан и др.). Третий приходится на конец 80-х – начало 2000-х гг. Общая теория модернизации дробится на ряд направлений: экономическая модернизация, политическая, социокультурная и т.п. После краха мировой системы социализма вновь доминирует теория безальтернативного развития (либеральная цивилизация безоговорочно победила, и двигаться ей некуда – «конец истории» Ф. Фукуямы). Неовестернизационные подходы

¹ Чешков М.А. Двойная спираль... С. 104-105.

² Там же. С. 106.

³ Чешков М.А. Двойная спираль... С. 108-110.

рассматриваются как единственно возможные, а модели западного развития – универсальными (например, Г. Алмонд). Непререкаемый авторитет приобрела концепция всеобщности прав человека, правда, «почему-то» все эти ценности оказались либеральными и западными по генезису. Отсюда есть только Запад и недоЗапад, все незападные общества выстраиваются по ранжиру по степени приближения к эталонным, естественно, западным образцам. Быть вне этой системы – значит быть вне истории. Любопытна переключка с формационной догматикой: «Быть вне формации – значит быть вне истории». Вашингтонский консенсус – «единственно верное учение».

Исчезновение Второго мира поставило под вопрос и существование Третьего, тьермондиалистика практически без остатка растворяется в глобалистике (эволюция воззрений М.А.Чешкова, рассмотренная нами выше, наглядное тому подтверждение), прекращаются разработки в области альтернативных стратегий, столь популярные в 60-х – начале 80-х гг. (теория негритюда Л. Сенгора, латиноамериканской сущности Л. Сеа, периферийного капитализма Р. Пребиша, идеи Ф. Фанона, А. Секу-Туре, прямого народовластия – джамахирия М. Каддафи, исламской экономики А. Банисадра и т. д.). Заметно ослабли позиции левого, и особенно неомарксистского направления в историко-философской науке, что касается даже таких ее виднейших представителей, как И. Валлерстайн, А. Г. Франк, С. Амин, Э. Балибар и др.

С категорией общественной трансформации тесно взаимосвязано и понятие перехода от одной исторической формы общественного устройства к другой. Тем не менее проблематика последнего имеет свою собственную историографию. Не вдаваясь в сколь-нибудь длительную ее предысторию, отметим в качестве исходного пункта работу Д. Кшибекова, который в рамках формационной транзитологии выделил понятия перехода и переходных общественных отношений как объект самостоятельного изучения¹. Им была предпринята

¹ Кшибеков Д. Переходные общественные отношения. Алма-Ата, 1973.

попытка заложить концептуальную базу данного дискурса. Особо хотелось бы выделить раскрываемую автором категорию «промежуточности» и «промежуточного качества», чьи эвристические возможности выходят далеко за рамки формационного перехода/социальной революции¹. Весьма плодотворным был и его тезис о промежуточности кочевого общества, которое нельзя понимать как переходный этап от доклассового к классовому². Отсюда при желании можно было вывести положение о типологической промежуточности без переходности. Именно оно легло в основу концепции А. С. Ахиезера об инверсионном развитии и промежуточном характере российской цивилизации³. Этот феномен «беспереходной промежуточности» обнаруживает явную нелинейную природу, а в более поздних работах исследователя анализируется как дуально-оппозиционный по способу организации общества и культуры⁴. Сущность переходных процессов усматривается им во взаимодействии двух логик: инверсии и медиации⁵.

80-е – нач. 2000-х гг. характеризуются очередным, но весьма интенсивным всплеском бесчисленных работ в рамках теории модернизации/вестернизации и демократического транзита. При всем их многообразии они базируются на едином методологическом концепте «конца истории» Ф. Фукуямы, когда либеральная цивилизация является даже не эталонной, а просто единственно возможной, и все незападные общества обязаны двигаться в ее направлении. Транзитологический императив ничуть не умягчался тем обстоятельством, что сам термин «демократия», несмотря на обширную историографию, остается слабо проработанным в качестве макросоциологических и/или социально-философских категорий, оставаясь скорее идеологемой. Все толкования варьируются между

¹ Там же. С. 13-17, 31.

² Там же. С. 55-56.

³ Ахиезер А.С. Россия: критика... С.312–317.

⁴ Ахиезер А.С. Социокультурный механизм переходных процессов // Цивилизации. М., 2008. Вып. 8. С. 37–39.

⁵ Ахиезер А.С. Социокультурный механизм... С. 40-43.

двумя позициями. С одной стороны, демократия – это народовластие, проявляемое через свободное волеизъявление (выборы), с другой, – это набор «общечеловеческих» императивов. Обе позиции далеко не безупречны. Путем честных, прозрачных и демократических выборов к власти могут прийти откровенные диктаторы (например, Гитлер). Вторая позиция не представляет строго обоснованных критериев «общечеловечности», а зачастую, как в Вашингтонском консенсусе, за общечеловеческие ценности выдаются регионально-цивилизационные. К тому же настораживает и то обстоятельство, что все эти ценности выработаны сугубо в рамках одной (западной) цивилизации.

Постепенно, однако, нарастают возражения против одномерной и однонаправленной транзитологии. Так, Л. Пай не только признал наличие «незападного» политического процесса, но и считает возможным говорить о наличии разных моделей демократии, причем не только евро-атлантического, но и азиатского типа¹, которые, как полагает А. Д. Воскресенский, «не лучше» и «не хуже», а просто другие, и, возможно, более приспособлены для решения конкретных политических проблем в незападных обществах². Т. И. Заславская также критикует транзитологические подходы, где понятие «переход» уже заранее предполагает презумпцию движения в заранее заданном направлении, равно как и его конечную цель³. Как единство структурности и процессуальности, (перекличка с Э. Гидденсом) она рассматривает так называемые «трансформационные структуры», которые понимаются как система социальных макросубъектов, чье взаимодействие служит движущей силой социетального преобразования общества⁴.

¹ Пай Л. Незападный политический процесс // ПН. 2003. № 2. С. 66–86.

² Воскресенский А. Д. Политическая компаративистика как часть дискурса мирового комплексного регионоведения: общие закономерности и специфика их трансформации на Востоке // Восток. 2005. № 2. С. 104.

³ Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М., 2004. С. 196–198.

⁴ Там же. С. 267.

Тем не менее транзитология продолжает настойчивый поиск «маршрутов движения» для трансформирующихся/переходных обществ. Когда выяснилось, что большинство «переходных» постсоветских образований никуда не переходят, не вписываясь даже в логику «растянутой демократии», начался поиск терминов, описывающих подобный «парадокс». Хлынул целый поток определений типа: «имитационная демократия», «управляемый плюрализм», «электоральный»/«конкурентный» авторитаризм, «консолидированные» демократии/автократии, «амбивалентные режимы» и т. п., вплоть до экзотических («султанизм»). В конечном счете данная методология базируется все на том же принципе, только сейчас дифференцированном. Трансформирующиеся общества делятся на группы по уровню убывающей транзитивности от однозначно транзитивных (в этом качестве сначала выступали постсоциалистические государства ЦВЕ, а затем и страны Балтии) до «безнадежных» (бывшие среднеазиатские республики). Общий вывод все же остался неутешительным: теоретико-методологический арсенал транзитологии крайне скуден, отсутствует развернутая система критериев для осмысления социальной динамики данного типа, равно как и сколь-нибудь проработанная и эвристически значимая типология современных социальных изменений.

Проблема эволюции постсоциалистических обществ решалась здесь почти исключительно в духе транзитологической концепции и эталонного подхода, которые характеризуются крайней эсхатологичностью, ничуть не меньшей, чем в пресловутой «пятичленке». Все это позволило вполне определенно говорить о кризисе транзитологии и ее неадекватности происходящим процессам, особенно в единстве с невестернизационными подходами¹. Подводя итоги модернизационного дискурса, В. А. Ядов констатирует, что термины «модернизация» и сопряженные с ним («переходный период» и т.п.) не отражают реалии постсоветского развития и происходящих в его рамках изменений. В этой

¹ Карозерс Т. Конец парадигмы...; Володин А.Г. Современные теории...

связи наиболее адекватное понятие, которое свободно от «векторной нагрузки», – понятие «трансформация»¹.

Исследователи, изучающие природу общественной трансформации, описывают ее при помощи синонимичных категорий. Т. И. Заславская пишет о ней как об изменении социальной природы или социетального типа общества². В.И.Карасев – как смену состояний, составляющих данную социальную систему объектов и уровней их структурной организации³. Наконец, по Н. И. Лапину, социокультурная трансформация – это преимущественно эволюционное преобразование общества как социокультурной системы⁴. Понятия «изменение», «смена», «преобразование» вполне адекватно передают суть происходящего, хотя кое-какие моменты вызывают целый ряд вопросов. Так, если у Н. И. Лапина, как можно понять по смыслу, понятие «эволюция» действует в связке с понятием «революция», то непонятно почему трансформация не может носить революционный характер. Точно так же Т. И. Заславская, характеризуя феномен социальной трансформации, говорит о постепенных, но радикальных изменениях⁵, что также вызывает недоумение, почему именно постепенных? Разве стремительно разворачивающиеся скачкообразные процессы выпадают из понятия «трансформация» или трансформация и революция – явления совершенно разного порядка?

Термин «социальная», применительно к феномену трансформации, нам представляется не вполне удачным, поскольку неясно, что имеется в виду – трансформация в масштабе целого общества (социальной тотальности/социетальности) или в рамках одной, отдельно взятой социальной сферы. Понятие «общественная трансформация» снимает эти вопросы. Под ней

¹ Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество (Резюме многолетней дискуссии социологов) // ОЭ. 1999. № 10–11. С. 66.

² Заславская Т.И. Современное российское... С. 197.

³ Карасев В.И. Социальная трансформация как предмет философского анализа: Автореферат дисс. ... докт. филос. н. М., 2000. С.16.

⁴ Лапин Н.И. Проблема социокультурной трансформации // ВФ. 2000. № 6. С. 7.

⁵ Заславская Т.И. Современное российское... С. 197.

понимаются обусловленные внешними и внутренними факторами изменения либо в разных сферах общественной жизнедеятельности, либо в масштабе общества в целом (социетальные трансформации). Данные изменения имеют разную скорость протекания (медленные кумулятивные изменения и социальный взрыв) и степень всеобщности, здесь имеет смысл категориально разграничить микро-миди- и макротрансформации. При этом менее крупные изменения, накладываясь друг на друга, могут вызвать «резонансный эффект» (К. Ренфрю) в более крупных масштабах, а трансформации, начавшиеся в рамках одних сфер, переносятся уже на другие, вплоть до социетального уровня.

В обществе изменения могут проходить либо в его статическом измерении, либо в динамическом. Отсюда структурно-институциональные и процессуальные изменения. Однако данное деление весьма условно ввиду взаимообратимости структуры и процесса. Так, социокультурная динамика как смена системы ценностей, по П. Сорокину, ведет к изменениям в социокультурной суперсистеме и переходу к иному типу культуры, например, от идеационального к идеалистическому, а далее к чувственному (Европа VI - XX вв.)¹. Другой вид процессуальных трансформаций – это изменения в системе коммуникационных потоков. Например, смещение общественно значимых связей с горизонтального на вертикальное направление. Родовой строй – обмен, цивилизации древности – пере- и распределение.

Таким образом, транзитологическая парадигма исходит из векторной, стреловидной модели развертывания социальной динамики. Ее более образная модель представляется в виде одноколейки, по которой на всех парах к желанному Забугорью мчится электропоезд, скажем, марки Hyundai, неумолимо приближая счастливых пассажиров ко всем благам евроинтеграции. Как всегда: «...иного нет у нас пути», но теперь вместо коммунизма на горизонте Евросоюз.

¹ Сорокин П.А. Человек... С. 430-431, 436-448.

Многомерные же модели, раздвигая вертикалями горизонталь, оперируют понятиями «поле/сеть», «пространственно-временной континуум» и т. п. В частности, Л. П. Симуш, характеризуя переходные процессы с промежуточным состоянием, задействует категории социального пространства/времени, где пространство фиксирует устойчивость социальных форм, а время – нестабильность (изменчивость? – В. П.)¹. В. И. Карасев для описания трансформационных процессов также использует объемные модели (социальное поле/сеть), связывая их феноменологически с переходным периодом, который описывается через понятия «социальная революция» (закон переходного состояния) и «революции» (процесс регенерации прежнего качества) как социальный феномен переходного общества². Исследуя переходные процессы, он, помимо вышеназванных, применяет понятия «историческое время» (границы трансформаций), «социальное вещество» (институциональный объект социальных трансформаций) и «процессуальный объект трансформаций», в качестве которого и выступает социальное поле/сеть³. Нечто подобное есть и у В. И. Пантина в его концепции волнообразного типа социальной динамики, где прогресс и деградация присутствуют одновременно в каждой точке эволюционного процесса, а реформы и контрреформы дополняют друг друга, обеспечивая единство модернизационного процесса⁴.

В двух вышеназванных парадигмах (транзитологической и многомерной) совершенно по-разному рассматривают и проблему соотношения временных модусов. Первая установка исходит из того обстоятельства, что прошлое «в основном», за исключением «пережитков», сменяется настоящим через промежуточные/переходные/транзитные этапы. Другая же акцентирует внимание

¹ Симуш Л.П. Развитие темпорального многообразия в изменяющемся обществе: Автореферат дисс. ... канд. филос.н. М., 1997. С.12-14.

² Карасев В.И. Социальная трансформация... С. 17, 22, 27.

³ Там же. С. 18-22.

⁴ Пантин В.И. Циклы и волны социального развития: цивилизационная динамика и процессы модернизации. М., 2004. С. 36-48, 199-200.

на том, что, наоборот, настоящее исчезает в прошлом, причем прошлое сохраняется и в настоящем¹. То есть получается, с одной стороны, что настоящее поглощается прошлым, но с другой – оно исчезает также и в будущем. Вспомним знаменитое хайдеггеровское: «время временит из будущего». Парадоксальность, неуловимость настоящего, отмеченная еще Аристотелем, и особенно Аврелием Августином, непривязанность человеческого сознания к временным модусам разрушают чисто линейную последовательность событий и процессов. Тем самым появляются разнонаправленные системы координат и, соответственно, будущеепрошлое и прошлобудущее. Не в этом ли парадокс тех исторических феноменов, которые истолковываются то с позиций прошлого, то будущего?

Позднеантичный колон ближе к классическому рабу или к средневековому крепостному? Точно так же обстоит дело и с современным шахидом. Он человек из арабского средневековья или из эпохи постмодерна? Думается, что здесь как раз время и становится не линейным, а вихрящимся, «сфероидным». Динамика данных форм явно не транзитного порядка. Колон не «транзитировал» к средневековому крепостному, да и мусульманский фундаментализм вряд ли эволюционирует к общечеловеческим ценностям и к Вашингтонскому консенсусу. Эти и им подобные феномены движутся вне линейно-стадиального измерения, возникая всякий раз в новом обличье, там, где окажутся затребованными, всякий раз ставя неразрешимые в одномерной линейной парадигме вопросы об их принадлежности к традиции или новации.

В этой плоскости, видимо, лежит решение вопроса об особых промежуточных, но не переходных (транзитных) формах. Обычно их пытаются «пристегнуть» к последующим. Именно это произошло с «дофеодальным периодом» А. И. Неусыхина, который в формационной догматике просто объявили «раннефеодальным». Исходя из нашего понимания

¹ Оруджев З.М. Философия прошлого (или понятие прошлого в необыденном смысле) // ФН. 2002. № 1. С. С. 37 – 39.

Антропосоциетального Универсума как глобальной бинарной оппозиции/связки Исторического и Социального континуумов, можно предположить наличие диссипативного, промежуточного трансформационного континуума, где историзирующие/трансформационные структуры перемалывают старые воспроизводственные устои. Соотношение между двумя началами (устойчивостью и изменчивостью) постоянно меняется, хотя противостояние может порой дойти до некой точки относительного равновесия и затормозиться на более-менее продолжительное состояние/время. Пространство завоевания может поглотить время развития (испанцы, османы и т.п.). Доминирование Исторического континуума означает прорыв в иное измерение. Однако в нелинейных формах социальной динамики подобные трансформации могут приобретать не векторный (стреловидный), а «сфероидный» характер, образуя своего рода «завитки», «завихрения», субконтинуумные зоны. Подобные трансформации рассматриваются нами как нелинейные, астадиальные.

В концепции А. С. Ахиезера феномены данного типа с нелинейной динамикой трактуются как инверсионный переход, направленный к тому, что раньше в той или иной форме уже было известно¹. Здесь переход не есть транзит в стадиальном смысле, а скорее чередование или колебание в смещающихся плоскостях. Нелинейность подобных процессов налицо.

В итоге, даже новационные формы сами по себе не свидетельствуют о линейно-поступательных процессах, поскольку они в равной мере могут быть задействованы и в иных типах социальной динамики. В частности, революция Мейдзи отнюдь не была «восстановлением» архаического «царства Ямато». Новационная империя, выпав из японской традиции, в то же время не стала транзитом к западной конституционной монархии, пусть даже такой консервативной, как прусская. Перед нами типологическая «промежуточность без перехода». Восстанавливалась астадиальная, по сути, идея Империи, а не ее

¹ Ахиезер А.С. Социокультурный механизм...С. 39.

прошлый «фактаж». Впрочем, если принять во внимание соображения А.С.Ахиезера о том, что инверсия и медиация могут переходить друг в друга¹, можно допустить также взаимообратимость промежуточности и транзитности. Так, Россия 90-х XX в. рассматривалась как транзитная форма к западной цивилизации, а теперь уже таковой не считается. Зато идея демократического транзита в рамках евроинтеграции с начала 2000-х г. прочно овладела умами украинских политических и прочих элит на уровне официальной идеологии. Статус Украины как главного транзитера постсоветского пространства заметно поблек в огне и ужасах гражданской войны, а основная «заманиловка» – договор об ассоциации (безвизовый режим) все же не оправдал возлагаемых на него надежд, к тому же и постсаакашвилевская Грузия уже не проводит евроинтеграцию с прежней одержимостью.

Таким образом, по характеру направленности можно выделить линейно-стадиальные и астадиальные трансформации. Классический пример первых дают межформационные социальные революции – социетальные трансформации; технико-хозяйственные/социоэкономические: аграрная трансформация (переход к производящей экономике) – индустриальная – постиндустриальная. Возможно, стадиальной по своим последствиям будет и ноосферная трансформация в духе В.И. Вернадского и Тейяра де Шардена, концептуализируемая в русле стратегии устойчивого развития. Однако ее реализация оставляет желать лучшего.

Астадиальные трансформации не являются простым нарушением последовательности этапов. Это явление сложного нелинейного, «объемного» порядка, связанное уже с постформационным, сопряженным (пульсарно-конгломеративным) развитием. Это «искривление» хронотопа антропосоциетальности, смещение разновременных и разноуровневых явлений как в базисном формационном типе («европейский путь развития»), так и в превращенных, в частности, тьермондиалистских формах. Наиболее значимыми

¹ Ахиезер А.С. Социокультурный механизм.... С. 43.

нам представляются тьермондиалистская, социалистическая и постсоциалистическая трансформации социетального масштаба.

Среди социетальных трансформаций в неевропейских обществах выделим несколько направлений. Первое идет по линии территориального укрупнения государств (локальные - региональные - надрегиональные). Первое всемирное имперское образование на Востоке – Арабский халифат. Здесь наряду с социотерриториальной и социополитической трансформациями мы наблюдаем еще и глобальную культурно-цивилизационную, связанную с появлением новой мировой религии, что дает водораздел между древним и средневековым Востоком, а не надуманный формационный переход от рабовладения к феодализму¹. Следующая социетальная трансформация происходит под действием внешнего фактора - колониальной экспансии Запада².

Социетальные трансформации восточнославянской/российской общности (например, так называемая капиталистическая) характеризуются неформационной инверсионной динамикой. Они взаимообусловлены специфическим характером общественного строя, явно выбивающегося из линейно-стадиальной типологии. Октябрьская революция 1917 г. также не носила формационного характера. Ю.И.Семенов определяет ее как «антипаракапиталистическая»³.

Таким образом, в целом на Западе линейные процессы погашали неблагоприятные последствия циклических, обеспечивая сбалансированность и структурную взаимосвязь между элементами социальной структуры (линейно-поступательные трансформации). Даже Великая депрессия, сломавшая классические политэкономические концепции бескризисного развития, привела к качественным трансформациям системы, но не превратилась в ее крах, инверсию в сторону тотального огосударствления.

¹ *Історія і теорія світових цивілізацій. Луганськ, 2012. С. 263–268.*

² *Історія і теорія... С. 925–941.*

³ *Семенов Ю.И. Философия истории... С. 496–501.*

Иначе обстоят дела в нелинейных трансформациях инверсионного типа (политарные/тоталитарные трансформации в России и Германии). В России линейные процессы вызвали асинхронизацию всех сфер общественной жизнедеятельности. Так, столыпинская аграрная реформа, долженствующая создать социальную базу капитализма в сельском хозяйстве, на самом деле создала новый очаг противоречий, дав всплеск коммунитарных настроений. Индустриализация же в царской России развивалась главным образом за счет государственного перераспределения ресурсов. Социально-экономическое развитие обнаруживает неравномерную, «рваную» динамику. Выход к передовым технологиям (как правило, в отчасти ограниченной сфере) происходит в результате мобилизационного рывка, который сменяется относительным застоєм (например, постпетровский период 1725–1750-е гг. или 1825–1855-е) или же революционным взрывом (подъем 80-х гг. XIX в. – 1900 г. и революция 1905-1907 гг., промышленный подъем 1908 – 1914 гг. и революции 1917 г.). Тем самым первоначальная энергия подъема трансформируется в нечто прямо противоположное в форме инверсии. Именно внедрение индустриальных технологий позволило аккумулировать огромное количество энергии, которая, вступив в противоречие со структурой, выплеснулась в доселе невиданном по мощи разрушительном взрыве. Процессы, казавшиеся необратимыми (например, развитие рыночных отношений, формирование парламентарной демократии и т.п.), внезапно обнаруживают свою обратимость и растворяются в едином социетальном массиве (социалистическая мироцелостность).

Нечто похожее происходит и в тех странах Запада, где капитализм также внедряется «со стороны» в докапиталистические структуры (Германия, Италия – так называемый прусский путь развития). Здесь также действуют мобилизационные технологии и государственное перераспределение ресурсов. Именно они обеспечили победу Пруссии в войне 1870-1871 гг., но гипертрофированное развитие государственно-монополистического комплекса завело Германию в тупик Первой мировой войны. Веймаровские структуры, во

многим также навязанные извне, оказались нежизнеспособными, вызвав тоталитарную реакцию. Сращенность госмонополизма с «партией нового типа» образовала тоталитарную надстройку над рыночными отношениями, что в очередной раз привело Германию и весь мир к невиданным доселе трагическим последствиям.

Переход к постиндустриальному/информационному обществу с середины XX в. уже постформационный. Он не исчерпывается строго экономическими параметрами и является социетально-цивилизационным (ср. с тезисом М.А.Чешкова о возвращении истории в эволюцию¹). Можно сказать, что формация переходит в цивилизацию. Глобальные изменения в коммуникационных структурах глобальной экономики не сопровождаются столь же масштабными социальными трансформациями. Социализация капитала, о которой так много говорят, в неблагоприятных условиях может смениться контртенденцией. Социально-политические структуры постиндустриальных обществ скорее тяготеют к индустриальным, нежели к каким-то качественно новым.

Трансформации в мировой системе социализма в конце 80-х – начале 90-х, приведшие ее к краху, и последующие процессы постсоветского развития (территория бывшего СССР) обнаруживают много общего с трансформациями в третьем мире, что, как уже говорилось, дает возможность М.А.Чешкову говорить о северном варианте тьермондиализма.

Итак, есть все основания утверждать, что формационная динамика исчерпала себя как в своих базисных формах – «европейский путь развития», так и в превращенных тьермондалистских обществах.

По степени масштабности вслед за социетальными (макротрансформации) идут мезотрансформации (средний уровень). Они соотносятся со сферами общественной жизнедеятельности как целостностью, вплоть до «третьей волны».

¹ Чешков М.А. Незапад в процессе... .

Здесь, на наш взгляд, в первую очередь стоит выделить технико-хозяйственные/социоэкономические и политические трансформации.

Среди первых наиболее значимы такие экономические революции, как аграрная, индустриальная и постиндустриальная. Данные революции сопровождаются и социальными/социетальными трансформациями, однако таковые следуют в убывающей по значимости последовательности. Так, первая заложила социально-экономическую базу цивилизации/государственности, базирующейся на разделении организаторско-управленческого и исполнительского труда. Промышленный переворот знаменовал переход от мануфактурного капитализма к индустриальному, а последняя не вызвала столь значимых социально-политических последствий.

Ступенькой ниже находится, например, «железная революция» начала I т. до н.э. В Европе она совпала с появлением античной цивилизации, а на Востоке – с региональными имперскими образованиями (классический пример – держава Ахеменидов). Еще ниже будут различные технико-экономические изобретения разной степени значимости – от изобретения мотыги, плуга, колеса до мобильных средств связи.

Политическими трансформациями мы считаем изменения в формах политического устройства. При этом масштаб этих изменений также совершенно разнится. Высший уровень здесь – политические революции (некоторые из них неразрывно связаны с социетальными трансформациями – английская 1640, Великая французская, Октябрьская 1917, а другие нет, например, июльская 1830 г. во Франции и т.п.). Низший уровень занимают политические реформы и перевороты.

Определенную методологическую трудность представляют трансформации сугубо в социальной сфере, поскольку чисто структурный подход здесь неприменим, равно как и понятия «часть» и «целое» (несоциальной общности быть не может). Проблема категориального размежевания понятий «социальное» и «общественное» уже рассматривалась выше. Напомним,

что здесь нами применен ипостасный подход как неотъемлемая составляющая многомерного – социальная сфера как особый срез, измерение/ипостась общества по линии межличностных, межгрупповых, межклассовых, межпрофессиональных отношений. Данные трансформации разворачиваются именно в этом измерении.

Изменения здесь весьма разнообразны и отличаются друг от друга по своему характеру и масштабу (появление новых социальных групп, новых форм социальной организации и т.п.). Отметим только те, что в марксистской традиции именуется как «крупные общественные разделения труда». В этой связи хотелось бы обратить внимание на явную неправомерность энгельсовской абсолютизации становления купечества как класса и выделения торговли в особую сферу общественной деятельности (3-е крупное общественное разделение труда)¹. Лишь потом он говорит о разделении труда на руководительский и исполнительский, да и то связывает эти процессы сначала с производством, а потом и обменом². Опять-таки решающую роль во всем этом он отводит купечеству. Подобные взгляды, конечно, явный анахронизм, формирование социальной стратификации вокруг организационных общественно значимых функций – факт, уже не вызывающий сомнений.

Правомерным представляется выделение социокультурных (в частности, культурные и научные изменения) трансформаций. Сюда мы отнесем все новое, что возникает в сфере культуры, прежде всего духовной. Изменения в области материальной культуры должны изучаться здесь не в технико-экономическом аспекте (это другой тип трансформаций), а в более широком цивилизационном контексте, в системе смыслов, значений, навыков, умений и мировоззренческих ориентиров. При этом информационный момент не соотносится напрямую с содержанием культуры. Отсюда и разграничиваются культура и наука.

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К.Маркс, Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 165–166.

² Там же. С.165.

Первый высший (социетальный) уровень социокультурных трансформаций мы связываем с фазовыми переходами от одного исторического типа общественного устройства к другому. Это, например, смены античной культуры культурой средневековья и далее культурой Нового времени. Сюда же относятся и глобальная социокультурная динамика П.Сорокина, и социокультурная трансформация эпохи Возрождения. Формационная трактовка эпохи Возрождения (социокультурные изменения рассматриваются исключительно с точки зрения генезиса капитализма) совершенно неприемлема. Культура Возрождения построена на антропоцентризме преимущественно гедонистического типа, в ней нет ничего от духа предпринимательства, накопления, стяжания (это скорее протестанская аскеза).

Весьма специфический характер обнаруживают трансформации, переходящие с одного уровня социетальности на другой. Таковые обозначились первоначально в сфере архитектуры и искусства (стиль модерн), включенные в общий поток социетальных трансформаций (индустриальное – постиндустриальное общество), они тотализируются и уже распространяются на все общество (общество модерна - индустриальное). Точно так же происходит и с постмодернистской трансформацией, смещающейся в сферу социетальности и там сближающейся с понятием «постиндустриализм». Теориям постиндустриализма и постмодернизма оппонируют интегральные теории Второго модерна (У. Бек), Э. Гидденс говорит о «радикальном модерне». Согласно данной точке зрения, современность (модерн) не сменилась постсовременностью, а просто перешла на иной уровень развития. Постулируют уже и Третий модерн и т.п. Видимо, перед нами феномен смещения систем детерминации из социально-экономической сферы в социокультурную, что происходит и на понятийно-категориальном уровне, где узкокультурогические, искусствоведческие понятия, тотализируясь, переходят на иной концептуальный уровень, вытесняя как формационную, так и техноцентрическую терминологию.

Впрочем, подобные процессы еще далеки до завершенности, так что окончательные выводы делать еще преждевременно.

Ступеньку ниже занимают социокультурные трансформации, связанные с кардинальными этнодемографическими изменениями (исчезновение старых этносов и возникновение новых). Пример подобных трансформаций дает распространение индоевропейской этнической общности. Впрочем, культуры бронзового века могут сменяться культурами железного века и без кардинальных этнических трансформаций. Еще более узкими будут трансформации в рамках господствующей системы мировоззренческих, художественных, эстетических ценностей, – словом, все то, что можно именовать как социокультурная парадигма. Это будет, например, переход от романского к готическому стилю, от барокко к классицизму и т.д. В особый тип социокультурных трансформаций можно выделить изменения в сфере общественной психологии и поведения. Здесь достаточно только вспомнить «социальные характеры» Э.Фромма, которые, помимо всего прочего, являются продуктами исторического развития.

Наконец, в заключение лишь обозначим перевороты в сфере научного знания, наиболее весомые разворачиваются по линии классика – неклассика – постнеклассика: разработанные на материалах естествознания, они обладают весьма широкими обобщающими возможностями¹. Подобные трансформации сопровождаются научными революциями как фазового характера (от классической физики Ньютона к неклассической Эйнштейна), так и более мелкого масштаба. Впрочем, классика не вытесняется целиком, а ограничивается строго определенной областью. Постнеклассика акцентирует свое внимание на ценностно-целевой структуре человеческой деятельности, на коммуникации и шире – на включенности человека в глобальные процессы Вселенной (в этой связи особенно затребована идея ноосферы, где концепция В.И.Вернадского наполнились новыми смыслами).

¹ *Степин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000.

ГЛАВА 4. НЕЛИНЕЙНЫЕ СОЦИЕТАЛЬНЫЕ ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

4.1. Феномен астадиальности в процессе общественной эволюции

Осмысление тех явлений, что не укладываются в общественную парадигму линейно-поступательного, непрерывного, прогрессистского движения на концептуальном уровне, во многом связано с формированием постклассических подходов в научном познании. В качестве структурообразующего ядра новой парадигмы нами рассматривается принцип нелинейности наряду с представлением о многообразии форм эволюционного процесса, отрицанием тождества развития и прогресса, а также некоторыми другими положениями. Однако понятие «нелинейность», ввиду его категориальной размытости, порой подвергается обвинениям в «бессодержательности», поскольку история всегда имеет направление, она многолинейна, но лишь одна линия развития оказывается продуктивной¹. Отсюда весьма обоснованной необходимостью видится концептуализация самого понятия «нелинейность», для чего мы и попытаемся рассмотреть проблему соотношения линейно-стадиальных и всех остальных процессов.

Сущность феномена нелинейности видится нам не через отрицание направленности (ненаправленность – признак хаотических процессов) и возможности выделения магистральной линии развития, а как отсутствие универсальной детерминанты, развертывающейся исключительно стадиальным способом, некоего изначально predetermined качества, поступательно движущегося по единой эволюционной лестнице к неизбежному результату, как в небызызвестной «пятичленке». Если в XVI - XVIII вв. возобладала западная ветвь

¹ Алаев Л.Б. Альтернативность и однолинейность в истории // ФН. 2005. № 6. С. 106–108.

общественной эволюции, то значит ли это, что остальные (до XIII в. Китай был неоспоримым центром мировой экономики) раз и навсегда перешли в разряд тупиковых? Видимо, нет, и современные процессы мирового развития – наглядное тому подтверждение.

Нелинейность общественной макроэволюции в первую очередь представляется нам как поле взаимодействия различных эволюционных форм («объемная эволюция»), а как объект процессуального порядка она проявляется в феноменах, которые не могут быть однозначно соотнесены с конкретным временным отрезком. На наш взгляд, вневременные же формы характерны для общественной эволюции, как и линейно-временные, однопараметрические.

Хотя тезис о сопряженности эволюции (развертывание) и инволюции (свертывание) известен еще со времен Просвещения, а Ж.-Ж. Руссо открыто усомнился в самодостаточности линейно-поступательного развития, но все же вплотную, на концептуальном уровне проблема соотношения этих форм встала перед К. Марксом, когда В. Засулич спросила его о роли русской общины в грядущей социалистической революции. Теоретическое затруднение, с которым столкнулась формационная теория, была связана со следующим обстоятельством. С одной стороны, в русле линейно-поступательной парадигмы достаточно очевидно то, что община отнюдь не является неким прообразом будущих форм социальности, а есть пережиток прошлого, но с другой – постулировать уничтожение общины как неперемное условие прогрессивного движения на пути к революции отнюдь не приходилось, хотя бы ввиду резкой имущественной дифференциации крестьянства и обнищания широких масс населения. К. Маркс подметил сосуществование общины с современными институтами капитализма, в частности, в банковской сфере¹, но ограничился крайне неопределенным ответом, дескать, всё возможно, в том числе и то, что община может сыграть позитивную роль в грядущей русской революции. Ф. Энгельс в письме к Н. Ф. Даниельсону от

¹ Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И.Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 401.

24.02.1893 г. воспроизвел данный тезис, лишь с тем уточнением, что победа прогрессивных форм на Западе ускорит развитие таких отсталых форм, как русская община, с тем чтобы она оказалась на высоте в случае революционных событий¹.

Ещё в более парадоксальном виде представил эту проблему В.И. Ленин. В своей работе «Империализм как высшая стадия капитализма» он в линейно-стадиальном, формационном духе переосмыслил положение Дж. Гобсона о свободной и монополистической конкуренции, однако российский империализм охарактеризовал как «военно-феодальный»², даже не задумавшись о парадоксальности подобного определения, когда высшая форма наделялась чертами низшей, явно выпадая из стадиальной логики, даже в известной мере предвосхищая «глокализацию» или «сораздельные отношения» М.А. Чешкова.

Все что не соответствовало линейно-стадиальной динамике в советской историографии, списывалось на счет неравномерности общественного развития, теория которой упорно связывалась с именем В.И. Ленина. Те исторические формы, что не соответствовали той или иной формации типологически, но принадлежали к единому хронологическому отрезку, даже не выделялись как самостоятельный объект изучения, всячески маргинализируясь. Ранее мы уже касались тех проблем, с которыми столкнулась ТОФ при имплементации в свою структуру «азиатских» форм, при соотношении системного и несистемного начал и т.д. Согласно этой логике прогрессивные формы развития включают в себя и непрогрессивные в качестве своего собственного отрицания, которые являются, тем самым, чем-то вроде «непрогрессивной прогрессивностью» или «прогрессивной непрогрессивностью». В этом, собственно, и есть их диалектика. Применительно к теории общественной эволюции это означало, что поскольку единство и всемирность исторического процесса заключаются сугубо в смене

¹ *Энгельс Ф.* Письмо к Н.Ф.Даниельсону от 24.02.1893 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С.33–34.

² *Ленин В.И.* О двух линиях революции // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 81.

общественно-экономических формаций (ОЭФ), следовательно, быть вне формации – значит быть вне истории¹.

Выше мы уже рассмотрели процесс размывания и краха универсальной линейно-формационной схемы, а также проблему соотношения стадияльных схем осмысления социальной динамики с прочими. В современной историографии можно констатировать наличие двух методологических позиций: одна (И.М.Савельева и А.В.Полетаев) в целом отдает приоритет стадияльным подходам как наиболее адекватным способам системного структурирования исторического времени², другие же исследователи (В.В.Василькова, В.И.Пантин, Ю.Н.Соколов, Ю.Н.Мельников), напротив, акцентируют внимание на изучении нелинейной динамики. С учетом этого было бы неправомерным постулировать крах стадияльной парадигмы. Наличие стадий разного масштаба несомненно (например, первобытность и цивилизация; присваивающее общество, производящее – аграрное, индустриальное, постиндустриальное).

Стадияльность связана с прорывом трансформационной энергии разной частоты и мощности, что задает ритм историческому процессу и, соответственно, в зависимости от характера произошедшей трансформации формируются этапы развития в различных исторических типах общественного устройства или же глобальные стадии всемирной истории. Стадияльность как этапность, периодичность есть неотъемлемое свойство исторического процесса, хотя и может меняться в процессе общественной эволюции. Так, исчерпание одного из видов стадияльности (линейно-формационного) знаменует переход к иным ее формам, связанных, прежде всего, с глобальными межсоциумными взаимодействиями в Историческом топохроне и экономико-технологическими трансформациями.

¹ Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история. М., 1981. С. 76 – 78, 80 – 87, 112 – 117, 268.

² Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время... С. 465.

О необходимости выделения непрогрессивных, нестадиальных форм социального движения в объект самостоятельного исследования, определения их собственного качества заговорили еще в конце 80-х гг.¹, наиболее последовательно, на наш взгляд, в работах М. А. Чешкова². Им же было выдвинуто положение о том, что общественные отношения нельзя брать в их субстанциональном виде, вне временного измерения, вне механизма их социетальных взаимосвязей. Отсюда необходимо различать стадиально определенные общественные отношения и астадиальные, лишь формально им подобные³. Таким же образом между собой соотносятся античное и плантационное рабство в Северной и Южной Америке, вместе с его гулаговским аналогом, западноевропейское феодальное поместье и латиноамериканская латифундия/энкомьенда/пеонаж, гуруши III династии Ура, русские крепостные. XVIII в. и сталинские колхозники. Примеры здесь можно продолжать и далее. По отношению к ним термин «пережиток прошлого» теряет всякий смысл. Четко разграничивая формационные и неформационные (астадиально-дуалистические, неартикулированные) общности, исследователь конкретизирует формационный тип развития через такие параметры, как специфический способ развертывания (прогрессивное движение), соотношение членений в этом движении (стадиально-последовательное), способ смены этих членений (жестко детерминистический)⁴. Этих признаков он не находит в общности развивающихся стран (ОРС). Как нам представляется, нет их и на доколониальном (традиционном) Востоке.

Для осмысления неформационных общностей М.А. Чешков предлагает задействовать категорию «превращенная форма»⁵. Суть исторической превращенности автор усматривает в том, что «воспроизводственное

¹ *Формации или цивилизации...* С. 34–59.

² *Чешков М.А. Понимание целостности...; Он же.. Рост капитализма...*

³ *Чешков М.А. Рост капитализма...* С. 161.

⁴ Там же. С.163-164.

⁵ *Чешков М.А. Понимание целостности...С. 38–39, 45; Он же. Рост капитализма...С.161; Он же. Восток – «третий мир»...* С. 122–123,127–128.

общественное отношение теряет свою исторически определенную стадиальную принадлежность»¹. В ОРС традиционное начало по отношению к естественноисторической (доколониальной «азиатчине») выступает как превращенное, будучи соотнесено с ростом капитализма и мироцелостности, она исторически лишена естественной самодостаточности². Данная превращенная «азиатчина» есть, помимо этого, еще и форма астадиальная (внестадальная), поскольку ее эволюция определяется не диахронным, а синхронным развитием³.

М. А. Чешков выделяет производные, перенесенные и превращенные конкретно-исторические формы⁴, хотя принципы их разграничения им не раскрываются. Скорее, эти категории действуют у него как взаимодополняющие, т.к., например, промышленное рабство выступает у него и как производная (от капитализма) и как превращенная форма. Так же не вполне ясна здесь логика выделения иностадальных (промышленное рабство) и астадиальных/внестадальных форм, таких, например, как «азиатчина».

Данную фразу можно истолковать таким образом, что иностадальные формы могут быть перенесены из предшествующих стадий (снизу вверх) и выступать в качестве «пережитков», и наоборот, сверху вниз – когда капиталистические элементы внедряются в докапиталистические структуры, в этом случае взаимодействие иностадальных форм как раз и может привести к появлению превращенных. Астадиальные же, существуя в параллельном измерении, могут быть затребованы в любой момент, когда для этого возникнут соответствующие условия⁵. Так, идея Империи существовала даже в эпоху раздробленности в Китае в VIII – I-й половине III вв. до н.э. и вновь регенерировала с династией Цинь. После хаоса 1911-1949 гг. империя

¹ Чешков М.А. Восток – «третий мир» ... С.122.

² Чешков М.А. Глобальный контекст... С. 201.

³ Чешков М.А. Восток – «третий мир»...С. 127.

⁴ Там же.

⁵ Попов В.Б. Астадиальные трансформации в структурах социетальной многомерности // Гілея. 2010. Вип. 37. С. 276-277, 280.

возродилась уже в маоистском облики. Мао, как известно, любил себя называть «красным императором», а идеал политика видел в образе Цинь Ши-хуанди. Чего стоит его антиконфуцианская программа, словно реинкарнированная из циньских времен. Точно так же сталинские колхозы поразительно напоминают царскохрамовые комплексы III-й династии Ура, сопоставимые в большей мере именно с ними, а не с дореволюционными общинами.

Достаточно очевидным представляется то обстоятельство, что вышеозначенные формы (далеко не единственные) не являются некими «пережитками» непонятно какого прошлого, а есть новообразования, не имеющие непосредственных предшественников. Они возникли в результате разрыва, а не преемственности. Именно о подобном феномене и пишет М. А. Чешков, постулируя «разрыв через преемственность»¹, что означает, на наш взгляд, не только «преемственность как способ (механизм) «разрыва», как полагает исследователь, но и разрыв как способ передачи преемственности. Видимо, здесь можно допустить наличие трансконтинуумной зоны, где преодолевается разномерность координат, где стадиальное/линейное и астадиальное/нелинейное смыкаются друг с другом. То есть в разрыве преемственность доводится до своего полного предела и тем самым отрицается через завершение. В этом случае «преемственность» как линейность на выходе явно оказывается астадиальной. Вышеобозначенные разрывы также трансконтинуумны по сути.

Так, разрыв/переход между дореволюционной Россией и СССР необъясним в стадиальной логике развития, равно как и однозначно/одномерно прогрессистской. Еще более показателен феномен тоталитаризма в рамках западной миросоциетальности. Заметим, что и переход к постсоветским обществам в целом выпадает из линейно-стадиальной динамики, поскольку данное образование оказывается вне «нормальной» (стадиальной) динамики западного мира скорее представляя новый завиток, новое искривление

¹ Чешков М. Россия/СССР и Восток: судьбы исторической общности // МЭМО. 2003. № 6. С. 95.

линейности, новый специфический субконтинуум. М.А. Чешков в этой связи говорит о новом издании ОРС на Севере (постсоветские общества)¹.

Методологически обоснованным, на наш взгляд, будет сопряженное изучение астадиальности и превращенности, поскольку оба они относятся к одному кругу нелинейных процессов. Философское осмысление данных феноменов должно касаться всего комплекса их взаимосвязей, через которые возможно выйти и на их субстанциональные основы, в чем не сомневается М.Мамардашвили, исследуя феномен превращенных форм².

Ранее мы пришли к выводу, что астадиальность не является простым нарушением последовательности этапов, перепрыгиванием через некоторые из них, а есть явление более сложного порядка, не мыслимого в линейно-поступательной логике (см. III.3). Она представляет собой сворачивание линейно-поступательного развития, возникновение новых хронотопных субконтинуумов, новых завитков, смещающихся спиралей и т.п. Здесь должны быть затребованы объемные модели Антропосоциетального континуума как поля, где разновременные пласты человеческого бытия не исчезают с появлением высшей формы или «превращаются», а существуют в смежных измерениях и могут быть затребованы при определенных обстоятельствах.

В неформационных типах общественной эволюции регенерирующее начало пронизывает все звенья социальной структуры, в результате чего происходит известная обратимость социальных процессов, возрождение, казалось бы, канувших в небытие социальных практик и явлений. Тем самым прошлое и настоящее здесь не разведены во времени, но то и дело оказываются в смешанной системе. Некоторые исследователи определяют этот феномен как «петли антиципации времени в открытых системах»; «флуктации традиционности»;

¹ Чешков М.А. Глобальный контекст...С. 213.

² Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1990. С.325–328.

«смешанные общества», развертывающиеся различными гранями инвариативных процессов¹.

Сам феномен разрыва встраивается в процесс регенерации как один из ее аспектов. Астадиальное развитие, таким образом, происходит не через разрыв, а через модификацию, перекомбинирование уже имеющегося, хотя еще не проявленного. Актуализация прошлого является здесь необходимым условием социальной динамики, опосредующим линейно-поступательные процессы. Феномен разрыва в нелинейных формах общественной эволюции оказывается, тем самым, привнесенным извне или реакцией на проникновение иных социальных форм, связанных с линейно-стадиальным развитием.

В чем же заключаются субстанциональные основы астадиальности?

Л. П. Карсавин совершенно справедливо отмечает, что нет субъекта и развития самих по себе, а есть развивающийся субъект, который должен быть признан всеобъемлющим и содержащим все развитие, т.е. всевременным, всепространственным, всекачественным, ибо развитие не безличность, а единство и множество². Далее он раскрывает всевременность как данность «сразу» всех моментов времени, но даны они в определенном порядке, который эмпирически выражается в качестве временного³. То есть всевременность предполагает необратимость эволюционного процесса, невозможность возвратных процессов на социетальном уровне.

Однако подобная необратимость оставляет континуум и для обратимости. Н. Луман обращает внимание на то, что возвратность наслаивается на «само по себе» необратимое течение времени⁴. Это приводит к выделению особого масштаба времени, с которым связаны дальнейшие эволюционные достижения. Комплексная система, указывает он далее, должна быть способной перехватывать

¹ Крымский С.Б. Метаисторические ракурсы философии истории // ВФ. 2001. № 6. С. 37–38; Хренов Н.А. Воля к сакральному. СПб., 2006. С.427–430; Алтухов В. О смене порядков... С. 19–21.

² Карсавин Л.П. Философия истории. М., 2007. С. 13.

³ Там же. С. 51.

⁴ Луман Н. Социальные системы. СПб., 2007. С. 77.

риски, возникающие в результате ее временного несоответствия с окружающим миром. Данные сдвиги во времени встроены в саму систему, которая может по-разному гибко реагировать на окружающие процессы, что возможно лишь при определенных предпосылках¹.

Исследователь приходит к выводу, что структуры удерживают обратимость времени, так как они оставляют открытым ограниченный репертуар возможностей выбора. Напротив, процессы обозначают необратимость времени, состоя из необратимых событий². Структуры создают возможность для открытой комплексности связать элементы по принципу предпочтительности. Последовательность событий является процессом, когда она соответствует признаку усиления избирательности, например, в форме антиципаторных процессов, что предполагает взаимную избирательность предыдущих и последующих событий³. Все это можно сопоставить с вышеназванными «петлями антиципации времени» в неклассической термодинамике, что предполагает наличие неких зон в открытых системах, где процессы могут идти как с опережением, так и с отставанием от настоящего. Тем самым напрашивается вывод о трансвременном характере общества и Антропосоциетального Универсума в целом. Один и тот же континуум можно рассматривать как сосуществование/совмещение того, что проявилось и того, что еще проявится.

Нарушение линейной последовательности в разворачивании структур и процессов, на наш взгляд, можно свести к двум типам. Первый, это когда структуры одного исторического типа социетальности внедряются в иной, нарушая преемственность развития. При этом одни могут быть стадияльно высшими по отношению к другим. Классический пример – разрыв исторического процесса в традиционных восточных обществах в результате колониальной экспансии. В этом случае взаимодействие разностадиальных форм

¹ Там же. С. 78.

² Там же. С. 79.

³ *Луман Н. Социальные системы...* С. 467.

(капиталистических и докапиталистических) зачастую приобретает не только астадиальный, но и превращенный характер (плантационное рабство).

Второй же тип нелинейности коренится в структурах социетальности, на что и указывал Н. Луман. Как уже было рассмотрено, циклически-воспроизводственное и трансформирующее начала соответственно, Социальный и Исторический континуумы, заложены всей полнотой человеческого миробытия (Антропосоциетальный Универсум). Прорыв в стадиально высшее измерение связан именно с трансформационной деятельностью. Однако соотношение между двумя началами отличается в разных исторических типах социетальности. В восточных обществах отмечен приоритет циклическо-воспроизводственного начала, так что даже вроде бы линейно-стадиальный прорыв, опосредуясь циклическими формами, дает развитие сразу в нескольких системах координат, формируя не «время-стрелу», как в линейно-поступательном типе, а скорее сферовидное время, выступающее как источник астадиальных форм.

Социальный континуум многомерен/многослоен по своей природе. Наряду с действующими воспроизводственными практиками он содержит в себе и те, которые уже не используются, но находясь в «пассивном», «переотложенном» состоянии, могут быть активированы по мере надобности. Так, принцип организации территориальных войск почти в неизменном виде просуществовал на протяжении всего доиндустриального периода, чередуясь с иными формами военной организации (например, наемное войско), и вновь возникает уже в наши дни, правда, в превращенном виде (популярное ныне в России и Украине «возрождение казачества»). Данный принцип организации социального континуума присутствует во всех исторических типах организации общества, как на Западе, так и на Востоке. Здесь достаточно вспомнить, как время от времени западные общества возвращались к римско-имперским идеям и практикам со времен Карла Великого вплоть до потуг Муссолини (явная превращенность). То есть прошлое даже в линейно-поступательном типе развития не вытесняется в полной мере, а совмещается с настоящим (совмещающее/соразвитие и

замещающее в терминологии М. А. Чешкова¹, а в нашей – «сопряженное развитие»).

От двух вышеназванных типов нелинейности следует отличать феномен неравномерного развития, когда стадияльно-высшие формы соседствуют со стадияльно-низшими в рамках линейно-поступательного развития (сосуществование докапиталистических и капиталистических форм в период генезиса и на ранней стадии развития капитализма в Европе). Здесь стадияльно-низшие формы сосуществуют с высшими в качестве «пережитков». Однако и те и другие развиваются всецело в рамках стадияльной логики. Все эти формы уместно обозначить как трансстадияльные, то есть иностадияльные, принадлежащие к иной стадии/формации – либо высшей, либо низшей.

Взаимообратимость и взаимоприсутствие будущего и прошлого имеет смысл именовать «открытым временем». Данный феномен «открытости» особенно ярко проявляется в традиционных и идеократических режимах, где прошлое непосредственно присутствует в настоящем, сливающимся с будущим. Здесь соединяются разновременные формы, образуя причудливые комбинации типа фабрика-община, самурайский кодекс предпринимателя, президент–император и т.п. Можно вспомнить и хрестоматийный маоистский лозунг: «Долой Линь Бяо и Конфуция!». В современном же Китае Конфуций фактически становится одним из классиков китайского марксизма наряду с Марксом, Энгельсом, Лениным, Сталиным и Мао (явное совмещающее/дополняющее развитие).

Впрочем, акценты между прошлым и будущим могут меняться в зависимости от приоритета традиции или эсхатологии. Активизация астадияльных форм происходит и в случае линейно-поступательного скачка, «перерыва постепенности». В этом случае стадияльный прорыв срывает последние напластования, и на поверхность выходят зачастую архаические

¹ Чешков М.А. Глобальный контекст... С. 44-45.

формы. Здесь движение осуществляется одновременно в прямо противоположных направлениях: от настоящего к прошлому. Так эпоха Возрождения активировала античные напластования. На Востоке же каждый сколь-нибудь крупный прорыв в будущее рассматривался как возвращение к истокам. Именно так воспринимали, в частности, так называемую революцию Мейдзи. Вне линейно-поступательной динамики астадиальность доводит себя до целостности, формируя соответствующий тип развития (колониальные общества и феномен постколониального развития – Третий мир/ОПС; эволюция советской – постсоветской миросоциетальности), являющейся продуктом сопряженной формы общественной эволюции.

Зачастую сопутствующим условием проявления астадиальности является высвобождение весомых запасов социальной энергетике («пассионарность» в терминологии Л. Н. Гумилева). Реформация, как возвращение к «первоначальному» христианству, проложила дорогу к вспышке религиозного фанатизма и ожесточенным войнам. Во многом сходные процессы развернулись во время второго Майдана на Украине, где вслед за «европейскими», «демократическими» лозунгами последовали события уже вроде бы из времен Гражданской войны, петлюровского, а затем уже и бандеровского прошлого. О феномене социалистической революции в России и последующих процессах не стоит даже особо распространяться. Точно такая же картина наблюдается и во время стадиальных (формационных) скачков, где также не обходится без взрыва архаики. Здесь достаточно только упомянуть о пуританстве и Английской буржуазной революции 1640 г.

Помимо этого, астадиальными, но не превращенными будут социальные практики в своих сущностных чертах, воспроизводящиеся на разных стадиях общественной эволюции. Так, исследователями неоднократно подчеркивается поразительное, вплоть до буквального, сходство между политикой Людовика

XVI и Николая II (см. напр.¹) – несомненно, разностадиальное по времени, но астадиальное по природе. При этом политика Николая II явно не подпадает под признаки превращенности. Точно так же если М. Хардт и А. Негри именуют новый глобализационный порядок «Империей», то свидетельствует ли это об ее превращенном характере по сравнению с «подлинной», например, Римской? Наверное, нет.

Субстанциональной причиной подобного феномена является деятельность социально-воспроизводственного начала (континуума) в структуре Антропосоциетального Универсума, поскольку социальная практика в своей тотальности дает лишь лимитативную вариативность. Типы социальных практик определенно ограничены. Сходные условия порождают сходные действия, следовательно, и «приобщение» к предшествующей социальной практике. Далее субъект уже оказывается в поле действия ее традиции, где прошлое есть уже настоящее и будущее. В новых условиях воспроизводятся действия предшественников (борьба Ивана Грозного с «реакционным» боярством – Сталина с «ленинской гвардией»; петровская модернизация – сталинская индустриализация; гражданская война на Украине в 1917 - 1920 гг. и в 2014 - ? гг.. Людовик XVI – Николай II; Мазепа – П.Скоропадский – Янукович; петлюровские атаманы и современные украинские «комбаты», Керенский – Горбачев; «корниловцы» – «гкчеписты») с разной мерой приближения к архетипу.

Феномен повторяемости объектов самой различной природы в синергетической парадигме получил известное отражение в понятии «фрактал» (термин Б. Мандельброта). Однако здесь повторяемость соотносится прежде всего с масштабной инвариантностью, с понятиями части и целого, где часть в каком-то смысле подобна целому (см., напр.²). Однако, видимо, есть определенные основания все же разворачивать феномен повторяемости по всем направлениям: по

¹ Сорокин П.А. Человек... С. 266-268,278,284-291.

² Ефимчук И.В. Фрактальность истории. Статья 1 // ОНС. 2010. № 5. С. 147–149.

«диагонали» (во времени) и «вертикали» (в пространстве); «вглубь» (соотношение целого и части) и «вширь» (разномасштабность объектов).

Актуализация прошлого требует раскодировки информации о нем через доступные артефакты (материальные и духовные), а также через архетипы, закрепившиеся в различных формах общественного сознания. Культурная традиция обладает собственной социальной энергетикой, не сводимой к гумилевской пассионарности, якобы природной в своей основе. Пассионарные толчки в его теории – мутации, связанные со всплеском космической энергии. Особо не распространяясь по этому поводу, заметим только, что эта космологическая теория отдает явной теологичностью, где космические всплески вполне можно заменить божественными толчками. К тому же, как уже говорилось, мутации могут рассеиваться, а для создания устойчивой тенденции, особенно в надбиологических процессах, они должны быть закреплены иными механизмами, отличными от естественно-природных. Наверное, природа социальной энергетики/пассионарности не может быть редуцирована к строго определенной группе факторов. Тем не менее она является необходимым условием активизации традиции.

Во многих случаях подобная активизация происходит в кризисные, переломные эпохи (Великая французская революция и наполеоновская империя – соответственно активизирует идеи Римской республики и Принципата). Однако сами по себе кризисы, фазовые переходы и межстадиальные состояния не активизируют традицию (этого не произошло в Западноримской Империи в 410 и 455 гг., в Византийской – в 1204 и в 1453 гг., к тому же интерес к традиции может быть чисто историографическим).

При этом традиция не обязательно должна была быть строго «реконструирована» по имеющимся артефактам. Нередко имеет дело «изобретение традиции» (Э. Хобсбаум), которое восстанавливает лишь ее восприятие, отчасти дух ушедшей эпохи, но не буквальное воспроизведение прошлого.

Данное изречение Э. Хобсбаума, как правило, интерпретируется в линейно-стадиальном духе, что, дескать, подобные феномены лишь кажутся традиционными, а на самом деле представляют собой новации, лишь переодетые в традицию¹. Тем самым подобные «псевдотрадиции», «новационные традиции» рассматриваются исключительно с позиций настоящего – либо в качестве транзита к настоящему, либо как историческое наследие, тесно переплетающееся с настоящим и приспособленное к нему².

Отнюдь не отрицая подобного, хотелось бы обратить внимание на возможность действия и астадиальных процессов, по крайней мере, с сопоставимой частотой. Астадиальность при этом может принимать и сугубо превращенные формы, однако попытки свести превращенность к мнимости, к чисто маскировочному моменту нам представляются слабо обоснованными. Тем более это касается феноменов, чья стадиальная определенность оказывается размытой и где не всегда срабатывают однозначные критерии сменяемости. Таковые с равным успехом можно трактовать и как современное под маской прошлого, и как прошлое под маской современного. Как говорится, это вопрос предпочтения.

4.2. Превращенные формы в структуре нелинейных эволюционных процессов

Одним из концептов нелинейной картины антропосоциетальности, на наш взгляд, является категория превращенной формы, возникшая на стыке классической и постклассической науки. В своем зародышевом состоянии она содержится уже у Гегеля там, где он рассматривает процессы развертывания Абсолюта³. Пишет он и об изменениях формы, претерпеваемой лежащей в

¹ Паин Э.А. Волновая природа подъема традиционализма на рубеже XX – XXI веков // ОНС. 2011. № 2. С. 47.

² Штомпка П. Социология... С. 88 – 95.

³ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М., 1999. С. 162 – 163.

основании вещью, что скрывает тождество, сохраняющееся при этом самой вещью¹. По сути дела та же схема присутствует и у Маркса, правда, перенесенная в сферу политэкономии (товарно-денежный фетишизм). Многообразие соответствующих феноменов подводится им под единую форму (*verwandelte Form*).

В советской философии происходит неуклонное расширение когнитивного поля данного понятия, что хорошо прослеживается по классическим работам М. Мамардашвили². Если первая написана в целом в духе марксистского экономикоцентризма, где лишь обозначены превращенные формы сознания, вскользь упоминаются социокультурные феномены, чья природа может быть исследована при помощи данной категории и т.п.³, то во второй – в оборот введены феноменологический подход, фрейдовский психоанализ, юнговская концепция архетипов, символические и лингвистические теории и т.д. В целом понятие «превращенная форма» здесь уже задействовано в рамках неклассической рациональности, всячески подчеркивается онтологическая значимость феномена превращенности⁴. Актуализация его проблемного поля происходит и в наши дни, во многом связанная с процессами постиндустриального развития, виртуализации всех сфер социальности и т.п. Указывается, что концепция превращенной формы в постнеклассическом дискурсе предвосхитила ключевые проблемы современных системных исследований, таких как самоорганизация, самореференция, автопойезис, нелинейная причинность сложноорганизованных объектов и т.п.⁵

¹ Там же. С. 629.

² Мамардашвили М. Форма превращенная // *Философская энциклопедия*. М., 1970. Т.5. С. 386–389; Мамардашвили М. Как я понимаю... .

³ Мамардашвили М. Форма превращенная... С.388–389.

⁴ Мамардашвили М. Как я понимаю... С. 327 – 328.

⁵ Белокрылова В.А. Понятие превращенной формы: диалектическое наследие в постнеклассической социальной теории // *Философия и социальная динамика XX века: проблемы и перспективы*. Омск, 2008. С. 107.

В этой связи и возникает проблема ее эвристического потенциала при анализе нелинейных эволюционных процессов, на чем хотелось бы остановиться подробнее.

Наиболее развернутая, на наш взгляд, характеристика, представленная в вышеназванной работе М. Мамардашвили, делает акцент на их следующих свойствах. Первое, на что он обращает внимание, – это превращение внутренних отношений сложной системы, скрывающее их фактический характер¹. Далее указывается, что в отличие от классического отношения формы и содержания, форма здесь получает самостоятельное «сущностное» значение, а содержание заменяется иными отношениями, становящимися на место действительного отношения, что представляет собой извращение содержания². Исследователем вводится значение «превращенности» наряду с понятиями истинности или ложности (типа «жареный логарифм»), абсурдное по своей сути³. Всячески проводится тезис о мнимости превращенных форм, их трансформации в квазиобъекты, но при этом подчеркивается, что это не субъективное, а объективное их состояние, непостижимое чисто эмпирическим описанием⁴. Особо нам хотелось бы обратить внимание еще на одно соображение М.Мамардашвили, где он развивает мысль о том, что превращенная форма есть дискретное явление, в котором посредствующие промежуточные звенья «сжались» в особый функциональный орган, обладающий уже квазисубстанциональностью. Исходное (реальное) отношение здесь не может осуществляться в своем действительном виде в силу изъятости из определенной системы или их стертости⁵. Тем самым, на наш взгляд, М. Мамардашвили указывает на феномен превращенности как на результат нарушения линейной последовательности эволюционного процесса.

¹ Мамардашвили М. Как я понимаю... С. 316.

² Там же. С. 316 – 317.

³ Там же. С. 317 – 318.

⁴ Там же. С. 320, 322–323.

⁵ Мамардашвили М. Как я понимаю ... С. 321.

М.А.Чешков, как уже говорилось выше, суть исторической превращенности усматривает в том, что воспроизводственное общественное отношение теряет свою исторически определенную стадиальную принадлежность. Превращенная форма азиатского (восточного) общества является таковой по отношению к исторически определенной форме азиатского общества (доколониальный Восток)¹. Таким образом, превращенность выступает у него как во временном плане (астадиальность), так и в функциональном (капитал в функции докапитала, община в функции товаропроизводителя). Превращенность, тем самым, выступает сразу в нескольких видах.

По-своему развивает это положение и В.Д. Бакулов, который разграничивает природу и сущность превращенных форм, понимая под первой многообразие эмпирического материала, группируемого им по видам превращенности, а их сущность связывает с неклассическими причинно-следственными отношениями в системе². Исследователь выделяет три типа превращенности. Первый основывается на замещении целого частью, манифестирующей себя в роли целостности, всеобщее заменяется отдельным, конкретное – абстрактным и т.п. Второй тип характеризуется превращением фактических взаимосвязей системы и замещающих их квазиобразований в манифестации качественно иной «предметности» и «содержательности». Здесь еще сохраняется определенная соотнесенность квазиобразований с исходными взаимосвязями и атрибутами объектов. Наконец, третий тип реализуется в иррациональных по своей природе замещениях, самым превратным и фантастическим образом воспроизводящих замещаемые или реальные объекты³.

¹ Чешков М.А. Восток – «третий мир»... С. 122.

² Бакулов В.Д. Методологические проблемы анализа сущности превращенных форм // Актуальные проблемы философии и методологии науки. Р.н/Д., 2008. С.224, 231 – 236.

³ Бакулов В.Д. Методологические проблемы ... С. 231 – 232.

В этой связи нам хотелось бы вернуться к проблеме разграничения превращенности и астадиальности, которые не тождественны друг другу, хотя и тесно переплетаются между собой.

Понятие «астадиальность» нам представляется более широким, нежели превращенность. Если основную черту превращенности усматривать в трансформации классических связей, отношений и элементов вплоть до их полной неузнаваемости на эмпирическом («видимом») уровне, то астадиальность, наряду с подобным случаем (нарушение временной последовательности), может в широком смысле слова отождествляться с нелинейной, то есть неформационной социальной динамикой. Развитие, не соответствующее признакам линейно-стадиального движения, может рассматриваться и как астадиальное. Как нами уже указывалось, эволюция неевропейских обществ обнаруживает именно неформационную, то есть нелинейно-поступательную, следовательно, астадиальную динамику.

Под астадиальностью, на наш взгляд, прежде всего, следует понимать нелинейную социальную динамику неформационного типа. Оно, таким образом, оказывается синонимом неформационного, нелинейного. Формационное развитие идет через фазовые (стадиальные) трансформации, осуществляющиеся в единой системе координат, позволяющие четко разложить те или иные общества по ступеням эволюционного процесса (формациям). Астадиальное развитие осуществляется через модификацию, перекомбинирование уже имеющегося субстрата или актуализацию вроде бы безвозвратно утраченного социального опыта. Стадиальность присутствует и здесь (аграрная, индустриальная), но в «снятом» виде. Она не артикулирует всю систему детерминаций, а является одним из векторов, который, кстати, может отчасти блокироваться иными (См. П.4). Нарушение преемственности в результате воздействия стадиально высших обществ (колонизация) как раз и приводит к феномену превращенности (ОРС / тьермондиализм).

Астадиальная природа социальных явлений видится нам главным образом как отсутствие линейной последовательности в вытеснении одного феномена другим («замещающее развитие» в терминологии М.А.Чешкова как антипод «совмещающего»¹). Ее как раз и обнаруживают многие социальные практики, не зависящие от стадии развития общества². Их можно охарактеризовать как астадиальные, но отнюдь не превращенные.

Какое же свойство превращенных форм можно выделить в качестве «сквозного», субстанционального?

Б.И.Молодцов хотя и не поднимает данный вопрос, но все же вполне определенно и обоснованно, на наш взгляд, выступает против редуцирования его к «мнимым», иррациональным и превратным³. Еще более решительно эта позиция обосновывается в работе Т.Э.Рагозиной, где основная сущность превращенной формы усматривается в ее производности от другой, ей предшествующей как следствие сложной цепи метаморфоз развития исходного основания⁴. Тем самым превращенность трактуется как общественно-значимая, всеобщая форма. Напротив, Ю.В.Пуцаев, развивая идеи М.Мамардашвили, видит главное значение превращенности в их неузнаваемости на эмпирическом уровне⁵. Далее он говорит о двойственности превращенной формы, заключающейся в том, что ее уникальность и «бытийственность» все-таки онтологически вторична. Свою «бытийственность» она получает не от самой себя, а от целого. Как форма этого целого она зависит от своего содержания – субстанции⁶.

¹ Чешков М.А. Глобальный контекст... С. 44 – 45.

² Сорокин П.А. Человек... С. 266–267.

³ Молодцов Б.И. Превращенная форма сознания в контексте взаимоотношения классической и неклассической рациональности // Гілея. 2010. Вип. 42. С. 252 – 254

⁴ Рагозина Т.Э. Форма превращенная как универсальная категория диалектики // КЦ. 2017. Вып. № 2 (6). С. 62-66.

⁵ Пуцаев Ю.В. Диалектическая логика и философия Мераба Мамардашвили // ВФ. 2005. № 12. С. 48, прим.18.

⁶ Там же. С. 49.

Таким образом, практически все авторы, касающиеся данной проблемы, полагают, что сущностные качества превращенных форм заключаются в трансформации отношений между формой и содержанием. Характер подобной трансформации уже вызывает определенные разногласия. Первая (традиционная) точка зрения акцентирует внимание на то, что действительные отношения вытесняются косвенными, скрывающими фактическое положение, но тем не менее вполне объективными («объективная видимость»). Целое замещается частью, представляющей себя в качестве целого в том или ином виде. Вторая, делая упор на тезис объективности превращенности, доводит ее до уровня всеобщности, в противовес понятиям искажение/извращение.

Думается, что превращенная форма столь же искаженная (трансформированная), сколь и всеобщая. Дело заключается в той системе координат, которая взята за основу. Действительно, вне дискретности и трансформации нет превращенности. Именно разрыв преемственности в развитии стран Востока в результате колониальной экспансии привел к феномену ОРС/търмондиализму. Взаимодействие капиталистических и докапиталистических форм плодит число превращенных. При этом превращенность захватывает оба разностадиальных сектора, чего упорно не замечают сторонники рыночного универсализма, постулирующие внеисторические универсальные законы рынка с их неограниченной силой преобразования традиционного в современное, то есть рыночное. Тем самым, на стыке стадиального и астадиального феномен превращенности становится самодостаточным и приобретает свою всеобщность, выходя за рамки местной специфики. Отсюда търмондиалистская общность/ОРС, несмотря на всю превращенность, обладает всеобщностью, которая наделяет ее определенной субъектностью в структурах глобальной истории, хотя и не устраняет феномен объектности, производности, типологической промежуточности, зачастую воспринимаемой как переходность.

Сам этот феномен обратного воздействия астадиальности/нелинейности достаточно очевиден, позволяя, например, Р.Пребишу говорить о периферийном варианте капитализма, где «привилегированное потребление» трансформирует классические законы рынка¹. А.С.Панарин указывает на роль социокультурных факторов, опосредующих рыночные отношения, что является решающим условием модернизации, поскольку промышленные технологии невозможно механически пересадить в любую социокультурную почву².

Г.К.Широков определенно указывает на возникновение особого варианта развития, на формирование которого огромное влияние оказывают цивилизационные ценности³. Таким образом, в мире имеется несколько вариантов социально-экономического строя, сближаясь по технико-технологическим и организационным параметрам, они расходятся по показателям собственности, найма, управления производством и т.п., что создает основу цивилизационного многообразия. При этом неевропейские цивилизационные традиции явно дистанцируются от западных. Так, «арабская весна», зачастую интерпретируемая в духе вестернизационной парадигмы («борьба за демократию против восточного деспотизма»), на самом деле дала новый толчок фундаментализму, правда, разной степени оппозиционности по отношению к Западу.

Все вышеизложенное свидетельствует в пользу того обстоятельства, что осмыслить сущность превращенных форм невозможно без учета их динамики, их роли и места в глобальных процессах общественной эволюции. Основоположник данной категории К.Маркс, как показывает Ю.В.Пуцаев, связывал превращенность с ситуацией отчуждения. Отсюда превращение формы с развитием Целого неизбежно вернется к своему истинному, неотчужденному состоянию⁴. Согласно логике марксизма, таковым может быть только

¹ Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли альтернатива? М., 1992. С. 5– 14.

² Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе. М., 1995. С. 171, 179 – 190.

³ Широков Г.К. Цивилизация... С. 36 – 37.

⁴ Пуцаев Ю.В. Диалектическая логика... С. 52.

бесклассовое общество, в котором преодолены все виды отчуждения. Сходную трактовку марксистской эсхатологии дает и Ю.П.Аркан¹. М.А.Чешков хоть и не разделяет марксистских подходов, но занимает, по сути дела, аналогичную позицию. В восполнении полноты, утерянной мировой/социальной историей, и заключается, по М.А.Чешкову, смысл трансформации ОРС².

В отличие от М.А.Чешкова, постулирующего крах альтернативных вариантов вестернизационной глобализации, мы как раз на путях возрождения альтернативности, вернее, многообразия эволюционного процесса, видим преодоление превращенности. Универсально нивелирующий вариант развертывания глобализационных процессов в духе создания какой-либо империи имеет ограниченный запас прочности, о чем свидетельствуют последние процессы забуксовавшей евроинтеграции, наглядно проявившиеся в пресловутом «Brexit», а также в росте числа евроскептиков. Уже обозначились процессы формирования иных незападных глобализационных альтернатив. Именно в подобном контексте следует рассматривать отмеченный М.А.Чешковым феномен Возрождения Востока. Восполнение полноты эволюционного процесса как необходимое условие преодоления превращенности ОРС в свою очередь позволит преодолеть превращенность в развитии глобализационных процессов (нивелирующий универсализм).

¹ Аркан Ю.П. К.Маркс и Ф.Энгельс: критика романтизма – методологический пример «превращенной формы» сознания // Вест. СПбУ. Сер. 6. 2003. Вып. 4. С. 115–117.

² Чешков М.А. Двойная спираль... С. 56.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Крах линейно-детерминистических попыток осмысления мироздания затребовал более сложные модели познания действительности. Переход к постнеклассической парадигме оказался неоднозначным и разноуровневым в различных когнитивных континуумах и уровнях. В конце XX века казалась, что наиболее адекватным макроконцептуальным подходом будет последовательная борьба с логоцентризмом и метафизикой, деконструкция тотализирующих категорий и т.п. – словом, все то, что обычно именуется постмодернистской парадигмой. Однако к началу следующего века вполне определенно выявилась предельность подобного видения, превращающая мироздание в бессвязный конгломерат замкнутых сегментов, закрывающая дорогу к новому уровню познания. В этой связи принципы плюрализма оказываются столь же беспомощны, как и догматы абсолютизированного детерминистического монизма. Необходим качественно новый категориальный аппарат, в полной мере соответствующий многомерной и стохастичной Вселенной.

Вновь затребованным оказывается положение о том, что нет мироздания и развития самих по себе, а есть развивающееся мироздание. Поэтому неизбежным, как нам представляется, будет очередное возвращение к идеям макроэволюционной теории, казалось бы уже окончательно деконструированной постмодернистской иронией. Это уже должен быть эволюционизм постнеклассического типа, базирующийся на известном ренессансе идей номогенеза и холизма, соединенных с принципами нелинейности и стохастичности. Научно-философская мысль в ее разных направлениях в той или иной мере приходит к тому, что целостность/тотальность мироздания, как таковая, представляет движущую и направляющую силу любого развития. Вне подобного феномена движение/развитие невозможно.

Так, в биологической науке все более распространяются идеи экосферной/экосистемной эволюции (ЭТЭ), где последняя мыслится как преобразование целостностей в виде экосистем на всех уровнях и координация всего живого в составе единого целого. Сходные моменты прослеживаются и в глобальном эволюционизме (Н.Н.Моисеев и др.), все же в своих базисных концептах опирающейся в первую очередь на биологический эволюционизм.

В социальном познании один только феномен глобализации подталкивает к целостному видению общественной реальности. Уже достаточно отчетливо высказаны методологемы так называемого Нового Универсализма (М.А.Чешков), базирующиеся на сопряженном видении глобального и локального, которые встроены друг в друга и разворачиваются одновременно и взаимонеобходимо. С этим перекликается и постнеклассическая «глокализация».

В синергетике все настоятельней звучит мысль о необходимости имплементации в нее идей холизма, без чего исследование процессуальности быстро сведется к набору общих банальностей. Особые надежды здесь возлагаются на принцип аутопоэзиса/автогенеза. Наконец, в философской мысли представлен новый вариант холизма – тоталлогия (В.В.Кизима), обладающая солидным эвристическим потенциалом, в полной мере раскрыть который возможно, на наш взгляд, через его соединение с идеями глобального эволюционизма.

Исходя из всего этого, необходимым представляется параллельное изучение теории эволюции в ее основных направлениях (естественнонаучное, историко-социологическое и философское). Задачей подобного исследования будет не построение единой всеобъясняющей метатеории, базирующейся на неких универсальных законах в духе всеобщего эволюционизма Г.Спенсера (это видится невозможным в принципе), а концептуальное осмысление круга общих проблем, с которыми в рамках того или иного дискурса сталкиваются данные направления. Это позволит соединить принципы направленности и

закономерности эволюционного процесса на глобальном (онтологическом) уровне со стохастичностью протекания в его различных измерениях.

Постнеклассической системе мировидения должны соответствовать и качественно новые принципы познания. Думается, что прежде всего это касается попыток построения новых синтезных теорий. Если научный синтез в его классическом понимании заключается в сведении воедино в рамках общего направления различных методологием, подходов, принципов, взятых из разных, хотя, как правило, смежных отраслей познания, то постклассический синтез затребовал объемную теорию эпистемологического континуума, где развертывается синхронное развитие не смешивающихся одна с другой теорий из разных дисциплин. Данный когнитивный феномен раскрывается нами через категории «концептуальная сопряженность»/ «связка»/ «имплементация».

В концептуальном сопряжении с постнеклассическим эволюционизмом может быть задействован многомерный подход, правда, находящийся в стадии становления (решающие шаги в данном направлении проделаны В.Л.Алтуховым). Он позволит отразить многообразие, неисчерпаемость мироздания через бесконечное множество измерений как его «срезы» по определенному основанию, в соответствующей системе координат, что также может быть использовано применительно к социальной реальности. Тем самым предлагается концептуальный синтез понятий «социальная тотальность» / «социетальность» (полнота, целостность, всеобщность), развернутых до уровня социоантропосферы, что дает уже Антропосоциетальный Универсум, с многомерностью их сущностных проявлений – измерений Антропосоциетальности. Разработка общей теории многомерности является одной из задач нашего исследования. Перспективным подходом в данном направлении будет использование ипостасной модели, доселе разработанной лишь в теологии (феномен тринитарности). Свое применение теория многомерности находит в изучении единства структурности (социетальная многомерность) и процессуальности (многомерная общественная эволюция).

Таким образом, нами предпринята попытка концептуального сопряжения следующих теоретико-методологических конструктов: всеобщности и целостности человеческого миробытия (Антропосоциетальный Универсум), общей теории многомерности – многомерность в структурах социетальности и нелинейного эволюционизма (многомерная общественная эволюция). В случае успешного выполнения поставленной цели можно будет обозначить самые общие контуры Антропосоциетального Универсума как саморазвертывающейся многомерной социальной реальности.

В качестве методологических основ нами проанализировано три макроконцептуальных направления в сфере познания природы, общества и человека. Первое разворачивается через концептуальную связку Целое/Тотальность/Социетальность. Здесь прежде всего хотелось бы отмежеваться от традиционного классического понимания Целого как субстанционально Единого, связанного с понятием «Абсолют», которое включает все возможные связи и отношения всех уровней, ассимилирует все сущностное разнообразие и уникальность всех сколь-нибудь значимых сегментов мироздания, сводящих их до уровня своих локальных особенностей, лишенных всякой субстанциональности. Тотальность не редуцируема к единой сущности, ниспадающей во множественное. При этом субстанционализация особенного также бесперспективна. Достаточно вспомнить лейбницианскую трактовку монад как замкнутых в себе начал мироздания. Теория локальных цивилизаций столь же концептуально ущербна. Основной методологической проблемой здесь является соотношение субстанциональности с иерархичностью уровней мироздания. Бытие оказывается единично и множественно одновременно как совокупность сущностей. В этом плане вполне затребованной представляется парадигмальное направление, связанное с идеями Н.О.Лосского – Ж.Л.Нанси о единично-множественном бытии. Тотальность, тем самым, не является первичным субстанционным принципом, спускающимся от Абсолюта сверху вниз, а изначально присутствует на всех уровнях организации одновременно, полностью

заполняя все возможные, а не только действительные феномены, связи и отношения. В n-мерной совокупности измерений тотальности лежит та или иная субстанциональность, что позволяет мыслить взаимосвязь конкретного, объединять в целостность комплексы взаимодействующих тенденций развития. Таким образом, количество макроорганизационных структур/начал тотальности должно соответствовать количеству ее измерений.

Именно с этих позиций имеет смысл рассматривать данную категорию, выступающую в нашем исследовании как структурообразующий методологический концепт. Идеи холизма в итоге должны получить новое звучание. Перспективным представляется развертывание тоталлогического подхода, заявленного В.В.Кизимой. В этой связи мы не считаем возможным противопоставлять его холизму в широком смысле слова, но рассматриваем как новый этап в развитии данного направления, отбросив абсолютизацию целого, характерную для традиционного холизма от античности до немецкой классики и ортодоксального марксизма, базирующихся сначала на космоцентризме (античность), затем на религии личностного Абсолюта (средневековье), далее на трансцендентальной философии с включением механицизма (Ньютон), органицизма (Спенсер) и экономического редукционизма (Маркс). Неклассический холизм, восходящий к Я.Смэтсу, в основе которого лежат теория поля и принципы квантовой механики, соединенные с приматом процессуальности (А.Бергсон, С.Александр, А.Уайтхед и др.), также обнаружил предельность своего эвристического потенциала. Постнеклассический же все чаще обращается к термодинамике неравновесных процессов с ее базисной идеей самоорганизации и самосборки (автогенез/автопоэзис). Идея Целостности как субстанциональной причины и направляющей силы эволюции, впрочем, объединяет неклассический и постнеклассический эволюционизм.

Существенным приращением тоталлогического подхода как постнеклассического холизма, на наш взгляд, в итоге будет его сопряжение с концептами многомерности, что пока выглядит скорее как благое пожелание,

однако всеобщее распространение нелинейных концепций (пример синергетики достаточно показателен) все же позволяет говорить о плодотворности данного направления. Многомерность предполагает множественность систем измерения (ипостасей), формирующих соответствующие континуумы. Отсюда целостность выходит на уровень связей, взаимопереходов континуумов. Возникает проблема сводимости измерений друг к другу. Понятия «Универсум» и «Мультиверсум» могут рассматриваться как ипостаси (Унимультиверсум/Мультиуниверсум?).

Отражением тотальности мироздания будет тотальность общества (социетальность) как сложного нелинейного (многомерного) объекта. Это предполагает абсолютную полноту и принципиальную вместимость потенциального количества его субконтинуумов, заданных каким-либо структурирующим качеством, являющимся при этом отражением социетальности по принципу «все во всем».

Вторым методологическим конструктом нашего исследования, будет многомерный подход, представляющий собой многоуровневое когнитивное образование с разной степенью проработки. При этом попытки его понятийно-категориального приращения столкнулись с очевидными трудностями, наглядно представленными в работах В.Л.Алтухова. Так, например, отнюдь не бесспорным выглядит стремление исследователя жесткокатегориально определить понятие «измерение» через противопоставление принципов комплементарности «тождеству противоположностей». Видимо, подобный подход противоречит самой «текучей» природе многомерности, где жестколинейные конструкты оказываются малопродуктивны.

Следующий (третий) макрометодологический концепт, который задействован в данном исследовании, – это принципы нелинейного эволюционизма. Нелинейная процессуальность лежит в основе синергетики, но думается, что это не исключает и прочих методологов. Нелинейность понимается как несводимость объекта к какой-либо одной системе координат, а многомерность – как принципиальная множественность систем измерения,

взаимодополняющих друг друга, отражающих ту или иную сторону объекта. Представляется, что многомерной социетальности как раз соответствует нелинейный эволюционизм. Тотальность и эволюция отнюдь не исключают друг друга, вопреки мнению В.В.Кизимы. В основе нового постнеклассического эволюционизма должны лежать принципы автопоэзиса (самоорганизация целостностей в целостном процессе), вариационизма (эволюция механизмов эволюции) и многообразия форм социальной динамики, аналог чему имеется в биологической теории эволюции (воззрения А.Н.Северцова и т.п.).

Целостность эволюционного процесса, на чем настаивал еще А.Бергсон, впрочем, как и вся процессуальная философия, применительно к общественной эволюции имеет смысл отразить при помощи категории «социетальная эволюция», что одновременно указывает на ее целостность и макроуровень развертывания (общественная макроэволюция). Аналогичная ситуация в биологической теории эволюции, где все увереннее заявляют о себе экосферные/экосистемные теории эволюции, в основе которых лежит сам фактор целостности. Эволюция выступает как самоорганизационный процесс преобразования целостностей (экосистем). Целое приспособляется к самому себе. В итоге эволюция представляется как целостный процесс преобразования целостностей.

В итоге три взаимосвязанных конструкта: целостность /тотальность/социетальность, многомерность и нелинейный эволюционизм развертываются и проявляются друг через друга (на ум приходит пример ипостасных отношений). Применительно к процессам общественного развития это дает нам многомерный Социетальный Универсум и многомерную социетальную эволюцию. Оба они могут рассматриваться как саморазвертывающийся многомерный Антропосоциетальный Универсум, где эволюция – его имманентное состояние и способ существования.

Все это позволяет говорить о несомненной эвристической значимости холистического видения социальной реальности, выступающей в двух

измерениях – системном и тоталлогическом, связанных между собой принципом дополнительности. Системный подход применяется там, где рассматривается институционально-функциональная взаимосвязь между элементами. Отсюда общество выступает здесь как комплекс элементов, как суперсистема, состоящая из систем (система систем). Тоталлогическая макропарадигма усматривает целостность, полноту, всеобщность человеческого миробытия (социетальность), которая в сращенности с ее субъектом (человек) дает уже Антропосоциетальный Универсум как всю полноту человекомирности в единстве с его движением/развитием.

Бесспорной представляется концептуальная ценность континуальных подходов к социальной реальности. Континуум выступает как способ конституирования целостности, обеспечивая взаимосвязь части и целого, внутреннего и внешнего, общего и единичного. Модель поля видится здесь наиболее перспективной. Континуум выступает как результат процесса общественной жизнедеятельности, как тотальность всех человеческих взаимоотношений он является Антропосоциетальным Универсумом. В зависимости от системы измерения он предстает то как Социальный, то как Исторический хронотоп. Общество, с одной стороны, воспроизводит самое себя, с другой – находится в постоянном движении/развитии. Оно замыкается готовыми формами социальности в циклических процессах, но вместе с тем ежечасно разрывается в линейно-трансформационном измерении. Накопление преобразующего начала в деятельности людей приводит к прорыву социальной континуальности исторической, усилению историчности и ослаблению (но не исчезновению) социально-циклического, воспроизводственного момента. Соответственно, исчерпание преобразующего импульса дает усиление воспроизводственного начала, смещая общественную динамику уже к Социальному континууму. Линейный (кумулятивный) аспект опосредуется циклическим (общественное воспроизводство), но в то же время нетождественность пространственно-временных отношений на каждом новом

этапе движения общества создает закручивающийся момент, в результате которого возвращение в исходную точку невозможно даже в колебательных процессах.

Тотальность человеческого миробытия задана неразрывной связью с движением/развитием и деятельностной природой самого человека, что целокупно образует континуум его существования. Деятельность, тем самым, заполняя всю полноту данного поля, структурируется двумя полюсами: воспроизводственно-функциональным и трансформационным (инертные и тотально историзирующие практики – историческая тотализация в терминологии Ж.П.Сартра).

Структура Антропосоциетального Универсума может быть представлена в виде перекрещивающихся бинарных оппозиций, конституируемых вышеназванной полярной природой континуума. При этом связки-предикаты коренятся как в процессуальности (конвергенция – дивергенция, равномерность – неравномерность, синхронность – диахронность и т.д.), так и в структурности /целостности (глобальное – локальное, полнота – дискретность и т.д.). Поскольку процессуальность и структурность взаимнообратимы, то связки-диады могут переходить из одного измерения в другое.

Целостно-дискретный характер Антропосоциетальности делает возможным выделение исторически значимых концептуальных репрезентативных мироцелостных форм (тоталлогические дискреты), которые могут быть расположены на шкале между Историческим/ трансформационным и Социальным /воспроизводственным континуумами. Крайние позиции здесь займут Западная и традиционная Китайская мирообщности, соответственно, выражая линейно-трансформационное (формационное) и циклически воспроизводственное начала. Промежуточные места между ними займут Номадическая и Восточнохристианская (в двух ее вариантах – Византийском и Восточнославянском). Они не являются единственно возможными, в частности, в подобном качестве перспективным представляется изучение и третьемирской

общности. Данные формы социетальности в процессуальном измерении выступают как эволюционные дискрет-концепты, воплощая типологически значимые виды социальной динамики. Так, два последних типа отражают разновидности циклических форм организации Социетального хронотопа, сопровождающиеся воспроизводственным (регенеративным) циклом традиционных для них социальных структур.

Дифференциация видов деятельности и формирование соответствующих общественных сфер дает очередные измерения структуризации и свои бинарные/дуалистические оппозиции. Общественные сферы, таким образом, приобретают полярную структуру по тем же основаниям (социализация/воспроизводство – историализация /трансформация, синхронность – диахронность, топохрон – хронотоп). Взаимопроникновение общественных сфер, наложение друг на друга различных систем координат и дуальных связей образуют многомерные детерминационные отношения, которые не могут быть однозначно соотнесены с какой-либо определенной сферой или уровнем структурной организации.

Для концептуализации проблемы соотношения социальной целостности и ее составляющих могут быть задействованы две категории: общественная сфера и общественная система/подсистема. Соответственно используются тоталлогический и структурно-функциональный подходы. В первом сфера – это не «часть», а измерение целого по определенному основанию, в качестве которого выступают различные виды общественной жизнедеятельности (экономическая, политическая, духовная, воспроизводство общественного человека). Во втором – общество видится в качестве суперсистемы, макроструктурными составляющими которой являются общественные системы.

Сфера как эпистемологический континуум шире понятия система, поскольку объединяет в рамках того или иного вида деятельности комплекс самых различных явлений и отношений: идеальное и материальное, объективное

и субъективное, системное и несистемное. Система же не может одновременно быть и несистемой.

Категории «сфера» и «система» используются нами по принципу дополнительности. Они касаются одного и того же объекта, но в разных измерениях. Когда мы применяем понятие «система», то акцентируем внимание на институциональной стороне объекта с соответствующими связями и отношениями. Общество выступает как совокупность упорядоченных элементов. Сфера же есть воплощение социетального многоединства, где целое не существует помимо единичного, которое есть его измерение. Здесь мы рассматриваем взаимное ограничение целого разными ипостасями совместного бытия людей.

В качестве тоталлогических макроструктур Антропосоциетальности выделяются институциональные (экономическая, политическая, духовная) и коммуникативная (социальная) сферы. Последняя как феномен вторичного, производного порядка представляется более сложным, интегральным явлением. Это и срез Антропосоциетальности по линии субъект-объектных отношений, и вся полнота общества как выражение природы общественного человека. Как коммуникативная сфера она заполняет весь континуум Антропосоциетальности, но в то же время взаимодействие /коммуникация не тождественна ей.

Эволюция сфер общества связана с общественным разделением труда и дальнейшими процессами общественной дифференциации. Система представляется нам результатом общественной эволюции. Традиционные и тоталитарные общества не удовлетворяют сущностному принципу системности – наличие автономной логики развития. Тем самым можно вычленить досистемные, системные, несистемные (общества с разрушенной/деформированной в той или иной степени системностью – тоталитарные) и постсистемные (постиндустриальные, сетевые?) образования. Для отражения качественных черт постпервобытных докапиталистических обществ предлагается задействовать особый категориальный аппарат, опирающийся на понятия «стратифицированные

общества» и отношений власти-собственности. Здесь категории «частная собственность» и «класс» обнаруживают предел своих эвристических возможностей.

Рассматривая проблему общественной детерминации, мы разделяем концепцию вариационизма (детерминационного многообразия), в противовес униформизму, который базируется на абсолютизации одного детерминационного вектора, исходящего из определенной общественной сферы, будь то экономика, политика или культура, однозначно переструктурирующего под себя все прочие. Подобная линейная детерминация (решающая роль социально-экономической детерминации) отчасти работает лишь на материалах ранних капиталистических обществ.

Еще более глухим методологическим тупиком видятся плюралистические концепции индетерминизма. Выходом из создавшейся ситуации является модель «стратегической переменной», выступающей как результат взаимодействия векторов, исходящих из различных сфер общества. Однако сами вектора как относительно внешний фактор воздействия выделяются лишь по мере дифференциации видов общественной жизнедеятельности. Отсюда необходимо различать детерминационный тип в условиях структурно-системной дифференциации (индустриальные общества) и в условиях специализации общественных сфер без их закрепления в структурной иерархии (первозданная нерасчлененность стратифицированных обществ и разрушенная системность тоталитарных). В итоге нами выделены матричный тип общественной детерминации, где воспроизводится вся целостность/социетальность общественного устройства на основе патриархально-общинного архетипа, и векторно-структурный, системно дифференцированный тип (капиталистические / индустриальные). Формирование постиндустриального/информационного общества и всемерное развитие сетевых технологий позволяет говорить о новом пульсирующе-сетевом детерминационном типе.

Несомненной представляется необходимость расширения когнитивного поля многомерного саморазвертывающегося мира, где свое место должна занять и тринитарная модель структурирования мироздания, над которой могут надстраиваться более сложные конструкции (полилектические в терминологии В.А.Нехамкина). Отсюда цепочка движение / изменение / развитие / эволюция отражает именно подобную нелинейную, «текучую», многомерную модель процессуальности, не поддающуюся однозначной формализации и дефиниции. Здесь можно выделить такую диаду, как движение/изменение (в теологии аналог – Бог-Сын и Иисус Христос). Далее идет тринитарность движение/изменение/развитие, где первые два воплощают сам принцип процессуальности (нет движения без изменения, нет изменения без движения), при этом первое начало указывает на ход явления, состояния, а второе – на само состояние объекта (появление в нем чего-то отличного от прежнего). Третье же предполагает наличие оценочных параметров, позволяющих последовательно соотнести объекты в единой системе координат (спенсеровский тип движения). Понятие «эволюция» воедино связывает изменение и движение, что дает еще одну триаду. Из данного обстоятельства применительно к теории общественной эволюции прямо вытекает принцип многообразия форм социальной динамики. Подобное многообразие уже стало непререкаемым постулатом в биологической теории эволюции (ароморфоз/арогенез, идиоадаптация/алагенез, деградация/катагенез).

В итоге вырисовывается и тетрада: движение /изменение/эволюция/развитие. Видимо, имеет смысл выделить единосущные диады (типа Бог-Сын – Иисус Христос, движение/изменение), единодуальные (Богочеловек) и антиномные диады – сораздельные связки (прогресс – регресс, глобализация – регионализация и т.п.). Тотализация «закручивает» в Единое все виды единосущия, но n-мерный континуум их взаимодействий порождает их неиссякаемое многообразие (полилектика, многоединство).

Бинарные оппозиции, которые мы ранее рассмотрели на уровне Антропосоциетального Универсума, спускаются и на ступеньку ниже, на уровень Исторического континуума. Структурообразующей из них видится связка синхронности/пространства и диахронности/времени, развертывающиеся друг через друга. Амплитуда колебаний между данными полярностями/измерениями задает эволюционное поле исторических форм социетальностей. Диахронное измерение развертывается в соответствии с фазовыми трансформациями по линии первобытность; древнеполитарные (стратифицированные) общества и смежные с ними античные, далее – политарные и феодализм, затем – неополитарные/термондиалистские и капитализм/паракапитализм. Следующая стадия, возможно, даст посткапитализм на Западе, а в сопряженных ему незападных формах, видимо, также не исключено появление новых типов социетальности. Синхронное измерение представлено через взаимодействия различных эволюционных типов (маятниковый, циклоидный, формационный, сопряженный).

Очевидной видится предельность линейно-транзитологических подходов к феномену общественных трансформаций, что делает затребованными иные парадигмы уже нелинейного, многомерного порядка.

Все это позволяет постулировать многообразие трансформационного континуума. Тем самым наряду с линейными, транзитными формами присутствуют и нелинейные, объемные, астадиальные. Здесь переходность, утрачивая свою направленность, транзитивность, скорее становится типологической промежуточностью маятникового типа как чередование или колебание в смещающихся координатах (нетранзитивная, типологическая промежуточность). Многообразие социальной динамики способно к институализации новых социетальных форм, а не только к копированию уже имеющихся. Способность к выработке оригинальных цивилизационных стратегий является непременным условием исторической состоятельности сколь-нибудь крупных социополитических и социокультурных образований.

В качестве основных нелинейных форм общественной процессуальности мы видим астадиальность и превращенность. Первая может быть рассмотрена в двух измерениях: узком и широком. В узком смысле – это нарушение линейной последовательности процесса. В широком астадиальность – это неформационная, то есть нелинейная социальная динамика во всем многообразии ее видов (маятниковый, циклоидный, сопряженный). Сюда же мы относим социальные практики, воспроизводящиеся на различных стадиях общественной эволюции. Трансстадиальность же представляет собой переход неких форм из одной стадии в другую всецело в рамках линейно-поступательной логики развития.

Сущность превращенных форм также нельзя осмыслить вне социальной динамики, вне разрыва преемственности и соответствующей трансформации. Однако превращенность представляет собой не только нелинейную трансформацию, иначе она ничем бы не отличалась от астадиальности, но и структурно-функциональную. В результате континуумного «завитка» создается новое формообразование, новая отраженная данность, которая в своем континууме не менее реальна, чем ее аналог в линейном измерении. Она самодостаточна в субстанциональном отношении, утрата полноты здесь – скорее явление процессуального порядка. Превращенность самой общественной эволюции (утрата альтернативности общественного развития, тотальное доминирование какой-либо одной мироцелостности) плодит сами превращенные формы. Отсюда преодоление превращенных форм видится в ликвидации превращенности в самой социоэволюции (универсальная глобализация – матрица всех превращенных форм). Последнее может быть осуществлено только на путях возрождения альтернативности глобальной эволюции.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ТАБЛИЦА. РАЗВИТИЕ ЭВОЛЮЦИОНИЗМА

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агошкова Е.Б. Категория «система» в современном мышлении / Е.Б.Агошкова // ВФ. 2009. № 4. С. 57-71.
2. Айзенштадт Ш.Н. «Осевая эпоха»: возникновение трансцендентных видений и подъем духовных сословий / Ш.Н.Айзенштадт // Ориентация – поиск: Восток в теориях и гипотезах. – М.: Наука, 1992. С.42-62.
3. Адорно Т.В. К логике социальных наук / Т.В.Адорно // ВФ. 1992. № 10. С. 76-87.
4. Адорно Т.В. Негативная диалектика / Теодор В. Адорно. – М.: Академический Проект, 2011. – 538 с.
5. Алаев Л.Б. Формационные черты феодализма и Восток / Л.Б.Алаев // НАА. 1987. № 3. С.78–90.
6. Алаев Л.Б. Марксизм и проблемы обновления теории / Л.Б.Алаев // МЭМО. 1991. № 4. С.60–69.
7. Алаев Л.Б. Размышления о прогрессе / Л.Б.Алаев // Социально–исторический прогресс: мифы и реалии. – М.: Папирус ПРО, 1999. С. 49–51.
8. Алаев Л.Б. Альтернативность и однолинейность в истории / Л.Б.Алаев // ФН. 2005. № 6. С. 101–111.
9. Алаев Л.Б. – Ерасов В.С. Формация или цивилизация? /Л.Б.Алаев, В.С.Ерасов // НАА. 1990. № 3. С.46–56.
10. Алексеев П. Философская концепция С.Л.Франка / П.Алексеев // Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. С. 5–12.
11. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия / П.В.Алексеев, А.В.Панин. – М.: ТЕИС, 1996. – 504 с.
12. Алтухов В. Социальная картина мира и новое мышление / В.Алтухов // МЭМО. 1991. № 7. С.85–97.
13. Алтухов В. Философия многомерного мира / В.Алтухов // ОНС. 1992. № 1. С. 15–27.
14. Алтухов В. Контуры неклассической общественной теории / В.Алтухов // ОНС. 1992. № 5. С.52–72.
15. Алтухов В. Смена парадигм и формирование новой методологии (попытка обзора дискуссии) / В.Алтухов // ОНС. 1993. № 1. С. 88–101.
16. Алтухов В. О смене порядков в мировом общественном развитии / В.Алтухов // МЭМО. 1995. № 4. С. 5–21.
17. Алтухов В. Многомерный мир третьего тысячелетия / В.Алтухов // МЭМО. 2000. № 7. С. 30–38.
18. Алтухов В.Л. Логика человеко–и мироустроения / В.Л.Алтухов. – М.: Компания Спутник, 2003. – 97 с.
19. Аль–Ани Н.М. Соотношение категорий развития, движения и изменения / Н.М.Аль–Ани // Гуманитарные исследования. Сборник научных трудов. – СПб.: Диалог, 2009. С. 3–13.
20. Альтюссер Л. Просто ли быть марксистом в философии / Л.Альтюссер // ФН. 1990. № 7. С. 82–94.
21. Андреев И.Л. О характере социальных связей в эпоху перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу / И.Л.Андреев // СЭ. 1971. № 2. С. 54–72.
22. Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней / Дарио Антисери, Джованни Реале. – СПб.: Пневма, 2008. Т. 4. – 880 с.

23. Антоновский А. Эволюция: системно–конструктивистский подход / А. Антоновский // Луман Н. Эволюция. – М.: Логос, 2005. С.215–253.
24. Анучин В.А. Географический фактор в развитии общества /В.А.Анучин. – М.: Мысль, 1982. – 334 с.
25. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Ханна Арендт. – М.: ЦентрКом, 1996.–672с.
26. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. /Аристотель. – М.: Мысль, 1976–1983.
27. Аркан Ю.П. К.Маркс и Ф.Энгельс: критика романтизма – методологический пример «превращенной формы» сознания / Ю.П.Аркан // Вест. СПбУ. Сер. 6. 2003. Вып. 4. С. 113–117.
28. Артемов В.А. Социальное время / В.А.Артемов. – Новосибирск: Наука, 1987.– 240 с.
29. Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. – М.: Изд–во Института истории СССР, 1991. Вып. 1. – 218 с.
30. Атоян А.И. Социомаргиналистика / А.И.Атоян. – Луганск: РИО ЛИВД, 1999. – 456 с.
31. Афанасьев В.Г. Проблема целостности в философии и биологии / В.Г.Афанасьев. – М.: Мысль, 1964. – 416 с.
32. Афанасьев В.Г. Системность и общество / В.Г.Афанасьев. – М.: Наука, 1980. – 368 с.
33. Афанасьев В.Г. Мир живого: системность, эволюция и управление / В.Г.Афанасьев. – М.: Политиздат, 1986. – 334 с.
34. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта / А.С. Ахиезер. – М.: Изд–во ФО СССР, 1991. Ч. 1. – 320 с.
35. Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема / А.С.Ахиезер // ОНС. 2001. № 2. С. 89–100.
36. Ахиезер А.С. Между циклами мышления и циклами истории / А.С.Ахиезер // ОНС. 2002. № 3. С. 122–132.
37. Ахиезер А.С. Социокультурный механизм переходных процессов / А.С.Ахиезер // Цивилизации. – М., 2008. Вып. 8. С. 35–56.
38. Ахундов М.Д. Концепция пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы / М.Д.Ахундов. – М.: Наука, 1982. – 224 с.
39. Ашрафян К.З. Восточный феодализм: особенности структуры / К.З.Ашрафян // Экономическая история. Исследования. Историография. Polemika. – М.: Наука, 1992. С. 142 – 165.
40. Бакрадзе К.С. Избранные философские труды / К.С.Бакрадзе. – Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1973. Т. II. – 464 с.
41. Бакулов В.Д. Методологические проблемы анализа сущности превращенных форм / В.Д.Бакулов // Актуальные проблемы философии и методологии науки. – Р.н / Д.: Изд–во СКНЦ ВШ ЮФУ АПСН, 2008. С. 221–240.
42. Барг М.А. Категории и методы исторической науки / М.А.Барг. – М.: Наука, 1984.– 342 с.
43. Барг М.А. «Историческое время»: методологический аспект / М.А.Барг // ННИ. 1990. № 1. С.63–76.
44. Барг М.А. О категории «цивилизация» / М.А.Барг // ННИ. 1990. № 5. С.25–40.
45. Барг М.А. Категория «цивилизация» как метод сравнительно–исторического исследования // История СССР. 1991. № 5. С.70–86.
46. Бардонов С.Н. Социальный хронотоп как качественно–количественная определенность общественного развития: Автореферат... дисс. канд. филос.наук / С.Н.Бардонов. – Киев, 1991. – 24 с.
47. Бардонов С.М. Про множинність форм простору і часу / С.М.Бардонов // ФСД. 1990. № 4. С. 90–95.
48. Баркова Э.В. Пространственно–временной континуум как форма целостной культуры: к постановке проблемы / Э.В.Баркова // В диапазоне гуманитарного знания. – СПб: СПб ФО, 2001. Сер. IV. Вып. 4. С. 165–182.

49. Барулин В.С. Диалектика сфер общественной жизни / В.С.Барулин. – М.: Наука, 1982. – 324 с.
50. Барулин В.С. Социальная философия / В.С.Барулин. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 560 с.
51. Бек У. Что такое глобализация? / Ульрих Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
52. Белокрылова В.А. Понятие превращенной формы: диалектическое наследие в постнеклассической социальной теории / В.А.Белокрылова // Философия и социальная динамика XX века: проблемы и перспективы. – Омск: АнтроТопос, 2008. С. 102–110.
53. Берг Л.С. Труды по теории эволюции / Л.С.Берг. – Л.: Наука, 1977. – 388 с.
54. Бергсон А. Собрание сочинений / Анри Бергсон. – М.: Моск. клуб, 1992. Т. 1. – 336 с.
55. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память / Анри Бергсон. – Мн.: Харвест, 1999. – 1408 с.
56. Бердяев Н. Смысл истории / Николай Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 175 с.
57. Бердяев Н.А. Философия свободы / Н.А.Бердяев. – М.: АСТ, 2007. – 699 с.
58. Бережной Н.М. Социальная философия / Н.М.Бережной. – М.: Изд-во ГАСБУ, 1996. Ч. 1. – 138 с.
59. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – обзор проблем и результатов / Людвиг фон Берталанфи // Системные исследования. Ежегодник. 1969. – М.: Наука, 1969. С. 30–53.
60. Бессонова О. Раздаточная экономика как российская традиция / О.Бессонова // ОНС. 1994. № 3. С.37–48.
61. Бессонова О.Э. Раздаточная экономика в ретроспективе / О.Э.Бессонова // ОНС. 1998. № 4. С. 85–100.
62. Бессонова О.Э. Общая теория институциональных трансформаций как новая картина мира / О.Э.Бессонова // ОНС. 2006. № 2. С. 130–142.
63. Бех В.П. Социальный организм: философско-методологический анализ / В.П.Бех – Запорожье: Тандем-У, 1998. – 186 с.
64. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры / В.С.Библер. – М.: Политиздат, 1991. – 446 с.
65. Блауберг И.В. Проблема целостности в марксистской философии / И.В.Блауберг. – М.: Высш. шк., 1964. – 98 с.
66. Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход / И.В.Юлауберг. – М.: Эдиторал УРСС, 1997. – 450 с.
67. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода / И.В.Блауберг, Э.Г.Юдин. – М.: Наука, 1973. – 270 с.
68. Блауберг И.И. Анри Бергсон и философия длительности / И.И.Блауберг // Бергсон А. Собр. соч. – М.: Моск. клуб, 1992. С. 6–44.
69. Блауберг И.И. Анри Бергсон / И.И.Блауберг. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 661 с.
70. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В 2-х т. / А.А.Богданов. – М.: Экономика, 1989.
71. Богомолов А.С. Идея развития в буржуазной философии / А.С.Богомолов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. – 374 с.
72. Богословский Е.С. «Рабы» в текстах из Дер-эль-Мидина / Е.С.Богословский // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке. – М.: Наука, 1984. С.81–127.
73. Бодякин В.И. Куда идешь человек? Основы эволюциологии. Информационный подход. – М.: Синтет, 1998. – 332 с.
74. Бондаренко Д.М. Многолинейность социальной эволюции и альтернативы государству. Рассуждения в связи с монографиями А.В.Коротаева / Д.М.Бондаренко // Восток. 1998. № 1. С. 195–202.
75. Бондаренко Д.М. Цивилизационное и стадийное в истории: диалектика взаимодействия / Д.М.Бондаренко // Проблемы исторического познания. – М.: Наука, 1999. С.92–102.

76. Бондаренко Д.М. «Гомологические ряды» социальной эволюции и альтернативы государству в мировой истории (постановка проблемы) / Д.М.Бондаренко // Альтернативные пути к цивилизации. – М.: Логос, 2000. С. 194–206.
77. Бор Н. Избранные научные труды / Н.Бор. – М.: Наука, 1971. Т. 2. – 670 с.
78. Бородай Ю.М., Келле В.Ж., Плимак Е.Г. Наследие К.Маркса и проблемы теории общественно-экономических формаций / Ю.М.Бородай, В.Ж.Келле, Е.Г.Плимак. М.: Наука, 1974. – 309 с.
79. Бранский В.П. Теоретические основания социальной синергетики / В.П.Бранский // ВФ. 2000. № 4. С. 112–129.
80. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность / Ф.Бродель // Философия и методология истории. – М.: Наука, 1977. С.115–142.
81. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. В 3 т. / Фернан Бродель. – М.: Весь мир, 2007.
82. Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения / Раймон Будон. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 284 с.
83. Булгаков С.Н. Философский смысл троичности / С.Н.Булгаков // ВФ. 1989. № 12. С. 90–111.
84. Бурдьё П. Социология политики / Пьер Бурдьё. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
85. Бурдьё П. Начала / Пьер Бурдьё. – М.: Socio-Logos, 1994. – 318 с.
86. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Пьер Бурдьё. – СПб.: Алетейя, 2005. – 576 с.
87. Бурдьё П. Социология социального пространства / Пьер Бурдьё. – М.: ИЭС; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
88. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Иммануэль Валлерстайн. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.
89. Валлерстайн И. Изобретение реальностей времени-пространства: к пониманию наших исторических систем / И.Валлерстайн // Структуры истории. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. Вып. 2. С.102–116.
90. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века / Иммануил Валлерстайн. – М.: Логос, 2004. – 368 с.
91. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / Иммануил Валлерстайн. – М.: Территория будущего, 2006. – 248 с.
92. Варга С.Е. Очерки по проблемам политэкономии капитализма. – М.: Политиздат, 1965. – 383 с.
93. Васильев Л.С. Становление политической администрации / Л.С.Васильев // НАА. 1980. № 1. С.172–186.
94. Васильев Л.С. Протогосударство–чифдом как политическая структура / Л.С.Васильев // НАА. 1981. № 5. С.157–175.
95. Васильев Л.С. Феномен власти–собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур / Л.С.Васильев // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. – М.: Наука, 1982. С. 60–99.
96. Васильев Л.С. Что такое «азиатский способ производства»? / Л.С.Васильев // НАА. 1988. С. 65–75.
97. Васильев Л.С. История Востока. В 2 т. / Л.С.Васильев. – М.: Высш.шк., 1998.
98. Васильев Л.С., Стучевский И.А. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ / Л.С.Васильев, И.А.Стучевский // ВИ. 1966. № 5. С.77–90.
99. Васильева Т.А. Социальное пространство и культура: способ определения понятий / Т.А.Васильева // Новые идеи в философии. – Пермь: Изд-во ПГУ, 2005. С. 45–50.
100. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем / В.В.Василькова. – СПб.: Лань, 1999. – 480 с.

101. Василькова В.В., Яковлев В.Н. Волновые процессы в общественном развитии / В.В.Василькова, В.Н.Яковлев. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. – 228 с.
102. Верле А.В. Пространство прошлого: ритм – контекст – событие / А.В.Верле // Модусы времени: социально-философский анализ. – СПб: Изд-во СПбУ, 2005. С. 79–90.
103. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста / В.И.Вернадский. – М.: Наука, 1988. – 520 с.
104. Вильчек В.М. Алгоритмы истории / В.М.Вильчек. М.: Изд-во МГПИ, 1987. – 131 с.
105. Виткин М.А. Некоторые особенности развития докапиталистических формаций / М.А.Виткин // Философские проблемы исторической науки. – М.: Наука, 1969. С.113–132.
106. Виткин М.А. Восток в философско-исторической концепции К.Маркса и Ф.Энгельса. – М.: Наука, 1972. – 116 с.
107. Вишняцкий Л.Б. Движущие силы развития культуры в преистории / Л.Б.Вишняцкий // Восток. 2002. № 2. С. 19–35.
108. Володин А.Г. Современные теории модернизации: кризис парадигмы / А.Г.Володин // ПН. 2003. № 2. С. 8–29.
109. Воронцов Н.Н. Постепенное или внезапное видообразование: «или – или» или «и – и» / Н.Н.Воронцов // Дарвинизм: история и современность. – Л.: Наука, 1988. С. 87–103.
110. Воронцов Н.Н. Развитие эволюционных идей в биологии. – М.: КМК, 2004. – 640 с.
111. Воскресенский А.Д. Политическая компаративистика как часть дискурса мирового комплексного регионоведения: общие закономерности и специфика их трансформации на Востоке / А.Д.Воскресенский // Восток. 2005. № 2. С. 90–106.
112. Всемирная энциклопедия: Философия. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2001. – 1312 с.
113. Габричевский А.Г. Пространство и время / А.Г.Габричевский // ВФ. 1994. № 3. С. 134–147.
114. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. / Г.В.Ф.Гегель. – М.: Мысль, 1974–1977.
115. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. – СПб.: Наука, 1992. – 443 с.
116. Гегель Г.В.Ф. Наука логики / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. – М.: Мысль, 1999. – 1072 с.
117. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф.Гегель. – СПб.: Наука, 2005. – 479 с.
118. Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли / Бил Гейтс. – М.: Эксмо, 2007. – 484 с.
119. Гемпель К.Г. Функция общих законов в истории / К.Г.Гемпель // ВФ. 1998. № 10. С. 88–97.
120. Герасимов Н.В. Экономическая система: генезис, структура, развитие / Н.В.Герасимов.– Минск: Навука і тэхніка, 1991. – 351 с.
121. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / Иоганн Готфрид Гердер. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
122. Гидденс Э. Элементы теории структуризации / Энтони Гидденс // Современная социальная теория. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. С. 40–80.
123. Гидденс Э. Очерк теории структуризации / Энтони Гидденс. – М.: Академический Проект, 2003. – 528 с.
124. Гиренко Н.М. Динамика биосоциальной системы в естественно-историческом процессе / Н.М.Гиренко // Африканский этнографический сборник.– Л.: Наука, 1991. С.4–61.
125. Глобализация и постсоветское общество. – М.: Аспект, 2001. – 304 с.
126. Годелье М. Понятие азиатского способа производства и марксистская схема развития общества / М.Годелье // НАА. 1965. № 1. С. 102–104.
127. Годинер Э.С. Политическая антропология о происхождении государства / Э.С.Годинер // Этнологическая наука за рубежом. – М.: Наука, 1991. С.51–78.

128. Гомаюнов С. От истории синергетики к синергетике истории / С.Гомаюнов // ОНС. 1994. № 2. С.99–106.
129. Город в формационном развитии стран Востока. – М.: Наука, 1990. – 512 с.
130. Грибановский М. Лекции по введению в круг богословских наук / Михаил Грибановский. – К.: Пролог, 2003. – 252 с.
131. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция. Генезис и трансформация мир-системы / Л.Е.Гринин, А.В.Коротаев. – М.: Либроком, 2009. – 568 с.
132. Гриффен Л.А. Общественный организм (введение в теоретическое обществоведение) / Л.А.Гриффен. – К.: ЭКМО, 2005. – 628 с.
133. Громаков С.В. Историческое время и формационный подход к развитию общества / С.В.Громаков // Философия и современность. – Саратов, 1990. Вып. 2. С. 30–37.
134. Гулиан К.И. Метод и система Гегеля / К.И.Гулиан. – М.: Изд-во Иностран. л-ры, 1963. Т. 2. – 820 с.
135. Гулыга А. Гердер и его «Идеи к философии истории человечества» / А.Гулыга // Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. С. 612–648.
136. Гулыга А.В. Немецкая классическая философия / А.В.Гулыга. – М.: Мысль 1986. – 334 с.
137. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н.Гумилев. – М.: Изд-во АСТ, 2001. – 560 с.
138. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990. – 280 с.
139. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь / Л.Н.Гумилев. – СПб.: Кристалл, 2001. – 768 с.
140. Гумилев Л.Н. Струна истории. Лекции по этнологии / Лев Гумилев. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 608 с.
141. Гуревич А.Я. Об исторической закономерности / А.Я.Гуревич // Философские проблемы исторической науки. – М.: Наука, 1969. С.51–79.
142. Гуревич А.Я. Проблемы генезиса капитализма в Западной Европе / А.Я.Гуревич. – М.: Высш.шк., 1970. – 224 с.
143. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я.Гуревич. – М.: Наука, 1984. – 314 с.
144. Гуревич А.Я. О генезисе феодального государства / А.Я.Гуревич // ВДИ. 1990. № 1. С. 101–106.
145. Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории / А.Я.Гуревич // ВФ. 1990. № 11. С.31–43.
146. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / А.Я.Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
147. Данилов–Данильян В.И. Возможна ли «коэволюция природы и общества» ? / В.И.Данилов–Данильян // ВФ. 1998. № 8. С. 15–25.
148. Данилова Л.В. К вопросу о понятии «государственный феодализм» / Л.В.Данилова // Система государственного феодализма в России. – М.: Изд-во ИРИ, 1993. Вып. 1. С. 3–17.
149. Данилова Л.В. Становление системы государственного феодализма в России: причины, следствия / Л.В.Данилова // Система государственного феодализма в России. М.: Изд-во ИРИ, 1993. Вып. 1. С. 40–92.
150. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора / Чарлз Дарвин. – М.: Прогресс, 1987. – 384 с.
151. Дарвинизм: история и современность. – Л.: Наука, 1988. – 284 с.
152. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома / Ж.Делез, Ф.Гваттари // Философия эпохи постмодернизма. – Минск: Красико-Принт, 1996. С.124 – 143.
153. Дельбрюк Г. Всеобщая история военного искусства / Ганс Дельбрюк. – М.: ЭКСМО, 2008. – 864 с.

154. Денежкин А. «Фактичность и значимость» Ю.Хабермаса: новые исследования по теории права и демократического правового государства / А.Денежкин // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Academia, 1995. С. 181–207.
155. Деопик Д.В. Традиционные формы экологически безопасных технологий в рисоводческих обществах Юго–Восточной Азии / Д.В.Деопик // Вест. Моск. ун-та. Сер. 13. 1991. № 3. С. 32–35.
156. Дилигенский Г.Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? / Г.Г.Дилигенский // ВФ. 1991. № 3. С.29–42.
157. Дрюк М.А. Современная концепция многомерности как новой парадигмы мышления / М.А.Дрюк // Вест. Моск. ун-та. Сер. 7. 2002. № 2. С.30–43.
158. Дулина Н.В. Социальное пространство и социокультурное поле: к вопросу о соотношении понятий / Н.В.Дулина // Человек. Культура. Общество. – Волгоград: ВНИ, 2011. Вып. 7. С. 7–39.
159. Дьяконов И.М. Основные черты древнего общества / И.М.Дьяконов // Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. – М.: Наука, 1971. С.127–145.
160. Дьяконов И.М. Рабы, илоты и крепостные ранней древности / И.М.Дьяконов // ВДИ. 1973. С. 3–29.
161. Дьяконов И.М. Пути истории / И.М.Дьяконов. – М.: Восточная литература, 1994. – 384 с.
162. Ежов О.Н. Онтология социального времени / О.Н.Ежов. – Саратов: Изд-во СГТУ, 2000. – 480 с.
163. Ерасов Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке / Б.С.Ерасов. – М.: Наука, 1990. – 205 с.
164. Ерасов Б.С. Социальная культурология / Б.С.Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 591 с.
165. Еременко А.М. Многомерность истории / А.М.Еременко // ФСМ. 1991. № 12. С.42–60.
166. Еременко А.М. История как событийность. В 2 т. / А.М.Еременко. – Луганск: РИО ЛАВД, 2005.
167. Еременко А.М. Свертывание и развертывание у Николая Кузанского и Пьера Тейяра де Шардена / А.М.Еременко // Sentential. 2006. Спецвип. № 1. С. 242–265.
168. Ефимчук И.В. Фрактальность истории. Статья 1 / И.В.Ефимчук // ОНС. 2010. № 5. С. 146–156.
169. Жданко А.В. Кибернетическая историософия или научная теория истории / А.В.Жданко // ФиО. 2002. № 1. С. 113–163.
170. Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно–исторического процесса / Е.М.Жуков, М.А.Барг, Е.Б.Черняк, В.И.Павлов. – М.: Наука, 1979. – 330 с.
171. Жумангабетов Т.С. Проблемы истории кочевых государств / Т.С.Жумангабетов // ВИ. 2006. № 5. С. 160–166.
172. Завадский К.М., Колчинский Э.И. Эволюция эволюции (историко–критические очерки проблемы) / К.М.Завадский, Э.И.Колчинский. – Л.: Наука, 1977. – 236 с.
173. Завадский С.А., Новикова Л.И. Искусство и цивилизация / С.А.Завадский, Л.И.Новикова. – М.: Искусство, 1986. – 272.
174. Завалько Г.А. Понятие «революция» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции / Г.А.Завалько. – М.: КомКнига, 2005. – 320 с..
175. Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства / Дмитрий Замятин. – М.: Аграф, 2004. – 512 с.
176. Зарин В.А. Запад и Восток в мировой истории XIV – XIX вв. / В.А. Зарин – М.: Наука, 1991. – 264 с.
177. Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации / Т.И.Заславская. – М.: Дело, 2004. – 400 с.

178. Захаров А.О. Проблема политической организации островных обществ Юго–Восточной Азии в раннем средневековье (VII – VIII вв.) / А.О.Захаров // Восток. 2005. № 1. С. 7–24.
179. Зборовский Г.Е. Пространство и время как формы социального бытия / Г.Е.Зборовский. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1974. – 224 с.
180. Зеньковский В.В. Христианская философия / Василий Зеньковский. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 1072 с.
181. Зиммель Г. Избранное. В 2 т. / Георг Зиммель. – М.: Юристъ, 1996.
182. Зинченко В.В. Онтология общественного развития в неомарксизме / В.В.Зинченко // Вестник ВГУ. Сер. Филос. 2011. № 1. С. 3–21.
183. Золотарев В.П. Договоримся о словах! / В.П.Золотарев // Историческая наука и методология истории в России XX века. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. – СПб.: Северная Звезда, 2003. Вып. 1. С. 19–28.
184. Иванкина Л.И. Модель устойчивого развития как модель управляемой социальной устойчивости / Л.И.Иванкина // ТПОР. 2012. № 7. С. 18–23.
185. Иващук О.Ф. Диалектика всеобщего и единичного в развертывании определений времени и пространства / О.Ф.Иващук // ВФ. 2005. № 7. С. 77–89.
186. Ивонин А.Р. Тупики «русского феодализма» / А.Р.Ивонин // ОНС. 2011. № 2. С. 87–100.
187. Игнатенко Т.И. Трансформационные процессы в обществе с точки зрения синергетической методологии / Т.И.Игнатенко // Человек. Культура. Общество. – Волгоград: ВНИ, 2011. Вып. 7. С. 58–63.
188. Игнатьев В.И. Всемирная история как целостность (проблемы методологии) / В.И.Игнатьев. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 1993. – 155 с.
189. Идеалистическая диалектика в XX столетии. – М.: Политиздат, 1987. – 333 с.
190. Идея развития: возможность обновления. Научный семинар // МЭМО. 2007. № 2. С.75–89.
191. Ильенков Э.В. Диалектическая логика / Э.В.Ильенков. – М.: Политиздат, 1984. – 320 с.
192. Ильенков Э.В. Философия и культура / Э.В.Ильенков. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.
193. Ильин Г.Ф. Древневосточное общество и проблемы его социально–экономической структуры / Г.Ф.Ильин // ВДИ. 1983. № 3. С.13–39.
194. Илюшечкин В.П. Проблемы формационной характеристики сословно–классовых обществ / В.П.Илюшечкин. – М.: Наука, 1986. – 99 с.
195. Илюшечкин В.П. Сословно–классовое общество в истории Китая / В.П.Илюшечкин. – М.: Наука, 1986. – 396 с.
196. Илюшечкин В.П. О происхождении понятия «феодализм» / В.П.Илюшечкин // НАА. 1987. № 6. С.72–85.
197. Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность в сословно–классовых обществах (Опыт системно–структурного исследования) / В.П.Илюшечкин. – М.: Наука, 1990. – 436 с.
198. Илюшечкин В.П. Теория стадийного развития общества / В.П.Илюшечкин. – М.: Восточ. литература, 1996. – 406 с.
199. Ионов И.Н. Феномен мультитемпоральности / И.Н.Ионов // Время – История – Память. – М.: Изд-во ИВИ РАН, 2007. С. 14–37.
200. Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия / И.Н. Ионов. – М.: Наука, 2007. – 499 с.
201. Иорданский Н.Н. Макроэволюция: Системная теория / Н.Н.Иорданский. – М.: Наука, 1994. – 112 с.
202. История древнего Востока / под ред. В.И.Кузищина. – М.: Высш. шк., 1979. – 456 с.
203. Історія і теорія світових цивілізацій. – Луганськ: Вид-во СНУ, 2012. – 1088 с.
204. История первобытного общества. В 3 т. – М.: Наука, 1983.
205. История теоретической социологии. В 4-х т. – М.: Канон+, 2002.

206. Каган М.С. Введение в историю мировой культуры / М.С.Каган. – СПб.: Петрополис, 2000. Кн. 1. – 584 с.
207. Канке В.А. Формы времени / В.А.Канке. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. – 235 с.
208. Кант И. Сочинения в шести томах / Иммануил Кант. – М.: Мысль, 1963–1966.
209. Кантор К.М. Четвертый виток истории / К.М.Кантор // ВФ. 1996. № 8. С. 19–42.
210. Кантор К.М. Двойная спираль истории. Историсофия проектизма. – М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. – 904 с.
211. Кара–Мурза А.А. Общее и особенное в цивилизационно–формационном развитии человечества (проблемы методологии) / А.А.Кара–Мурза // Цивилизация: теория, история и современность. – М.: Наука, 1989. С.105–118.
212. Кара–Мурза А.А. Непродуктивная индивидуальность и продуктивная корпоративность? / А.А. Кара–Мурза // НАА. 1990. № 4. С.72–77.
213. Карасев В.И. Социальная трансформация как предмет философского анализа: Автореферат дисс. ... докт. филос. н. / Валентин Иванович Карасев– М., 2000. – 48 с.
214. Карнаух В.К. Волны цивилизаций / В.К.Карнаух. – СПб.: Изд-во СПбУ, 1998. – 92 с.
215. Карнейро Р. Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства / Р.Карнейро // Альтернативные пути к цивилизации. – М.: Логос, 2000. С.84–94.
216. Карозерс Т. Конец парадигмы транзита / Т.Карозерс // ПН. 2003. № 2. С. 42–65.
217. Карпинская Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П. Философия природы: коэволюционная стратегия / Р.С.Карпинская, И.К.Лисеев, А.П.Огурцов. – М.: Интерпракс, 1995. – 425 с.
218. Карсавин Л.П. О началах / Лев Платонович Карсавин // Карсавин Л.П. Сочинения. Т. VI. – СПб.: УМКА-PRESS, 1994. – 376 с.
219. Карсавин Л.П. Философия истории / Лев Карсавин. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – 512 с.
220. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Мануэль Кастельс. – М.: СЕУ, 2000. – 394 с.
221. Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Мануэль Кастельс. – М.: У-фактория, 2004. – 328 с.
222. Качановский Ю.В. Дискуссия об азиатском способе производства на страницах зарубежной печати / Ю.В.Качановский // Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. – М.: Наука, 1971. С. 45–94.
223. Качановский Ю.В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? / Ю.В.Качановский. – М.: Наука, 1971. – 288 с.
224. Каширин В.Е., Каширина О.В. Социальное время и социальное времяведение / В.Е.Каширин, О.В.Каширина // Диагноз времени как проблема социальной теории и практики. – М.; Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2006. С.92–102.
225. Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история / В.Ж.Келле, М.Я.Ковальзон. – М.: Политиздат. 1981. – 288 с.
226. Келле В.Ж. Проблема многомерности в методологии социально–исторического познания / В.Ж.Келле // Проблемы исторического познания. – М.: Изд-во ИВИ РАН, 2002. С.28–41.
227. Кемеров В.Е. Введение в социальную философию / В.Е.Кемеров. – М.: Гардарики, 1996. – 372 с.
228. Кизима В.В. Тоталлогические аллюзии / В.В.Кизима // Totallogy. Постнекласичні дослідження. – К., 1995. – С. 20–105.
229. Кизима В.В. Тоталлогия / В.В.Кизима. – К.: ПАРАПАН, 2005. – 272 с.
230. Кизима В.В. Социум и бытие / В.В.Кизима. – К.: ПАРАПАН, 2007. – 204 с.
231. Кизима В.В. Постнеклассические практики: рефлексивность и управление / В.В.Кизима // ВФ. 2010. № 3. С. 54–65.
232. Ким О.В. Проблема азиатского способа производства в советской историографии 20-е – начало 90-х годов. / О.В.Ким. Автореферат дис... канд. ист. наук. – Кемерово, 2001. – 24 с.

233. Киссель М. Философский синтез А.Н.Уайтхеда // Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990. С. 3–55.
234. Киселев Г.С. Восток и феодализм / Г.С.Киселев // НАА. 1988. № 4. С.66–76.
235. Киселев Г.С. Присвоение человека: о специфике социальной связи на традиционном Востоке / Г.С.Киселев // НАА. 1989. № 6. С.66–74.
236. Классен Х.Й.М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма / Х.Й.М.Классен // Альтернативные пути к цивилизации. – М.: Логос, 2000. С. 6–23.
237. Классен Х.Й.М. Эволюционизм в развитии / Х.Й.М.Классен // Эволюция: Дискуссионные проблемы глобальных эволюционных процессов. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. С. 337–354.
238. Клименко В.В. Климат и история в эпоху первых Высоких культур / В.В.Клименко // Восток. 1998. № 4. С. 5–24.
239. Клочков И.С. Человек и имущество в древней Месопотамии / И.С.Клочков // НАА. 1989. № 3. С. 86–91.
240. Князева Е., Курдюмов С. Синергетика: начало нелинейного мышления / Е.Князева, С.Курдюмов // ОНС. 1992. № 3. С.38–51.
241. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем / Е.Н.Князева, С.П.Курдюмов. – М.: Наука, 1994. – 236 с.
242. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики / Е.Н.Князева, С.П.Курдюмов. – СПб.: Алетейя, 2002. – 414 с.
243. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Е.Н.Князева, С.П.Курдюмов. – М.: КомКнига, 2007. – 272 с.
244. Кобищанов Ю.М. Феодализм, рабство и азиатский способ производства / Ю.М.Кобищанов // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. – М.: Наука, 1966. С.42–47.
245. Кобищанов Ю.М. Теория большой феодальной формации / Ю.М.Кобищанов // ВИ. 1992. № 4–5. С. 57–71.
246. Ковалев А.М. Еще раз о формационном и цивилизационном подходах / А.М.Ковалев // ОНС. 1996. № 1. С. 97–104.
247. Ковальзон М.Я., Эпштейн Р.И. О специфике пространств и времени как категории социально–философской теории / М.Я.Ковальзон, Р.И.Эпштейн // ФН. 1988. № 8. С. 18–27.
248. Козин Н.Г. Искушение либерализмом / Н.Г.Козин // ВФ. 2006. № 3. С. 47–66.
249. Колганов М.В. Собственность. Докапиталистические формации / М.В.Колганов. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 496 с.
250. Коллинз Р. Четыре социологических традиции / Рэндалл Коллинз. – М.: Территория будущего, 2000. – 318 с.
251. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики / Н.Д.Кондратьев. – М.: Экономика, 1989. – 528 с.
252. Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Жан-Антуан Кондорсе. – М.: Соцэкгиз, 1936. – 266 с.
253. Кононов І.Ф. Етнос. Цінність. Комунікація (Донбас в етнокультурних координатах України) / І.Ф.Кононов. – Луганськ: Альма-матер, 2000. – 493 с.
254. Кононов І.Ф. Теоретична соціологія / Ілля Кононов. – Луганськ: Вид-во ДЗ «ЛНУ ім.Тараса Шевченка, 2013. Т.1. – 576 с.
255. Концепция целостности. Критика буржуазной методологии науки. – Харьков: Изд-во ХГУ, 1987. – 223 с.
256. Кораношвили Г.В. Докапиталистические способы производства / Г.В.Кораношвили. – Тбилиси: Мецниереба, 1988. – 240 с.
257. Кордюм В.А. Эволюция и биосфера / В.А.Кордюм. – Киев: Наук.думка, 1982. – 264 с.

258. Коростовцев М.А. Опыт применения системного анализа в исследовании раннеклассового общества / М.А.Коростовцев // НАА. 1973. № 6. С. 66–73.
259. Коротаев А.В. От вождества к племени? Некоторые тенденции политических систем Северо-Восточного Йемена за последние две тысячи лет / А.В.Коротаев // ЭО. 1996. № 2. С. 38–52.
260. Коротаев А.В. Тенденции социальной эволюции / А.В.Коротаев // ОНС. 1999. № 4. С.112 – 125.
261. Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции / А.В.Коротаев. – М.: Вост. лит., 2003. – 278 с.
262. Костюк В.Н. Теория эволюции и социоэкономические процессы / В.Н.Костюк. – М.: УРСС, 2001. – 176 с.
263. Костюк В.Н. Социальная эволюция на больших временных интервалах / В.Н.Костюк // ОНС. 2007. № 1. С. 157–166.
264. Кочакова Н.Б. Проект «Раннее государство» / Н.Б.Кочакова // Восток. 2007. № 4. С. 191–198.
265. Крадин Н.Н. Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок / Н.Н.Крадин // Восток. 2001. № 5. С. 21–32.
266. Краснухина Е.К. Историческое время и методология исторического познания / Е.К.Краснухина // Проблемы социально–гуманитарного знания. – Л.: Изд–во ЛГУ, 1989. С.158–168.
267. Краснухина Е.К. Время как форма социально–исторического процесса / Е.К.Краснухина // Вестник ЛГУ. Сер.6. 1990. Вып. 3. С.30–38.
268. Крымский С.Б. Метаисторические ракурсы философии истории / С.Б.Крымский // ВФ. 2001. № 6. С. 32–41.
269. Куббель Л.Е. Потестарная и политическая этнография / Л.Е.Куббель // Исследования по общей этнографии. – М.: Наука, 1979. С.241–277.
270. Куббель Л.Е. Очерки потестарной и политической этнографии / Л.Е.Куббель. – М.: Наука, 1988. – 270 с.
271. Кузанский Н. Сочинения. В 2 т. / Николай Кузанский. – М.: Мысль, 1979–1980.
272. Кузищин В.И. Античное классическое рабство как экономическая система / В.И.Кузищин. – М.: Изд–во МГУ, 1990. – 270 с.
273. Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVII – начала XIX века / В.Н.Кузнецов. – М.: Высш. шк., 1989. – 480 с.
274. Кузьмин С.А. Социальные системы: опыт структурного анализа / С.А.Кузьмин.– М.: Наука, 1996. – 192 с.
275. Кульпин Э.С. Концепция социоестественной истории Китая / Э.С.Кульпин // НАА. 1988. № 6. С.25–38.
276. Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае / Э.С.Кульпин. – М.: Наука, 1990. – 248 с.
277. Кульпин Э.С. Основы социоестественной истории / Э.С.Кульпин // Восток. 1994. № 1. С. 29–38.
278. Кульпин Э.С. Бифуркация Запад – Восток. В 3 ч. / Э.С.Кульпин. – М.: Моск. Лицей, 1997.
279. Кульпин Э.С. Социоестественная история – ответ на вызовы времени / Э.С.Кульпин // ИПСИ. 2008. № 1. С. 196–207.
280. Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г., Подлазов А.В. Историческая динамика. Взгляд с позиции синергетики / С.П.Курдюмов, Г.Г.Малинецкий, А.В.Подлазов // ОНС. 2005. № 5. С. 118–132.
281. Кутуев П. Мировая система как предмет социологического анализа: новая исследовательская программа Андре Гундера Франка / П.Кутуев // СТММ. 2007. № 2. С. 17–35.

282. Куценко О. Эвристический потенциал концепции социальной структуры общества Т.И.Заславской / О.Куценко // СТММ. 2014. № 1. С.48–61.
283. Кшибеков Д. Переходные общественные отношения / Д.Кшибеков. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз.ССР, 1973. – 284 с.
284. Лазарев Ф.В., Литтл Б.А. Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию / Ф.В.Лазарев, Брюс А.Литтл. – Симферополь: СОНАТ, 2001. – 264 с.
285. Лапин Н.И. Проблема социокультурной трансформации / Н.И.Лапин // ВФ. 2000. № 6. С. 3–17.
286. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры / Н.И.Лапин // Социс. 2000. № 7. С. 3–12.
287. Лапин Н.И. Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения / Н.И.Лапин // ВФ. 2005. № 2. С. 17–29.
288. Лапин Н.И. Антропосоциокультурный эволюционизм – мметатеоретический принцип изучения сообществ людей / Н.И.Лапин // Социс. 2018. № 3. С. 3–13.
289. Лапина З.Г. Ритуал как способ организации жизни в традиционной китайской культуре / З.Г.Лапина // Вестник Моск. ун-та. Сер. 13. 1991. № 3. С. 4–16.
290. Лапкин В.В. Циклы, ритм, волны: проблемы моделирования политического развития / В.В.Лапкин // Полис. 2002. № 4. С. 26–31.
291. Левінас Е. Між нами: Дослідження Думки-про-іншого / Еманюель Левінас. – К.: Дух і Літера, 1999. – 312 с.
292. Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное / Эммануэль Левинас. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 416 с.
293. Леви-Стросс К. Структурная антропология / Клод Леви-Стросс. – М.: АСТ; Астрель, 2011. – 541 с.
294. Лейбниц Г.В. Монадология / Готфрид Вильгельм Лейбниц // Антология мировой философии. – М.: Мысль, 1970. Т. 2. С. 450–464.
295. Ленин В.И. О двух линиях революции / В.И.Ленин // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 76–81.
296. Леонтьев Э.А. Целостность и социальная ответственность / Э.А.Леонтьев // Целостность в мире философии и социально-гуманитарного знания. – Липецк: Изд-во ЛГТУ, 2011. С. 24–27.
297. Лесков Н.В. Нелинейная Вселенная: новый дом для человечества / Н.В.Лесков. – М.: Экономика, 2003. – 446 с.
298. Лима-де-Фариа А. Эволюция без отбора. Автоэволюция: формы и функции / А. Лима-де-Фариа. – М.: Мир, 1991. – 455 с.
299. Липтон Б., Бхаэрман С. Спонтанная эволюция / Брюс Липтон, Стив Бхаэрман. – М.: Изд-во София, 2010. – 576 с. // Реж. доступа natural world. / kniga – spontannaya evolucia. html.
300. Лифшиц М. Лукач / М.Лифшиц // ВФ. 2002. № 12. С. 105–140.
301. Лой А.Н. Социально-историческое содержание категорий «время» и «пространство» / А.Н.Лой. – К.: Наук. думка, 1978. – 136 с.
302. Локальная история: компаративистские подходы и методы изучения // Сайт межвузовского образовательного центра «Новая локальная история» <http://www.Newlocalhistory.com/work/koncersia.php/>
303. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. / А.Ф.Лосев. – М.: Искусство, 1969. – 715 с.
304. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика / А.Ф.Лосев. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. – 880 с.
305. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм / А.Ф.Лосев. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. – 960 с.
306. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения / А.Ф.Лосев. – М.: Мысль, 1998. – 750 с.
307. Лосев А.Ф. Античная философия истории / А.Ф.Лосев. – СПб.: Алетейя, 2001. – 256 с.

308. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура / А.Ф.Лосев. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.
309. Лосский Н.О. Избранное / Н.О.Лосский. – М.: Правда, 1991. – 622 с.
310. Лукач Д. История и классовое сознание. Исследование по марксистской диалектике [Электронный ресурс] / Д.Лукач. – <http://www.situation.ru/app/jart925.htm>.
311. Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества / Дьердь Лукач. – М.: Наука, 1987. – 616 с.
312. Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены / Дьердь Лукач. – М.: Прогресс, 1991. – 412 с.
313. Луман Н. Эволюция / Никлас Луман. – М.: Логос, 2005. – 256 с.
314. Луман Н. Социальные системы / Никлас Луман. – СПб.: Наука, 2007. – 642 с.
315. Любарский Г.Ю. Теория динамики сложной социальной системы (I) / Г.Ю.Любарский // Полис. 2004. № 2. С. 41–50.
316. Майоров В.М. Экология и информация в традиционном Китае / В.М.Майоров // Вест. Моск. ун-та. Сер. 13. 1991. № 3. С. 41–46.
317. Майоров Г.Г. Теоретическая философия Готфрида В. Лейбница. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 264 с.
318. Макаренко В.В. Географическая среда в формационном развитии Запада и Востока / В.В.Макаренко // Ориентация–поиск: Восток в теориях и гипотезах. – М.: Наука, 1992. С.131–153.
319. Макейчик А.А. Философия дихронности / А.А.Макейчик. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2001. – 62 с.
320. Малинецкий Г.Г. Нелинейная динамика – ключ к теоретической истории? / Г.Г.Малинецкий // ОНС. 1996. № 4. С. 98–112.
321. Маловичко С.И. Глобальная (г)локализация и практика контекстуализма новой локальной истории / С.И.Маловичко // Национальные образы прошлого: Этническая доминанта в историографии и философии истории. Третьи Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. – СПб.: Изд. Дом СПбГУ, 2008. С. 140–147.
322. Мамардашвили М. Форма превращенная / М.Мамардашвили // Философская энциклопедия: В 5 т. – М.: Сов. Энциклопедия, 1970. Т.5. С. 386–389.
323. Мамардашвили М. Как я понимаю философию / Мераб Мамардашвили. – М.: Прогресс, 1990. – 386 с.
324. Манжура В.И. Антропосоциокультурная тотальность (АСК) – поверхность и глубина / В.И.Манжура // Грані. 2006. № 3. С. 62–68.
325. Маркарян Э.С. Вопросы системного рассмотрения культуры и человеческой деятельности / Э.С.Маркарян // Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. – М.: Наука, 1972. С.190–211.
326. Маркарян Э.С. К экологической характеристике развития этнических культур / Э.С.Маркарян // Общество и природа. – М.: Наука, 1981. С. 96–109.
327. Маркарян Э.С. Машинная цивилизация. Генезис, пройденные фазы развития, современное состояние и перспективы / Э.С.Маркарян // Переходные эпохи в социальном измерении: История и современность. – М.: Наука, 2003. С. 251–282.
328. Марков Г.Е. Кочевники Азии / Г.Е.Марков. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 317 с.
329. Марков Г.Е. Из истории изучения номадизма в отечественной литературе: вопросы теории / Г.Е.Марков // Восток. 1998. № 6. С. 122–148.
330. Маркс К. Наемный труд и капитал / К.Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 6. С. 428–459.
331. Маркс К. Из Экономических рукописей 1857–1858 гг.. / К.Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С.709–733.

332. Маркс К. К критике политической экономии / К.Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 1–167.
333. Маркс К. Первый набросок «Гражданской войны во Франции» / К.Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 499–577.
334. Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И.Засулич / К.Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 400–421.
335. Маркс К. Капитал / К.Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. – 907 с.
336. Маркс К. Капитал / К.Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. - 552 с.
337. Маркс К. Экономико–философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 41–174.
338. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. / К.Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч. 1. С. 3–48.
339. Маркс К. Критика политической экономии (черновой набросок 1857–1858 гг.) / К.Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч.1. С.51–508.
340. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / К.Маркс, Ф.Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. С. 7–544.
341. Медведев Е.М. К вопросу о социально-экономическом строе древней Индии / Е.М.Медведев // НАА. 1966. № 6. С. 65–77.
342. Мейендорф И. Введение в святоотеческое богословие / Иоанн Мейендорф. – К.: Храм прп. Агапита Печерского, 2002. – 356 с.
343. Меликишвили Г.А. К вопросу о характере древнейших классовых обществ / Г.А.Меликишвили // ВИ. 1966. № 11. С. 65–80.
344. Меликишвили Г.А. Некоторые аспекты вопроса о социально–экономическом строе ближневосточных обществ / Г.А.Меликишвили // ВДИ. 1975. № 2. С. 18–45.
345. Меликишвили Г.А. Об основных этапах древнего ближневосточного общества / Г.А.Меликишвили // ВДИ. 1985. № 4. С. 3–34.
346. Мельников О.А. О роли измерения в процессе познания / О.А.Мельников. – Новосибирск: Наука, 1968. – 96 с.
347. Мельников Ю.Н. Циклическое развитие общественных систем и России / Ю.Н.Мельников. – Ульяновск, Симбирская книга, 2005. – 224 с.
348. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки / Лев Мечников. – М.: Прогресс, Пангея, 1995. – 464 с.
349. Миронова Н.И. Парадигма как культурный код социального пространства-времени / Р.И.Миронова // Социум и власть. 2008. № 2. С. 97–106.
350. Миросистемный подход сегодня // МЭМО. 1991. № 11. С. 51–68.
351. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера / Н.Н.Моисеев. – М.: Мол.гв., 1990. – 352 с.
352. Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм / Н.Н.Моисеев // ВФ. 1991. № 8. С.3–28.
353. Моисеев Н.Н. Еще раз о проблеме коэволюции / Н.Н.Моисеев // ВФ. 1998. № 8. С. 26–32.
354. Моисеев Н.Н. Системная организация биосферы и концепция коэволюции / Н.Н.Моисеев // ОНС. 2000. № 2. С. 123–130.
355. Молодцов Б.И. Превращенная форма сознания в контексте взаимоотношения классической и неклассической рациональности / Б.И.Молодцов // Гілея. 2010. Вип. 42. С. 246–254.
356. Молчанов Ю.В. Проблема времени в современной науке / Ю.В.Молчанов. – М.: Наука, 1990. – 136 с.
357. Мугрузин А.С. Роль природного и демографического факторов в динамике аграрного сектора средневекового Китая / А.С.Мугрузин // Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Вотока. – М.: Наука, 1986. С. 11–44.

358. Муза Д.Е. К вопросу о структуре современной истории: интервальная интерпретация / Д.Е.Муза // *Філософія і соціологія в контексті сучасної культури.*– Дніпропетровськ: Вид. Днепр.НУ, 2007. С. 280–290.
359. Навлицкая Г.В. Об экологичности культуры древней Японии / Г.В.Навлицкая // *Вестник Моск. Ун-та. Сер. 13. 1991. № 3. С. 16–26.*
360. Назаретян А.П. Синергетика в гуманитарном знании / А.П. Назаретян // *ОНС. 1997. № 2. С.91–98.*
361. Назаретян А.П. Векторы исторической эволюции / А.П.Назаретян // *ОНС. 1999. № 2. С. 112–125.*
362. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории / А.П.Назаретян. – М.: ПЕР СЭ, 2001. – 239 с.
363. Назаров В.И. Финализм в современном эволюционном учении / В.И.Назаров. – М.: Наука, 1984. – 288 с.
364. Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели / В.И.Назаров. – М.: КомКнига, 2005. – 520 с.
365. Назарчук А.В. Общество как коммуникация в трудах Никласа Лумана / А.В.Назарчук // *ВФ. 2006. № 6. С. 156–173.*
366. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление / А.В.Назарчук // *ВФ. 2008. № 7. С.61–75.*
367. Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии / А.В.Назарчук. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 320 с.
368. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное / Жан-Люк Нанси. – Мн.: Логвинов, 2004. – 272 с.
369. Нарский И.С. Западноевропейская философия XIX века. – М.: Высш.шк., 1976. – 584 с.
370. Неклеса А.И. Ordo quadro – четвертый порядок: пришествие постсовременного мира / А.И.Неклеса // *Полис. 2000. № 6. С. 3–24.*
371. Неклеса А.И. Трансмутация истории / А.И.Неклеса // *ВФ. 2001. № 3. С. 58–71.*
372. Нехамкин В.А. Проблема поливариантности исторического процесса: генезис, пути, решения / В.А.Нехамкин. – М.: МАКС Пресс, 2002. – 104 с.
373. Никифоров В.Н. Восток и всемирная история / В.Н.Никифоров. – М.: Наука, 1977. – 360 с.
374. Николаев В.Г. Реферат статьи: Allen R.L. The socio-spatial and making of «us»: toward a critical postmodern spatial theory of difference and community // *Social indetities.* – Oxford. 1999. V. 5. № 3. P. 249–277 / В.Г.Николаев // *Социологические исследования на пороге XXI века. Сборник обзоров и рефератов.* – М., 2000. С. 106–128.
375. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного / Грегуар Николис, Илья Пригожин. – М.: Мир, 1990. – 342 с.
376. Новикова Л.И. Цивилизация и культура в историческом процессе / Л.И.Новикова // *ВФ. 1982. № 10. С. 53–63.*
377. Нуреев Р.М. Экономический строй докапиталистических формаций / Р.М.Нуреев. – Душанбе: Дониш, 1989. – 248 с.
378. Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. – М.: Наука, 1966. – 248 с.
379. Община в Африке. Проблемы типологии. – М.: Наука, 1978. – 249 с.
380. Огурцов А.П. Тектология А.А.Богданова и идея коэволюции / А.П.Огурцов // *ВФ. 1995. № 8. С. 31–37.*
381. Ойзерман Т.И. Материалистическое понимание истории: плюсы и минусы / Т.И.Ойзерман // *ВФ. 2001. № 2. С. 3–32.*
382. Ольховиков К.М. О необходимости преодоления «тотальных» метафизических понятий / К.М.Ольховиков // *Социс. 2000. № 10. С. 128–133.*

383. Орлов С.А. Формирование теории «прерывистого равновесия» / С.А.Орлов // Дарвинизм: история и современность. – Л.: Наука, 1988. С. 158–167.
384. Оруджев З.М. Философия прошлого (или понятие прошлого в не обыденном смысле) / З.М.Оруджев // ФН. 2002. № 1. С. 35–57.
385. Оруджев З.М. Способ мышления эпохи. Философия прошлого / З.М.Оруджев. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 400 с.
386. Останина О.А. Историческое бытие как целостность: к постановке проблемы / О.А.Останина // Целостность в мире философии и социально–гуманитарного знания. – Липецк: Изд–во ЛГТУ, 2011. С. 13–16.
387. Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества. Генезис и пути развития / Ю.В.Павленко. – К.: Наук.думка, 1989. – 286 с.
388. Павленко Ю. Історія світової цивілізації / Ю.Павленко. – К.: Либідь, 2000. – 358 с.
389. Павленко Ю. Восточнохристианская цивилизационная система и ее место во всемирно–историческом процессе / Юрий Павленко // СТММ. 2001. № 4. С. 46–68.
390. Паин Э.А. Волновая природа подъема традиционализма на рубеже XX – XXI веков / Э.А.Паин // ОНС. 2011. № 2. С. 43–56.
391. Пай Л. Незападный политический процесс / Л.Пай // ПН. 2003. № 2. С. 66–86.
392. Пайпс Р. Россия при старом режиме / Р.Пайпс. – М.: Независимая газета, 1993. – 423 с.
393. Пак Г.С. Многомерное время истории как человеческой деятельности. – Н.Новгород: Изд–во НГУ, 1998. – 182 с.
394. Пак Г.С. Многомерное время истории как человеческой деятельности / Галина Сергеевна Пак. Автореферат ... дисс. д. филос. наук. Екатеринбург, 2000. – 48 с.
395. Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе / А.С.Панарин. – М.: Изд–во ИФ РАН, 1995. – 262 с.
396. Панарин А.С. «Вторая Европа» или «Третий Рим»? / А.С.Панарин // ВФ. 1996. № 10. С. 18–32.
397. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории / А.С.Панарин. – М.: Изд–во МГУ, 1999. – 288 с.
398. Панарин А.С. Смысл истории / А.С.Панарин // ВФ. 1999. № 9. С. 3–21.
399. Панарин А.С. Искушение глобализмом / А.С.Панарин. – М.: Рус. нац. фонд, 2000. – 381 с.
400. Пантин В.И. Циклы и волны модернизации как феномены социального развития / В.И.Пантин. – М.: Моск.филос.фонд, 1997. – 192 с.
401. Пантин В.И. Циклы и волны социального развития: цивилизационная динамика и процессы модернизации. – М.: Наука, 2004. – 246 с.
402. Панфилова Т.В. «Формационный» и «цивилизационный» подходы: возможности и ограниченность / Т.В.Панфилова // ОНС. 1993. № 6. С. 84–97.
403. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Т.Парсонс // Thesis. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 94–122.
404. Парсонс Т. О структуре социального действия / Толкотт Парсонс. – М.: Академический Проект, 2002. – 880 с.
405. Перепелкин Л.С. Социальная эволюция как аспект изучения общества / Л.С.Перепелкин // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. Вып. 4. № 51–52. С. 202–219.
406. Пізні кочовики Східноєвропейського степу.– Луганськ: Вид–во СНУ, 2002. – 186 с.
407. Платон. Сочинения. В 3 т. /Платон. – М.: Мысль, 1968–1972.
408. Плахов В.Д. Западная социология XIX – XX вв.: от классики до постклассической науки. Эпистемологическое обозрение / В.Д.Плахов. – СПб.: Изд–во Юриич. инст. (СПб), 2003. – 384 с.
409. Плетнева С.А. Кочевники средневековья / С.А.Плетнева. – М.: Наука, 1982. – 190 с.

410. Плетников Ю.К. О природе социальной формы движения / Ю.К.Плетников. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 248 с.
411. Поздняков Э. Формационный и цивилизационный подходы / Э.Поздняков // МЭМО. 1990. № 5. С. 49–60.
412. Полањи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Карл Полањи. – СПб.: Алетейя, 2002. – 278 с.
413. Полетаев А.В., Савельева И.М. Циклы Кондратьева и развитие капитализма / А.В.Полетаев, И.М.Савельева. – М.: Наука, 1993. – 250 с.
414. Поляков Ю.А. Как отразить многомерность истории / Ю.А.Поляков // ННИ. 2003. № 4. С. 3–10.
415. Померанц Г.С. Выход из транса / Григорий Померанц. – М.: Юрист, 1995. – 575 с.
416. Попов А.В. Эволюция как саморазвивающаяся система / А.В.Попов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – 152 с.
417. Попов В.Б. К вопросу о переходных общественных отношениях (специфика и общие закономерности кочевых обществ) / В.Б.Попов // Проблемы исследование памятников археологии Северского Донца. – Луганск: Луганская правда, 1990. С. 162–164.
418. Попов В.Б. К проблеме поливариантности исторического процесса в советской научной литературе (по материалам дискуссии последних лет) / В.Б.Попов. – Луганск, 1991. – Деп. в ИНИОН РАН. № 44760. – 37 с.
419. Попов В.Б. Объемные модели общественной эволюции / В.Б.Попов // К экологической цивилизации. – М.: Изд-во ИФ РАН, 1993. С. 87–97.
420. Попов В.Б. О трансформациях пространственно-временных характеристик в исторических судьбах России / В.Б.Попов // Россия после августа 1991: цивилизационные, политические и культурные дилеммы. – М.: Изв-во ИФ РАН, 1993. С.71–76.
421. Попов В.Б. Отношения распределения и перераспределения в историческом процессе: Автореферат дисс. ... канд. филос. наук / Попов Василий Борисович. – М., 1996. – 22 с.
422. Попов В.Б. Отношения распределения и перераспределения в процессе общественной эволюции / В.Б.Попов // Вестник РАН. 1997. № 7. С. 615–621.
423. Попов В.Б. О перспективах развития теории социальной коммуникации. Размышления по поводу учебного пособия (Ситниченко Л. Першоджерела комунікативної філософії. – К.: Либідь, 1996. – 176 с.) / В.Б.Попов // ФД. 2000. Вип. 1. С. 227–234.
424. Попов В.Б. Проблемы генезу східнослов'янської державності / В.Б.Попов // Нариси з історії української державності (до кінця XIX століття). – Луганськ: Вид-во СНУ, 2000. С. 5–22.
425. Попов В.Б. Кочова форма соціальної організації: специфіка і загальні закономірності / В.Б.Попов // Пізні кочовики Східноєвропейського степу. Луганськ: Вид-во СНУ, 2002. С. 6–28.
426. Попов В.Б. Синхронное и диахронное измерение всемирной истории / В.Б.Попов // ПФ. 2004. № 4. С.46–58.
427. Попов В.Б. Ракурсы всемирной истории / В.Б.Попов // ФД. 2005. Вип. 6. С.78–95.
428. Попов В.Б. О природе социально-исторических трансформаций: движение в континууме глобальности / В.Б.Попов // ПФ. 2007. № 4. С. 100–111.
429. Попов В.Б. Парадигма многомерности и глобальные трансформации социально-исторического континуума / В.Б.Попов // Национальные образы прошлого: Этническая доминанта в историографии и философии истории. Третьи Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. – СПб.: Изд. Дом СПбГУ, 2008. С. 206–215.
430. Попов В.Б. Традиции и новации китайской истории: конкретность всеобщего и типология особенного / В.Б.Попов // Конфуцианство: философия, этика, политика. – Луганск: Альма-матер, 2008. С. 39–54.
431. Попов В.Б. Хронотопные трансформации в континууме социетального Универсума / В.Б.Попов // Питирим Александрович Сорокин и современные проблемы социологии. Материалы международной конференции. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. Т. 1. С. 262–264.

432. Попов В.Б. Астадиальные трансформации в структурах социетальной многомерности / В.Б.Попов // Гілея. 2010. Вип. 37. С. 269–283.
433. Попов В.Б. Диверсизация социетальности: конкретность всеобщего и концептуализация особенного (на примере китайской мироцелостности) / В.Б.Попов // ФД. 2010. Вип. 11. С. 80–95.
434. Попов В.Б. Многомерный подход в научной литературе: вехи концептуального осмысления / В.Б.Попов // ФД. 2010. Вип. 12. Ч.І. С. 199–211.
435. Попов В.Б. Превращенные формы в структуре нелинейных эволюционных процессов / В.Б.Попов // Грані. 2012. № 12. С. 48–52.
436. Попов В.Б. Социальная тотальность – социетальность в структуре классической и неклассической теории / В.Б.Попов // Гілея. 2012. Вип. 58. С. 241–249.
437. Попов В.Б. Социальная тотальность – социетальность: классические пределы и новые возможности / В.Б.Попов // Гілея. 2012. Вип. 59. С. 318–326.
438. Попов В.Б. Антропосоциетальный Универсум: многомерный подход / В.Б.Попов // ПФ. 2013. № 1. С. 65–74.
439. Попов В.Б. Общественная трансформация в континууме антропосоциетальности / В.Б.Попов // Ноосфера і цивілізація. 2013. Вип. 1 (14). С. 213–219.
440. Попов В.Б. Социетальная переходность в макроэволюционном измерении / В.Б.Попов // Грані. 2013. № 4. С. 71–74.
441. Попов В.Б. Тотальность общественной макроэволюции и концептуализация номадической миросоциетальности / В.Б.Попов // ФД. 2013. Вип. 19. С. 126–135.
442. Попов В.Б. Феномен астадиальности в процессах общественной эволюции / В.Б.Попов // Гілея. 2013. Вип. 70. С. 423–432.
443. Попов В.Б. Движение/изменение/развитие: логика тринитарности / В.Б.Попов // ПФ. 2014. № 2. С. 95–104.
444. Попов В.Б. Диверсизация общественной макроэволюции Восточнохристианская миросоциетальность как эволюционный концептуальный дискрет. Статья 1. Византийский вариант / В.Б.Попов // Гілея. 2014. Вип. 82. С. 205–209.
445. Попов В.Б. Диверсизация общественной макроэволюции Восточнохристианская миросоциетальность как эволюционный концептуальный дискрет. Статья 2. Восточнославянский вариант / В.Б.Попов // Гілея. 2014. Вип. 85. С. 223–227.
446. Попов В.Б. Историческая лимитарность в многомерных процессах общественной эволюции / В.Б.Попов // КЦ. 2016. Вып. № 2 (4). С. 92–97.
447. Попов В.Б. Становление эволюционной теории: дискретность и классика концептуального сопряжения / В.Б.Попов // Вестник ЛНУ им. Владимира Даля. 2017. № 4. Ч.1. С. 102–109.
448. Попов В.Б. Постклассическая система мироздания: новые вызовы и ответы эволюционизма. Статья I / В.Б.Попов // Вестник ЛНУ им. Владимира Даля. 2018. № 10. С. 116–129.
449. Поппер К. Нищета историцизма / К.Поппер // ВФ. 1992. № 8–10.
450. Поппер К. Р. Естественный отбор и возникновение разума / Карл Р.Поппер // Эволюционная эпистема и логика социальных наук. – М.: Эдиториал УРСС, 2006. С. 75–91.
451. Поснов М.Э. История христианской церкви (до разделения Церквей – 1054 г) / М.Э.Поснов. – К.: Путь к истине, 1991. – 614 с.
452. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли альтернатива? / Рауль Пребиш. – М.: Изд-во ИЛА РАН, 1992. – 333 с.
453. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса / Илья.Пригожин, Изабелла Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986. – 431 с.
454. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени / Илья Пригожин, Изабелла Стенгерс. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 240 с.

455. Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. – М.: Наука, 1971. – 284 с.
456. Проблемы истории докапиталистических обществ. – М.: Наука, 1968. – 691 с.
457. Пространство и время. – К.: Наук.думка, 1984. – 294 с.
458. Пространство и время в архаических культурах // Восток. 1992. № 3. С.137–147.
459. Пустильник С.Н. Принцип подбора как основа тектологии А.Богданова / С.Н.Пустильник // ВФ. 1995. № 8. С. 24–30.
460. Пуцаев Ю.В. Диалектическая логика и философия Мераба Мамардашвили / Ю.В.Пуцаев // ВФ. 2005. № 12. С. 39–64.
461. Рагозина Т.Э. Форма превращенная как универсальная категория диалектики / Т.Э.Рагозина // КЦ. 2017. № 2 (6). С.60–69.
462. Ракитов А.И. Историческое познание / А.И.Ракитов. – М.: Наука, 1982. – 342 с.
463. Ратцингер Й. Введение в христианство / Йозеф Ратцингер. – М.: Духовная библиотека, 2006. – 302 с.
464. Раушенбах Б.В. Логика троичности / Б.В.Раушенбах // ВФ. 1993. № 3. С. 62–70.
465. Рашковский Е.Б. Смыслы в истории: Исследования по истории веры, познания и культуры / Е.Б.Рашковский. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 376 с.
466. Репина Л.П. Парадигмы социальной истории в исторической науке XX столетия (Обзор) / Л.П.Репина // XX век: Методологические проблемы исторического познания. – М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2001. Ч. 1. С.70–100.
467. Рикер П. Путь признания / Поль Рикер. – М.: РОССПЭН, 2010. – 268 с.
468. Розов Н.С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития / Н.С.Розов. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. – 216 с.
469. Розов Н.С. Возможность теоретической истории: ответ на вызов Карла Поппера / Н.С.Розов // ВФ. 1995. № 12. С. 55–69.
470. Розов Н.С. Структура социальной онтологии: по пути к синтезу макроисторических парадигм / Н.С.Розов // ВФ. 1999. № 2. С. 3–22.
471. Розов Н.С. Номологический синтез теоретических знаний об истории и культуре / Н.С.Розов // В диапазоне гуманитарного знания. – СПб: СПб ФО, 2001. Сер. IV. Вып. 4. С. 75–98.
472. Розов Н.С. Универсальная модель исторической динамики / Н.С.Розов // ИС. 2011. № 1. С. 41–63.
473. Рузавин Г.И. Эволюционная эпистемология и самоорганизация / Г.И.Рузавин // ВФ. 1999. № 11. С. 90–101.
474. Русакова О.Ф. Историсофия как отрасль философии истории: предмет и дискурс / О.Ф.Русакова // Историческая наука и методология истории в России XX века. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. – СПб.: Северная Звезда, 2003. Вып. 1. С.37–45.
475. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного / И.М.Савельева, А.В.Полетаев. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 800 с.
476. Садовский В.Н. Основания общей теории систем / В.Н.Садовский. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
477. Садовский В.Н. Проблемы философского обоснования системных исследований / В.Н.Садовский // Системные исследования. Методологические проблемы. 1984. – М.: Наука, 1984. С. 39–51.
478. Садовский В.Н. Смена парадигм в системном мышлении / В.Н.Садовский // Системные исследования. Ежегодник. 1992–1994. – М.: Едиториал УРСС, 1996. С. 64–78.
479. Садовский В.Н. Людвиг фон Бергаланфи и развитие системных исследований в XX в. / В.Н.Садовский // Системный подход в современной науке. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 7–36.

480. Сайко Е.А. Феномен «переходность»: к проблеме идентификации / Е.А.Сайко // Теория и практика культуры. – М.: РАГС, 2007. Вып. 5. С. 134–146.
481. Сайко Э.В. Субъект в пространственно–временном континууме социальной эволюции и структурировании пространств социума / Э.В.Сайко // Пространство жизни субъекта: Единство и многомерность субъектообразующей социальной эволюции. – М.: Наука, 2004. С. 13–67.
482. Свидерский В.И. Некоторые вопросы диалектики, изменения и развития / В.И.Свидерский. – М.: Мысль, 1965. – 288 с.
483. Свистунова Н.П. Обзор дискуссий об АСП / Н.П.Свистунова // Общественные науки в КНР. М.: Наука, 1986. С. 370–404.
484. Северцов А.Н. Морфофизиологические особенности эволюции / А.Н.Северцов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – 610 с.
485. Северцов А.С. Направленность эволюции / А.С.Северцов. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 272 с.
486. Северцов А.С. Теория эволюции / А.С.Северцов. – М.: ВЛАДОС, 2005. – 380 с.
487. Седов Е.А. Эволюция и информация / Е.А.Седов. – М.: Наука, 1976. – 232 с.
488. Седов Е. Информационно–энтропийные свойства социальных систем / Е.Седов // ОНС. 1993. № 5. С. 92–101..
489. Седов Л.А. О социально–экономических типах развития / Л.А.Седов // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. – М.: Наука, 1966. С. 48–55.
490. Седов Л.А. К типологии средневековых общественных систем Востока / Л.А.Седов // НАА. 1987. № 5. С.51–62.
491. Селезнев М.А. Социальная революция /М.А.Селезнев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 347 с.
492. Семенов Ю.И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки / Ю.И.Семенов // ВИ. 1966. № 8. С. 88–106.
493. Семенов Ю.И. Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации / Ю.И.Семенов // Разложение родового строя и формирование классового общества. – М.: Наука, 1968. С. 250–290.
494. Семенов Ю.И. Теория общественно–экономических формаций и всемирно–исторический процесс / Ю.И.Семенов // НАА. 1970. № 5. С. 82–95.
495. Семенов Ю.И. Марксистско–ленинская теория общественно–экономических формаций и исторический процесс / Ю.И.Семенов // ФН. 1973. № 5. С. 3–21.
496. Семенов Ю.И. Теоретические проблемы «экономической антропологии» / Ю.И.Семенов // Этнологические исследования за рубежом. М.: Наука, 1973. С. 30–76.
497. Семенов Ю.И. Теория общественно–экономических формаций и всемирная история / Ю.И.Семенов // Общественно–экономические формации. – М.: Наука, 1978. С.55–89.
498. Семенов Ю.И. Типология ранних форм эксплуатации / Ю.И.Семенов // НАА. 1985. № 4. С.59–68.
499. Семенов Ю.И. Социально–экономический строй Древнего Востока: современное состояние проблемы / Ю.И.Семенов // НАА. 1988. № 2. С. 151–165.
500. Семенов Ю.И. Материалистическое понимание истории: за и против / Ю.И.Семенов // Восток. 1995. № 2. С. 5–34.
501. Семенов Ю.И. Всемирная история в самом кратком изложении / Ю.И.Семенов // Восток. 1997. № 2. С. 5–24.
502. Семенов Ю.И. Философия истории / Ю.И.Семенов. – М.: Современные тетради, 2003. – 776 с.
503. Симуш Л.П. Развитие темпорального многообразия в изменяющемся обществе: Автореферат дисс. ... канд.филос.н. / Л.П.Симуш. – М., 1997. – 24 с.
504. Синергетическая философия истории. – СПб.: Копи-Принт, 2009. – 314 с.

505. Следзевский И.В. Понятие «социокультурная инверсия». Опыт интерпретации / И.В.Следзевский // Проблема социокультурных инверсий. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. С. 8–25.
506. Смирнов П.И. О социологическом моделировании общественной эволюции / П.И.Смирнов // Социс. 2004. № 8. С. 12–22.
507. Согомонов Ф.Ю. Глокальность (очерк социологии пространственного воображения) / Ф.Ю.Согомонов // Глобализация и постсоветское общество. – М.: Аспект, 2001. С. 55 – 71.
508. Сознание и социальная реальность. – Луганск: Альма матер, 2004. – 432 с.
509. Соколов Ю.Н. Общая теория цикла как метод познания / Ю.Н.Соколов. –Ставрополь: Изд-во СКГТУ, 2002. – 179 с.
510. Солнцев С.И. Общественные классы / Сергей Солнцев. – М.: Астрель, 2008. – 635 с.
511. Соловьев В.С. Сочинения: В 2-х т. / В.С.Соловьев. – М.: Мысль, 1990. Т. 2. – 824 с.
512. Соловьева С.В. К проблеме конституирования исторического хронотопа / С.В.Соловьева // Философия культуры. – Самара: Изд-во Самар. гос. ун-та, 1998. С. 133–147.
513. Солопов Е.Ф. Движение и развитие / Е.Ф.Солопов. – Л.: Наука, 1974. – 128 с.
514. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Питирим Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 542 с.
515. Сорокин П.А. Социокультурная дингамика и эволюционизм / П.А.Сорокин // Американская социологическая мысль. – М.: Изд-во МГУ, 1994. С.358–378.
516. Сорокин П.А. Обзор циклических концепций исторического процесса / П.А.Сорокин // Социс. 1998. № 12. С. 3–14.
517. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Питирим Сорокин. – М.: Астрель, 2006. – 1175 с.
518. Сорокин П., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа / П.Сорокин, Р.К.Мертон // Социс. 2004. № 6. С.112–116.
519. Социальная философия. – Киев; Харьков: ИЦ Единорог, 2002. – 736 с.
520. Социально–исторический прогресс: мифы и реалии. М.: Папирус ПРО, 1999. – 87 с.
521. Спенсер Г. Основные начала / Герберт Спенсер // Антология мировой философии. – М.: Мысль, 1971. Т. 3. С. 608–620.
522. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские / Герберт Спенсер. – Мн.: Современный литератор, 1998. – 1408 с.
523. Станкевич Л.П. Что есть философия целостности и целостность философии? / Л.П.Станкевич // Целостность в мире философии и социально–гуманитарного знания. – Липецк: Изд-во ЛГТУ, 2011. С. 4–7.
524. Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция / В.С.Степин. – М.: Прогресс-традиция, 2000. – 697 с.
525. Стрельцова Г.Я. Критика экзистенциалистской концепции диалектики / Г.Я.Стрельцова. – М.: Высш. шк., 1974. – 127 с.
526. Струве В.В. Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока / В.В.Струве // ИГАИМК. 1934. Вып. 77. С. 71–89.
527. Струве В.В. Понятие «азиатский способ производства» / В.В.Струве // НАА. 1965. № 1. С. 105–110.
528. Студенцов В. Общецивилизационный и формационный подходы / В.Студенцов // МЭМО. 1991. № 6. С. 52–57.
529. Сюре–Каналь Ж. Традиционные общества в Тропической Африке и марксистская концепция «азиатского способа производства» / Ж.Сюре–Каналь // НАА. 1965. № 1. С.101–102.
530. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Божественная среда / Пьер Тейяр де Шарден. – М.: АСТ; Астрель, 2011. – 446 с.
531. Текеи Ф. К теории общественных формаций. Проблемы анализа общественных форм в теоретическом наследии К.Маркса / Ференц Текеи. – М.: Наука, 1975. – 325 с.

532. Теннис Ф. *Общность и общество* / Фердинанд Теннис. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 452 с.
533. *Теория общественно-экономической формации*. – М.: Наука. – 360 с.
534. Тер–Акопян Н.В. Развитие взглядов К.Маркса и Ф.Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину / Н.В.Тер–Акопян // НАА. 1965. № 2. С. 74–88; № 3. С.70–85.
535. Тернер Дж. *Структура социологической теории* / Джонатан Тернер. – М.: Прогресс, 1985. – 472 с.
536. Тернер Дж. Аналитическое теоретизирование / Дж. Тернер // Тезис. 1994. Т. 2. № 4. С. 119–157.
537. Тимофеев-Ресовский Н.В., Воронцов Н.Н., Яблоков А.В. *Краткий очерк теории эволюции* / Н.В.Тимофеев-Ресовский, Н.Н.Воронцов, А.В.Яблоков. – М.: Наука, 1977. – 297 с.
538. Тойнби А.Дж. *Постижение истории* / А.Дж.Тойнби. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
539. Троицкая Т.К. *Природа и развитие общества докапиталистических формаций*. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. Госпединститута, 1989. – 80 с.
540. Трубецкой Е.Н. Свет Фаворский и преобразование ума / Е.Н.Трубецкой // ВФ. 1989. № 12. С. 112–129.
541. Трубников Н.Н. *Время человеческого бытия* / Н.Н.Трубников. – М.: Наука, 1987. – 255 с.
542. Тюменев А.И. *Передний Восток и античность* / А.И.Тюменев // ВИ. 1957. № 6. С. 48–62.
543. Тяпкина Н.И. Особенности общественного строя традиционного Китая: дискуссии и проблемы / Н.И.Тяпкина // Государство в докапиталистических обществах Азии. – М.: Наука, 1987. С.82–107.
544. Уайт Л. *Теория эволюции в культурной антропологии* / Лесли Уайт // Уайт Л. *Избранное: Эволюция культуры*. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 473–606.
545. Уайтхед А.Н. *Избранные работы по философии* / Альфред Норт Уайтхед. – М.: Прогресс, 1990. – 717 с.
546. Уваров А.И. *Философия открытого нелинейного мира* / А.И.Уваров // Труды членов РФО-10. – М.: Изд-во РАН, РФО, 2005. С. 104–130.
547. Уемов А.И. *Наследие Л. фон Берталанфи и параметрическая общая теория систем* / А.И.Уемов // Системный подход в современной науке. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 37–52.
548. Урманцев Ю.А. *Эволюционика или общая теория развития систем природы, общества и мышления* / Ю.А.Урманцев. – Пушкино: ОНТИ НЦБИ АН СССР, 1988. – 79 с.
549. Урсул А.Д. «Темная сторона» универсальной эволюции / А.Д.Урсул // *Эволюция: Дискуссионные проблемы глобальных эволюционных процессов*. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. С. 18–47.
550. Урсул А.Д., Урсул Т.А. *Глобальный эволюционизм* / А.Д.Урсул, Т.А.Урсул. – М.: Изд-во МГУ, 2013. – 79 с.
551. Урсул Т.А. *Социоприродное развитие в универсальной эволюции* / Т.А.Урсул. – М.: Проспект, 2005. – 200 с.
552. Урсул Т.А. *Устойчивое развитие и принцип темпоральной целостности* / Т.А.Урсул // СГЗ. 2011. № 5. С. 228–243.
553. Фесенкова Л.В. *Идея глобального эволюционизма: естественно-научный, мировоззренческий, аксеологический аспекты* / Л.В.Фесенкова // *О современном статусе идеи глобального эволюционизма*. – М.: Наука, 1986. С.25–45.
554. Филиппов А.Ф. *Между социологией и социализмом. Введение в концепцию Фердинанда Тенниса* / А.Ф.Филиппов // Теннис Ф. *Общность и общество*. – СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 386–446.
555. Филиппов А.Ф. *Теоретические основания социологии пространства* / А.Ф.Филиппов. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2003. – 230 с.

556. Философия и исторические науки. Материалы «круглого стола» // ВФ. 1988. № 10. С. 18–64.
557. Философская энциклопедия. В 5 т. – М.: Советская энциклопедия, 1960–1970.
558. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
559. Фихте И.Г. Сочинения. Работы 1792–1801 / Иоганн Готлиб Фихте. – М.: Ладомир, 1995. – 656 с.
560. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины / Павел Флоренский. – М.: Изд-во Правда, 1990. Т. 1. – 840 с.
561. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / П.А.Флоренский. – М.: Прогресс, 1993. – 324 с.
562. Формации или цивилизации (материалы «круглого стола») // ВФ. 1989. № 10. С. 34–59.
563. Франк А.Г. Формационные переходы и мифологемы способов производства / А.Г.Франк // Восток. 1992. № 2. С. 19–31.
564. Франк С.Л. Духовные основы общества / С.Л.Франк. – М.: Республика, 1992. – 528 с.
565. Франк С. Сочинения / Семен Франк. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. – 800 с.
566. Фукуяма Ф. Конец истории? / Ф.Фукуяма // ВФ. 1990. № 3. С. 134–147.
567. Фурсов А.И. Восточный феодализм и история Запада: критика одной интерпретации / А.И.Фурсов // НАА. 1987. № 4. С. 93–109.
568. Фурсов А.И. Возникновение капитализма и европейское общество сквозь призму конъюнктурного подхода / А.И.Фурсов // Социс. 1991. № 11. С. 34–48.
569. Фурсов А.И. Школа мир-системного анализа / А.И.Фурсов // Восток. 1992. № 1. С. 19–38.
570. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма / Юрген Хабермас // Thesis. 1993. Т.1. Вып. 2. С. 123–136.
571. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Юрген Хабермас. – М.: Academia. 1995. – 246 с.
572. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Юрген Хабермас. – СПб.: Наука, 2001. – 382 с.
573. Хабермас Ю. Политические работы / Юрген Хабермас. – М.: Праксис, 2005. – 368 с.
574. Хазанов А.М. Классообразование: факторы и механизмы / А.М.Хазанов // Исследования по общей этнографии. – М.: Наука, 1979. С.125–177.
575. Хайтун С.Д. Фундаментальная сущность эволюции / С.Д.Хайтун // ВФ. 2001. № 2. С. 152–166.
576. Хайтун С.Д. Эволюция Вселенной / С.Д.Хайтун // ВФ. 2004. № 10. С. 74–92.
577. Хайтун С.Д. Социум на фоне универсальной эволюции / С.Д.Хайтун // ОНС. 2005. № 4. С. 124–136.
578. Халапсис А.В. Тотальность истории / А.В.Халапсис // Грані. 2010. № 5. С. 33–37.
579. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
580. Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении // Классика геополитики XX век / Карл Хаусхофер. – М.: АСТ, 2003. С. 227–598.
581. Хвостова К.В. Постмодернизм, синергетика и современная наука / К.В.Хвостова // ННИ. 2006. № 2. С.22–33.
582. Хоманс Дж. К. Возвращение к человеку / Дж.К.Хоманс // Американская социологическая мысль. – М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 46–61.
583. Хренов Н.А. Воля к сакральному / Н.А.Хренов. – СПб: Алетейя, 2006. – 571 с.
584. Цвях И.В. Социальное пространство и время в контексте современной социокультурной динамики / И.В.Цвях // Вестник РУДН. Сер. Филос. 2010. № 3. С. 47–55.
585. Целостность в мире философии и социально-гуманитарного знания. Материалы науч. конференции. – Липецк: Изд-во ЛГТУ, 2011. – 274 с.

586. Цесарская С.П. Современное толкование тотальности / С.П.Цесарская // ФН. 2005. № 1. С.131–138.
587. Цивилизация и исторический процесс. – М.: Изд-во ИФ АН СССР, 1983. – 172 с.
588. Цивилизация: от локального к глобальному Граду. – Донецк: ДонГУ, УНИТЕХ, 2008. – 236 с.
589. Чайковский Ю.В. Невостребованный синтез. Об эволюционных взглядах Карла Поппера / Ю.В.Чайковский // ВФ. 1995. № 12. С. 50–54.
590. Чайковский Ю.В. Активный, связанный мир / Ю.В.Чайковский. – М.: ТНИ КМК, 2008. – 726 с.
591. Черненко С.Н. Теория социальной революции. Методологический аспект / С.Н.Черненко. – М.: Изд-во УДН, 1990. – 325 с.
592. Черников В.Г. Общественное пространство / В.Г.Черников. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 164 с.
593. Черникова Т.В. Средневековое землевладение и проблема феодализма в русской истории / Т.В.Черникова // ОНС. 2005. № 5, 6.
594. Чешков М.А. Рост капитализма и общая теория развивающегося мира / М.А.Чешков // НАА. 1988. № 4. С. 150–167.
595. Чешков М.А. Понимание целостности мира: в поисках неформационной парадигмы / М.А.Чешков // МЭМО. 1990. № 5. С. 33–48.
596. Чешков М. Пределы и возможности концепции этатистской социальной системы / М.Чешков // МЭМО. 1991. № 6. С. 38–51.
597. Чешков М.А. Восток – «третий мир»: идея преемственности и ее критика / М.А.Чешков // Ориентация – поиск: Восток в теориях и гипотезах. – М.: Наука, 1992. С. 114–130.
598. Чешков М.А. Критика миросистемного подхода и концепции капитализма И. Валлерстайна / М.А.Чешков. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – 38 с.
599. Чешков М. Государственность как атрибут цивилизации: кризис, угасание или возрождение? / М.Чешков // МЭМО. 1993. № 1. С.23–40.
600. Чешков М. Тоталитаризм в зеркале ортодоксального марксизма / М.Чешков // МЭМО. 1993. № 2. С. 151–154.
601. Чешков М. Целостность мира через призму общенаучного знания / М.Чешков // МЭМО. 1995. № 1. С.55–71.
602. Чешков М. Третий мир и Юг: к новому видению новых реалий / М. Чешков // МЭМО. 1996. № 9. С. 143–152.
603. Чешков М.А. Глобалистика: предмет, проблемы и перспективы / М.А.Чешков // ОНС. 1998. № 2. С. 129–139.
604. Чешков М.А. Глобальный контекст постсоветской России: Очерки теории и методологии мироцелостности / М.А.Чешков. – М.: ЦКО МОНФ, 1999. – 300 с.
605. Чешков М. Осмысливая развивающийся мир / М.Чешков // МЭМО. 2000. № 4. С. 3–11.
606. Чешков М.А. Незапад в процессе возвращения истории в эволюцию / М.А.Чешков // Восточный мир: опыты общественной трансформации. – М.: Муравей, 2001. С. 59–89.
607. Чешков М. Россия/СССР и Восток: судьбы исторической общности / М.Чешков // МЭМО. 2003. № 6. С. 88–97.
608. Чешков М.А. Идея развития: необходимость и возможность реинтерпретации / М.А.Чешков // ОНС. 2004. № 5. С. 130–140.
609. Чешков М.А. Новая версия специальной (частной) теории развития / М.А.Чешков // ОНС. 2004. № 6. С. 162–171.
610. Чешков М. Развитие: философская идея и конкретные исследования / М.Чешков // МЭМО. 2004. № 8. С.70–81.
611. Чешков М. Возрождение Востока и развивающиеся страны в мировом контексте / М.Чешков // МЭМО. 2007. № 11. С. 69–80.

612. Чешков М.А. Двойная спираль глобализации / М.А.Чешков. – М.: Изд-во ИМЭМО РАН, 2007. – 178 с.
613. Чешков М. Современный мир как целое (идея эпистемологического поворота) / М.Чешков // МЭМО. 2008. № 11. С. 99–106.
614. Чешков М. О способности научного знания понять структуру и трансформации XXI века / М.Чешков // МЭМО. 2010. № 12. С. 67–73.
615. Чучин-Русов А.Е. Культурно–исторический процесс: форма и содеожание / А.Е.Чучин-Русов // ВФ. 1996. № 4. С. 3–14.
616. Шабанова М. О вкладе Т.И.Заславской в познание посткоммунистических трансформаций: социальные механизмы и проблема актора / М.Шабанова // СТММ. 2014. № 1. С.30–47.
617. Шабанова Ю.А. Целостность как методологическая основа современной философии / Ю.А.Шабанова // Філософія у сучасному соціумі. – Донецьк: ДонНУ, 2013. Т. 1. С. 95–97.
618. Шевеленко А.Я. Природный фактор и европейское общество V – X веков / А.Я.Шевеленко // ВИ. 1969. № 6. С.87–105.
619. Шевченко В.Н. Социально–философский анализ общества / В.Н.Шевченко. – М.: Наука, 1984. – 308 с.
620. Шелике В.Ф. Социальная революция: общее и особенное / В.Ф.Шелике. – Фрунзе: Илим, 1990. – 227 с.
621. Шеллинг Ф.В. Сочинения / Фридрих Вильгельм Шеллинг. – М.: Мысль, 1998. – 1664 с.
622. Шемякин А.Л. Проблема цивилизаций в советской научной литературе 60–80-х гг. / А.Л.Шемякин // История СССР. 1991. № 5. С.86–103.
623. Шемякин Я.Г. Дискурс взаимодействия и взаимодействие дискурсов: Россия – Латинская Америка / Я.Г.Шемякин // ОНС. 2011. № 3. С. 79–96.
624. Широков Г.К. Цивилизация: одна или несколько? / Г.К.Широков // Восточный мир: опыты общественной трансформации. – М.: Муравей, 2001. С. 19–37.
625. Широков Г.К., Салицкий А.И. Мировая капиталистическая система: консолидация ядра и возвращение к насилию? / Г.К.Широков, А.И.Салицкий // Восток. 1999. № 6. С. 67–82.
626. Шкредов В.П. Метод исследования собственности в «Капитале» К.М.Маркса / В.П.Шкредов. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 262 с.
627. Шмальгаузен И.И. Факторы эволюции / И.И.Шмальгаузен. – М.: Наука, 1968. – 451 с.
628. Шмальгаузен И.И. Пути и закономерности эволюционного процесса / И.И.Шмальгаузен. – М.: Наука, 1982. – 383 с.
629. Шматко Н.А. Введение в социоанализ Пьера Бурдьё / Н.А.Шматко // Бурдьё П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. С. 5–26.
630. Шморгун А.А. Методологическая функция теории общественно–экономической формации / А.А.Шморгун. – К.: Наук. думка, 1990. – 150 с.
631. Шпанн О. Философия истории / Отмар Шпанн. – СПб.: Изд-во СПбУ, 2005. – 485 с.
632. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. В 2 т. / Освальд Шпенглер. – Мн: Попурри, 1998–1999.
633. Шпотов Б.М. Проблемы методологии истории на страницах *Jornal of Social History* / Б.М.Шпотов // Thesis. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 235–241.
634. Штаерман Е.М. К проблеме структурного анализа в истории / Е.М.Штаерман // ВИ. 1968. № 6. С. 20–37.
635. Штомпка П. Социология социальных изменений / Петер Штомпка. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 417 с.
636. Штомпка П.А. Понятие социальной структуры: попытка обобщения / П.А.Штомпка // Социс. 2001. № 9. С. 3–13.
637. Эволюционизм // http://dic.academic.ru/dic.nsf/ens_culture/775

638. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. – М.: Эдиториал УРСС, 2006. – 464 с.
639. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. – М.: Наука, 1984. – 581 с.
640. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ / Шмуэль Эйзенштадт. М.: Аспект–Пресс, 1999. – 416 с.
641. Элиаде М. Священное и мирское / Мирча Элиаде. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
642. Энгельс Ф. Диалектика природы / Ф.Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 343–626.
643. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф.Энгельс // К.Маркс, Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 22–178.
644. Энгельс Ф. Письмо К.Каутскому в Цюрих от 26.06.1884 / Ф.Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 145–147.
645. Энгельс Ф. Письмо к Шмидту от 5. VIII. 1890 г. / Ф.Энгельс // К.Маркс, Энгельс Ф. Соч. Т.37. С. 369–372.
646. Энгельс Ф. Письмо Йозефу Блоху 21–22 09. 1890 г. / Ф.Энгельс // К.Маркс, Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 393–397.
647. Энгельс Ф. Письмо к Н.Ф.Даниельсону от 24.02.1893 / Ф.Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С.32–35.
648. Югай Г.А. Диалектика части и целого / Г.А.Югай. – Алма-Ата.: Изд-во АН Каз.ССР, 1965. – 324 с.
649. Югай Г.А. Общая теория жизни / Г.А.Югай. – М.: Мысль, 1985. – 256 с.
650. Яблоков А.В., Юсуфов А.Г. Эволюционное учение / А.В.Яблоков, А.Г.Юсуфов. – М.: Высш. шк., 2006. – 310 с.
651. Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество (Резюме многолетней дискуссии социологов) / В.А.Ядов // ОЭ. 1999. № 10–11. С. 54–72.
652. Яковлев В.П. Социальное время. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1980. – 160 с.
653. Ясперс К. Смысл и назначение истории / Карл Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – 521 с.
654. Ястребицкая А.Л. О культур-диалогической природе историографического: Взгляд из 90-х / А.Л.Ястребицкая // XX век: Методологические проблемы исторического познания. – М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2001. Ч. 1. С. 8–53.
655. Яхнин Е.Д. Дарвиновская триада и эволюция / Е.Д.Яхнин // ВФ. 2009. № 10. С. 105–115.
656. Alexander J.C. Theoretical Logic in Sociology. In 4 v. / J.C.Alexander. – Berkley; L.Angeles: Univ. of Calif. Pr., 1982–1983.
657. Alexander J.C. Core Solidarity, Ethnic Out-groups, and Social Differentiation / Jeffrey Alexander // Differentiation Theory and Social Change: comparative and historical perspectives. – N.-Y.; Oxford: Columbia Univ. Press, 1990. P. 267–293.
658. Alexander S. Space, Time and Deity [электронный ресурс] / Samuel Alexander // www.coemmes.com / encyclopedia / Alexander. htm.
659. Bishoff B., Petsche H.-J. Gedanken zum philosophischen Begriff der Totalitat / B. Bishoff, H.-J. Petsche // Wiss. Ztschr. der Hochschule K. Liebknecht. Potsdam. 1983. Jg. 27. H. 4. S. 665–671.
660. Blau P. M. Exchange and Power in Social Life / Peter M.Blau. – N.Y.: Wiley, 1964. – 364 p.
661. Burger Th. Multidimensional problem: a critique of Jeffrey Alexander «Theoretical logic in sociology» / Thomas Burger // Sociol. quart. 1986. V. 27. № 2. P. 273–292.
662. Carneiro R.L. The Muse of History and Science of Culture / Robert L. Carneiro. – N.Y.: Kluver Academic/Plenum Publishers, 2000. – 308 p.
663. Carneiro R.L. Evolutionism in Cultural Antropology: A Critical History / Robert R. Carneiro. – Boulder, CO: Westview Press, 2003. – 384 p.
664. Collins R. Jeffrey Alexander and the search for multi-dimensional theory / R.Collins // Theory and society. 1985. V. 14. № 6. P. 877–892.

665. Colomy P. Revisions and Progress in Differentiation Theory / Paul Colomy // *Differentiation Theory and Social Change: comparative and historical perspectives.* – N.-Y.; Oxford: Columbia Univ. Press, 1990. P. 465–497.
666. Cook K.S., Emerson R.M. Power, equity, commitment in exchange networks / K.S.Cook, R.M.Emerson // *Amer. Sociol. Rew.* 1978. V. 43. № 5. P. 721–739.
667. Dalton G. Economic anthropology and development / G.Dalton. – N.Y.: Basic book, 1971. – 386 p.
668. *Differentiation Theory and Social Change: comparative and historical perspectives.* – N.-Y.; Oxford; Columbia Univ. Press, 1990. – 532 p.
669. Eisenstadt S.N. Models of Structural Differentiation, Elite Structure, and Cultural Vision / S.N.Eisenstadt // *Differentiation Theory and Social Change: comparative and historical perspectives.* – N.-Y.; Oxford: Columbia Univ. Press, 1990. P. 19–51.
670. Emerson R.M. Exchange theory the problem of appropriate data / R.M.Emerson. – Seattle: Inst. of Sociol. Research, 1972. – 256 p.
671. *Evolution and Ecology. Essays on Social Transformation.* – Urbana: Univ. of Illinois, 1977. – 408 p.
672. *Exploration in General Theory Social Science.* – N.Y.; L.: Free Press, 1976. V. 1–2.
673. Fried M.H. The evolution of the political society / M.H.Fried. – N.Y.: Rondon House, 1967. – 468 p.
674. *From Postcolonial Studies to Decolonial Studies: Decolonizing Postcolonial Studies // Rewiew.* 2006. V. XXIX. № 2. – 221 p.
675. Hallpike C.R. The Principles of Social Evolution / C.R.Hallpike. – Oxford: Clarendon Press, 1986. – 414 p.
676. Heran F. Pour en finir avec societal / F.Heran // *Rev. fr. Sociologie. P.*, 1991. A.32. № 4. P. 615–621.
677. Homans G.C. Social Behavior / Georg C.Homans. – N.Y.: Harcourt, Brace, 1974. – 454 p.
678. Ingold T. Evolution and Social life / Tim Ingold. – Cambridge: Camb. Univ. Rress, 1986. – 454 p.
679. *Institution and Social Exchange.* – N.Y.: Bobes-Merril, 1971. – 417 p.
680. Jai M. Positive und negative Totalitat / M.Jai // *Sozialforschung als Kritik.* – Frankfurt a. M. , 1982. S. 67–86.
681. Keller A.G. Societal Evolution: a Study of Evolutionary Basis of Science of Society / Albert G. Keller. – N.- Y.: Macmillan company, 1920. – 338 p.
682. Konstruktionsprinzipien der geschichtlichen Totalitat // *Annalen der internationalen Gesellschaft fur dialectische Philosophie – Societas Hegeliana.* – Koln, 1983. S. 11–64.
683. Krejci J. From ideal types to multidimensional concept: The concept of the «nation» in a changing Europe / J.Krejci // *History of Europ. Ideals.* 1985. V. 6. № 3. P. 287–295.
684. Kuhn A. Unified Social Science. A System-based Introduction. / A.Kuhn. – L.: Dorsey Press, 1975. – 540 p.
685. Leske M. Das Totalitatskonzept von Th. W. Adorno / M.Leske // *Dt. Ztschr. fur Philosophie.* 1980. Jg. 28. H. 9. S. 1090–1102.
686. Leske M. Totalitatsbegriff und Gesellschaftsdiagnostik bei Georg Lukacs: Die Totalitatsauffassung der 20er Jahre (1) / M.Leske // *Wiss. Ztschr. der Humboldt-Univ., Ges.-Sprahwiss. R.- B.*, 1983. Jg. 32. H. 2. S. 233–246.
687. Luhmann N. The Paradox of System Differentiation and the Evolution of Society / Niklas Luhmann // *Differentiation Theory and Social Change: comparative and historical perspectives.* – N.-Y.; Oxford: Columbia Univ. Press, 1990. P. 409–440.
688. Maurice M., Sellier F., Silvestre J.-J. Analyse societale et culture nationales: Response a F. d'Iribane / M.Maurice, F. Sellier, J.-J. Silvestre // *Rev. fr. Sociologie. P.*, 1992. A.33. № 1. P. 75–86.
689. Morgan C.L. Emergent Evolution / C.L.Morgan.– L.: Williams and Norgate, 1927. – 333 p.

690. Neumann W. Negative Totalitat: Erfanngen an Hegel, Marx und Freud / W.Neumann. – Frankfurt a. M.: Materialis-Verl., 1983. – 157 p.
691. Parsons T. Politics and Social Structure: On the concept of the political power / T.Parsons. – N.Y.: Free Press, 1969. – 532 p.
692. Primitive, archaic and Modern Economics. – N.Y.: Anchor Book, 1968. - 404 p.
693. Ringdal K. Methods for multilevel analysis / Kristen Ringdal // Acta sociol. 1992. V. 35. № 3. P. 235–243.
694. Robertson R. Mapping the Global Condition: Globalization as the Central Conception / R.Robertson // Theory, Culture, Society. 1990. V. 7. № 2–3.
695. Sanderson S.K. Social Evolutionism: A Critical History / Stephen K. Sanderson. – Oxford: Basil Blackwell, 1990. – 421 p.
696. Sanderson S.K. Social Transformation: A Genral History of Historical Development / Stephen K. Sanderson. – Lanham: Rowman and Littlefield, 1999. – 384 p.
697. Sanderson S.K. Review of R.L.Carneiro, Evolutionism in Cultural Antropology: A Critical History / Stephen K. Sanderson // Social Evolution and History. 2004. V. 3. № 2. P. 176–185.
698. Service E. Origin of State and Civilazation / E.Service. – N.Y.: Norton, 1975. - 338 p.
699. Smuts J.C. Holism and evolution / J.C.Smuts. – N.-Y.: J.J.Little and Ives Company, 1927. – 362 p.
700. Societal Culture and Management. – N.- Y.: Walter de Gruyter, 1993. – 588 p.
701. Spread P. Blau' s exchange theory, support and macrostructure / P.Spread // Brit. Journ. of sociol. 1984. V. 35. № 2. P. 157–173.
702. Steward J.H. Theory and culture. The methodology of multilinear evolution. / Julian H. Steward. – Urbana: Univ. of Illinois, 1955. – 244 p.
703. The Early State. – The Hague: Mounton Publishers, 1978. – 671 p.
704. The Relevans of Models for Social Antropology. – L.: Tavistook, 1965. – 238 p.
705. Theory and Explanation in Archaology. – L.: Academic Press, 1982. – 480 p.
706. Trade and Market in early empires. – Glencoe: Free Press, 1957. – 382 p.
707. Treanton J.-R. Plaidoyer pour batard / J.-R. Treanton // Rev. fr. Sociologie. P., 1991. A.32. № 4. P. 622-624.
708. Wong R.S.-K. Multidimensional association models: A multilinear approach / R.S.-K Wong // Sociological method and research. 2001. V. 30. № 2. P. 197–240.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ	–	Византийский временник
ВДИ	–	Вестник древней истории
ВДИ	–	Вестник Христианского гуманитарного института
ХГИ	–	Вестник Луганского национального университета имени Владимира Даля
ЛНУ	–	Вопросы истории
ВИ	–	Вопросы философии
ВФ		Известия государственной академии истории материальной культуры
ИГАИМК	–	Историческая психология и социология истории
ИПСИ	–	История и современность
ИС	–	Культура и цивилизация
КЦ	–	Мировая экономика и международные отношения
МЭМО	–	Народы Азии и Африки
НАА	–	Новая и новейшая история
НИИ	–	Общественные науки и современность
ОНС	—	Общество и экономика
ОЭ	–	Политическая наука
ПН	—	Практична філософія
ПФ		Социально–гуманитарные знания
СГЗ	–	Социология: теория, методы, маркетинг
СТММ	–	
СЭ		Советская этнография
ТПОР	–	Теория и практика общественного развития
ФиО		Философия и общество
ФН		Философские науки

ФД	Філософські дослідження
ФСД	Філософська і соціологічна думка
ФСМ	Философская и социологическая
ЭО	мысль
	Этнографическое обозрение

**АНТРОПОСОЦИЕТАЛЬНЫЙ УНИВЕРСУМ:
МНОГОМЕРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ.**

Василий Борисович ПОПОВ

Подписано в печать

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Печать лазерная. Условн. печ. л. 19,53. Уч.-изд. Л. 20,15.
Тираж 300 экз. Изд. № 0020. Зак. №.